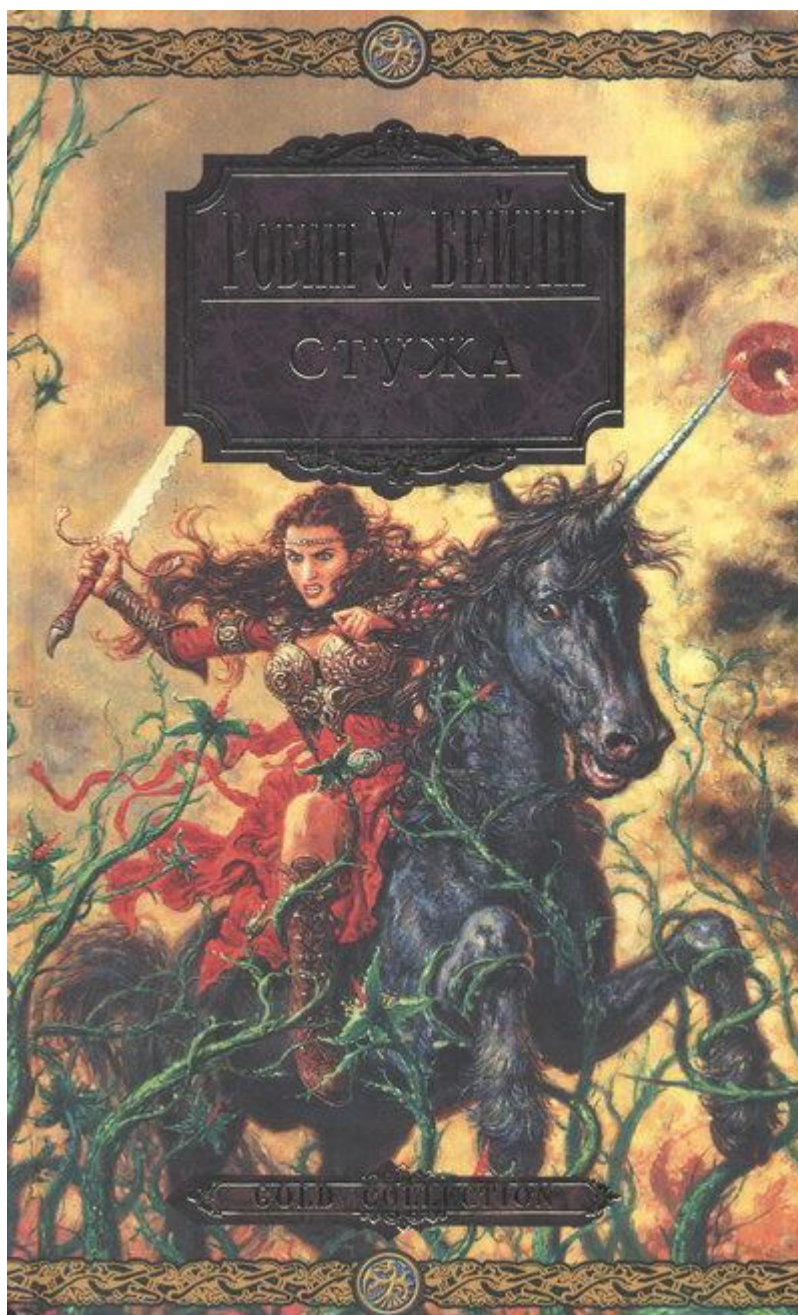

Робин Уэйн Бейли Поющая кровь

Стужа – 3

- Alex1979. OCR & ReadCheck - Wolf. <http://oldmaglib.com>
«Робин У. Бейли "Стужа"»: Азбука-классика; Санкт-Петербург; 2005
ISBN 5-352-01438-X

Аннотация

Когда-то Стужа была обыкновенной ведьмой, как любая женщина ее народа. Она нарушила закон, взяв в руки меч — оружие мужчин. Может, это прегрешение и простилось бы ей, но обстоятельства сложились так, что на ее меч напоролся ее же брат. И вот проклятая матерью братоубийца скитается по свету, и жизнь ее — непрерывная цепь сражений. За деньги и справедливость, за честь и любовь, чаще всего — просто за право жить.

Стуже приходится противостоять жестоким правителям и злобным колдунам, грабителям с большой дороги и демонам преисподней. И очень часто обязательным условием спасения собственной шкуры становится спасение мира.

И хоть написана уже Книга Последней Битвы, битвам не видно конца...

Робин Уэйн Бейли «Поющая кровь»

Глава 1

О матушка, как мне нужна
Твоих объятий глубина!
Сучками-ветками укрой,
Густой листвой.

Средь нежных лепестков цветов
Устрой мне тихий, мирный кров
И млечным соком напои
Своей любви.

Утешь меня и песню спой.
Как жаль, что нет тебя со мной
И что по свету без тебя
Скитаюсь я.

Эта музыка наполняла дикой, необузданной страстью, бешеный ритм подчинял себе, заставляя двигаться в такт. Струны *саза* и *уда* издавали неистовые звуки, сливавшиеся в четвертьтоновых аккордах. Барабан *думбеки* и трепетал, и пульсировал, и колыхался. В воздухе стоял медный звон от *дзилов* на ее пальцах.

Мужчины и женщины, все, кто был в таверне, подбадривали ее, выкрикивая слова поддержки, и, позабыв обо всем — о еде, напитках, о своих спутниках, — смотрели, как танцует она. Как танцует Самидар.

Ее бедра покачивались, внезапно замирали и затем, мучительно дразня, описывали небольшие круги и полукруги. Открытый живот, сладострастно вращаясь, волновался над низко посаженными юбками. Казалось, пупок перемещается по телу, послушный его свободным движениям. Оказавшись на гладком столе, она начала крутиться еще быстрее. Юбки разлетались, обнажая ноги и колокольчики, что она носила на левой щиколотке. Темные волосы облаком обрамляли лицо. Ремни, украшенные камнями, обтягивали грудь,

они переливались в свете ламп, освещавших трактир; самоцветы вспыхивали завоораживающим огнем в ответ на малейшее движение ее тела.

Она звенела *дзилами*, и *думбеки* отзывался низким звуком. Вступали *саз* и *уд*, и ее бедра бесстыдно соблазняли. Пот ручьями стекал по лицу, шее, туловищу, образуя скользкие лужицы, таившие опасность для ног, выполнявших замысловатые движения.

Она танцевала и танцевала до тех пор, пока все лица не расплылись и голоса не слились в неясный, ничего не значивший шум, — все вокруг перестало для нее существовать, кроме музыки и танца.

Из затененного угла полетели монеты, ударившись о ее грудь и живот, они со звоном рассыпались по столу под ногами. Было невозможно разглядеть, какого достоинства и чьей чеканки были эти монеты. Она посмотрела на человека, бросившего деньги, разглядывая его из-под обольстительно приспущенных век; этот пристальный взгляд намеренно обещал все и ничего. В конце концов, подобную щедрость следует наградить. Теперь она двигала бедрами для него, повернулась и медленно согнулась назад, пока волосы не коснулись поверхности стола. Когда она опустилась еще ниже, ее плечи и грудь стали вызывающе подрагивать.

Этот манящий, дразнящий взгляд был частью танца. Он завлекал зрителей, делая их участниками представления. Он приглашал их разделить ее восторг и возбуждение.

Снова вступил *думбеки*, настойчиво вызывая к ней густым рокотом, и она отдалась его ритму, как женщина отдается любовнику, с каждым ударом содрагаясь всем телом, чувствуя, как вливается в нее вся мощь барабана.

И затем барабан умолк. Она рухнула на колени, откинувшись на спину, как если бы огромная рука жестокого божества внезапно сдавила ее сердце, и замерла: рука эффектно отброшена назад, глаза закрыты, юбки собрались между влажными обнаженными бедрами, и лишь грудь продолжает вздыматься.

На мгновение воцарилась тишина, после чего толпа взорвалась. Ей пришлось прикрыть глаза рукой от падавших дождем монет, что, переливаясь в воздухе, сыпались на нее и вокруг нее. Кириги, барабанщик, поднялся со своего места перед *думбеки*, чтобы помочь собрать деньги. Он улыбнулся ей, когда она села. Некоторые монеты прилипли к ее потному телу. Она сняла их с себя и бросила в сложенные ладони Кириги. «Монет много, — определила она. — Удачный вечер».

Со всех сторон к ней протянулись руки, чтобы помочь спуститься со стола. Славные люди — эти мужчины и женщины. Их буйство грозило разрушить стены ее небогатого жилища. Они выкрикивали непристойные шутки, и она с бесстыдным весельем отвечала.

— Надеюсь, Конн, у тебя есть отец или старший брат, — с издевкой произнесла она, — сомневаюсь, что ты уже стал мужчиной!

Эти слова вызвали смех у всех, кроме покрасневшего юного горожанина, который вызывающе дерзко вел себя.

— Эй, приятель, не думай ее заманить, — крикнул старик Тамен. Когда-то он был воином в северных землях, теперь же работал кузнецом в Дашрани. — Она не пойдет с таким, как ты!

Самидар вытянула руку и потрепала старика за седую бороду, попутно гадая, не замечает ли кто-нибудь из сгрудившихся вокруг нее такие же серебряные нити в ее собственных черных волосах.

— Когда такие мужчины, как ты, рядом, — игриво улыбнулась она, — у молодых и горячих жеребцов, вроде Конна, не имеется ни малейшего шанса.

— Эй, да его меч проржавел насквозь, — завопил незнакомец, один из тех купцов, что ходят с караваном и часто посещают питейные заведения и публичные дома Дашрани, — уж куда ему справиться с такими шикарными ляжками, как у тебя!

Толпа снова разразилась смехом.

Старый Тамен вскочил на ноги, сорван штаны и выставился напоказ.

— Кто это сказал? Признавайся, сукин сын, поди сюда, к стене, ну, ты! Померимся мечами!

Еще дюжина мужчин разоблачились, что вызвало громкий хохот, шквал насмешек и оскорблений, призывы помериться и заключить пари. Самидар пыталась перекрыть стоявший шум:

— Спрячьте свои штуки, пока вязальщики снопов не пришли сюда и не начали свою жатву. Вот увидите — никто из вас не устоит под напором их кинжалов.

Чей-то голос из дальнего угла прервал всеобщий смех:

— А как насчет тех трех обезьян, что сидят у двери? Держу пари, они нечасто держат свои кинжалы в ножнах.

Она обернулась, чтобы посмотреть, про кого это было сказано. Толпа расступилась перед ней.

Три солдата, одетые в ливреи короля, пристроились за маленьким столом отдельно от всех. Двое из них держали в руках наполовину опустошенные кружки с элем, третий не пил, а просто сидел на скамье, откинувшись назад, опираясь о стену. Она давно заметила их. Эти трое почти весь вечер сидели тихо, наблюдая за происходящим и тихо переговариваясь друг с другом.

Она остановилась перед их столом, скрестив руки:

— Ну, что скажете вы, люди короля Риотамуса? Желаете скрестить мечи с моими дивными гиббонами? — Она махнула рукой в сторону мужчин, которые только что выставили наружу свои причиндалы.

Тот солдат, что сидел опершись о стену, тоже сложил руки на груди, как будто передразнивая, и окинул ее холодным, трезвым взглядом:

— Мы никогда не скрещиваем мечей с мирными жителями.

Ей показалось или в самом деле в его голосе сквозило некоторое неудовольствие, а тон был предупреждающим? Это ее разозлило. Здесь ее дом, и она в нем хозяйка.

Она слегка надула губы и перебросила волосы вперед через плечо так, что они закрыли грудь. Провела рукой по бедру подчеркнуто соблазняющим движением.

— Но ведь вы время от времени вставляете свои клинки, — она слегка качнула тазом и ухмыльнулась, — в некоторых из этих мирных жителей, разве нет?

Кто-то из толпы крикнул:

— Я вставляю клинок в свою жену каждую ночь, и она у меня очень даже мирная!

Этот крик вызвал очередной взрыв смеха.

Но затем странное напряжение повисло в воздухе.

Всего два дня назад в дальней части Дашрани был зверски убит крестьянин со всей своей семьей. Его младший сын успел перед смертью сказать, что это дело рук королевских солдат. Стремительные поиски разъяренных горожан были напрасны — солдат нигде не было видно. Среди караванщиков ходили разговоры о том, что король Риотамус охотится за неуловимой бандой мятежников и у него мало времени на то, чтобы разбираться, кто предан ему, а кто нет.

И вот теперь здесь находятся трое его солдат. Могли они иметь отношение к нападению на ферму?

Солдат расцепил руки и наклонился вперед, уперев локоть в стол. Устремил свой взгляд на танцовщицу:

— Мы вставляем клинки туда, куда прикажет наш король, — посмотрел на своих

спутников. Оба продолжали попивать эль, но при этом внимательно наблюдали за толпой. — Куда прикажет *ваш* король, — многозначительно добавил он.

— Не сомневаюсь, что к вящей радости жен и дочерей всей страны. — Самидар расправила юбки и, пряча улыбку, сделала шутливый реверанс.

— Кириги, мой чудесный сын! — позвала она, выпрямляясь. — Еще пива для этих послушных долгу солдат. — Она наклонилась к столу, пока не почувствовала запаха пива из их уст. — Наслаждайтесь моим гостеприимством, господа, но прошу держать ваше оружие зачехленным. У меня здесь не публичный дом, но и не склеп. — Обернувшись, она сердито посмотрела на старика Тамена, который стоял за ее спиной: — А если твоя мышь снова высунется из норы, я отделаю ее веником!

И снова трактир сотрясся от хохота, а Тамен стал объектом для многих шуток. Впрочем, он воспринимал их с юмором, преисполненный сознанием того, что не простая мышка едва помещается в его штанах.

Она пробралась сквозь толпу к двери на кухню. Запахи жареного мяса заполнили все пространство маленькой комнаты, несмотря на открытые настежь окна. Она стянула с гвоздя на стене длинную тунику и через голову надела ее. Туника ниспадала ниже колен и защищала ее юбки гораздо лучше передника.

В огромном очаге на вертелах шипели несколько тушек дичи и говяжья нога. Она погрузила черпак в кувшин с жиром и приправами, что стоял на каменной плите под очагом. Осторожно полила мясо, и синие языки пламени вырвались вверх, когда жир стал стекать на раскаленные угли.

Вошел Кириги, неся деревянный поднос с четырьмя кружками. Его льняная рубашка распахнулась до пояса, обнажив гладкую, блестящую от пота грудь. Он задержался, чтобы смахнуть пот со лба и улыбнуться ей.

— Ты танцевала сегодня, как демон ветра, матушка, — сказал он, зачерпывая кружками пенящееся пиво из большой бочки.

— А ты барабанил, как сама богиня грома, — откликнулась она уже ему вслед.

Оставшись одна, она склонилась над почерневшим котлом, стоявшим на углях с краю, где медленно тушилось мясо, и помешала содержимое тяжелой ложкой. Оказывается, давно нужно было добавить воды. Сделав это, прошла в другой конец кухни к полкам, на которых хранились хлеба с хрустящей коркой и сыр, всего две головки. Завтра ей придется отправиться в Дашрань в лавку купца Кхасты. У него сыры самые лучшие, И она имеет дело только с ним.

Наполнив кружку пивом для себя, она вернулась к посетителям.

Они любят ее, эти мужчины и женщины Дашрани; завсегдатаи ее таверны — люди, живущие неподалеку: одни приходят пешком, другие приезжают из города верхом, чтобы отдохнуть от дневных забот или сбегать ненадолго от своих жен. Некоторые заходят сюда, чтобы позабыть о своих бедах, кто-то радуется общению с добрыми друзьями. В самом городе, за высокими стенами, есть и другие таверны, но в них либо никто не танцует, либо подают разбавленное вино, или же хозяева и вовсе неприветливы. Конечно, ее заведение совсем не похоже на детскую площадку, и наверняка среди посетителей есть и воры, и убийцы. Но какое ей до этого дело. У нее, даже если ограбят кого или убьют, все равно очень весело, усмехнулась она про себя.

Да, они любят ее. Вот уже двадцать лет она живет среди этих людей, кормит их, развлекает. Она знает об их несчастьях, а они знают о ее бедах. И пусть она родилась не в Дашрани, и даже не в королевстве Келед-Зарем, — они приняли ее как свою. Они близки ей, как родня, — ее завсегдатаи, ее друзья.

Внимание женщины привлекло какое-то движение у входной двери. Солдаты Риотамуса тихо выскользнули в ночь. Она поманила пальцем Кириги, который подавал на стол в другом конце таверны. Понимающе кивнув, он оставил свой поднос и скользнул вслед за ними. Мгновение спустя вернулся и снова приступил к своим обязанностям.

— Прочь от города, — сообщил он ей, беззвучно двигая губами, чтобы только она

смогла его понять.

Самидар выбросила из головы мысли о солдатах. У нее много дел, вот и мясо уже пора подавать. Она боялась, что тушенная говядина подгорела, но, если продать побольше пива, никто даже не заметит. А позже она снова будет плясать для них. Ей все еще нравятся танцы, хотя годы, конечно, берут свое — вот и поясница разболелась так, что пришлось растирать.

Уже почти на рассвете последний гость ушел от них по дороге, ведущей к городу. Самидар стояла в дверях и смотрела, как ее посетитель нетвердой походкой брел к городским воротам. Темные остроконечные башни и плоские крыши Дашрани застыли в бледном предрассветном сумраке. Совсем скоро первые утренние лучи осветят витражи на окнах и золотистую черепицу. Небольшой городок Дашрань был важным пунктом на торговом пути, по которому следовали караваны, и его жители богатели с каждым годом.

Как часто по утрам она стояла вот так, прислонившись к дверному косяку, и наблюдала за тем, как исчезают последние признаки ночи. Зловещий багрянец разливался по небу. Над головой в поисках добычи кружила вылетевшая на последнюю охоту сова, она покачивалась в потоках легкого ветра, шевелившего ветки немногих деревьев. Пока Самидар стояла, первые лучи восходящего солнца воспламенили пологие склоны на горизонте.

Косяк в том месте, где она прислонилась, был стертым и гладким. Перед таверной пролежала дорога, к востоку она уходила в горы, к западу — вела в городок Дашрань. Насколько хватало глаз, дорога была пустынна, только небольшие столбы пыли то там, то здесь поднимались в воздух, закрученные вихрем.

— Матушка?

Скрипнули половицы под ногами Кириги, подошедшего к ней сзади. Она не обернулась и не ответила, просто смотрела на дорогу, прижавшись к косяку.

Он легко коснулся ее плеча.

— Ты так печальна, — мягко сказал он.

— Ничего, — она похлопала его по руке, — просто взгрустнулось.

— Ты все еще оплакиваешь отца?

Она перевела взгляд на дальние горы, где всего несколько недолгих месяцев назад они с Кириги похоронили Кимона — ее мужа, с которым она прожила больше двадцати лет. Восходившее солнце окрасило горы в янтарный цвет. Вершины пламенели ярким светом, как каждым утром. Она сама выбрала в горах место, где должен покоиться ее муж.

— Нет, — медленно ответила она, — это не из-за Кимона. Я печалюсь о нем, но больше не плачу. Боль почти прошла, Кириги, тебе не стоит волноваться.

Это была ложь. Она тосковала по Кимону. Порою боль была почти невыносимой, особенно в такие спокойные минуты, как сейчас, когда все разошлись по домам, к своим женам и мужьям, и не для кого было танцевать или готовить еду. Она обняла себя за плечи, водя пальцами по рукам, вспоминая его прикосновения, которых ей так не доставало.

Но было еще что-то: она чувствовала, что непонятное напряжение висит в воздухе. Мрачное предчувствие с некоторых пор не давало ей покоя. Ночью она занималась своими гостями, отгоняя дурные мысли, забываясь в неистовом танце. Но с рассветом, оставаясь одна, она вновь оказывалась во власти своего гнетущего предчувствия.

— Смотри, вон еще облака, — заметил Кириги и, встав рядом с ней, указал на небо в северном направлении, — так много туч в последнее время, и это в сезон засухи.

Он уже умылся, раздевшись до пояса. Его кожа сияла, волосы, почти такие же черные, как у нее, были великолепны. «Он разобьет немало женских сердец», — подумала она, глядя на его красивое тело. Она снова стала прикидывать, каков его точный возраст. Уже десять зим он прожил с ней, и было ему не больше шести, когда Кимон нашел мальчика и привел домой. За эти годы Кириги превратился в высокого, пригожего, сильного юношу.

Она бросила взгляд на собственное тело, все еще стройное, несмотря на возраст, сохранившее стройность благодаря танцам. Но при свете утренней зари было видно то, чего многие не замечали в игре светотени неровно освещенной таверны: несколько шрамов, что бороздили предплечья, большой шрам на плече, который она обычно скрывала под полоской

ремня, другие рубцы на боках и бедрах. Да, она еще вполне стройна, но тело ее уже не настолько красиво, во всяком случае при свете ясного дня.

— Это очень необычно, — продолжал Кириги, изучающее рассматривая небо.

— По крайней мере, дождем не пахнет, — ответила она, — будет солнечно и жарко.

— Ты прекрасно танцевала сегодня ночью, — вспомнил он и повернулся к ней, улыбаясь. — У старика Тамена глаза чуть не полезли из орбит. Чувствую, придется мне утирать за ним слюни, что он будет пускать сегодня днем.

— А жена будет чистить его штаны, — добавила она, подмигнув, и они оба захохотали. Она обратила свой взор на запад, туда, где далекие зеленые горы были окутаны утренним туманом.

— Мне хорошо, Кириги, — произнесла она наконец. И, несмотря на странное чувство ожидания, наполнившего ее, она говорила правду. — Я давно так себя не чувствовала — с тех пор, как мы похоронили Кимона. Как будто я вышла из глубокой пещеры и увидела солнце.

Юноша тоже посмотрел в сторону гор, и голос его смягчился.

— Рад за тебя. — Он сглотнул и искоса взглянул на нее: — Мне было совестно, ведь моя боль уже прошла, а ты все еще страдала. — Он взял ее за руку. — Давай пройдемся немного и порадуемся вместе новому дню.

Они пошли вниз по дороге в противоположную от города сторону, не придавая никакого значения юношеской наготы Кириги. Им обоим уже не раз приходилось таким образом гулять по утрам, когда обнаженное тело наслаждается легкостью ветра и теплом наступающего дня, когда все еще спят и никто тебя не беспокоит.

Пока они шли, подолы ее юбок бороздили пыль на дороге. Что ж, все равно юбки в пятнах пота после представления и их нужно стирать.

— Интересно, когда им наскучит? — Она невольно произнесла вопрос вслух, хотя и не собиралась.

— «Наскучит» что? — переспросил Кириги. — Смотреть, как ты танцуешь?

Он глупо улыбнулся, когда она нерешительно провела пальцем по самому багровому шраму на предплечье.

— Ты придаешь им слишком много значения, — сказал он ей, — Кимон никогда не обращал на них внимания. Кстати, а вы знали, что ваша кровать сильно скрипела?

Она шутливо ткнула его кулаком в бок.

— Могу поспорить, ты прижимался ухом к стене, чтобы подслушивать, — предположила она.

— Каждую ночь, — подхватил он. — Знаешь, никто не обращает на твои шрамы особого внимания. Хотя некоторые слухи о них ходят. Я слышал, как люди гадают, откуда они у тебя. Кто-то думает, что ты была в рабстве, другие решили, что тебя однажды пытали. Многие люди думают, что Кимон спас тебя от страшной участи.

Туман поднялся над горами, как только солнце залило плоские крыши Дашрани.

— Они даже не подозревают, насколько это близко к истине, — согласилась она.

Нахлынули воспоминания, жестоко напомнившие о другом времени и о другой жизни, перед глазами снова встали лица и образы, что преследовали и мучили ее. Она ухватила за руку приемного сына, и каким-то образом это пожатие придало ей силы, помогло справиться с собой.

Она остановилась и посмотрела ему в лицо. На щеках еле заметно пробивается легкий пушок, глаза светятся юношеской наивностью. Впрочем, это мускулистое тело вполне может принадлежать мужчине.

— Я так горжусь тобой, сын, — неожиданно сказала она, сжав его руку. Откинула голову и улыбнулась слабой улыбкой. — Ты знаешь, какой сегодня день?

Он кивнул:

— День Паука.

— День Паука, месяц и год Паука, — подтвердила она. — Когда пройдет эта ночь, я

встречу свой сорок третий день рождения. Подобное тройное совпадение случается лишь раз в двенадцать лет. Будем надеяться, это добрый знак для нас.

Кириги облизнул нижнюю губу.

— Но ведь ты рассказывала мне, что паук священен для Гата — Того, Кто Сеет Хаос.

Самидар снова двинулась по дороге.

— Я рассказывала тебе слишком много старых сказок из своего прошлого. Неужели тебе не хватает здравого смысла воспринимать все это шутя? Мы — в Келед-Зареме, и боги этой страны совсем другие, чем боги Запада. Здесь паук — символ артистизма, а не хаоса. А я разве не артистична?

Она проделала перед ним несколько танцевальных па и рассмеялась.

— Сорок три, — повторила она с некоторым страхом в голосе. — Скоро я буду слишком стара для танцев.

Она еще немного поплясала в пыли и тряхнула волосами.

— Посмотри, — она показала ему прядь, — ты видишь седину?

Но Кириги уже не слушал ее. Он опять устремил свой пристальный взгляд в сторону гор. Нет, поняла она, не горы его волнуют, а то, что простирается за ними. Мать разглядывала волевое, благородное лицо сына. Оно словно высечено из камня, и драгоценными сапфирами на нем сияют глаза. Самидар прикусила губу.

— Когда ты хочешь уйти? — вдруг спросила она.

Кириги вздрогнул, его взгляд метнулся в ее сторону.

— Я? — Сын покраснел. — Я никогда не покину тебя, матушка. — Он приобнял ее за плечи. Уголки его губ дрогнули в улыбке. — У нас ведь общее дело.

Она прижалась головой к его бицепсу. Вдвоем они продолжали идти, а над ними голубизной разворачивалось небо.

— Ты жаждешь приключений, Кириги? — Она не скрывала тревоги в голосе. — Тебе уже совсем наскучило здесь в Дашрани, в нашей таверне?

Он медлил с ответом, и это было красноречивее любых слов. Но в конце концов он сказал:

— Ты даешь так много поручений, что мне некогда мечтать о приключениях, к тому же когда ты и старый Тамен рядом — скучно не бывает.

Она прикрыла глаза, внезапно ощутив усталость, ей захотелось спать, и в то же время снова нахлынуло это странное предчувствие надвигающегося — чего же?

— Приключения совсем не так чудесны, как кажется, пока мы молоды. — Она пыталась что-то объяснить сыну, шедшему рядом. — Мы с Кимоном познали много препятствий на своем пути.

Она резко остановилась и оглянулась на часть дороги, которую они миновали. Ей показалось, что пыльная дорога — подходящее сравнение, если говорить об их жизни.

— Мы скитались по свету, побывали почти во всех известных странах и даже в тех землях, которых нет ни на одной карте, — неторопливо рассказывала она. — Видели много мест, пережили много приключений. — Она обхватила руками Кириги и прижала к себе, прильнув головой к его загорелой груди. — Но вскоре обнаружилось, что те немногие спокойные минуты, что мы проводили вместе, были гораздо важнее для нас и наполнены большим смыслом, чем все битвы и диковинные чудеса, вместе взятые. И тогда мы стали бояться друг за друга. Каждое приключение таило в себе опасность, одно без другого невозможно представить, они неразделимы, как неразлучна влюбленная пара. А каждая опасность грозила тем, что кто-то из нас мог снова остаться совсем один. Но ведь мы оба и так слишком долго страдали от одиночества.

— И вы купили таверну и поселились здесь, — прервал ее Кириги.

— Поначалу было нелегко. По крайней мере для меня, хотя сейчас я думаю — Кимон всегда мечтал о чем-то подобном. Каждое утро я стояла у двери — впрочем, я до сих пор сохранила эту привычку — и смотрела на эту самую дорогу. Странники приходили и уходили, пешком или верхом, в повозках или за караванами. О боги! — думала я. В скольких

городах побывали эти люди, о которых я даже не слышала? В какие места они направляются, которых я никогда не увижу? Эти мысли меня изводили. — Она глубоко вздохнула и пнула босой ногой дорожную пыль. — Со временем мы все-таки стали частью Дашрани. Мы убедились, что жизнь, прошедшая в странствиях, — ничто, по сравнению с той замечательной жизнью, что открылась нам здесь.

Она обхватила себя скрестив руки, подняла голову и оглядела небо. Оно было абсолютно голубым, и только на севере вытянулись в линию облака, которые незаметно приблизились. Она потирала сзади шею, глядя на тучи: тревога ноющей болью вновь напомнила о себе.

— Но Келу этого было недостаточно, — вырвалось вдруг у Кириги.

Самидар прикусила губу и отвернулась, чтобы он не видел ее лица. Солнце уже не казалось таким теплым, а ветер — таким приятным. Пение утренних птиц в одночасье превратилось в надоедливый, раздражающий шум.

— Давай вернемся, — предложила она, — я уже обессилела.

— Прости меня. — Он коснулся ее плеча.

— Все хорошо, — коротко ответила она, — я просто устала. Нужно успеть хоть немного отдохнуть, ведь у нас еще много дел перед открытием.

— Если ты беспокоишься о сыре, то не стоит. Кхаста заглядывал вчера к нам, чтобы выпить. Я с ним поговорил, он обещал привезти сегодня повозку самого лучшего сыра.

На самом деле она и не думала о сыре. Больше всего на свете ей хотелось поспать и чтобы исчезла эта все усиливающаяся пульсация в голове. Она поскребла ногтями по руке и нахмурилась. На грязной коже остались белые кривые полосы. Помыться бы тоже не мешало.

— Все остальное может подождать, — продолжал Кириги, — ведь сегодня твой день рождения, и ты заслужила отдых. Наши гости поймут. Жены всегда прибираются в своих домах, но разве это удерживает их мужей? Нет, сюда они приходят хорошо провести время, поэтому, даже если будет немного неубрано, потерпят как-нибудь.

— Может, стоит нанять несколько девочек, — шутливо предложила она.

— Я был бы не против, — с готовностью откликнулся он, — а то здесь так недостает юных безымянных созданий.

— А чем тебе не нравятся девушки Дашрани? Заведи себе подружку — тебе есть что предложить любой женщине.

«И вправду, у него есть все, что нужно», — отметила она для себя, глядя на него со стороны.

— Мне каждый вечер придется встречаться с их папашами? — застонал он, вращая глазами, изображая притворный страх. — С папашами, любителями изрядно выпить? Вот к таким приключениям меня что-то совсем не тянет.

Она, шутя, шлепнула его по голой ягодице. Затем, взявшись за руки, они пошли в сторону таверны. Солнце теперь согревало ее плечи и шею, оно ярким светом отражалось от остроконечных башен Дашрани. Но ему недолго осталось светить. Тучи с севера неуклонно приближались, становились все темнее.

— Если пойдет дождь, Кхаста, наверное, не приедет, — заметил Кириги.

— Если пойдет дождь, ему и не надо будет, — ответила она. — Эти тучи выглядят подозрительно. Надвигается сильная буря.

Она провела рукой по своим длинным волосам и нахмурилась. Ну почему это напряжение, наполняющее душу смутной тревогой, не отпускает ее?

— В такую погоду много не заработать, — проворчала она, поеживаясь, не отрывая глаз от неба.

Остаток пути они прошли молча. В воздухе пахло листьями и свежей травой. За стенами Дашрани жители города, наверное, уже проснулись и приступили к своим делам. Крестьяне скорее всего уже собрались на поля. Самидар устремила свой взгляд на дорогу. Она вела прямо к воротам и шла через весь город. На ее памяти городские ворота никогда не

закрывались. Это была одна из причин, почему они решили поселиться именно здесь: тут всем были рады. Когда-то в городке размещался свой гарнизон, но преступность почти отсутствовала и он не оправдывал затрат. Дашрань был зажиточным, праздным городом, а жители его дружелюбны. Все в Келед-Зареме знали поговорку: «В Дашрани не бывает чужих».

Ее глаза не сразу привыкли к полумраку таверны. Шедший позади Кириги наткнулся на нее, когда она неожиданно остановилась.

Они оставили дверь незапертой. За дальним столом спиной к ним сидел, согнувшись, солдат Риотамуса, он пил из глиняной кружки.

— Мы закрыты, — холодно объявила она. — Приходи позже, но не забудь оставить монету за то, что ты сам себе налил.

Солдат выпрямился и медленно обернулся.

У Самидар отвисла челюсть. Она смотрела на пришельца, мигая. Лицо Кириги расплылось в широкой улыбке, он бросился вперед, порываясь обнять незваного гостя. Затем отступил в сторону. Этот восхищенный взгляд на юном лице говорил о том, что он удивлен не меньше, чем сама Самидар.

Наконец солдат поднял руку и заговорил. Этот голос почти совсем не изменился, он, может, стал чуть грубее, но во всем остальном это был прежний, как всегда насмешливый голос.

— Станцуй для меня, матушка! — сказал он.

Глава 2

Его глаза зеленее бушующего моря, они поражали воображение даже больше, чем ее собственные — загадочные, полные тайн. Эти глаза, казалось, вытягивали из нее всю душу и жизненные силы. Она разглядывала его лицо — такое молодое, совсем юношеское, но успевшее огрубеть и обветриться. Он поглядывал на нее поверх кружки, отхлебывая пиво, ожидая, когда она заговорит. Она же чувствовала себя неловко, не зная, что сказать, ей хотелось дотронуться до сына, но она не решалась.

— Я скучал по тебе, — сказал он, наклонившись через стол, немного приблизив к ней свое лицо.

Она тяжело опустилась на жесткую скамью. Его дыхание было несвежим, но неприятным оно не было. Она выдавила из себя слабую улыбку в ответ на его ложь. Если бы он скучал по ней, нашел бы возможность навестить ее за эти пять лет или по крайней мере прислать весточку о себе. Он сбежал из дому совсем юным, ему тогда было столько же, сколько Кириги сейчас, — без денег, без оружия, не попрощавшись.

Ее нижняя губа дрожала от смешанного чувства гнева и радости.

— Я даже не знала, жив ты или мертв. — Она с трудом сглотнула и отвела глаза в сторону, в дальний угол, проклиная охвативший ее озноб. — Зачем ты вернулся, Кел?

Он заморгал, поставил кружку на стол.

— Конечно, чтобы увидеть тебя, матушка.

Ее взгляд бродил по всем темным местам и закоулкам таверны.

— Только меня? — спросила она. — А как же отца и твоего брата?

— Отца конечно, его я тоже хочу видеть! — Он снова отхлебнул пива. — Но Кириги мне не брат.

Она больше не избегала его взгляда, напротив, жестко посмотрела ему прямо в глаза.

— Он — твой брат! — прошипела она сдавленным голосом. — Ближе брата у тебя никогда не будет!

— Но в нас течет разная кровь! — резко возразил он, оглядываясь вокруг, чтобы убедиться, что Кириги не слышит его слов.

— Твой отец и я полюбили его! — Она привстала, перегнувшись через стол, уцепилась побелевшими пальцами за край, чтобы не упасть. — Мы не могли больше иметь детей после тебя. Мы думали, что ты последний, но лишь до тех пор, пока Кимон не нашел Кириги.

Он швырнул кружку, расплескав содержимое.

— Разве меня вам было недостаточно? Я, по-вашему, мало любил вас? Разве вы не могли любить только меня?

Она покачала головой, касаясь своих волос:

— О, Кел, мы любили тебя всем сердцем. То, что мы взяли к себе Кириги, вовсе не ослабило нашу любовь к тебе. Он был просто одиноким брошенным мальчишкой, оставшим от каравана. В нашей жизни хватило бы места для двух сыновей.

Кел поднялся и прошел к не прикрытому ставнями окну.

— Я стал вам не нужен. Он занял мое место.

— Нет, никогда. — Она подошла к нему, положила руки ему на плечи, прижалась щекой к его широкой спине. — Он никогда не занимал твоего места, сын мой. Он занял свое место.

Кел повернулся к ней. Они обнялись, и внезапно слезы беззвучно потекли по ее лицу.

— Прости меня, — с трудом выговорила она, глядя на него снизу вверх, глядя его щеку дрожащей рукой. — Я говорила с тобой слишком резко. Теперь я понимаю, как больно тебе было; вот почему ты ушел от нас. — Она отступила назад и вытерла слезы. — Но сейчас — проявим великодушие. И давай не будем больше говорить об этом.

Она снова обняла его, радуясь тому, что может сделать это после долгих лет разлуки.

Открылась и закрылась задняя дверь. В дом влетел Кириги, сияющий и улыбающийся, принес с собой легкий запах конюшни. Он успел одеться в короткие штаны и тунику с поясом. К подошвам его сапог прилипли соломинки и конский навоз.

— Прекрасная кобыла! — воскликнул он, обращаясь к Самидар. — Белая, как снег в горах!

Кел выдавил улыбку и спросил мать:

— Когда это он видел снег в горах?

Она пожала плечами в ответ на его улыбку.

Кириги исчез на кухне и через мгновение вернулся, неся большое блюдо с холодным мясом, несколько кусков хлеба и кувшин с прохладной водой. Он расставил все это на столе и знаком пригласил их позавтракать.

— Ну и как там, в армии? — спрашивал он Кела, запихивая в рот кусок говядины, и, брызгая слюной, продолжал. — Бьюсь об заклад, там здорово. А мы и не знали, что ты здесь служишь. Вы близко расположились? Ты сможешь приходить домой почаще?

Улыбка Кела стала еще шире. Он снисходительно посмотрел на мать, взял кусок хлеба и стал спокойно жевать, пока Самидар взглядом не призвала Кириги замолчать.

— Дай брату возможность ответить, — проворчала она.

Кел откинулся назад, тщательно прожевал то, что было у него во рту, и запил пивом.

— Риотамус — безумец, мясник, — наконец сказал Кел, — он угнетает людей. Келед-Зарем стонет под его жестоким правлением, солдаты совершают ужасные преступления его

именем.

Кириги выдвинулся вперед:

— О чем ты говоришь? Ты же служишь в его армии. Как так — угнетает?

Самидар дотронулась до плеча своего младшего сына, и он снова замолк.

— Ты носишь форму солдата Риотамуса, — указала она.

— Каждому человеку хочется есть. — В его словах послышалась горечь. — Я познал голод, матушка, я испытал это, когда его челюсти терзали мой пустой желудок. Король хорошо платит своим людям. И поэтому я служу ему.

Он еще выпил и отставил пустую кружку в сторону.

— Все, что происходит в столице, нас почти не касается, — сообщила она ему. — Дашрань — тихий городок, и Риотамус по большей части даже не замечает его. Здесь уже давно нет своего гарнизона. Ворота города стоят открытыми, на стенах нет часовых. — Она посмотрела на свои руки и затем взглянула прямо ему в глаза: — Но до нас дошли тревожные слухи, да и солдаты недавно рыскали здесь.

— Искали мятежников, — поделился секретом он. — Сообщили, что их предводитель находится где-то здесь, это колдун по имени Ороладиан.

Она подняла бровь:

— Колдун?

Кел наполнил свою кружку водой из кувшина.

— Об этом предводителе известно немного. Мы даже не знаем, как он выглядит. — Он пожал плечами. — И все равно Риотамус охотится за ним. Это просто безумие.

— Почему ты не оставишь службу? — наивно спросил Кириги, беря еще кусок мяса.

Кел посмотрел на него, сощутив глаза.

— Возможно, я скоро так и сделаю, — сказал он и припал к кружке.

— Матушка! — Рука Кириги с куском мяса застыла в воздухе. — Ты побледнела! Что случилось?

Самидар встала и, пройдя через всю комнату к двери, устремила взор на далекие горы, полностью освещенные теперь взошедшим солнцем.

— Ты сказал «колдун»?

Кел обернулся к ней со скамьи:

— Кириги прав. Ты выглядишь так, будто только что заглянула в бездну.

Она обхватила себя руками и прислонилась к косяку, крепко зажмурив глаза, охваченная смутным страхом.

— Мне приходилось заглядывать в бездну, — сказала она, — но даже тогда мне не было так страшно, как сейчас, когда ты сообщил эту новость. — Она открыла глаза и сквозь слезы пристально посмотрела на сына: — Ты не спросил о своем отце.

Кириги медленно привстал.

— Я решил, ты уже рассказала ему, — мягко произнес он. — Для этого я так надолго оставлял вас наедине.

— Рассказала о чем? — спросил Кел. — Где отец?

Время успокоило боль, но все еще оставался шрам — грубый, воспаленный и болезненный. Она ударила по стене кулаком:

— Мертв. Мы с Кириги похоронили его там. — Она указала на горы. — Он, бывало, любил там бродить или охотиться. Говорил, что это самое спокойное место на свете. Когда был чем-то расстроен, уходил туда, чтобы побыть одному. Возвращался всегда в приподнятом настроении. — Она обернулась и встретилась взглядами с Келом. — Он больше никогда не вернется. — В ее голосе послышался лед.

— Его убили, — продолжил рассказ Кириги. — Мы с матушкой отправились с повозкой в город. Нужно было починить колесо, от которого отскочил обод. — Он поднялся с места, прошел на середину комнаты и встал между двумя столами. — Мы нашли его здесь, на этом самом месте. Видишь, какие гладкие эти половицы? Я оттирал пятна несколько дней.

Он вглядывался в указанное им место, затем внезапно схватил скамейку и швырнул ее

изо всех сил. Стена содрогнулась от удара.

— Кириги! — воскликнула Самидар.

Разбитая скамейка валялась на полу. Глубокая отметина на стене свидетельствовала о силе удара. Кириги дрожал всем телом, его вены и мускулы вздулись от напряжения.

— Я думал, все уже позади, — резко бросил он.

Самидар подошла к нему и взяла его за руку, но он вырвался и вернулся к своему месту за столом, где они завтракали. Мрачно уставился в кружку, не говоря ни слова.

— Я не знал, — запинаясь, произнес Кел.

— Тебя здесь не было. — Она прикусила язык. Ей вовсе не хотелось упрекать его, но слова прозвучали именно так. Она подошла к открытому окну и выглянула. Из ворот Дашрани как раз показался караван. Он должен будет проходить мимо таверны, и она поспешила закрыть дверь. Этого будет достаточно, чтобы все поняли, что здесь не обслуживают.

— Ты упомянул о колдуне, — сказала она, снова повернувшись.

— Ороладиан, — произнес Кел с некоторым раздражением. — Ты все время спрашиваешь о нем.

— С убийством твоего отца связано еще кое-что, — пояснила она стальным голосом. — Он был изуродован. На правой руке были отрезаны четыре пальца. Убийца, должно быть, забрал их с собой, так как их нигде не нашли.

— О темные боги! — Кел закрыл лицо руками.

— Возможно, — прошипела она, — это и были темные боги. Или, что более вероятно, кто-то из тех, кто служит им. Я думала об этом, но всем известно, что в этих землях нет колдунов и волшебников. И тогда я решила про себя, что это дело рук сумасшедшего, потому что из ценных вещей ничего не пропало. — Она шагала между столами и скамьями. — А теперь ты говоришь, что существует какой-то колдун.

— Но зачем ему это было нужно? — упорствовал Кел, разглядывая собственные пальцы. — Зачем кому-либо из людей совершать такое?

— Существуют обряды, — холодно ответила она, — для которых необходимы части человеческого тела. Эта магия называется «некромантия», но я не знала, что в Келед-Зареме есть те, кто практикует ее. Люди, живущие здесь, очень мало знают о волшебстве.

— Какие обряды? — продолжал расспрашивать Кел. — Откуда ты знаешь о них?

Она отвела взгляд, пряча от него глаза.

— Ты же знаешь, я — эсгарианка. И ты знаешь, что это такое.

— Но ведь ты не обладаешь подобными навыками, — настаивал он. — Ты говорила, что давно уже утратила их.

— И все же меня обучали! — Она посмотрела на него в упор. — У меня осталось знание. Я помню!

— Я убью его, — буркнул Кириги, вмешиваясь в разговор. Его голос звучал угрожающе и ожесточенно. — Этот Ороладиан достанется мне, кем бы он ни был.

— Кириги... — начала было Самидар, но юноша не стал слушать. Он поднялся и скрылся за задней дверью, не говоря ни слова.

Кел проводил его взглядом.

— Ты воспитала его несдержанным, — отметил он, когда дверь с шумом захлопнулась.

— Он похож на своего отца и брата.

Кел поднял свою кружку:

— Нет, матушка, ни на меня, ни на отца он не похож. Я сдержан и расчетлив, а отец всегда зависел от настроения: он мог быть как спокойным и нежным, так и свирепым. — Кел отпил воды. — Он похож на тебя, он твой сын.

Самидар подошла к нему сзади и стала массировать ему плечи сквозь красный шелк его туники.

— Ты тоже мой сын, Кел. — Она обняла его, обхватив руками шею, прижавшись щекой к его щеке.

— Мне трудно пить в таком положении, — наконец сказал он.

Она отпустила его:

— Прости, — обошла стол и села напротив. В первый раз за весь день она ела мясо, откусила кусок и задумчиво жевала. — Расскажи, что еще ты знаешь об этом Ороладиане.

Он покачал головой:

— Больше не о чем рассказывать. В донесениях говорится, что он возглавляет восстание, но мотивы его действий неизвестны. Его сторонники хитры, как лисы: их невозможно поймать. — Он поскреб подбородок. — По правде сказать, мы здесь находимся только из-за слухов.

Она отпила воды из кружки Кириги, затем взяла сочный кусок говядины, с которого по пальцам ее потек жир. Немного помедлив, она отложила мясо, так и не съев, и облизала пальцы. Кел отправился на кухню и снова наполнил свою кружку пивом из бочонка.

— У тебя что-то на уме, — сказала она ему, когда он вернулся на свое место.

Их глаза встретились. Глядя на него, она видела мужской вариант своего собственного лица. У него были такие же глаза и темные волосы, столь же точеные черты лица. Кел был высоким и стройным, как отец, он не был так мускулист, как Кириги. И все же за пять лет ее сын стал совсем другим человеком. В его изумрудно-зеленых глазах было нечто такое, что она никак не могла понять: в них таилась некая загадка. Она задала себе вопрос, а знает ли она этого человека на самом деле.

— Ты прежде рассказывала мне истории, — наконец произнес он, — я не помню их в точности, я был очень мал тогда. Но ты рассказывала о кинжале, у него еще было имя. — Его взгляд, казалось, прожигал ее насквозь. — Ты называла его Жало Демона.

Она села ровно, сцепив пальцы так, чтобы он не видел, что ее руки дрожат.

— Ну и что с того? Это были просто побасенки.

Он придвинулся к ней:

— Но в них была правда?

Ей хотелось отвернуться, отвести взгляд, но она понимала, что не должна этого делать. Вместо этого она изобразила снисходительную улыбку:

— Конечно же нет.

Кел приподнялся со скамьи так, что ей пришлось смотреть на него снизу вверх. Казалось, что черный ворон, вышитый на шелковой тунике, расправил свои темные крылья на его груди, подобно хищной птице. «Ирония судьбы», — поразилась она, вдруг вспомнив, что та же птица была символом ее отца много лет назад в Эсгарии и что все воины в ее семье носили эту эмблему. И вот теперь внук тоже носит изображение ворона, хоть и на эмблеме, принадлежащей далекому королю.

— Ты лжешь, матушка, — упрекнул ее Кел. Зловещая улыбка искривила его лицо, губы вытянулись в тонкую щель. — Я думаю, кинжал существовал на самом деле. И мне кажется, ты до сих пор прячешь его.

Она встала и повернулась к нему спиной.

— Ты ошибаешься, — отвечала она, сохраняя спокойствие в голосе, — Жало Демона был всего лишь вымыслом, сказкой, рассказанной маленькому ребенку, чтобы тот перестал плакать. — Самидар снова посмотрела на него: — Ты часто плакал в детстве.

Он обошел вокруг стола и неожиданно схватил ее запястье, крепко сжав его, как в тисках. Она и не подозревала, что он так силен.

— Мне нужен этот кинжал, матушка, — он безжалостно выкручивал ей руку, заставляя ее морщиться от боли, — я знаю, он у тебя.

— Нет! — выдавила она сквозь стиснутые зубы.

Он надавил еще сильнее. Боль пронзила руку от локтя и вверх до плеча. Она взглянула на заднюю дверь и подумала о том, чтобы позвать Кириги. Но если она это сделает, братья обязательно подерутся, и тогда изначальный страх Кела, его упреки, чувство того, что его вытеснил младший сын, — все это станет правдой. После подобной ссоры им уже никогда не помириться.

— Я надеялся, ты будешь разумной, — шептал Кел ей на ухо, — теперь я — воин в этой семье. Мне нужен этот клинок и его сила. Или ты хочешь передать его Кириги?

Она подняла ногу и ударила пяткой по его пальцам ног. Удар не был таким сильным, чтобы сломать кость, но Кел не ожидал его и ослабил хватку так, что ей удалось высвободить руку. Самидар вывернулась и отступила назад, сделав несколько шагов.

— Твоя ревность совсем тебя изуродовала! — вскинулась она, стараясь говорить негромко из боязни привлечь внимание младшего сына. Только теперь она узнала этот свет в его глазах, и он заставил ее содрогнуться. — Убирайся! — потребовала она. — Лучше бы я умерла прежде, чем увидела, до чего ты дошел! Уйди, пока во мне еще живы более светлые воспоминания о тебе!

Он взялся за рукоятку меча, висевшего на бедре, но вынимать оружие не стал. Однако было ясно, это угроза. Он надвигался на нее.

— Я уйду, когда кинжал будет у меня! — прорычал он. — Ты скажешь мне, где он, или я прирежу твоего драгоценного недоумка и повешу его сердце на колючках терновника!

Кровь застыла в ее жилах. Пальцы сжались в кулаки, она резко выпрямилась.

— Кел, слушай, что я тебе скажу, и уж поверь мне. — Она вперила в него глаза, шагнув ему навстречу. — Клянусь Оркосом и всеми демонами девяти кругов ада, — она потрясла кулаком перед его носом, — если ты хоть когда-нибудь причинишь вред Кириги — я у бью тебя. Он ведь даже не знает, как пользоваться мечом. Кимон никогда не учил его. — Она схватила его за ткань туники и потянула к себе, приблизив лицо. — Даже если я буду мертва и ты попытаешься ему навредить, клянусь, я встану из могилы и покараю тебя.

Кел взревел. Он что есть силы ударил ее по щеке. Она пошатнулась и упала на пол. Обнаженное лезвие меча блеснуло при слабом свете.

— Вот ты и призналась своими мерзкими устами, что любишь его больше того, кого сама и родила! Ах ты, бесплодная сука! Не могла родить мне настоящего брата!

— Его бы ты тоже ненавидел! — крикнула она ему в ответ. — Кириги бы любил тебя не меньше, чем мы с отцом любили тебя. Но ревность искалечила твое сердце, свела тебя с ума!

Меч опустился, и его острие едва не касалось ее горла. Лицо сына изменилось до неузнаваемости.

— Ты чуть не довела меня до крайности, — прохрипел он, — но твое время еще не пришло, матушка. Пока не пришло.

Острие меча двинулось ниже, оказавшись между ее грудями. Сквозь тонкую материю фартука-туники она ощутила холод стали.

— Просто отдай мне Жало Демона, и я оставлю тебя до срока.

Она выдавила улыбку:

— Говорю тебе, глупец, это была просто сказка.

Он чуть сильнее надавил на меч. Женщина почувствовала, как по коже потекла теплая струйка. Через мгновение она просочится через одежду. «Еще один шрам», — со вздохом подумала она и чуть не улыбнулась тому, что ее еще беспокоят такие нелепости.

— Не заставляй меня своей ложью делать это, — пригрозил он.

Она посмотрела вниз, туда, где кончик меча уткнулся в ее тело, провела взглядом по всей его сверкающей длине, пока их глаза снова не встретились.

— Ты знаешь, мы уже никогда не сможем быть друзьями после этого, — произнесла она с вызывающим спокойствием.

Ругательства сорвались с его уст. Меч взлетел и обрушился вниз, обрубив край стола рядом с ее головой. Это был стол, за которым они завтракали, и кружки от удара перевернулись. Одна из них покатилась, брякнулась на пол и остановилась недалеко от нее. Она подобрала кружку, провела пальцем по краю изнутри. Облизнув палец, убедилась, что это вкус пива. Поморщилась и отбросила кружку в сторону.

— Горечь, — презрительно скривилась она. — Должно быть, это твоя.

— Я найду его. — Он кипел от злости. — У меня есть такие возможности, если б ты

только знала! Тебе не спрятать его от меня.

Она головой указала ему на дверь:

— Поди прочь, Кел.

Его губы искривились в желчной улыбке. Затем он запрокинул голову и рассмеялся.

— Жало Демона будет моим, — заверил он ее, овладев собой, — Я надеялся, что смогу сберечь силы, если попрошу его у тебя. Я надеялся, что ты из чувства вины за то, что отказалась от меня как мать, проявишь щедрость. Я думал, что ты станешь беспокоиться о моей безопасности, когда узнаешь, что я солдат, и отдашь мне действенное оружие. — Он вздохнул и убрал меч в ножны. — Теперь я вижу, что был глупцом, считая, что я тебе безразличен.

Она медленно поднялась на ноги.

— Прощай, сын, — печально сказала она. — Я в самом деле любила тебя. И какая-то часть меня продолжает любить тебя даже после этого. — Она дотронулась до опухшей щеки. — Но я знаю, ты мне не веришь.

Кел широкими шагами устремился к выходу, решительно взялся за железное кольцо на двери, но вдруг замешкался. На мгновение ей показалось, что он хочет что-то сказать. Но затем его плечи опустились, голова упала на грудь. Она с трудом сдержалась, чтобы не подойти к нему: что-то в глубине души подсказывало ей, что не следует этого делать. Кел уже выбрал свой путь. И она не сможет пойти вместе с ним. Возможно, он тоже это понял и, выпрямившись, не говоря ни слова, потянул за кольцо, чтобы открыть дверь.

Снаружи послышался крик и промелькнула чья-то тень.

Кел с силой захлопнул дверь так, что затряслись стены. Быстрым уверенным движением он задвинул засов. Снова обнажил меч и ринулся к черному ходу. Но прежде чем он добежал до двери, кто-то пинком открыл ее. Солнце ослепительно сверкнуло, отражаясь от доспехов и выставленных клинков. Все ставни в таверне распахнулись, и оказалось, что дом окружен вооруженным отрядом. Входная дверь трещала в петлях и наконец разлетелась вдребезги.

Огромный солдат вырос в дверном проеме, одной ручищей он обхватил Кириги за шею, в другой держал короткий меч, приставленный к ребрам юноши. Самидар увидела за его спиной много других людей, повозки каравана, которые она наблюдала ранее. Значит, это была ловушка, спланированная засада. Но зачем?

Кел описал мечом в воздухе сияющую звенящую дугу и внезапно застыл, удерживая оружие обеими руками. Он обводил взглядом помещение. Враги — с трех сторон, позади него — кухня. Там находится еще одна дверь, но она всегда заперта на три засова. Все равно за ней наверняка тоже кто-нибудь караулит, он в этом не сомневался.

— Бросай свое оружие, разбойник, — скомандовал великан. Он сильно встряхнул Кириги. — Или ему не поздоровится.

— Матушка! — прохрипел Кириги, почти задохнувшись.

— Молчи, сынок, — быстро сказала она. — Не шевелись.

Верзила кивнул, очевидно в ответ.

— А она сообразительная, — обратился он к Келу, — давай и ты соображай. Тридцать человек окружили этот свинарник. И я знаю, ты ведь не хочешь, чтобы с твоим младшим братом что-нибудь случилось.

Улыбка на лице Кела была поистине дьявольской. Он бросил мимолетный взгляд на мать.

— Отправь его в преисподнюю, мне это понравится, — ответил он. После чего леденящий душу крик вырвался из его глотки и он бросился прямо на тех, кто стоял у черного хода.

— Держите его! — прорычал громила, и прежде чем Самидар смогла пошевелиться или крикнуть, она заметила, как напряглись мускулы руки, державшей меч. Клинок наполовину вошел между ребер Кириги. Глаза юноши крепко зажмурились, он вздрогнул и прикусил губу, по подбородку потекла кровь.

Его убийца резко высвободил клинок и отбросил мальчика в сторону.

Самидар пронзительно закричала и метнулась через комнату к своему сыну. Она опустилась рядом с ним. Кириги с трудом перевернулся. Он приподнял голову и посмотрел на нее, в глазах его стояли слезы боли и удивления.

— Сынок! — зарыдала женщина. — Не умирай, не покидай меня!

Она заключила сына в объятия, прижала его лицо к груди, стала раскачиваться из стороны в сторону.

Слабеющей рукой Кириги погладил ее по щеке.

— Матушка, — голос звучал тихо, еле слышно, — не плачь.

Он попытался глотнуть, но изо рта еще сильнее потекла кровь. Самидар вытерла ее.

— Как больно, — простонал он, — как...

Его тело обмякло в ее руках.

Она снова стала кричать изо всех сил, трясти его, прижимая губами к драгоценному рту.

— Нет, нет, — стенала она, вновь и вновь целуя сына. Он смотрел на нее, но эти синие цвета моря глаза уже не видели ничего. Нежным движением она прикрыла ему веки.

Оглушенная горем, она еле различала доносившиеся звуки борьбы. В ушах стоял звон от ударов стальных клинков. Грохот переворачиваемой мебели, крики, тяжелое дыхание, вопли раненых — все это было как во сне. Кел сражался, словно демон, используя мастерство, которому с таким трудом научил его отец. Атаковавших было слишком много, но они лишь толпились, мешая друг другу. Келу оставалось просто махать во все стороны при каждом шаге.

Она не знала, скольких уже он убил. Но тот единственный, кто имел для нее значение, сейчас лежал у нее на руках.

Кел пробивал себе путь к короткому коридору, что вел к задней двери. Это имело смысл, если бы он смог добраться до конюшни, а там и до своей лошади. Но вместо этого он развернулся и исчез в маленькой спальне, принадлежавшей матери, захлопнув за собой дверь.

— Ломайте! — приказал командир-гигант, и несколько солдат стали плечами толкать дверь. — Да разбейте же ее! Не будьте слабаками! — орал он на своих людей, раззадоривая их.

— Он заперся изнутри на засов! — крикнул кто-то в ответ. Но через мгновение дерево затрещало, и дверь поддалась, сорванная с петель.

— Что за чертовщина? — воскликнул один из солдат.

— Его здесь нет! — завопил другой.

— Обыскать все вокруг! — Командир пихнул в спины своих солдат: — Вы, двое, разнесите эту хижину на куски. Здесь должна быть потайная дверь. Найдите ее! Если он сбежит, я со всех шкуры спущу!

Он оставил своих людей и направился к Самидар, пнув сломанный стул, валявшийся на пути.

— Куда он мог уйти? — яростно вопрошал он. — Покажи, как он выбрался из комнаты, или я сверну твою предательскую шею!

Она уставилась на ворона на его груди — эмблему короля Риотамуса. Будь он проклят, гореть ему в самом черном аду! Она осторожно опустила голову Кириги на пол и встала.

— Свинья! — был ее ответ. — Убийца!

Своей громадной мясистой рукой он схватил ее за волосы и резко дернул, запрокинув ей голову. Он затряс перед ее носом кулаком, в котором сжимал рукоять меча, и наклонился к ее лицу. Она услышала запах его дыхания.

— Брось верещать, ты, старая шлюха. Ты сейчас скажешь, куда делся твой сын, и все, что ты знаешь о мерзавце-бунтовщике, с которым он заодно.

— Убийца! — Она плюнула ему в лицо и изо всех сил ударила коленом. Она попала ему по внутренней части бедра, не причинив особого вреда, но зато ногти оставили три кровавые полосы на его лице около левого глаза.

— Ах ты, подлая, вероломная сука! — прорычал он. Отступил назад и вытер кровь, поплевав на рукав. Она снова налетела на него, царапаясь ногтями. Но эта схватка быстро закончилась, когда он приложился рукоятью меча к ее виску.

Последнее, что она увидела, упав наземь, было лицо Кириги, на щеках которого все еще сохранился румянец. Она протянула руку, желая коснуться сына.

Глава 3

Самидар медленно пришла в себя, полностью ослепшая. Голова отчаянно раскалывалась. Она потерла глаза, желая вернуть себе зрение, и обнаружила над левым глазом место, которое саднило больше всего. Она пощупала его и поморщилась. Место удара вспухло и отдавало пульсирующей болью. Каменный пол, на котором она лежала, был грубым и холодным. Она осторожно поднялась, преодолевая чувство тошноты.

Снова протерла глаза, но это не помогло.

Воздух был затхлым и промозглым, ее туника — тонкой. Если бы найти хоть немного воды — утолить жажду. Она сидела некоторое время неподвижно, держась за болевшую голову, испуганная наступившей слепотой, вновь и вновь переживая в памяти убийство Кириги. Она плакала, пока не иссякли слезы. Немного погодя она снова расплакалась. Звуки рыдания наполняли все пространство вокруг, в них было отчаяние, одиночество и страдание.

Самидар немного вздремнула, вернее сказать забылась. Очнувшись, она снова ощутила, как грохочет гром внутри черепа, ее вытошнило на пол. Попыталась встать, но, потерявшись, снова села на пол, оказавшись в луже собственной рвотной массы. И все же она упорно продолжала подниматься на ноги, пока не обрела шаткое равновесие. Выставив руки вперед, чтобы не наткнуться на невидимые препятствия, сделала несколько нерешительных шагов.

Ее усилия увенчались болью. Голова гудела, как барабан, барабан Кириги, — невольно подумала Самидар. В висках застучала такая невероятная, неистовая дробь, что она чуть не вскрикнула. Но с губ сорвался лишь тихий стон, и она через силу двинулась дальше.

Это был, казалось, один из девяти кругов ада: дорога мрака, пролегающая через страну мрака, где ей придется бродить слепой, пока не догорят звезды, и не выгорят факелы времени, и души самих богов не иссохнут, превратившись в черную золу. Стиснув зубы, она продолжала идти, боясь, что в любую минуту может споткнуться и упасть, что боль в ее голове станет совсем уж невыносимой. Звук собственных шаркающих ног по камням был неприятен, но кроме шарканья она различала только шуршание своих юбок.

Она наконец наткнулась на стену, сломала ноготь. Привалилась к стене и пососала кончик поврежденного пальца. Эта новая незначительная боль вызвала смешок, булькнувший в глотке. У нее внезапно закружилась голова, она поняла, что дышит слишком часто, и заставила себя хотя бы немного успокоиться.

Стена была из неотесанного камня, застывшая старая кладка из грубо высеченных блоков, крошилась и осыпалась. Она ощупывала стену руками, надеясь определить шагами

размер темницы, найти окно или дверь.

Когда пульсирующая боль в голове стала почти непереносимой, когда ноги перестали слушаться, она опустилась, прислонившись спиной к стене, и глубоко вздохнула. Только теперь, оставаясь неподвижной, она задумалась о том, куда же она попала.

Стены не имеют углов. Она поняла, что все это время ходила по кругу. Здесь нет ни дверей, ни окон. И если бы не боль, туманившая мозг, она давно бы уже догадалась, поскольку ответ был очевиден.

Это — темница старого гарнизона, глубокая яма, где прежде держали преступников. Ее давно уже не использовали, по крайней мере с тех пор, как Риотамус вывел из города гарнизон. Жителям Дашрани стали не нужны ни тюрьмы, ни ямы. Те немногие нарушители закона, что попадают по неосторожности, получают другие, более изощренные виды наказаний: их приговаривают либо к возмещению убытков, либо к лишению конечностей, а то и самой жизни.

Она снова уснула, и ей приснилось, что Кимон пришел спасти ее. Она увидела, как он в сияющем мягком свете спускается из середины мрака, идет решительными шагами прямо по воздуху. Он наклоняется к ней с широкой подбадривающей улыбкой, протягивает руку, чтобы помочь встать. Но на руке не хватает пальцев.

Самидар вздрогнула и проснулась. Боль в голове немного утихла. Она зажмурила глаза, открыла их — ничто не изменилось, абсолютная слепота. Кожа покрылась липкой испариной. Нужно встать, говорила она себе, но для чего? Вместо этого прижала ноги к груди, подобрав под себя юбки, обняла колени, сцепив руки, и стала раскачиваться.

А время шло. Невозможно было определить, как давно она здесь. Иногда ей казалось, что воздух становится прохладнее, и ее знобило. Временами она чувствовала, что задыхается от жары и нескончаемой крошечной тьмы. Она кричала, громко взывая к тем, кто мог ее слышать. Никто не откликался.

От долгого сидения на твердом каменном полу болели ягодицы, промозглый холод пробирал до костей. Одеревеневшая, она все-таки, хоть и с трудом, поднялась. Чтобы согреться, стала ходить по яме вдоль стен и поперек. Двенадцать шагов от стены до стены, она несколько раз пересекала яму, считая шаги, пока окончательно не убедилась в этом.

Ее начала мучить жажда. Она пососала рукав, чтобы вытянуть из него влагу, но это принесло лишь ничтожное облегчение. Один раз она даже лизнула стену в том месте, где, как ей показалось, находилось влажное место, но отвратительный вкус известняка был нестерпим.

Отчаяние медленно уступало место оцепенению, и она бродила без цели, ожидая, чтобы что-то, хоть что-нибудь, произошло. Постепенно оцепенение сменилось безудержным гневом. Она проклинала своего старшего сына. *Ты ответишь мне, Кел,* — поклялась она. Все, что она видела своими незрячими глазами, — это меч, вонзенный в тело Кириги. Все, что она слышала, — это язвительный голос Кела. *Отправь его в преисподнюю, мне это понравится,* — бросил он командиру. Теперь уже не слезы скорби, но слезы ярости и горечи вскипали на ее глазах. Она била кулаком по стене, пока не разбила пальцы.

Наверное, она снова задремала. Может, и нет. Но откуда-то сверху неожиданно донеслись голоса. Слова звучали глухо и неразборчиво, как она ни вслушивалась, стараясь их понять. Затем послышался скрип камня о камень.

Луч солнечного света ворвался сквозь открытое отверстие, осветив середину темницы. Яркий свет заставил ее зажмуриться. Она хлопнула рукой по рту, чтобы сдержать крик радости. Она не ослепла! Просто не видела в черноте запертой ямы, куда совсем не проникал свет. Теперь же света столько, что невозможно терпеть. Прикрыв глаза, она стала осторожно всматриваться сквозь пальцы.

Сверху соскользнула веревка.

— Эй, там внизу! — позвал чей-то голос. — Выйди на свет.

Она помедлила. И когда тот же голос снова окликнул ее, она поднялась на ноги, держась за стену, чтобы не упасть, и, осторожно передвигаясь, встала в центре ямы. Солнце

согревало ее лицо приятным долгожданным теплом.

— Обвяжись веревкой, — велел голос. — Мы вытянем тебя.

Она посмотрела вверх, желая разглядеть того, кто говорил, но сразу же отвела взгляд. Яркий свет больно слепил глаза.

— Пошевеливайся! — нетерпеливо приказал другой голос. — Или мы оставим тебя гнить внизу.

Щурясь, она снова устремила взгляд вверх. Примерно двадцать футов до отверстия, определила она. И никаких ступеней или лестниц, да она и сама убедилась в этом, когда исследовала стены на ощупь. Единственный путь отсюда — эта веревка. Она обвязала туловище свободной петлей, используя узел, которому научилась еще во времена своей юности, наполненной приключениями.

Дернула за провисшую веревку, крикнув: «Готово!»

Веревка туго затянута. Женщину быстро подняли, подхватили под руки и вытянули на поверхность. Она снова закрыла глаза, не в состоянии выносить прямого дневного света. Но свежий воздух чудесно благоухал, и она с наслаждением вдыхала его. Постепенно стала привыкать к свету.

Оглушительный скрежет раздался позади нее, земля задрожала. Самидар обернулась. Высокий треножник располагался над ямой, но отверстие теперь закрывал огромный плоский камень. Тяжелая цепь, продетая через железное кольцо в камне, была перекинута через треножник и закреплена на проржавевшей лебедке. Два солдата, пытая от напряжения, согнулись над рычагом подъемного устройства. Она быстро осмотрелась и узнала строение, где когда-то размещался старый гарнизон.

— Двигай.

Два солдата, стоявшие рядом, толкнули ее в спину, побуждая идти вперед. Те двое, что были у лебедки, отстали.

— Куда мы идем? — осмелилась она спросить стражу. Ответом ей был еще один толчок, но она поняла, что ее вели к зданию, в котором раньше, насколько ей было известно, располагалось начальство.

Но где же те, кто постоянно живет здесь? — подумала она. Когда много лет назад гарнизон съехал, эти здания сразу же заполнили скитальцы и бродяги, бедняки и бездомные Дашрани. Никого из них сейчас не было видно. Кроме нее самой и четырех конвоиров, она заметила несколько групп солдат, разбросанных по всей территории.

Впрочем, в этот самый момент ворота гарнизона раскрылись. Ворота? Она заметила, что их починили. Прежние были почти сорваны с петель. Отряд солдат маршем прошел внутрь. Солдаты построились, как только за ними закрылись ворота, затем их командир рывком приказ «вольно». Немного погодя он распустил солдат, и они рассредоточились по старым казармам.

Итак, гарнизон возвращен. Сидя глубоко под землей, она ничего не слышала. Какие еще перемены случились? И сколько же времени она провела в той яме, в полном одиночестве?

— Не могли бы вы дать мне воды? — вежливо попросила она.

Ее конвоиры ничего не ответили. Чего еще ждать от этих ничтожных солдафонов, языки которым даны лишь для того, чтобы запугивать и угрожать? Она облизала губы и мысленно прокляла их.

Они подошли к посту штаба. Один из ее конвоя выдвинулся вперед, энергично постучал в закрытую дверь и отступил назад. Дверь открылась внутрь, и Самидар успела разглядеть, как сверкнули доспехи, — там находились люди. После кратких препирательств, суть которых была ей не понятна, наружу быстро вышли двое мужчин.

Самидар пришла в ярость. Один из них, тот, что повыше, был тем самым ублюдком, что убил Кириги. Когда встретились их глаза, она почувствовала, как кровь прилила к ее щекам. Он не сделал ни жеста, ни один мускул не дрогнул на его лице, только взгляд был полон издевки.

Второй человек разглядывал ее, казалось, с крайним изумлением. Самидар его никогда прежде не видела, но, пока он ходил вокруг нее, потирая подбородок, она всем своим видом демонстрировала свое презрение. Краем глаза она следила за ним. По одежде определила, что он богат и знатен. Его мундир, поверх штанов из черного шелка, расшит золотом. Сапоги выделаны из лучшей кожи, из такой же сработаны пояс и перевязь, на которой висел искусно выкованный меч. Солнечный свет играл на рубиновом камне, украшавшем головку эфеса.

Мужчина в алой мантии, которую он перебросил через плечо, остановился прямо перед ней. Он явно моложе ее, но и далеко не юноша.

— Где твой сын, женщина? — мягко спросил он.

Она скрестила на груди руки и невозмутимо отвечала:

— Дайте мне воды. До сих пор ваше гостеприимство оставляло желать лучшего.

— У нее мерзкий язык, — прорычал убийца Кириги.

Допрашивавший ее человек прервал его коротким жестом.

— После того, как ответишь на мой вопрос, ты получишь самое лучшее вино в Дашрани.

— Просто воды, — ответила она. — Я не приму ничего другого от палачей, убивающих детей.

Великан осклабился точно так же, как тогда, когда вытащил свой клинок из тела ее младшего сына.

— Позвольте мне заняться этой непокорной шлюхой, и тогда...

Алая мантия взметнулась. Палец угрожающе нацелился.

— Заткни свой рот, Йорул, или проглоти язык.

Этот тон не терпел возражений. Йорул поклонился своему господину, пряча сердитый взгляд, и не сказал ни слова.

Допрос продолжился.

— Женщина, ты знаешь, кто я?

Она наклонила голову вбок.

— Видела я таких, как ты, во многих странах, — вымолвила она наконец. — Этакие ублюдки благородных кровей, которые ставят себя выше всех, которые идут по трупам своих товарищей, чтобы заполучить еще немного власти или влияния, которые делают детей сиротами, а жен вдовами.

Его пристальный взгляд проникал внутрь, по ее телу пробежали холодные мурашки, несмотря на солнечное тепло.

— Ты — хозяин этого зверя, который убил моего Кириги. Твое имя? — Она пожала плечами. — Не имеет значения. Вы оба окажетесь в аду.

Он выпятил губы, явно озадаченный. Провел рукой по своим густым черным волосам.

— Ты ведь пришла, — сказал он, — хоть и долго прожила в моей стране. Я могу простить некоторую дерзость, учитывая эти обстоятельства. — Он подождал пальцем Йорула: — Скажи ей мое имя.

— О, давайте не будем делать из этого спектакля, — резко оборвала она, догадавшись об очевидном. — И воздержимся от официальных церемоний. Ваше имя — Риотамус, король Келед-Зарема, Повелитель Солнца и Луны, Кара на Небесах и на Земле и прочая и прочая, вся эта подобострастная чушь.

Он слегка наклонил голову и улыбнулся.

— А также командующий палачами детей, — добавила она презрительно, с ненавистью глядя на Йорула.

Риотамус пожал плечами.

— На всех из нас лежит какая-нибудь вина, — беззлобно ответил он. — Твоя, например, в том, что родила на свет сына — пса-бунтовщика.

— Но Кел носит твою ливрею, — возразила она.

Его взгляд стал жестким.

— Он и банда его приспешников убили моих дозорных. Это случилось во время

последнего новолуния. Они раздели тела и надругались над ними. С тех пор, одетые в мою форму, они терроризируют всю округу, грабят фермы и деревни, собирая деньги для поддержания своего незаконного дела. Тех, кто не хочет платить или оказывает хоть какое-то сопротивление, они убивают. Сжигают целыми деревнями. — Он потер ладони в приступе раздражения. — И из-за того, что на них моя форма, пошли слухи, что я за все в ответе.

Она усмехнулась:

— Насколько мне известно, слухи эти — сущая правда. Может, тебе хочется больше денег, чтобы набивать ими собственные сундуки, и ты решил, что сможешь делать свои дела, сваливая всю вину на мятежников, рассказывая подобные неубедительные истории. Чтобы усмирить даже небольшое восстание, требуется немало денег.

Он разглядывал ее с любопытством. Неловкое молчание повисло в воздухе.

— Ты и в самом деле так глупа? — наконец промолвил он. — Подобная жестокость может только вызвать сочувствие к мятежникам, и я уверен, твой сын знает об этом. — Он провел по лбу твердым пальцем. — Моя корона вовсе не приз в состязании, и я не собираюсь от нее отказываться. А поскольку твой сын продолжает воевать со мной, я должен сражаться все безжалостнее. И много невинных людей еще пострадает в этой борьбе.

Он шагнул, приблизившись к ней, и уткнул свой палец ей в грудь.

— Пока ты не положишь этому конец и не скажешь мне, где он находится, — спокойно закончил он.

Она многозначительно посмотрела на палец, затем прямо ему в лицо, пока он не убрал его:

— Ты говоришь так, как если бы решил, что Кел — лидер мятежников.

— Лидером является некто Ороладиан, предполагают, что он колдун. Но Кел на'Акьян — его правая рука.

Кел на'Акьян? И она сама, и Кимон были родом из земель, где не принято было иметь больше одного имени. Она повторяла в уме второе имя. «На'Акьян» на ее родном языке примерно означало «холодная кровь». Но ведь она никогда не учила Кела языку Эсгарии. Откуда он узнал?

— Мы шли по его пятам уже несколько дней. Его основные перемещения показывали, что он мог пойти этим путем, поэтому я прислал сюда людей для слежки. Твоя таверна была под наблюдением некоторое время. Мы знали, когда прибудет твой сын, войска под видом безобидного каравана заранее прибыли сюда и окружили таверну. — Он исподлобья посмотрел на нее: — Но он каким-то образом сбежал. Поэтому я вынужден снова спросить тебя: «Где он»?

— Я не знаю, — ответила она.

Его рука обрушилась на нее. От неожиданного удара голова ее запрокинулась, на губах появилась струйка крови. Однако голос его был по-прежнему спокоен и мягок.

— Твой сын разбойник, женщина, он — предатель. По нашим законам, члены его семьи тоже считаются предателями. Ты теряешь право на все свое добро и даже на собственную жизнь. Конечно, я могу пощадить тебя, но прежде ты должна сообщить мне то, что я хочу знать.

Она утерла кровь тыльной стороной руки. Языком облизнула ранку на губе, почувствовав горький привкус во рту. Медленно в ней начала просыпаться другая жажда, прежнее страстное желание, о котором она почти забыла.

— Я не смогла бы сказать тебе, — ответила она неспешно, — даже если бы что-то знала. Мне абсолютно наплевать на твою борьбу. Кому какое дело, которая из свиней хозяйничает в корыте?

Она отбросила назад свои длинные волосы и отвернулась от короля Келед-Зарема, как будто он перестал для нее существовать.

— Дайте мне эту суку! — бросился к ней Йорул, но Риотамус схватил его за руку.

— Я не знаю, как твой сын выбрался из окружения, — продолжал он, — но я намерен поймать его. Он уже натворил слишком много бед. Я даже не знаю, почему он жаждет моей

короны. Но он грабит, убивает и сжигает всех и вся без разбора. Как ты можешь защищать такого человека?

— Он мой сын, — объяснила она.

— Да он отродье надменной грязной шлюхи! — взбесился Йорул, побагровев. Он повернулся к Риотамусу: — Ваше величество, вы не можете больше терпеть эту мерзость. Взгляните, на нас смотрят ваши люди. Они хотят стать свидетелями вашего правосудия. Позвольте мне быть рукой этого правосудия, и я обещаю — она расскажет все, что знает о разбойниках. А потом я устрою зрелище из ее казни, что послужит предупреждением для всех, кто вознамерится восстать против вас.

Она огляделась. Как Йорул и утверждал, остальные солдаты парами или по трое бродили по территории. Некоторые выглядывали из дверей и окон. Она и Риотамус были в центре их едва скрываемого внимания.

Риотамус задумался, как будто взвешивая предложение Йорула. Он потирал свой безбородый подбородок, оглядывал ее с ног до головы, переминался с ноги на ногу.

Она опять отвернула свое лицо, выражая презрение и безразличие к тому, какие слова мог нашептывать Йорул на ухо своему королю. Кровь снова начала сочиться из губы. Она потрогала ее и посмотрела на алое пятно на кончиках пальцев. Этот привкус усиливался, настойчиво напоминая о себе, и она узнала его, сдержав улыбку, полную ненависти.

— Усмири своего пляшущего медведя, — холодно обратилась она к Риотамусу. — Ты говоришь, что закон объявляет меня предательницей из-за моей связи с сыном. — Она сложила на груди руки, предварительно расправив ткань своей туники. — А сам ты подчиняешься закону так же послушно, как часто ссылаешься на него?

— Я и есть закон, — ответил он, приподняв бровь. — Я связан им, потому что это мое слово.

Она нахмурилась:

— Я не знаю ничего о твоём слове. Но знаю о ритуале, который вы называете *Джа-Накрэд Салах Вей*. Я заявляю о своём праве на него.

Она перехватила его изумленный взгляд, и они не отрываясь смотрели друг на друга.

Его удивление сменилось откровенным весельем.

— Забавно! — расхохотался он. — Ни одна женщина еще не требовала *Джа-Накрэд Салах Вей*.

— Я требую его! — резко выкрикнула она, оборвав его смех.

— Ты — пришлая, — объявил он, сжав кулак. — Ты оскорбляешь наш закон, заявляя о своём праве на него!

— Могу ли я быть чужеземкой и одновременно считаться предательницей? — Она сплюнула ему под ноги, втайне наслаждаясь тем, что лицо Йорула снова налилось кровью. — Я прожила в этой стране больше двадцати зим, вела здесь хозяйство, похоронила мужа, — она взглянула на Йорула с ненавистью, — и видела, как здесь убили моего сына. Если я пришлая — отпусти меня, а сам можешь охотиться за Келом на'Акьяном, если тебе это нужно. Ведь чужеземцы не могут отвечать за своих близких, по твоему глупому закону. Или же за эти двадцать лет я все-таки стала законной жительницей твоей страны, в таком случае ты должен предоставить мне право на *Джа-Накрэд Салах Вей*. — Она указала жестом на четверых конвоиров, все еще окружавших ее: — Эти люди слышали, как я обратилась к тебе, так же как и половина всех тех, кто стоит у дверей и у окон, не сомневайся. — Вскинула руку в сторону солдат, слонявшихся бесцельно вокруг: — Все эти — тоже. Они услышат твой ответ и узнают цену твоему закону, твоему так называемому слову. И оно в другой раз, возможно, уже не будет значить для них ничего, если ты откажешь мне. А если не для них, то для других, кто обязательно узнает об этой истории. — Холодная улыбка тронула ее губы. — Ну и, кроме того, подумай, как это будет занятно.

Он посуровел.

— *Джа-Накрэд Салах Вей* не забава, — назидательно сказал он, — это торжественный ритуал, издавна почитаемый в Келед-Зареме.

Она, поджав губы, разглядывала его с выражением скуки на лице.

После некоторого колебания он спросил:

— Кого ты выбираешь?

Она посмотрела на Йорула и плюнула ему на сапоги.

— Кого же еще, как не твою ручную свинью?

Рука Йорула потянулась к рукоятке меча. Задрожав всем своим огромным телом, он с трудом сдерживал ярость в ответ на ее оскорбление.

— Я согласен. — Великан процедил слова, похожие на змеиный свист.

Но Риотамус все еще пребывал в нерешительности.

— Он почти в два раза больше тебя, — обратился он к Самидар. — Немногие могут соперничать с ним на мечах. Выбрав его, ты выбираешь поражение.

Она прикрыла глаза.

— Только его, — настаивала она.

Смущенная улыбка неожиданно показалась на лице короля.

— Но почему, женщина?

Она опять дотронулась до своей губы, выставила на солнце палец, на котором алела кровь, и показала ее Риотамусу.

— На его оружии кровь моего сына, — сурово сказала она, — моего невинного сына Кириги, не причинившего зла ни одному человеку, который умер девственником, ни разу за свою короткую жизнь не поднявшим меча. — Она обернулась и вперилась взглядом прямо в глаза Йорула, продолжая говорить. — Эта тварь, что носит твою униформу, — сущая свинья, меньше всего на свете, даже кучи дерьма на пути каравана, она достойна того, чтобы жить на этой земле, где жил мой ребенок. Эта тварь рядом с тобой, Риотамус, — насекомое, уродливый клоп-кровопийца, и боги готовы вознаградить того, кто раздавит его.

— Но, — предостерег Риотамус, — ты женщина. А этот ритуал — для мужчин.

Она пожала плечами:

— Мечу все равно.

Йорул выпрямился во весь свой внушительный рост.

— Позвольте мне принять этот вызов, ваше величество, — уговаривал он, выпячивая грудь. — Пусть груди и бока у нее округлые, но это не женщина, а чудовищная шлюха, в чреве своем она взрастила мятежника, который вышел из нее, как зараза из куска падали. И эта мерзость, жалкая тошнотворная скотина, брыкается тут, оскорбляя монарха. Ее присутствие оскверняет землю, которую я люблю, и когда я убью ее, вы будете свидетелями не смерти, а очищения.

Самидар кивнула. *Джа-Накред Салах Вей* уже начался, даже без королевского позволения. Состоялся ритуал осыпания друг друга оскорблениями. Затем последует обмен ложными ударами. Оба соперника должны по очереди, притворяясь, изобразить как свою победу, так и поражение. И только после этого начнется настоящее сражение.

Если Риотамус даст на то свое согласие.

— Ты действительно выбрала для себя этот путь? — спросил ее король. — Я ведь могу спасти тебя. Только отдай мне своего сына, Кела на'Акьяна.

Она собрала свои длинные волосы в руку, завязала их в тяжелый хвост и отбросила его назад так, что он повис между лопатками.

— Я не желаю, чтобы ты меня спасал, — ответила она. — К тому же одной семье достаточно одного предателя. Я не могу изменить своему сыну.

Он покачал головой:

— Вот ты сама себя и осудила. Сохраняя верность Келу на'Акьяну, ты предаешь своего короля.

Риотамус сказал это совсем негромко, почти шепотом, но она была непоколебима.

— Если ты мой король, значит, я полноправная жительница Келед-Зарема. Я выдвинула законное требование. Ты не можешь мне отказать.

Риотамус пожал плечами и отошел на несколько шагов.

— Ты знаешь правила *Джа-Накред Салах Вей* ? Этот ритуал священен, он установлен нашими предками и должен соблюдаться со всей строгостью. Немногие мужчины решаются на это испытание. Оно — высшее проявление нашего этикета.

Ома не произнесла ни слова, но кивнула в знак согласия.

Он жестом указал одному из ее конвоиров:

— Отдай ей свой клинок, а вы все освободите место.

Ей вложили в руку меч, и она глубоко вдохнула запах хорошей стали, этот чистый аромат смазки, которым она так давно не наслаждалась. И все же это был очень знакомый запах, заставлявший быстрее бежать кровь в ее жилах. Пальцы обвили рукоять меча. Она подняла оружие, сжимая его двумя руками, стараясь скрыть недовольство, готовое проявиться на лице. Кованный меч слегка изогнут — такая форма популярна в Келед-Зареме. Как это может сказаться на ее технике фехтования двумя руками? И вообще, сохранила ли она хоть какие-то навыки, а уж тем более технику?

— Обменялись ли вы оскорблениями?

Оба противника подтвердили это.

— *Джа-Накред Салах Вей* , — провозгласил Риотамус. Он повернулся к Йорулу: — Покажи свое мастерство, приемы и удары, которые ты будешь использовать, чтобы справиться с соперником.

Самидар знала, что от нее требовалось. Она опустила меч и встала совершенно неподвижно. Йорул вытащил свое оружие: Оно сверкнуло неожиданно, описав светящийся круг над его головой, солнечный свет, вспыхнув на нем, рассыпался звездами, отразившись на стенах. Вниз оно опустилось, метя прямо в череп, чтобы остановиться точно над головой на расстоянии в ширину ладони. Она даже не вздрогнула от столь явного удара, от него можно было бы уклониться с легкостью, по крайней мере ей это удавалось в молодости.

Йорул отступил на шаг. Клинок вращался вокруг его тела, выписывал в воздухе ослепительные, замысловатые фигуры, с невероятной легкостью перелетал из одной руки в другую. Великан демонстрировал свое мастерство с непринужденным изяществом, производя на нее должное впечатление. Острое лезвие убийцы по очереди приближалось к ее голове, шее, бокам, каждый из этих потенциальных ударов мог быть смертельным.

Когда на челе Йорула выступили капельки пота, Самидар вскинула вверх руки и, изобразив беззвучный стон, упала навзничь в пыль. Она полежала немного, прислушиваясь к учащенному биению своего сердца. Затем поднялась.

Злобная ухмылка искривила рот Йорула, когда он вставил меч в ножны.

— *Джа-Накред Салах Вей* , — повторил торжественным голосом Риотамус. — Покажи свое мастерство, приемы и удары, которые ты будешь использовать, чтобы справиться с соперником.

Самидар снова глубоко вздохнула и подняла свой меч. Сделав шаг навстречу своему противнику, она неловко повертела рукоятку в сжатых руках, неуклюже перебросила оружие из левой руки в правую и затем снова в левую. Неожиданно зацепилась о подол своих юбок и чуть не упала.

Взрыв хохота оглушил ее. Она совсем забыла о других солдатах на территории гарнизона, собравшихся посмотреть. Их было около ста человек, прикинула она, все они были посланы, чтобы окружить и захватить Кела. Теперь же все подтянулись сюда из казарм, сараев и других помещений, и она почувствовала себя в ловушке.

А вот и их командир, подумала она, снова приближаясь к Йорулу. Низко согнувшись, она в отчаянии осознавала, что совершенно разучилась пользоваться мечом. Слишком много лет прошло, время похитило ее мастерство и отняло силы. У нее выносливость танцовщицы, но не воина. Меч слишком тяжел для ее рук, а то, что она побывала в темнице без пищи и воды, тоже не прибавило ей сил.

Она смотрела в упор на человека, убившего ее сына, прекрасного Кириги, и жгучая ненависть наполнила ее. На мгновение ей показалось, что меч уже не так сильно оттягивает руки, и она поняла, что у нее всего лишь один шанс.

Йорул выжидал, не скрывая глумливой ухмылки на лице.

Она размахнулась изо всех сил. Блеснувшее острие воткнулось в шею, пронзив ее насквозь. Хлынула алая струя, он упал наземь, и было слышно, как со свистом выходит воздух из легких через рассеченное горло. Рот Йорула округлился в безмолвном крике, рука конвульсивно заскребла землю. Наконец он затих.

Гневный рев поднялся во всем гарнизоне.

Самидар посмотрела в сторону Риотамуса, не в силах сдержать странную улыбку на своем лице. Чувство пьянящего восторга охватило ее. Она подняла вверх обгаренные руки, держа меч, с которого стекала кровь.

— Старая жажда утолена, — крикнула она келедскому королю. — Кириги отомщен, а этот пляшущий медведь, — она кинула взгляд на тело Йорула и плюнула на него, — больше не будет плясать.

Риотамус побледнел, не веря в случившееся, в его глазах она увидела осуждение.

Священный ритуал *Джа-Накрэд Салах Вей* ничего не значил для нее. Она лишь отомстила за своего сына. Теперь его дух может покоиться с миром. Но иная мысль вдруг обожгла ее, когда она стояла там. Как же Кел? Ведь ее родной сын был виновен в смерти Кириги не меньше, чем Йорул.

Меч выпал из внезапно онемевших пальцев. Он ударился о землю, подняв небольшой клуб пыли, которая мгновенно осела на окровавленном лезвии. Так же внезапно она расхохоталась, слезы истерики залили ее лицо.

— Повесить ее! — заревел Риотамус. — Отвести за ворота и повесить! Пусть висит, пока мясо не отвалится от костей! Бесчестная шлюха!

Чьи-то руки схватили ее и поволокли через весь гарнизон. Ее рот не закрывался, изливая потоки ругательств, осыпая проклятиями тело Йорула. Он был мертв, но ей этого было мало. Она проклинала его на всех языках, которые знала, посылая его во все круги ада, о которых только слышала, заклиная именами всех мыслимых богов, пока ненавистное тело не осталось позади, заслоняемое окружавшими ее солдатами.

Они протащили ее к воротам гарнизона, затем вышли через ворота.

Все было кончено. Она уже больше ничего не могла сделать для Кириги. Каким-то образом со странным спокойствием ей удалось подняться на ноги и идти самой. Руки были жестоко скручены сзади, но она не чувствовала боли. Она не испытывала ничего, кроме сладостного чувства отрешенности. Они шли по знакомым улицам, знакомые лица выглядывали из окон и дверей. Она улыбалась им — друзьям, соседям, людям, с которыми вела свои дела.

Показались городские ворота. Над входом крепилась толстая деревянная балка. Они перебросят через нее веревку, думала она, и вздернут ее. Но к чему они привяжут другой конец? Ничего подходящего она не увидела. Неужели им придется самим удерживать веревку? Вряд ли, ведь висеть ей до тех пор, пока мясо не отделится от костей.

Она устремила взгляд за ворота. Там, у дороги, увидела свою таверну, закрытую, без единой души.

Веревка взметнулась вверх, разматываясь в воздухе, и опустилась, подобно шелковой нити, на неотесанную, грубую перекладину. Наполненная сверхъестественным спокойствием, Самидар ждала, когда кто-нибудь затянет петлю вокруг ее шеи.

Вдруг она услышала короткий вздох и почувствовала, как разжались руки, державшие ее. Она обернулась. На солнце блеснула сталь меча. На долю мгновения ей показалось, что она снова находится в гарнизоне и видит Йорула. Меч прошелся по мягкой плоти горла, поднялся и обрушился вновь. Звенел металл, сыпались удары, лилась кровь.

Все закончилось очень быстро.

— Четверо, — вымолвила она, непонимающе уставившись на тела своих конвоиров. Двое лежали ничком, не успев вытащить мечи из ножен. Один из них сжимал конец веревки. Еще один истекал кровью, получив рану в шею. Последний был разрублен от паха до груди.

Кто-то схватил ее за руку.

— Пошли! — быстро шепнул чей-то голос. — Живей, черт бы тебя!

Она безвольно последовала за тем, кто тянул ее назад в город, увлекая за угол и дальше по улице. *Кто-нибудь обязательно найдет тела*, — думала она про себя. — *Уж их-то мясо не успеет отвалиться от костей*.

Она внезапно остановилась, когда ее резко дернули за рукав. Что-то насильно вкладывали ей в руки. Кто-то пихал и подталкивал ее, пытаясь поднять, хватаясь за те места, которые не пристало трогать. Ей это не понравилось. Вовсе. Вспомнилось, как конвоиры пихали ее, когда тащили из ямы.

Самидар ребром ладони нанесла вслепую удар по чему-то жесткому, в ответ услышала громкие ругательства. И только теперь, не без труда, ей удалось освободиться от тумана в голове.

— Тамен! — воскликнула она, узнав наконец своего спасителя. Она посмотрела на то, что он силен в сунуть ей в правую руку. Поводья, поняла она. Тамен пытался посадить ее на лошадь. Она бросилась ему на шею, поцеловала в щеку, на которой еще горело пятно — след от ее удара.

— Что ты натворил, старина?

— Помог тебе спастись, — был короткий ответ. — А сейчас полезай на животное и чеши отсюда. Наверняка найдутся свидетели того, как я потрошил тех четверых, и, хотя никто из них не пикнул, их быстрехонько отыщут, не сомневайся. Давай, женщина, мчи!

— Тебе тоже нужно скрыться! — убеждала она. — Ты не можешь теперь оставаться!

— У меня жена, — отрезал он. — Старая карга без единого волоса на голове. Вот почему ты ни разу не видела ее. Но я не могу оставить ее одну. Верю, горожане не сдадут меня, и мы ночью куда-нибудь смоемся. Она не прочь вечером проветриться, стоит только шляпу надеть.

— Я тебе отплачу, — второпях обещала она, взбираясь на лошадь. — Найду как.

Она заправила под себя юбки так, чтобы кожаное седло не натирало бедра.

— Только поторопись, — велел он. — Никому из нас не по нраву, как эти солдаты обошлись с твоим малышом. Слыхал, что они сожгли крестьянскую ферму днем раньше, и не поверил, пока не увидел, что они с тобой сделали.

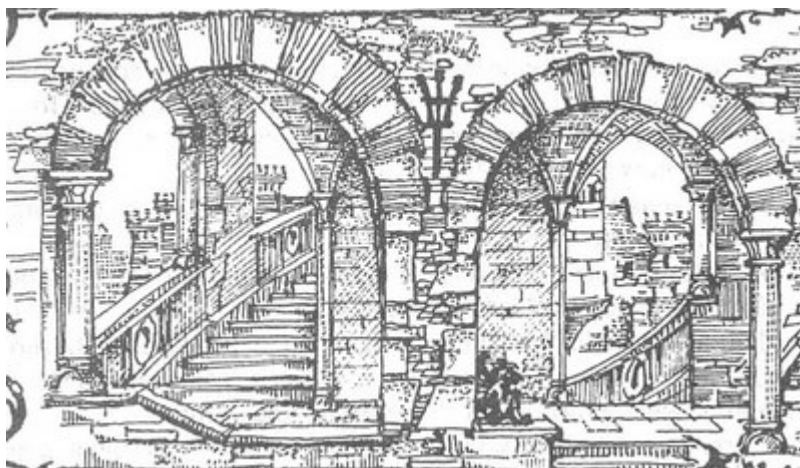
— В каждой войне — две стороны, Тамен, — предупредила она его. — Будь настороже и никому не верь. И обязательно скройся сегодня же ночью.

Старик шлепнул лошадь по крупу. Та понеслась по улице, резко взяла за угол так, что Самидар чуть не вылетела из седла. Ухватившись за гриву, она подтянулась, села ровно и направилась к городским воротам. Она решилась оглянуться через плечо. Невероятно, но ни одного солдата не было видно, хотя несколько голов маячило за полужакрытыми окнами.

Она поняла, что этим она обязана Йорулу. Келедцы хоронили своих мертвецов как можно раньше, веруя в то, что, если оставить тело непогребенным до восхода солнца или до заката, душа покойника будет наказывать живых. И конечно же, большинство людей, должно быть, заняты сейчас похоронами. Благодаря Йорулу никто не препятствовал ей на пути. Она усмехнулась этой иронии судьбы.

Самидар проскакала мимо четырех неподвижных тел, сквозь ворота. В последний момент она выбросила руку и ухватила за конец веревки, на которой ее должны были повесить. Сдернула ее с балки и бросила лежать в пыли на дороге, по которой стремилась прочь.

Глава 4

Сны нашей юности годы пожрали,
Были мы лучшими — худшими стали;
Хоть и стары мы — но силушка есть,
Жаль, что забудут, лишь кончится песнь.

Дождь, который давно собирался, наконец хлынул ночью. Он лил сплошной стеной, колотя по дороге. Отяжелевшие от воды ветки деревьев клонились до самой земли. Дождь совершенно прибил траву; ударяясь о глубокие грязные лужи, он быстрыми потоками стекал вниз по еле заметным склонам. Равнины поблескивали новыми озерами.

Яркие молнии вспыхивали фиолетовым, иногда белым светом из-за густых темных туч. Гром сотрясал воздух.

Самидар, спустившаяся с гор на лошади, представляла собою жалкое зрелище. Волосы пристали к лицу, юбки, облепившие ноги, распластались по бокам и крупу лошади. Вода ручьями лилась с ресниц. Она беспрестанно вытирала глаза, чтобы лучше видеть. Дождь укалывал ее кожу как бы ледяными иглами, а тонкая туника совсем не грела.

Лошадь скакала по черному месиву, которое когда-то было дорогой. Самидар чувствовала, как дрожит, низко опустив голову, бедное животное, как вода струится по его насквозь мокрой гриве.

Погода вынудила всадницу держаться дороги. Было темно, и дождь лил слишком сильно, чтобы можно было как следует сориентироваться. Будь у нее такая возможность, она бы поскакала напрямик через поле. Но такой отвратительной ночью, боялась она, лошадь может попасть в невидимую яму или узкую канаву и сломать ногу. Поэтому Самидар предпочла скакать по дороге, которая должна привести ее прямо к цели.

Она вымокла и продрогла, но, как ни странно, безжалостный ливень заглушал ее боль, уносил с собой большую ее часть. Солнце садилось, когда она лежала лицом вниз на могиле Кимона; пошел дождь, и ее лицо и руки перепачкала земля с могильного холма. Но когда она наконец поднялась, ливень быстро смыл грязь. Это сильно затронуло что-то в ее душе, и тогда, взобравшись на лошадь, она покинула горы, зная, что ей уже никогда не вернуться к прежней жизни, которую они строили вместе с Кимоном.

Ослепительная молния с треском расколола небо. Самидар вскинула руку, чтобы прикрыть глаза, но слишком поздно, и безрадостный пейзаж, выхваченный светом, остался гореть перед глазами. Последовал оглушительный гром, проняв до самых костей, так что у нее перехватило дыхание.

Ее лошадь лишь подняла голову, моргнула и затем, опустив морду, продолжила свой нелегкий путь.

Станный запах коснулся ноздрей Самидар. Она втянула носом воздух. Запах становился все сильнее, но она еще не могла определить, что это так сильно пахнет. Принюхалась еще раз. Влага мешала распознать этот запах, притупляла обоняние. И все же он усиливался, становясь все явственнее.

Это был запах сырой золы.

Ее таверны больше не существовало, она сгорела дотла. Слабый отблеск далекой молнии осветил часть очага на кухне. Там и здесь Самидар различала обгоревшие предметы, бывшие некогда потолочными балками или частями столов. Почерневший кусок, имевший скорее круглую форму, похоже, прежде был ее железным чайником. Больше не осталось ничего. Даже конюшня превратилась в пепел, а лошади ее сейчас, наверное, в гарнизоне Риотамуса, предположила она.

Соскользнув с седла, она стала бродить среди руин, шевеля обгорелый хлам босыми ногами. Огонь уже давно погас, даже угли не тлели. Зола была холодной и влажной. Ее ступни и подола юбок сразу же стали черными. Она прошла к очагу, кирпичи разбиты и опалены. Не выдержав легкого толчка, они рассыпались с глухим стуком.

Был ли сначала предан земле Кириги? — гадала она. Или в этом пепле есть и его останки? И если покопаться, она сможет найти его обгоревшие кости? Она снова внимательно рассматривала все вокруг, готовая чуть ли не голыми руками разгрести эти обуглившиеся развалины. Но в такой мгле ей не суждено сделать это.

Она вернулась к лошади и оглянулась, бросив прощальный взгляд на то, что некогда было ее домом. На мгновение воздух наполнился звуками: смехом, криками любовной страсти, стонами при родах. Это были их звуки — ее и Кимона, и Кела, и Кириги. Столь многое исчезло, затерялось в этой куче зловонной золы, и, когда она уедет, здесь будет пусто; невозможно ничем измерить эти потери.

Она взяла лошадь под уздцы и вывела ее через грязь дороги на чистую, прибитую дождем траву. Тщательно стерла золу со своих ног.

До сих пор она выжидала, чтобы вернуться сюда ночью в надежде забрать кое-что из своих вещей, которые могли бы ей понадобиться в дороге. Но слишком поздно. Все теперь было слишком поздно.

Она села в седло и направила лошадь через луг на север, оставив руины за спиной. В такую ночь даже стены Дашрани, что находятся на западе, невозможно увидеть, потому она совсем не беспокоилась, что кто-то заметит ее.

Не светила луна, по которой можно определить время. Она скакала, пригнувшись к седлу, намотав на руку скользкие поводья. Дождь не ослабевал. Холодная вода потоками сбегала вниз по лицу, шее, между грудями. Ее снова стала бить дрожь, а зубы застучали.

Еще в юности она знала, что случаются подобные грозы — бури, которые вызывают ведьмы в ее родной стране, далекой Эсгариин. Ее мать была такой ведьмой, изобретательной и могущественной в своем мастерстве. Самидар слышала, как мать произносила заклинания и обращала жаркие летние вечера в бушующие кошмары. Она видела, как та жестами превращала небольшую рябь на поверхности моря Календи в огромные, разрушительной силы волны, как призывала к себе необыкновенные молнии, которые обвивались вокруг запястий, подобно сверкающим змеям, послушным ее воле.

Но эта буря вызвана не колдовством. Ей не хватает осмысленности, направленности. Необузданная гроза обрушивается со всей своей яростной, неуправляемой мощью. Струи дождя хлещут по телу, молнии слепят глаза, гром оглушает. Гроза бушует без цели, ведь сама природа так же свирепа и неумолима, как и преднамеренное колдовство.

Может, это боги послали дождь, желая ее проучить? В свое время она обидела некоторых из них. И теперь они предпочли унизить ее, повернуть колесо судьбы, загнав его в самую мрачную чащу? Неужели это боги настроили одного из ее сыновей против другого и отняли жизнь у второго? Неужели это боги захотели, чтобы ее выволокли из собственного дома и сожгли его дотла?

Она сплюнула по ветру. В чем еще она могла бы обвинить богов, если бы постаралась? *Моя судьба в собственных руках*, — всплыло в памяти. Это была старая эсгарианская поговорка, и она часто повторяла ее в те далекие времена. Правда, сейчас, когда она вспомнила эти слова, у нее не было под рукой меча.

Самидар имела смутное представление о том, куда направлялась. Ею двигал страх, что

если она остановится, то вернутся душевная боль и муки, которые заставят броситься на раскисшую землю, и тогда ей уже не подняться. Не важно, куда идти, главное — продолжать движение.

И все же, когда справа от нее показалось ровное, теплое мерцание света, она, поколебавшись, медленным шагом тронулась ему навстречу. Из-за темноты и грозы она чуть не проехала мимо хозяйства соседа. Приблизившись, всадница увидела, что горячий, яркий свет от огня в кузнечном горне освещает внутреннюю часть небольшого крепкого сарая. Двери сарая были распахнуты. Она въехала внутрь.

— Амалки! — позвала она.

Из кузницы вихрем выскочил мужчина, размахивая раскаленной добела кочергой, будто саблей. Его темные волосы и короткая борода были мокрыми от пота, обнаженная грудь и руки блестели в красных отблесках огня. Он вытаращил глаза, узнав ее, затем взгляд его стал жестким. Сунул кочергу в обуглившееся по краям ведро с водой, где она зашипела, образуя облако пара, бросился мимо нее не говоря ни слова, чтобы закрыть двери.

— Где ты была? — сбивчиво зашептал он. — Люди короля обшарили все вокруг в поисках тебя. Они нашли старика Тамена и повесили его!

Она соскользнула вниз из седла.

— Ублюдки, — пробормотала она, придвигаясь к горну. От него исходил сильный жар, обещавший быстро изгнать холод из ее вен. — Тамен был моим лучшим завсегдатаем и отличным другом.

Женщина замолчала, пытаясь оживить в памяти хотя бы некоторые из его посещений, вспоминая самые забавные выходки.

— Еще один труп у залитых кровью ног Риотамуса, — вымолвила она наконец. — Может, в конце концов, у этих мятежников имеются веские причины для того, чтобы бунтовать.

— Попридержи свой острый язык, Самидар, — предостерег ее Амалки. — Ты греешься у моего огня, и, как ты знаешь, я служил в армии короля. Риотамус не самый великий из правителей, но он не тиран.

Амалки передал ей грубое одеяло, что лежало сложенным на перевернутой бочке. Оно было сыроватым, скорее всего он набрасывал его на плечи, когда выходил под дождь. Она с благодарностью взяла одеяло, неохотно принеся кузнецу свои извинения.

— Почему ты здесь, а не в доме? — спросила она, меняя тему разговора.

Амалки указал на стойло, где на подстилке из свежей соломы лежала, подобрав под себя ноги, худая на вид лошадь.

— Из-за больной кобылы. Я боялся, что сырость и холод прикончат ее, вот и разжег горн, чтобы согреть животное.

— Думаю, ей тепло, — заметила Самидар, испытывая незнакомое прежде удовольствие от такого пустячного разговора. — А с закрытыми дверями здесь скоро будет как в печке.

Он кивнул, усаживаясь на бочку, чтобы рассмотреть ее. Молчание повисло в помещении кузни. Она отвернулась, уклоняясь от его взгляда, и уставилась на пылающие угли.

— У меня есть кое-что из твоих вещей, — произнес он наконец.

Она снова повернула к нему свое лицо, смутная надежда шевельнулась в ее груди.

— Когда ты согреешься и обсохнешь, мы пройдем в дом. — Он, должно быть, прочитал вопрос в ее глазах. — Я ехал по дороге, когда солдаты собирались сжечь твою таверну. — Он опустил голову, но затем его губы расплылись в скупой улыбке. — Я подумал, глупо допустить, чтобы все сгорело, поэтому отвел в сторонку сержанта и предложил ему мешочек с монетами, чтобы тот позволил мне забрать вещи. — Он вытер пот с лица тыльной стороной ладони. — Разумеется, ты можешь все взять обратно.

Из вещей, если только ему удалось их спасти, ей нужно было совсем немного. Она не могла обременять себя лишним грузом. Ее жизнь в таверне закончилась, и было бессмысленно хранить что-то на память.

— И что ты забрал? — спросила она.

Амалки пожал плечами:

— Не знаю, честное слово. У меня была тележка, и я погрузил на нее все, что попало под руку. Потом пошел дождь и застал меня в дороге. Я затащил все вещи в дом, чтобы спасти от воды, но разобрать их руки так и не дошли: пришлось все это время находиться здесь, ухаживать за этим несчастным животным.

— А был ли среди вещей сундук? — расспрашивала она. — Деревянный сундук примерно вот таких размеров, с тремя металлическими ободами и железным кольцом?

Он призадумался:

— Да, думаю, что я его привез.

Она облизнула нижнюю губу. От жары ей захотелось пить.

— Все вещи — твои, — сообщила она ему, — не считая нескольких предметов из того самого сундука. — Она вернулась к лошади и вытянула подпругу. — Я расседлаю коня, если ты не против. Ненадолго. Он тоже весь вымок, а седельная попона посушит его.

Амалки мягко отстранил ее, взяв за плечи, и сам снял седло. Он развернул маленькую вязаную попону, чтобы просушить ее у горна.

— Ты тоже всегда был отличным другом, Амалки, — призналась она. — Но ты знаешь, я не могу здесь долго оставаться.

Даже не взглянув на нее, он схватил скребницу и принялся обихаживать лошадь.

— Нельзя, чтобы она заболела, — сказал он в ответ. Затем добавил: — Никто не будет искать тебя, пока не закончится гроза. Непохоже, что это случится скоро. Ты сможешь отдохнуть здесь и поесть чего-нибудь, а затем, на рассвете, отправишься.

Пока он скреб лошадь, она вернулась к горну погреться.

— Я не могу ждать так долго, — сказала она, — но, впрочем, от еды не откажусь. Умираю от голода. Я так до сих пор и не знаю, сколько времени они продержали меня в той чертовой яме.

— Два дня, — отозвался он. — Солдаты объезжали все крестьянские хозяйства, объявляя о твоём аресте. — Он посмотрел на нее через плечо, плотно сжав губы. — Я очень сожалею о Кириги. Он был славным парнем, для каждого человека находил добрые слова. И потом, он был так молод, только-только вступал в пору зрелости. — Покачал головой: — Какое горе. Но по крайней мере ты наказала убийцу. Жаль, что тебе пришлось нарушить ради этого священный ритуал.

Ей не хотелось об этом говорить, но некоторое осуждение в его голосе задело ее.

— Посмотри на меня, Амалки, — потребовала она. — Я прожила уже сорок три зимы! Я старая женщина по всем меркам, существующим у большинства народов. — Она сглотнула прежде, чем продолжить. — Негодяй убил моего невинного сына, не дав ему даже возможности защищаться. Я отомстила, это все, что мне было нужно, и к черту ритуал! У Йорула было больше шансов, чем у Кириги. По крайней мере, эта свинья держала меч в руках.

Амалки не ответил. Он сосредоточенно работал скребницей, поглаживая лошадь от холки до крестца. Она мрачно смотрела на него и на его вытянутую, колеблющуюся тень на дальней стене.

— Можно, я посмотрю свои вещи? — спросила она, охваченная внезапным нетерпением.

Амалки отложил в сторону скребницу и, прислонившись к крупу лошади, взглянул на нее.

— Я не хотел тебя обидеть, — мягко произнес он. — Это мне трудно понять, как можно не соблюдать традиции моего народа, но иногда я забываю, что ты-то родилась не на этой земле. Ты сделала то, что должна была сделать.

— Я бы снова сделала это. — Она печально покачала головой. — У тебя никогда не было своих детей, Амалки. Ты не понимаешь, на что готовы пойти родители ради них.

Его лицо озарилось смущенной улыбкой.

— Может быть, скоро пойму — как знать.

Самидар немного смягчилась:

— Как Тери?

Амалки показал руками большой живот, и его улыбка стала еще шире.

— К началу новой луны, — поделился он. — С последним караваном проходила ясновидица. Она предсказывала Тери будущее. — Он просиял, рассказывая. — У нас будет мальчик, Самидар.

Она прикрыла рот. Нет необходимости рассказывать ему о том, какие беды может принести сын. К тому же никогда нельзя доверять словам ясновидиц. За монету они расскажут то, что от них больше всего хотят услышать. Конечно, Амалки хотелось иметь сына, а Тери готова была подарить ему этого сына. А если родится дочь, ясновидицы и след простынет, но родители все равно будут счастливы. Так всегда бывает.

Она вытерла пот с лица. При закрытых дверях жар в сарае усиливался. Ткань ее тупики подсыхала, становясь жесткой и колючей, и ей стало неприятно.

— Мне бы по-прежнему хотелось взглянуть на тот сундук, — произнесла она.

Амалки кивнул, завел лошадь в стойло и бросил ей охапку свежего сена. Затем прошел к дверям, приоткрыл их и высунул голову наружу.

— Просто проверяю, — сказал он, немного стесняясь. — Вряд ли кто-нибудь станет искать тебя в такую грозу.

Он махнул рукой, чтобы она шла за ним.

Дождь изливался сплошной стеной, поднявшийся шквалистый ветер хлестал изо всех сил. Она побежала вслед за Амалки, разбрызгивая грязь босыми ступнями, ее юбки развевались, путаясь между ног. Мокрые волосы лезли в глаза. Она тщетно пыталась убрать их назад, не теряя из виду неясные очертания его маленького домика.

Амалки первым добежал до двери дома и постучал. Было видно, как старое дерево затряслось под его кулаком. Самидар догнала его как раз в тот момент, когда отворилась дверь.

Тери отпрянула назад, когда они заскочили внутрь. Увидев Самидар, она удивилась безмерно: глаза расширились, челюсть отпала. Амалки взял из маленьких рук своей жены деревянный брус и установил его поперек двери, снова заперев ее.

— Без него дверь не держится, — сказал он. — Никак не соберусь сделать приличный запор.

Тери поймала его руку, она вопросительно смотрела на вошедших.

Амалки поцеловал ее, желая успокоить.

— Собери мешок. — Он начал давать указания. — Наполни его едой, которая не испортится в пути. Достань и мех для воды. — Он сделал паузу, поморщившись при виде лужи, натекашей на пол, стряхнул капли дождя с груди и рук. — Пусть это будет мех для вина. Воды кругом и так достаточно.

Тери замешкалась, одной рукой придерживая свой большой живот. Она перевела взгляд с Самидар на своего мужа и глубоко вздохнула.

— Дай ей сухую одежду переодеться, — велела она мужу, направляясь к крошечной кухне. — У нее есть лошадь? Мы поможем ей, но она не может здесь оставаться.

У входа в кухню она остановилась и обернулась, посмотрев прямо на Самидар:

— Если бы речь шла только об Амалки и обо мне, я бы сделала для тебя все, что угодно. Ты всегда была хорошей соседкой. — Она погладила свой живот. — Но теперь нам нужно думать о ребенке.

Самидар кивнула.

— Вы уже и так сильно рискуете, и я вам очень признательна.

Она взглянула на Амалки и еще раз напомнила о сундуке. Чем дольше она находится в этом доме, тем большей опасности подвергаются ее друзья.

— Он в задней комнате, — сказал Амалки, беря в руки масляную лампу.

Она прошла вслед за ним. Лампа осветила комнату желтым светом, который дрожал и

колыхался, так как ветер проникал через щели между досками, из которых были сделаны стены, и заставлял слабый огонек колыхаться.

Она и не знала, что Амалки был таким собирателем вещей. Или лучше было бы сказать, собирателем мусора. Комната была забита старыми инструментами и утварью, ящиками, обрывками кожи, парусины, а также кусками тканей, названий которых она даже не знала, разноцветными камнями величиной с кулак, одеждой, набросанной в кучи как попало. Все находилось в полном беспорядке.

— Нет, я не вор, — пояснил он. — Я брожу по дорогам, где проходят караваны. Просто удивительно, чего только там не найдешь: кое-что люди выбрасывают сами, а что-то — теряют, не заметив, как оно выпало из их повозок. А иногда я делаю для них что-нибудь — поставлю колесо или починю сбрую, — и мне платят вещами.

— Ты мог бы открыть лавку в Дашрани, — заметила она.

— Не хочу жить в городе, — пренебрежительно бросил он. — Но когда родится ребенок, мне, возможно, придется продать часть из них.

Она увидела свои вещи, валявшиеся повсюду. Кастрюли, бочонок ее лучшего пива.

— Выпейте его, — посоветовала она, — иначе оно быстро испортится.

Здесь были ее некоторые юбки и *думбеки* Кириги. Она провела по нему пальцами, вспоминая. Здесь же заметила другие предметы, принадлежавшие Кириги. Из всех сил она старалась не обращать на них внимания. Наконец обнаружила свой сундук, наполовину заваленный коврами, что прежде устилали пол в ее маленькой спальне.

— Ты многое успел собрать, — серьезным голосом отметила она.

Амалки пожал плечами:

— Там осталось намного больше, но сержант был нетерпелив.

Самидар отодвинула в сторону ковры и подняла крышку сундука.

— Поднеси свет поближе, — попросила она, вставая на колени. — И потом, ради Тери, тебе лучше оставить меня одну, чтобы я могла переодеться.

Амалки поставил лампу на полку, чтобы осветить содержимое сундука.

— Ради Тери, — произнес он с едва скрываемой улыбкой, — или ради меня самого?

Она подождала, пока он уйдет. Оставшись одна, Самидар со вздохом откинулась, положив руку на старый сундук. Ей снова хотелось плакать, но слез уже не осталось. Вместо этого она послушала, как дождь ударяет по тонким дощатым стенам, и погладила себя по плечам. В продуваемой ветром комнате было холодно.

Наконец, собравшись духом, женщина склонилась над сундуком. Она доставала из него предмет за предметом, воспоминание за воспоминанием. Вот шаль, которую подарил ей Кимон много лет тому назад, с яркой вышивкой и жемчужинами, нашитыми по краям. Вот одеяло, которым они укрывались в ту первую ночь в таверне. А вот другое одеяло, то самое, в которое Кимон с такой гордостью завернул своего новорожденного сына. Под одеялами лежала одежда. Она любовно перебрала ее, откладывая в сторону. Амалки не имел понятия о том, сколько вещей она собирается оставить ему, а какие возьмет с собой. С ее вещами он церемониться не будет. Может быть, поэтому она мешкала.

Добравшись до самого дна старого сундука, она нашла то, что искала. Старая одежда, сложенная и связанная ремнем в узел. Самидар положила узел недалеко от себя, отдельно от той кучи, что состояла из ее воспоминаний, и снова полезла в сундук.

Ее меч был на месте. Ножны потертые и поцарапаны, но, стоило ей слегка вытащить из них клинок, свет от лампы засиял на остром лезвии. Запах масла коснулся ее ноздрей, запах тонкого слоя смазки, защищавшей сталь от ржавчины. Она вернула меч в ножны и рассмотрела ничем не украшенную рукоять — на оплетке ясно виднелись следы рук.

Она подержала меч на сгибе локтя, почти как ребенка. Легкий вздох сорвался с губ, когда она прислонила его к сундуку.

Следующими на поверхность были извлечены сапоги, прежде мягкие, теперь — заскорузлые оттого, что их долго не носили.

Последней она достала из сундука диадему из витого серебра. Металл потускнел от

времени и забвения, но гладкий лунный камень, вставленный в диадему, сверкал все так же ярко. Много лет назад ее подарил один очень хороший друг. Самидар собрала свои волосы, пропустила всю их пышную массу сквозь диадему и установила ее на лбу. Она потрогала пальцами вставленный камень, вспомнив, как сильно он напоминал третий глаз, если смотреть на него при правильном свете или под нужным углом. Диадема — одно из самых дорогих ее сердцу сокровищ.

Она поднялась, морщась расправила затекшие ноги. Очень медленно, как будто исполняя обряд, женщина стянула с себя сырую тунику и развязала шнурки, что удерживали юбки вокруг талии. Они упали к ногам, и она перешагнула через них. Юбки ей больше не нужны, разве только для того, чтобы вытереть о них ноги. Наверное, она оставила грязные следы на полу, которые Тери придется убирать, и эта мысль заставила ее нахмуриться.

Наконец она сняла с себя украшенные камнями ремни, что носила все это время под туникой. У нее не было возможности сделать это с той самой ночи, когда она в последний раз танцевала в таверне. Очень осторожно отложила их в сторону, любясь тем, как играет свет на драгоценных камнях и позолоченных нитях.

Самидар закрыла крышку своего сундука. Затем пристально посмотрела на затянутый ремнем узел у своих ног и наклонилась, чтобы наконец взять его в руки. Расстегнув ремень, она встряхнула сверток, расправляя его.

Ею овладело чувство, что время внезапно потекло вспять. Она натянула на себя штаны из тонкой серой кожи, потертые с внутренней стороны от езды верхом. Здесь же была туника с рукавами, ремень дважды обернулся вокруг талии, не давая ей распахнуться, а рукава плотно застегнулись у запястий. Туника тоже была серого цвета, но сделана из более мягкого полотна. Она вставила ноги в черные сапоги, которые больше двадцати лет никто не носил. Сапоги были тесноваты, но она знала, что они разносятся. Оставался еще плащ, а также пара перчаток — все из прекрасной серой кожи. Она заткнула перчатки за пояс и перекинула плащ через руку.

Самидар потянулась за мечом. На ножнах был свой ремень, и она надела его на бедра. После стольких лет ей казалось, что меч очень тяжел, она несколько раз поправляла его, пока не поняла, что этого не исправишь.

Она закрыла лицо руками, внезапно ощутив весь груз своих лет. Этот меч был сделан для нее человеком, который давно уже мертв. Друг, подаривший ей диадему, тоже умер. Одежда принадлежала кому-то другому, другой Самидар, женщине намного моложе и неистовой.

Самидар с другим именем.

Имя мелькнуло в ее голове, губы готовы были назвать его. Она силилась вымолвить его вслух, но смогла сделать это лишь шепотом. Снова заставила себя произнести его, на этот раз громко; теперь она знала, что прежнее имя вернулось к ней.

Подобрав ремни, украшенные камнями, она посмотрела напоследок на аккуратно сложенную стопку вещей, хранивших ее воспоминания. Пройдет несколько дней, и они перемешаются с остальными сокровищами Амалки и станут попросту еще одной кучей ветоши в комнате, наполненной хламом. Нелегко оставить за спиной двадцать три года своей жизни и уйти. Но именно так она и поступила — забрав с собой лампу, погрузила свое прошлое в темноту.

Амалки и Тери тихо разговаривали у камина. Свет от огня, в котором горели поленья, окружал живот Тери красным ореолом, как будто подчеркивая ее женственность — то, от чего Самидар решила отказаться навсегда. Заметив ее, они замолкли. Амалки было заговорил, но быстро умолк, уставившись на ее одеяние.

— Самидар...

Она остановила его коротким жестом:

— Мое имя — Стужа.

Это имя прозвучало так, будто она слышала его очень давно, будто его носило по течению целой жизни, прежде чем оно снова вырвалось из ее уст.

Амалки сглотнул. Указал на меч:

— Ты хоть знаешь, как им пользоваться?

Она посмотрела прямо на него, что-то внутри подсказывало ей, что нужно пошутить. Но дверь в ее сердце захлопнулась, оставив пустоту в том месте, где прежде обитали ее чувства. Она понимала его озабоченность, и какая-то часть ее души была благодарна ему за это. Но проявлять эмоции она уже не могла.

— Что ты собираешься делать? — с сомнением в голосе спросила Тери, сидевшая у камина.

Стужа взглянула на нее. Голос молодой женщины был мягким и глубоким, их глаза встретились. Как прекрасна Тери. Была ли она сама так же прекрасна, когда ожидала рождения Кела? В начале следующей луны, как сказал Амалки, у них будет ребенок.

Она подошла к Тери и протянула ей ремни, украшенные камнями:

— Если у тебя родится дочь — это для нее. Научи ее танцевать, Тери. Танец — это само естество.

Она вытянула другую руку и робко дотронулась до выступающего живота, чувствуя, как шевелится ребенок. Тери с неколебимым спокойствием позволила ей это.

Стужа оглянулась через плечо на Амалки.

— Если родится мальчик, — сказала она, — продайте камни и купите ему меч. Самый лучший, какой найдете. И если естество — это танец, то жизнь — это сражение. Танец и борьба — две стороны одной и той же монеты.

Тери коснулась руки, что еще покоилась на ее животе, желая, чтобы Стужа снова посмотрела на нее.

— Ты говоришь так, как будто собралась умирать.

Та улыбнулась и убрала руку.

— Ты молода, Тери. Тебе еще не по нраву думать о том, что мы все умрем. Ты и я, Амалки и даже твой еще не родившийся ребенок. Нет, не смотри на меня таким уничтожающим взглядом. Спроси у своего мужа — он был солдатом. Он знает, что такое смерть. — Она обернулась: — Расскажи ей, Амалки.

Но он лишь пожал плечами, неодобрительно глядя на нее.

— Ну что ж, не важно. У тебя впереди еще долгая жизнь. — Она сунула драгоценные ремни в руки Тери. — Правда, веш том случае, если меня найдут у вас или кто-нибудь прознает, что вы мне помогли. Итак, мне пора. — Она похлопала по мечу на бедре и провела рукой по своей одежде: — Я получила все, за чем приходила.

Сказав это, она направилась к двери.

— Подожди, — окликнула ее Тери. Она подняла с пола у камина матерчатый мешок. — Здесь еда. Надеюсь, тебе этого хватит на первое время, пока ты выберешься отсюда.

Стужа взяла мешок и затем крепко сжала в объятиях дарительницу.

— Никогда не дотрагивайся до оружия своего мужа, — шепнула она Тери, обнимая ее. — Желаю тебе состариться, покрыться морщинами от материнства, крестьянской жизни и найти свое счастье в этом. Я тоже была счастлива, правда недолго. — Она вырвалась из объятий и закинула за плечо свои скудные припасы. — Не провожай меня, Амалки. Останься здесь и поддержи свою хорошенькую жену. Мне кажется, я расстроила ее. — Когда Амалки попытался возразить, она цыкнула на него: — Я сама смогу оседлать своего коня. У меня опыта в таких делах гораздо больше, чем ты можешь себе представить.

Она заставила себя улыбнуться. Если бы он только знал, кем была его соседка в другие времена и в других землях!

— Я плотно закрою двери сарая, чтобы твоя кобыла не застудилась.

Она подняла деревянный брус, служивший засовом, но прежде чем открыть входную дверь, обернулась к ним:

— Вы были хорошими друзьями. Мне будет вас не хватать.

Она потянула на себя дверь.

— Ты не будешь возражать, если я назову своего сына Кириги? — неожиданно

обратился к ней Амалки.

Она застыла на пороге, на полпути в ночь.

— Не надо, — почти шепотом ответила она. — Кириги мертв.

Затем она закрыла за собой дверь, прежде чем кто-нибудь успел что-то произнести, и выбежала в царство темноты и дождя.

Глава 5

Два дня холмы и равнины Келед-Зарема проносились мимо нее, сменяя друг друга, покрытые буйной влажной растительностью. Видно было, как здесь и там переливается обильная роса на лепестках желтых и белых цветочков, которые наполняли влажный воздух ароматами начала лета. Но сама погода была осенней. Призрачный туман окутывал низины, он клубился легко и плавно и колебался, подчиняясь каждому дуновению ветерка.

Небо унылым саваном, бесформенным и гнетущим, нависло над землей. Казалось, свет солнца истощился и померк и ничего не осталось от него на серых небесах, кроме бледно-молочной дыры.

Стужа покрепче затянула у горла свой отсыревший плащ, низко опустила голову, согнув плечи, — слишком несчастная, чтобы проклинать все на свете. Нескончаемая изморось промочила ее насквозь, тонкая струйка воды стекала с кончика носа по губам на подбородок и дальше вниз. Бедрa онемели, она натерла ноги о влажное кожаное седло. Тело покрылась гусиной кожей от пронизывающего ветра, и ей казалось, что скоро она сама превратится в дрожащую, нахохлившуюся ворону.

Бедный конь чувствовал себя не лучше. Он опустил морду почти до самой земли, с отяжелевшей спутанной гривы стекала вода. Он еле тащился по скользкой траве и грязи, иногда спотыкаясь, иногда и вовсе отказываясь идти, и ей приходилось понукать его или подгонять ударами ног по бокам. Ей было жаль животное, дрожавшее все сильнее, но им обоим ничего не оставалось, кроме как продолжать свой тягостный путь.

Ни одно дерево не могло служить им укрытием: со всех веток и листьев стекал дождь. Ни одного крестьянского дома не было видно, ни одного селения. Вода склеивала ей ресницы, но она не сводила глаз с плохо различимого горизонта.

Когда наконец опустилась мгла, всадница спешила, найдя укрытие за небольшим холмом, натянула капюшон, закуталась в плащ как можно плотнее и села прямо на сырую землю. Надежно удерживая поводья в руке, она опустила голову на колени, сцепила пальцы вокруг ног и стала ждать, слишком окоченевшая, чтобы думать о чем-нибудь или что-нибудь чувствовать.

Она задремала, а потом провалилась в сон. Первые признаки серого рассвета пробудили ее, она встала и снова взобралась в седло. По крайней мере дождь прекратился. Она достала полоску сушеного мяса из мешка Амалки и стала жевать, не ощущая вкуса еды.

Солнце и не думало греть, тучи по-прежнему угрожающе обложили все небо.

Когда солнце достигло зенита, она была уже на берегу реки, опасно вздувшейся из-за дождя. Мутные воды пенились, перемешивая вязкие комки грязи с пучками травы, быстро унося их прочь. Но река не была глубокой, так как белая пена бурлила в тех местах, где из воды выступали на поверхность три камня.

Стужа прикусила губу, обратившись мыслями в прошлое.

Эта река была намного слабее двадцать с лишним лет назад — попросту ручеек. Они с Кимоном останавливались здесь, чтобы напиться — возможно, в этом самом месте. Тогда Ашур еще был с ней — огромный прекрасный черный единорог, который пронес ее через полдюжины войн, а уж всех приключений ей и не вспомнить. И он тоже пил с ними из этой Реки. Еще немного, и перед взором предстали загадочные глаза Ашура. Глаза совсем не обычные: два пятна пламени, которые мерцали, горели, но не обжигали... Они преследовали ее, эти глаза. Она видела их во сне, в своих ночных кошмарах. Даже теперь, вспомнив о них, она почувствовала нескончаемую боль утраты.

Стужа смотрела вниз, на бурлящую воду. Большой кусок дерева промчался мимо, вниз по течению, и скрылся с глаз.

Возможно, размышляла она, лучше было бы никогда не приезжать в Келед-Зарем, никогда не обзаводиться домом и не селиться в нем. Теперь же Кимон мертв, и Ашур исчез много лет назад. Одного сына убили, а другой сын — ее кровь и плоть — покинул ее, и только боги знают, где он сейчас.

Мысль о собственном одиночестве привела ее в уныние.

— Остались только ты да я, конь, — произнесла она, потрепав животное за холку, направляя его через реку. Это были первые слова, произнесенные вслух, и единственная речь, которую она услышала за несколько дней. — Только ты и я, — повторила она просто ради того, чтобы услышать человеческий голос.

Конь осторожно пошел вброд до середины реки и остановился. Наклонил голову, чтобы напиться. Вода доходила ему до груди, и хотя сапоги всадницы уже и так были сырыми, она высвободила ноги из стремян и приподняла их, чтобы не намочить еще больше. Ей хорошо было известно, что нельзя позволять коню пить слишком много, поэтому она слегка натянула поводья. Цокнула языком, заставив коня тронуться с места, и они вскарабкались на противоположный берег.

Стужа развернулась в седле и оглянулась. На самом ли деле это было то место, где они с Кимоном останавливались однажды? Да, она была в этом уверена. Просто время и дождь с тех давних пор смыли все их следы.

День клонился к вечеру, когда на юге неожиданно показались крыши небольшого городка. Соушейн, кажется так он назывался. Они с Кимоном через него тоже проезжали. Она остановилась и принялась. Воздух наполнился аппетитными запахами из кухонь, где жены и дочери принимались за приготовление ужина. Ветер доносил до нее эти ароматы, и она вдруг почувствовала, как пуст ее желудок. Она наклонилась вперед и, подняв нос, глубоко вдохнула. Ей казалось, она видит, как из печных труб ближнего к ней дома вьется дым, поднимаясь вверх. Это — таверна или прежде была ею. Она облизнула губы при мысли о теплом вине. Но все же придержала поводья и отвернула коня в сторону. Соушейн — это местечко, где обычно останавливаются дозорные патрули. Им тоже нравится посещать таверну. Она же сейчас в бегах. Весть о ее преступлении, наверное, еще не достигла этих мест, но с таким же успехом могла и долететь. Она еще раз понюхала воздух, наполняя ноздри чудесным, необыкновенным ароматом, и вдохнула. На ужин у нее сегодня будет немного сушеных фруктов из мешка Амалки, и вода, чтобы их помыть. О боги, сколько здесь воды!

Она объехала Соушейн стороной, чтобы остаться незамеченной. Келед-Зарем имел протяженную границу с Эсгарией и воинственным государством Ролароф. Границей служила река под названием Лите, бравшая начало где-то далеко к северу от Роларофа, в холодной, покрытой лесами земле Рианота. Она когда-то бывала в той далекой стране, но не знала, правдива ли легенда о том, что эта река извергается диким, неистовым ключом из

огромной черной пещеры, которая ведет прямо в ад. «В который из кругов ада?» — спрашивала она наивно, будучи еще ребенком. Но ее мать лишь загадочно улыбалась, поднимая брови, как умела делать только она, и начинала рассказывать о чем-нибудь другом.

Река Лите была уже недалеко. Они с Кимоном когда-то перебрались через нее и доехали до Соушейна всего за два дня.

Теперь она проявляла еще большую бдительность. Там, где города, должны быть и крестьянские хозяйства. Там, где хозяйства, должны быть крестьяне, а у них есть болтливые языки. Ей не хотелось, чтобы ее видели.

И еще ей надо остерегаться дозорных. Непохоже, чтобы они несли службу так далеко от границы, но это могли быть отряды с провизией или с пополнением. Соушейн слишком маленький городок, чтобы вместить целый гарнизон, чего не скажешь о Кире, который окружен высокими стенами и находится в одном дне езды отсюда на север и на запад.

Слабеющее солнце, казалось, не садилось за горизонт, а попросту растворялось в небе. Ночь наступила быстро, но еще прежде в отдалении она увидела хранимое в памяти предгорье. Воспоминания, что дремали в ней все эти годы, вдруг разом обрушились на нее. Стужа поспешила вперед сквозь самую мглу, невзирая на боли в теле, не прислушиваясь к тихому голосу, который настойчиво призывал ее отдохнуть. И только когда земля под копытами коня пошла резко на подъем, выровнялась и затем снова начала опускаться, она остановилась и спешила.

Было холодно, и она проголодалась. Женщина расположилась на земле со своим мешком с провизией и с бурдюком. Все еще удерживая одной рукой поводья, она ломала голову над тем, как поступить с конем. У нее не было с собой веревки, чтобы стреножить его, и она не решалась отпустить его пастись без пут. В конце концов она привязала повод к своей лодыжке. Это было немного неудобно, но зато руки освободились, и она могла есть.

Стужа медленно потягивала воду из меха, ощущая легкий привкус красного вина, которое дал ей в дорогу Амалки несколько дней назад и которое она быстро прикончила. Теперь мех был наполнен свежей ключевой водой вместо вина; она, конечно, не пьянила, но была прохладной и приятной на вкус.

Она растянула пояс, на котором висел меч, положила его рядом с собой и запустила руку в мешок. Было слишком темно, чтобы что-нибудь разглядеть, ее пальцы ухватились за первое попавшееся. Колбаса. Она разломала ее пополам, одну часть вернула в мешок, а другую съела. Затем нашла сыр, кусок черствого хлеба, немного сушеных фруктов. Сама себе удивилась, насколько ее мешок стал легче, а желудок — приятно полон после того, как она закончила есть.

У ее ног конь пощипывал траву, вероятно слишком усталый, чтобы отходить далеко. Она потянулась к нему и потрепала за гриву. Он поднял на нее свои добрые влажные глаза и продолжал есть. Стужа легла на спину, сцепив руки за головой, и устремила взор прямо перед собой в безрадостную мглу. Ах, если бы здесь не было так мокро, если бы земля под ней была мягкой и теплой, если бы на небе были видны звезды, чтобы их можно было посчитать, или рядом был бы костер, чтобы им можно было полюбоваться. Она закрыла глаза.

Но все не так уж и плохо, — поймала она свою мысль.

Немного погодя она отвязала повод от сапога и встала на ноги. Прислушалась. Тьма была беззвучна. Если мир и вращается, как настаивают некоторые философы, то вращается он в сплошной тишине. Не слышно ни животных, ни птиц, ни насекомых, ни одна травинка не шелохнется. Даже конь перестал жевать.

Но что-то содержалось в этой тишине. До нее смутно доносилось глухое биение, отдаленно пульсирующий стук. Она напряглась, вслушиваясь в него. И затем губы растянулись в тонкую линию, она с удовлетворением узнала этот звук.

Это билось ее собственное сердце. Его гулкий торжествующий стук заполнил ее всю, насыщая жизнеутверждающей силой.

Она неожиданно рассмеялась, и смех эхом прокатился по горам. Оцепенение, с

которым она уже свыклась, исчезло. Стужа наконец поняла, что все еще жива, совершенно и окончательно.

Заря пламенела на востоке, отодвигая тяжелые серые тучи легкими полосами золота и багрянца. Воздух казался теплее, чем был все это время. И как только солнце набрало силу, испарявшаяся влага клубами повисла над землей.

Обнаженная Стужа потянулась, наслаждаясь тем, что солнце прикасается к ее голой коже. Одежда и плащ лежали расправленные на земле. И пусть они там не высохнут, но хотя бы ненадолго она освободится от надоевшей сырости. Она встряхнула спутавшимися волосами и отбросила их назад: по крайней мере хотя бы они начали сохнуть. Провела по ним пальцами, чтобы пригладить.

Стужа еще раз поела из мешка и запила оставшейся водой. С этого места хорошо просматривался весь путь, который она прошла, он пролегал через плоское широкое пространство. Солнце ярко светило, и ей пришлось заслонить глаза рукой. Все там было неподвижно, даже единственное тощее деревце, нарушавшее однообразие степного пейзажа, стояло не шелохнувшись.

Она повернулась, чтобы обозреть другую сторону света. Цепь высоких пологих холмов уходила к горизонту. Холмы, наверное, когда-то, в самом начале после сотворения мира, были настоящими горами, но со временем утратили свое величие. Шай-Застари, так называли люди Келеда эту гряду, что означало — Преграждающие Холмы. По ту сторону от них текла река Лите, а за ней — уже Эсгария.

Наконец она поняла, что привело ее сюда. Это желание зрело в ней незаметно и подспудно, с того самого мгновения в доме Амалки, когда она облачилась в одежды, к которым уже много лет никто не прикасался. Тогда же она нацепила ремень с мечом и, конечно же, сразу вспомнила ощущение, когда пальцы сжимают знакомую рукоять. Однако вторая рука была пустой — ей не доставало оружия, которого там не оказалось.

Эта пустота в руке вывела ее на тропу. Она вела ее сквозь дождь и холод. Стужа обманывалась, думая, что скитается лишь ради того, чтобы избежать плена. На самом деле ее пустая рука уже знала все.

Стужа взглянула на свою ладонь. Скоро она вложит в нее то, чего ей так недостает.

Нагнувшись, чтобы проверить меч, она вытащила его из ножен. У нее был большой перерыв в занятиях с оружием. Перерыв протяженностью в двадцать лет.

Пальцы обвилились вокруг рукояти. Кожа на ножнах была сырой, но сталь, постепенно обнажаясь, блестела огнем в лучах солнца. Клинок сиял, источая запах отличного масла. Кимон ухаживал за ним, неуклонно следуя правилам, соблюдая традиции своего Роларофа. Лезвия острые, наконечник — идеально заточенный. Она поворачивала меч, и свет играл на всей его поверхности, переливавшей серебром, подобно сверкающей воде.

За все эти годы она ни разу не брала меча в руки, опасаясь воспоминаний, что в нем таились. Но теперь эти страхи исчезли, и прошлое настигло ее. За одно мгновение она оживила в памяти всю свою жизнь — все великие печали и безграничные радости, каждое приключение и каждое мгновение спокойствия и мира. Она даже не пыталась сопротивляться или отгонять воспоминания. Напротив, она была им рада. Долгий сон покинул ее, и Стужа снова стала собой.

Но когда схлынули воспоминания, она смутно ощутила в душе пустоту и в самой сердцевине этой пустоты — какое-то неясное чувство. Оно не давало ей покоя, хотелось ощупать его, как если бы это был больной зуб.

Невзирая на это чувство, она шаг за шагом стала выполнять самые простые тренировочные упражнения, что сохранились в ее памяти. Движения вспоминались не сразу, но постепенно они превратились в танец. Она размахивала мечом, привычно удерживая его двумя руками, отрабатывая рубящие, колющие, блокирующие удары. И все-таки гнетущее ощущение терзало ее, подобно участку кожи, который так не терпится почесать. Она кружилась, уклоняясь от воображаемых ударов, делая шаг в сторону, наносила ответный удар.

Внезапно она остановилась. Меч дрожал в ее руке, вонзившись по самую рукоять в тело невидимого врага. Она держала меч, пот заливал ей глаза. Затем медленно провернула его еще и еще раз.

Наконец-то она поняла, какое чувство скрывалось в самой сердцевине ее пустоты. Жажда мести.

У нее отняли Кимона. Убили и изуродовали. Самидар плакала и горевала, но только и всего. Она прикусила губу от стыда. Что ж, Самидар теперь уже нет, вместо нее есть Стужа.

По крайней мере Кириги отомщен. Его убийца вопит в аду, и душа ее младшего сына получила облегчение. Но как же ее муж? Как быть его душе?

Кимон не обретет покой до тех пор, пока она не поможет ему.

Но сможет ли она помочь?

Она постаралась внимательно оценить себя. Дыхание уже сбилось. Пот ручьями стекал по шее вниз, между грудями. Плечи дрожали от напряжения, все тело болело. Вспомнила, какими были ее движения: сказать неловкими — слишком мягко, скорее замедленными и неуклюжими.

Она может тренироваться сколь угодно долго, но так и не достичь своей прежней формы. Но на что же ей рассчитывать, кроме собственного меча?

Она встряхнула головой и снова принялась за работу, вдумчиво оценивая свои способности. Она изучала сама себя, поправляла ошибки, выявляла слабые места, вспоминала.

Ее губы плотно сжались, растянувшись в жесткую линию, когда она наконец замерла неподвижно.

Она спрятала лезвие, но подержала еще меч за ножны, разглядывая потный след от руки на оплетке рукояти. И только потом отложила его в сторону и нагнулась за своей одеждой.

Она с трудом заставила себя влезть в сырые сапоги, после чего пристегнула ремень с мечом к правому бедру. Плащ был все еще тяжелым от влаги. Она оставила его лежать на земле, а пока принялась готовить завтрак на скорую руку из сыра и последнего куска хлеба.

Еще до наступления сумерек она заметила сучковатый кустарник, незаметный ночью. К нему она и привязала тогда коня, предварительно освободив от тяжелого седла. За это время он уже объел половину листьев.

Она подхватила с земли плащ, оседлала изнуренное животное и начала долгий отлогий спуск в узкую лошину. Затем ей предстоял крутой подъем, который вел в другую лошину. Внизу протекая небольшой ручей, и она дала коню напиться.

Прошло совсем немного времени, и солнце высушило одежду. Оно припекало, согревая открытую шею. Впервые за все эти дни ее настроение немного улучшилось. Правда, она видела, что над соседней вершиной и дальше на востоке нависли тучи, но это уже не важно: даже если там бушует гроза, она на своей лошади удаляется от нее прочь.

Весь день она с большой осторожностью продвигалась вперед по склонам гор, которые становились все опаснее. Конь устал, и она не подгоняла его, позволяя животному идти в своем темпе. Под ногами была скользкая грязь, и каждый неосторожный шаг грозил бедой.

Впереди виднелась вершина, которая возвышалась над всеми остальными. Ша-Накаре, или, как называли ее солдаты Келеда, Гора Дозорных. С самого ее пика открывался вид на русло реки Лите до самой Эсгарии. В далекие времена, когда только образовалось Келедское королевство, на горе Ша-Накаре всегда находился пограничный отряд. Но Эсгария и Келед-Зарем никогда не воевали между собой, и солдаты давно уже покинули гору.

Стужа все двигалась в сторону высившейся горы, позабыв о еде, пока урчавший живот не напомнил о себе. Она достала что-то из мешка и даже не заметила, что это была за еда. Главное, что она утолила голод, и спешно продолжила путь. Ша-Накаре нависала над другими вершинами. Ее можно было бы назвать настоящей горой — вершиной мира, но только если ты никогда не видел Крильские горы Роларофа или остроконечную, невероятно зазубренную горную цепь Акибус в земле Кондос, мысли о которой не давали ей покоя.

Солнце неспешно садилось. Вершину Ша-Накаре увенчал золотистый ореол, когда женщина приблизилась к подножию горы. Подкрадывалась ночь, и в тени горы она почувствовала, как сомкнулись челюсти мглы.

Стужа размышляла над тем, стоит ли продолжать путь. Она знала, что где-то есть старая тропа, ведущая на самую вершину. Если бы удалось найти ее, то она бы легко поднялась по ней даже ночью.

Она подняла глаза к небу. Впервые за столько ночей она увидела на нем звезды. Скоро появится луна, блестящая луна, почти полная, если она не ошибается. А это значит, что будет светло.

Но когда же восход луны? Она крутилась в седле, разглядывая небо в надежде увидеть хоть какие-то признаки, но напрасно. В нетерпении кусала губы. Она никогда не была терпелива. Луна может появиться в любую минуту или не появиться вовсе, и тогда уже будет поздно.

Стужа медленно пустила своего коня к подножию Ша-Накаре, напряженно осматривая все вокруг, пытаясь обнаружить малейшие следы тропы, ведущей вверх. При свете дня она бы ни о чем не думала, а просто взобралась бы по склону. Но ночью она не могла рисковать. Конь ей по-прежнему дорог, а ее собственная шея еще дороже. Ей нужно знать наверняка, что они не угодят в яму и не запнутся о камень.

Луна наконец-то выплыла из-за волнистого гребня Шай-Застари. Стужа вздохнула, слегка выругавшись про себя. Она, наверное, раз шесть проехала мимо тропы, не замечая ее в темноте. Снова вздохнула. Полоса матового света указывала путь.

Это была узкая тропинка из вытоптанной глины, утрамбованной ногами за многие века. И тем не менее трава и жалкие кустики кое-где посягали на ее границы, понемногу отвоевывая назад эту землю. Мало кто из людей приходил теперь сюда, это были или случайные охотники, или скучающие дозорные, которым захотелось полюбоваться пейзажем.

Прошло уже больше двадцати лет с тех пор, когда она впервые взбиралась по этой тропе, и Кимон был рядом с ней. Он еще пел ей песню, пока они скакали верхом. Но что это была за песня, она не помнит.

Вершина Ша-Накаре была широкой и плоской, продуваемой ветрами. Одинокое дерево торчало там мертвой трухлявой громадой. Его голые, поломанные ветви дрожали на ветру. Женщина тоже задрожала, но не от ветра. Ужасающая мысль о времени и о возрасте пронзила ее при виде этого дерева. «Ничто не живет вечно, — шептало оно ей, и эта мысль, казалось, эхом отзывалась среди обветренных древних холмов. — Ничто, ничто...»

Стужа слезла с коня и потеряла затекшую спину. Мерцающий тусклый свет луны заливал все вокруг. Круги, выложенные из небольших камней, огораживали места, где когда-то горели костры. Камни размером побольше стояли неподалеку, к ним прислонялись люди, которые сидели и любовались этими кострами. Она подвела своего коня к столбу, вбитому в землю кем-то из странников, и привязала его.

Воздух был напоен сильным приятным запахом воды. Она глубоко вдохнула, закрыла на мгновение глаза, наслаждаясь тишиной, и затем подошла к краю вершины, что смотрел на запад.

У нее стеснилось в груди.

При лунном свете Лите была похожа на вьющуюся серебряную ленточку. Доносившийся до вершины запах реки был слаще всех ароматов мира. Горы легкими пятнами отражались на ее искрящейся и переливающейся поверхности. Но глаза устремились вдаль, мимо всей этой красоты.

Эсгария.

Сразу же в голове промелькнула мысль о том, ради чего она здесь. *Успею*, — пообещала она себе. А пока у нее есть время полюбоваться родной землей, раскинувшейся за рекой, предаться воспоминаниям о диких дебрях и чудесах, этой страны, есть время поразмышлять.

Ей было всего семнадцать лет в ту роковую ночь, ее последнюю ночь в Эсгарии. Весна была уже на исходе, леса во владениях ее отца уже покрываются листвой и изобилуют дичью. Стужа часто стояла у ограды и слушала, как перекликаются совы. Дождавшись, когда вся ее семья, слуги и солдаты ее отца наконец-то заснут, она незаметно пробиравась в подземелье замка, где у нее были спрятаны меч и щит. Долгими часами, втайне от всех, она занималась со своим учителем, совершенствуя приемы и технику владения оружием, училась всему, что должен уметь искусный воин, и для сна у нее оставалось лишь четыре часа до рассвета.

Это должно было оставаться тайной. По законам Эсгарии, женщине, прикоснувшейся к оружию мужчины, грозила смерть.

Стужа очнулась от воспоминаний. Ветер, дувший ей в спину, несясь через Лите к ее родной земле. Он шевелил верхушки деревьев, подступивших к самой воде. За все время своих путешествий ни в одной стране она не видела таких лесов — темных и величественных, — как в Эсгарии. Она потуже завернулась в плащ, поскольку ветер так и норовил сорвать его с плеч.

В ту последнюю ночь ее застал брат — ее завистливый, полный ненависти брат. Так же как ей было отказано в праве прикасаться к мечу, брату, как и всем мужчинам, было раз и навсегда запрещено изучать тайны магии. У каждого из двоих было то, что хотел иметь другой больше всего на свете, к тому же брат презирал ее.

Он застал ее в ту ночь и попытался убить. Имел на это право. Но у нее был хороший учитель. Правда, до этого случая сражение на мечах было для нее игрой, упражнением, забавой среди многих забав.

До сих пор она отчетливо помнит, как выглядело окровавленное тело брата, как его алая кровь капала с лезвия меча, брызгая на пол. Это было началом всех ее кошмаров. Отец, не в силах наказать ее, как того требовал закон, сгорая от позора и горя, предпочел убить себя, чем поднять руку на дочь. И тогда учитель Бурдрак вызвал ее на поединок. Он, ближайший друг отца, во всем винил себя и искал расплаты.

Она не понимала тогда, зачем приняла вызов. Помнит, как ее лихорадило, словно в бреду, как панический страх затмил разум. Тогда ей казалось — меч бьется сам, без ее участия. Только позднее она, конечно, поняла, что двигало ею желание жить.

Итак, Бурдрак был мертв.

Пусть твои слезы смешались с его кровью, глупая дочь, тебе никогда не искупить своей вины!

Тысячи ночей эти слова снова и снова повторялись в ее снах, она помнит выражение горя и гнева на лице матери, когда она выкрикивала их. Этот мучительный образ по сей день преследует ее. И хотя Стуже за многие годы удалось как-то примириться с собой, все равно посреди долгих бессонных ночей она иногда слышала голос матери. *Ты — существо из огня и стужи,* — кричала ее мать, вырывая окровавленный меч из рук своего чада. — *Стужа, вот как тебя нужно было назвать. И я проклинаю тебя, холодное, бесчувственное создание!*

Это было страшное проклятие, но еще страшнее было то, что она совершила напоследок. Чтобы отправиться вслед за мужем и сыном, она вонзила меч себе глубоко в грудь. Боль лишь слегка коснулась черт матери. Напротив, на ее лице отразилось злорадное ликование, с которым она возлагала эту страшную вину на свою дочь. И прежде чем упасть наземь рядом с мужем и уснуть около него вечным сном, она успела извлечь из своего тела клинок и вложить его в руку Стужи.

Это произошло очень давно. Время притупило острую боль воспоминания, кошмары больше не терзали ее по ночам. Глубокая, полная горечи печаль и постоянная тоска по дому — это все, что осталось в душе.

Стужа вглядывалась в земли по ту сторону Лите. Воды Забвения — так иногда называли эту реку. Однажды она даже пила эту воду, лелея слабую надежду, что это ей поможет, но напрасно. Она ничего не забыла.

Она отвернулась. Другой замысел привел ее сюда, на эту вершину, и настало время его

осуществить.

Стужа прошла к старому дереву и встала к нему спиной, лицом к западу. Справа от нее находилось кострище, одно из нескольких, уже давно не видевших огня. Рядом лежал небольшой валун. Она подошла к нему и возложила ладони на прохладную каменную поверхность.

Двадцать лет назад Кимон помогал ей. Сможет ли она сдвинуть его сама?

Навалившись всем телом на камень, она напряглась, но тщетно. Валун не шелохнулся. Она отступила на мгновение, потерла руку, ободранную острым краем камня. На этот раз она нажала на камень плечом. Вздвигшиеся мышцы дрожали, рев вырвался из груди.

Камень слегка покачнулся и затем снова вернулся на свое место.

Она оттолкнулась от валуна и стала пинать его, тяжело дыша, осыпая ругательствами. Луна, казалось, смеется над ней. Луну она тоже обругала.

Огляделась вокруг. Ей нужен был рычаг, но, кроме меча, у нее ничего не было, а его она использовать не решалась. Стужа опустилась на колени, навалилась плечом, зарываясь носками сапог в землю. Упорно, неумолимо она толкала камень, напрягаясь так, что хрустели суставы. Она шумно дышала, но не переставала давить на него.

Камень сдвинулся. Она уменьшила усилие, и он скатился обратно в углубление, туда, где так долго пролежал и никто его не тревожил. Стала снова толкать, выдыхая воздух, чтобы собрать все свои силы. Камень двинулся чуть дальше, но опять вернулся на место.

Она раскачивала камень взад и вперед, и с каждым разом он откатывался чуть дальше. Наконец с яростной решимостью она выпрямилась, из глотки вырвался нечеловеческий вопль, каждый мускул ее дрожал и горел от напряжения. Ноги пропахали борозду во влажной земле прежде, чем нашли точку опоры. Красная дымка застилала глаза.

Она упала плашмя, носом вниз. Валун откатился на расстояние вытянутой руки и остановился.

Стужа сплюнула, утерев рот, в который попала земля, села в сторонке, чтобы перевести дух и остудить горевшие щеки. Ободранные руки болели, она стала зализывать ранки.

Отдохнув, она подползла к углублению, где прежде лежал камень, и начала рыть. Острием меча она лишь рыхлила почву, раскапывала же руками. На удивление, работалось легко. Земля была совсем не утрамбованной, напротив — мягкой и податливой.

Очень скоро меч оцарапал что-то металлическое. Ее бровь вопросительно изогнулась. Разве она не закапывала ларец глубже? Возможно, время притупило ее память. Или, может быть, из-за волнения она копала быстрее. Отбросила в сторону последний комок земли и вытащила наружу небольшой железный ларец.

Прислонившись спиной к валуну, она держала на коленях ларец, пальцы замерли на его замке.

Когда много лет назад стало ясно, что ее приключения остались позади, она закопала кинжал. Жало Демона слишком опасен, его сила слишком непредсказуема. Хозяйке таверны и танцовщице такое оружие ни к чему. Кинжал должен был храниться только здесь, глубоко под землей.

Но теперь она вновь стала воительницей. И если тот, кто убил ее мужа, в самом деле колдун, тогда Жало Демона ей очень пригодится.

Стужа повернула замок и откинула крышку ларца.

Кинжала в нем не было!

Она наклонила ларец так, чтобы луна осветила дно. То, что она увидела, заставило ее содрогнуться. Ларец полон мертвых насекомых! Но даже при свете луны видно было плохо. Она взяла двумя пальцами одно из этих существ и положила на ладонь, чтобы лучше разглядеть.

К ее изумлению, желтый крошечный огонек вспыхнул в руке, как будто подмигнув. Она испуганно отдернула руку. Огонек вспыхнул еще несколько раз и повис в воздухе.

Светлячок! Оказывается, он не был мертвым.

Вдруг весь ларец наполнился пульсирующим желтым свечением. Все насекомые были

живыми! Они вылетали в ночь по двое и по трое. Холодок пробежал по ее спине, свободная рука сжала рукоять меча. Оттолкнув от себя ларец обратно в яму, она вскочила на ноги.

Ее конь испуганно ржал и бил копытами.

Сотни, может, тысячи светлячков мерцали в темноте. Обернувшись кругом, она заметила, как сгустилась тьма над холмами и долинами внизу. Единственная мысль заполнила ее сознание, от которой ее снова бросило в дрожь.

Магия!

Одно из насекомых уселось на руку. Его огонек вспыхнул, и Стужа пронзительно вскрикнула.левой рукой резко прихлопнула зловредное, насекомое. На месте ожога, причиненного светлячком, вскочил волдырь!

Насекомые роем налетели на нее, целясь в незащищенные места. Она молотила воздух руками, тщетно пытаясь отогнать их от себя. Они садились на лицо, на руки, обжигая, причиняя боль.

Один из светлячков летел прямо в глаза. Она непроизвольным движением поймала его, раздавила и тут же закричала. В середине ладони вздулся волдырь.

Послышался едкий запах паленого волоса. Насекомые добрались до ее волос!

Она вслепую побежала к лошади, набросив на голову капюшон, прикрывая им лицо. Даже ткань ее одежд тлела в тех местах, куда садились светляки.

Ухватившись за поводья, взлетела в седло. Но не успела она вставить ноги в стремяна, как животное взревело от боли и вздыбилось, едва не сбросив ее. Дьявольские насекомые нападали на коня и на всадницу с неумолимой жестокостью.

Внезапно почувствовав сильный жар за спиной, она поняла, что загорелся ее плащ. Одной рукой она пыталась расстегнуть пряжку, в то время как другой нужно было справляться с лошадью. Огонь уже подбирался к шее, в ужасе она завопила. Наконец пряжка расстегнулась, и Стужа отшвырнула прочь полыхающий плащ. Обгоревшие руки нестерпимо болели, она зарыдала и выпустила поводья, не в силах удерживать их.

Все теперь зависело от испуганного коня. Стужа успела вцепиться в его гриву, чтобы не упасть. Конь скакал, спасаясь от насекомых, унося ее на себе через западный склон вниз по крутому спуску.

Светлячки безжалостно преследовали их, летя с чудовищной быстротой.

Вдруг раздался ужасный звук, конь пронзительно закричал так, как может кричать только животное. Повалившись вперед, он упал на шею. Она услышала громкий, отвратительный хруст когда летела через голову коня, стремительно перевернувшись в воздухе перед тем, как удариться о землю. Кувыркаясь, она покатила вниз, не в силах остановиться. Следом с грохотом рушилась лошадиная туша, вот-вот грозя ее задавить.

Как ей удалось вскочить на ноги, она не помнила, но вскоре она уже бежала изо всех сил, боясь обернуться. Внизу плескались воды Лите, переливаясь в лунном свете.

С криком ликования она бросилась в реку и поплыла, ее сердце готово было разорваться. Вода заливала рот, глаза, уши. Намокшая, отяжелевшая одежда затрудняла движения рук и ног. Сильное течение сносило ее.

И только она подумала, что совсем выбилась из сил и уже не сможет сделать ни одного взмаха, как ноги коснулись мягкого илистого дна. Она выкарабкалась на берег и рухнула, тяжело дыша.

Светлячки остались за рекой, у противоположного берега. Они неистово носились вдоль воды, но дальше не летели. Таинственное мерцание вспыхивало в темноте, отражаясь в серебристой реке, оно состояло из тысяч ярких крошечных огоньков, с блеском которых ничто на свете не могло сравниться.

Закусив губу, Стужа растерянно смотрела на них и мысленно благодарила всех своих богов. Вода зачастую оказывается непреодолимым препятствием для сверхъестественных сил. Привидения не могут переходить через нее, как и некоторые демоны. Вода ослабляет или даже полностью разрушает действие любого колдовства, кроме тех случаев, когда оно вызвано самыми просвещенными чародеями.

Она правильно сделала, предположив, что Лите сможет ее спасти.

Мерцание становилось все слабее и слабее. Один за другим гасли светлячки, исчезая в воздухе, пока наконец опять не воцарилась ночь — темная и тихая — и единственным источником света осталась луна.

Стужа, пошатываясь, поднялась на ноги и ступила на берег, поросший травой. Ветер принес душистый аромат. Позади нее шелестели листья огромных деревьев. Где-то зловеще ухала сова. Стужа перевела дух и прислушалась.

Она стояла на земле своей родины. Больше двадцати лет она видела Эсгарию только во снах, и вот теперь она стоит здесь наяву.

Эсгария.

К ней вернулся прежний страх, и она бросилась назад в Лите, гонимая мыслями о застарелой вине и своих кошмарах. Нет, эта земля ей не просто снилась — она преследовала ее во снах подобно мстительному призраку.

И снова она поплыла, отчаянно борясь с водой. Но на этот раз усталость и боль от ожогов сделали свое дело. Последние силы покинули ее прежде, чем она добралась до келедского берега.

Она крепко зажмурилась и постаралась вдохнуть еще немного воздуха. Река тянула ее вниз, и помощи ждать было неоткуда.

Глава 6

Непростые эти карты,
И не всякий может знать,
Как обрывки расписные
По мастям распределять.
Поверни их вниз рубашкой —
Пусть их солнце озлатит.
Непростые судьбы наши
Обретут понятный вид.
Наши зыбкие надежды,
Наши горькие мечты...
Сбудутся ль они, гадалка,
Не тая, расскажешь ты.
И — колеблемые рябью
Отражения в воде —
Темных Ангелов фигуры
Молча явятся тебе.
Врут гадания на картах,

И монетах, и прутах —
Не солжет лишь меч из тени
И руки бесплотной взмах.

«Сломанный Меч» был заполнен дымом из кухни, вонью немытых тел, скисшего вина, блевотины и еще того хуже. Половицы были липкими от пота и жира. Закопченные масляные лампы, свисавшие с потолочных балок, давали тусклый свет, которого посетителям хватало лишь на то, чтобы разглядеть, что у них налито в кружки, но грязь на этих кружках они уже созерцать не могли.

В этот вечер в трактире былолюдно. Имрик, хозяин заведения, то и дело наливал в кружки темное пенящееся пиво из заляпанного бочонка, обводя помещение своим хмурым взглядом. Его единственный здоровый глаз поблескивал, примечая, как худеют кошельки у его гостей и как наполняется монетами его мошна. Его жена Бела, зловредная стерва, трясая своим жиром, пробиралась между столами и стоявшими посетителями, выкрикивая непристойные шутки завсегдатаям, без разбора обливая пивом всех, кого угораздило оказаться на ее пути.

Ну а те глупцы, что выражали недовольство грубостью obsługi, подгоревшей едой или выдохшимся пивом, а также храбрецы, что отказывались платить, имели дело уже с Ормом. Этот великан неизменно стоял на посту у входной двери, он неустанно следил за всем, что происходит в трактире, готовый к любым неприятностям. Он не носил оружия — оно ему просто не было нужно. Кулаки его и так смертоносны, как булавы.

Стужа заткнула уши, чтобы отдохнуть от оглушительных криков толпы. Сегодня здесь чересчур много пьяных и хвастунов. В таком шуме трудно подслушивать чужие разговоры. Ничего не поделаешь, она склонилась над столом, приблизившись к маленькой свече, которую сама же и принесла, взяла в руки карты и раскрыла ту, что лежала сверху.

Валет с Мечом. Она нахмурилась. Уже дважды за вечер ей выпадала эта карта, когда она выбрасывала наугад. Темноволосый мужчина, романтичный, мужественный, волевой, приносящий перемены. Она перевернула следующую карту.

Туз с Мечами: сильная любовь или ненависть, победа и соперничество. Она закусила губу, еще раз внимательно посмотрела на первую карту, затем извлекла следующую.

Она уставилась в нарисованные глаза Верховной Жрицы, непостижимые глаза, которые видят все и ничего. Будущее непознаваемо, толковала она, перемены непредсказуемы, воздействия скрыты от глаз. Все это делало неясным значение первых двух карт.

Стужа пожала плечами, взяла со стола три карты и смешала их с остальными. Все эти толкования были бессмысленны, карты не слушались ее. У нее не было власти над ними. Карты были ей нужны лишь для того, чтобы все верили, что она — ясновидица.

Она раскладывала карты, чтобы убить время или чтобы развлечь любого из посетителей, бросивших ей в руку монету. Она говорила то, что каждому нужнее всего. Это было нетрудно. Не важно, какие карты выпадали. Бедняк в лохмотьях хотел услышать о богатстве. Солдат с задумчивым взглядом искал любви. Торговец, который то и дело облизывал губы и так вызывающе подался вперед, жаждал славы и влияния. Нет, не по выпавшим картам она составляла свой рассказ, а по тому, что примечала. Ей нужно было лишь присмотреться к человеку и понять, что выражают его глаза, чтобы знать, о чем врать.

Она говорила, но одновременно и слушала. Ей рассказывали о Риотамусе, о передвижениях военных отрядов, о волнениях в сельских местностях. Конечно, она не расспрашивала напрямую, но среди всех сплетен и сетований ее больше всего интересовала одна тема. Все, что связано с мятежниками, которые действовали повсюду в последнее время. Они жгли деревни, убивали стражников, грабили обозы. Она узнавала также об ответных ударах короля, актах возмездия. Шло время, и с каждым рассказом вырисовывалась страшная картина всеобщей жестокости и дикости, в которой повинны обе стороны.

Город Кир всегда полнился слухами, и рано или поздно все слухи стекались сюда, в

«Сломанный Меч». Вот почему Стужа под видом ясновидицы проводила здесь время, предсказывая будущее, — главным для нее было слушать.

И еще она ждала сына. Кел приближался. Она ощущала это по тому, как нарастала тяжесть в груди, холодным камнем заполняя место, где прежде было ее сердце. Последние нападения мятежников случились на юге и на западе. Он должен быть где-то рядом.

Она сняла карту с колоды, перевернула ее и усмехнулась. Князь Демонов ухмылялся ей со стола. В самом деле, карты сегодня издеваются над ней.

Дверь трактира распахнулась. С порывом ветра внутрь залетела пыль. Лампы отчаянно замигали и успокоились, когда дверь мягко закрылась. Она подняла голову, ожидая увидеть еще одного солдата, зашедшего выпить с друзьями. В Кире было много солдат, и с каждым днем их становилось все больше по мере того, как разрастался мятеж.

Но вошедший не был солдатом. Его лицо пряталось под пыльным капюшоном, а длинный плащ скрывал его почти полностью. Впрочем, не могло укрыться от глаз то, что он был одного роста с Ормом, стоявшим на страже у входа. Незнакомец кивком поприветствовал великана с обнаженной грудью, но не сказал ни слова. Он неспешно оглядел лица всех, кто находился в трактире, после чего спустился по трем ступеням вниз — туда, где начинался пол, и, проложив путь через сгрудившиеся тела, сел на скамью прямо напротив нее.

Он поставил локти на маленький столик. Света крошечной свечи не хватало, чтобы разглядеть лицо незнакомца, скрытое в тени капюшона, а сам он не поднимал головы. Вдруг, как по волшебству, оказалось, что между двумя пальцами руки, облаченной в перчатку, зажат серебряный минарин.

Стужа откинулась на спинку.

— Я — ясновидящая, — презрительно сказала она. — Ловкостью рук меня не удивишь.

Еще один минарин появился вслед за первым. Он положил обе монеты на столик рядом с картами.

— Что ж, на этот раз тебе удалось произвести впечатление.

Она смахнула деньги в свой кошелек.

— Откуда у тебя роларофские монеты? Ты путешественник?

Мужчина по-прежнему не откидывал капюшона, она не видела его лица, но слышала голос — низкий и глубокий, с хрипотцой.

— Спроси лучше их. — Он указал на колоду. — Пусть они тебе обо всем расскажут, если смогут.

— Значит, ты хочешь, чтобы я погадала, — сказала она, беря в руки карты и бережно тасуя их. — За два минарина я предскажу тебе прекрасное будущее.

— Правды было бы достаточно, — прошептал он, приподняв голову так, что она увидела, как шевелятся губы. На лице его росла коротко стриженная черная с проседью борода.

— Положи пальцы на верхнюю карту, — приказала она. — Тебе следует снять перчатки.

Незнакомец поступил так, как было велено, и она затянула свою обычную песнь ясновидицы: «Непростые это карты...»

Маленький мальчик дернул ее за рукав, перебивая:

— Госпожа, может, ваш господин захочет выпить вина или пива, пока вы будете предсказывать ему будущее?

При пляшущем свете ламп лицо мальчика выглядело простодушным и наивным, глаза были широко раскрыты. Его звали Скафлок, он был единственным сыном хозяина трактира. Во всем городе не было более дрянного мальчонки.

Она сердито посмотрела на него:

— Убирайся, или я превращу тебя в жабу. Нам некогда.

Скафлок показал ей язык:

— А может, тебе и фокусы показывать некогда здесь, в самом людном месте города,

старая мошенница?

Огромная рука обвилась вокруг головы Скафлока, развернула его так, что ребенок потерял равновесие. Незнакомец приподнял его, перегнул через колено и занес руку для шлепка.

Скафлок не издал ни звука, но его дерзкий взгляд был направлен на Стужу.

— Пусть только посмеет, — прошипел мальчишка, — клянусь, я тут же позабуду о послании, которое передал для тебя старый Дромен Иллстар! Клянусь!

— погоди, — попросила она, и рука незнакомца застыла в воздухе. — Это вовсе не значит, что твоя задница не заслуживает порки. Если у тебя есть послание от Невезучего — передавай.

Скафлок притворно улыбнулся:

— Это встанет тебе в одну из тех монет, что, я видел, он отдал тебе.

Пришелец снова поднял руку, но Стужа опять остановила его. Она достала один минарин и положила его на стол. Когда ребенок потянулся за монетой, она быстро схватила ее.

— Нечестно! — запищал мальчишка, в сверкающих глазах смешались страх и ярость. Он извивался на колене незнакомца.

— Сперва послание.

Скафлок сглотнул:

— Встретишься с ним в «Крысиной Норе» сегодняшней ночью. У него найдутся для тебя новости.

Она задумалась. Прошло уже два месяца, как она появилась в Кире, надеясь выйти на след хоть кого-нибудь, кто был связан с мятежниками, выступавшими против короля Риотамуса. Она рассчитала, что если найдет повстанцев, то сможет найти и своего сына Кела. А если найдет Кела, то сможет найти Ороладана.

У нее были вопросы, которые она хотела задать этому колдуну.

— Сколько заплатил тебе Невезучий? — спросила она Скафлока.

Малыш пожал плечами:

— Этот гадкий вонючий старик? Ни единого медного куинца.

— Маленький обманщик. — Она подбросила минарин через плечо. Монета исчезла под снующими ногами многочисленных посетителей трактира. Скафлок высвободился и нырнул вниз за монетой.

— Я заплачу тебе другую, — предложил незнакомец.

— Не нужно. Один минарин — это уже в два раза больше того, что смогут заплатить эти свиные рыла.

Она опять взяла в руки карты и заново перетасовала. Прежде чем она успела открыть первую карту, снова появился Скафлок с подносом, на котором стоял кубок с вином.

— За счет заведения, — объявил он. Снял кубок с подноса, сделал из него большой глоток и только потом поставил его перед пришельцем. После чего ослабил, обнажив все свои зубы, помахал минарином, чтобы видела Стужа, и снова исчез в толпе.

— Когда-нибудь, — обратилась она через стол к человеку в капюшоне, — какая-нибудь крыса осчастливит мир тем, что сожрет сердце этого малыша, пока он будет спать. Правда, крыса отравится, но ради такого дела стоит пожертвовать жизнью.

Она открыла первую карту и положила ее на стол между ними. Сдвинула брови, хмурясь. Опять та же самая карта...

— Валет с Мечом. — В ее голосе сквозило раздражение. — Должно быть, это ты. — Она посмотрела на него, но по-прежнему не смогла разглядеть лица под капюшоном. — Мечи — это карты, символизирующие победы и приключения, соперничество и сражения. Их элемент — воздух, поскольку победы могут быть такими же незаметными, как воздух, а цели поисков — туманными и неуловимыми.

Она едва не потянулась через стол к его капюшону, чтобы отбросить его с лица, но сдержала свой порыв.

— Остерегайся масти с Мечами, — предупредила она. — В отличие от других карт они никогда не лгут. Эта карта означает сильного темноволосого воина.

Он придвинулся ближе, чтобы рассмотреть карту, но ничего не сказал. Она открыла вторую карту и положила ее поверх первой.

— Еще одна с Мечами, — тихо сказала она. — Королева. Иногда Мечи называют темными ангелами, а Королеву с Мечом — Ангелом Ночи. Она означает вдову или, возможно, женщину, неспособную выносить ребенка. Она олицетворяет скорбь и сильное стремление к кому-то, кто далеко.

В который раз она попыталась заглянуть в глаза незнакомцу, увидеть в них отклик на свои слова. Он сидел неподвижно, сцепив пальцы, и смотрел на карты. Она расценила это так, что ему нравится слушать ее разъяснения. В конце концов, он ведь хорошо заплатил.

— Наверное, у тебя есть где-то жена? И она скучает по тебе?

Он не ответил, но она почувствовала на себе его взгляд из-под капюшона.

Она открыла третью карту и установила ее поверх двух других.

— Серебряная Госпожа, — нараспев произнесла она. — Это Луна.

Она помедлила. Карта несчастливая, предвещает опасность. Ясновидица, приносящая дурные вести, много не заработает. Какими же словами ей выразить ложь?

— Эта карта означает воображение, — начала она, — проницательность. — Подняла голову — на короткий миг мерцание лампы отразилось в его глазах. — Непредвиденными опасностями отмечен твой путь, — вырвалось у нее. — Враги, которых ты не знаешь, подстерегают тебя.

И зачем она это сказала? Теперь ей придется изворачиваться, чтобы получилось более благоприятное прорицание. Он сказал, что ему нужна правда, но правда может иметь много оттенков.

— Шестерка с Чашами, — сообщила она, переворачивая следующую карту. — Элемент Чаши — вода. Эта карта обозначает старое знакомство, кого-то из твоего прошлого.

Его рука легла через стол на ее руку в тот самый момент, когда она собралась взять другую карту. Она замерла. Ее очень удивило это теплое прикосновение, наполненное нежной страстью. Неожиданно для себя она наклонилась вперед и смахнула назад его капюшон.

— Ты помнишь меня? — прошептал он. — Неужели я так сильно изменился?

Она откинулась, тихо прикрыв рот руками. Конечно, она помнила его, ей знакома эта взъерошенная темная шевелюра, теперь тронутая сединой. Она помнила эти глаза — иссиня-черные, пронзительные и дерзкие, этот рот, эту форму лица, эти красивые скулы. Это лицо выглядело старше, как напоминание о том, сколько времени прошло с тех пор, но ошибиться она не могла.

— Терлик, — тихо выдохнула она, — во имя богов всех народов...

Она качала головой, внезапно ощутив всю тяжесть своих прожитых лет. Снова вздохнула.

— Как ты нашел меня?

Он взял обе ее руки в свои ладони и приблизился к ней:

— Как мне рассказать тебе обо всем, чтобы ты поверила? Я искал тебя, женщина, с того самого дня, когда ты оставила меня одного в степях у Маунт-Дроод.

Она разглядывала его сквозь пламя свечи.

— В таком случае ты намерен положить конец вражде, которую начал твой отец. Ты пришел, чтобы убить меня.

Он покачал головой, и когда поднял глаза, она увидела в них печаль.

— Повелитель Рольф давно погиб в одной из локальных войн на границе Рианота. Мой последний брат — тоже. — Робкая улыбка тронула уголки его губ. — После того как ты пощадила мне жизнь, я пытался убедить его оставить тебя в покое. За это он отрекся от меня.

Она отняла свои руки, чувствуя себя неловко под его пристальным взглядом. Ей захотелось глотнуть вина из кубка, но она передумала, вспомнив этого щенка Скафлока.

Мужчина расстегнул плащ, стряхнул с него пыль, свернул аккуратно и отложил его в сторону.

— Я сам разыскивал тебя, — продолжил он. — Я много странствовал, рассылал шпионов, собирал слухи и рассказы из тех мест, где ты побывала. Но мне казалось, я так тебя и не догоню. — Он опустил глаза и уставился на пламя свечи. — После гибели отца и брата я возвратился в Шазад и вернул себе наследство. Я мог бы также стать правителем. Это право передается по наследству. Но я не захотел. — Он помолчал, и затем их взгляды встретились. — Знаешь, отец так и не простил тебе того, что ты убила Тана и Чейви. Он даже послал за тобой наемных убийц.

— Знаю, — улыбнулась она. — За одного из них я вышла замуж.

Терлик удивленно поднял бровь.

— Теперь Кимон уже мертв, — уточнила она. — Но как тебе удалось найти меня после стольких лет? Зачем тебе это?

Он смутился, затем взял кубок Скафлока и отпил из него.

— Хотя я и отказался от власти, все же я дворянин чистых кровей и провожу много времени при императорском дворе. — Он снова выпил. — До Роларофа дошли слухи о том, что возлюбленный келедского короля был убит женщиной.

— Возлюбленный? — повторила она.

Терлик пожал плечами и отставил кубок.

— Его звали Йорул. Рассказывали, что женщина та была сущая дьяволица с мечом в руках.

Она улыбнулась этому сравнению. Конечно же, пока эта история передавалась из уст в уста, правда затерялась по дороге. Или же келедцы сами приукрасили ее, чтобы смерть Йорула выглядела более славной. Ей вспомнился совет, который когда-то дал ей отец: «Никогда не порть правдой хорошую историю».

— Я сразу же отправился в Дашрань, — продолжал он, — расспросил людей и понял, что это и в самом деле была ты. — Он опять потянулся было за вином, но кубок не взял. — После стольких лет я не мог поверить своей удаче. — Он протягивал руку, как будто ожидая, что она возьмет ее в свою. — Слышал о твоём муже и сыне, мне очень жаль. Хотя это было бы безумием, я надеялся, что ты, может, захочешь вернуться домой, в Эсгарию.

Она посмотрела вниз на незаконченное предсказание. Похоже, Терлику было совсем не интересно слушать его продолжение. Она медленно собрала карты со стола и стала рассеянно тасовать.

— Кир находится не на пути в Эсгарию, — заметила она.

— Зато он находится на пути в Шазад, — ответил он. — Мой родной город, где ты впервые появилась после того, как пересекла эсгарианскую границу. Я вдруг подумал, что смогу выследить тебя здесь.

Она сглотнула, не сводя глаз с вина.

— Я не могу вернуться в Эсгарию, — призналась она.

— Значит, мне просто повезло, что я выбрал именно этот трактир, чтобы утолить жажду. Я ведь ехал верхом весь день. Жажда меня замучила больше, чем сорняк в пустыне.

Она не выдержала и отпила из кубка. Почувствовала, как стекает вино в желудок, неся такое приятное, долгожданное ощущение тепла.

Она стала работать здесь, в «Сломанном Мече», потому что это был ближайший к главным воротам города трактир. Большинство странников заходят сюда скорее, чем в другие места, и каждому есть что рассказать.

— Я глазам своим не поверил, когда увидел тебя здесь. — Его глаза впились в нее, пламя свечи мерцало в них. — Ты ничуть не постарела!

Она рассмеялась:

— В этом мире можно многого добиться лестью, роларофец, — помахала пальцем перед его носом. — Но неприкрытая ложь до добра не доведет.

Она откинулась назад на скамье, пока спиной не оперлась о стену, и пристально

посмотрела на него.

— Зачем? — спросила она наконец. — Если ты позабыл о вражде, зачем тебе понадобилось искать меня?

Терлик взял из ее рук колоду карт, перебрал их, разглядывая. Затем перетасовал колоду и ловко снял ее одной рукой. Опять положил карты на стол. Он поймал ее взгляд своими печальными глазами, ему страстно хотелось что-то сказать. Ладонью накрыв колоду, он поднял руку. Верхняя карта как по волшебству пристала к ней: фокус удался на славу.

Он повернул ладонь и показал карту.

Влюбленные.

Ее сердце обожгло. Она, шурясь, смотрела на мужчину, сидевшего напротив. Его лицо было простодушным, сердце — открытым. В нем не было ни лжи, ни притворства, ни хитрости. Она увидела в его глазах все, что он чувствует, и огромная печаль захлестнула ее.

— Все двадцать лет? — прошептала она.

— Даже больше, — ответил он. — Я считал каждый год, каждое время года, каждый месяц и день, когда надеялся отыскать тебя. А когда надежда иссякла — а было и так, — я стал считать уже эти дни.

Стужа закусила губу. Медленно потянулась к нему и коснулась его руки:

— Я не знаю, что сказать, Терлик.

Когда-то в трактирной драке в приграничном городишке под названием Шазад она убила двух его братьев. Это случилось очень давно, вскоре после того, как она сбежала из Эсгариин. Тогда ей было невдомек, что они — сыновья правителя Шзада, Властелина Рольфа. Упрямый, мстительный человек, он охотился за ней по всему Роларофу, дабы утолить свою жажду мести, и двое оставшихся сыновей сопровождали его.

Она ускользнула от них, но почти сразу после этого она спасла юного Терлика от племени карликов-людоедов, которые жили на крутых вершинах хребта Криль. Как только они оказались в безопасности, она оставила его в том месте, где проходил главный караванный путь. Он был тогда самоуверенным и дерзким, но в насмешливых речах его содержалось природное обаяние.

Она вспомнила, как он обещал, что они когда-нибудь снова встретятся. Тогда она обратила на эти слова не больше внимания, чем на шелест ветра, но он доказал, что предвидел будущее.

Любил ли он ее в ту минуту, когда они расставались? Знал ли он тогда, что любит ее?

Она отняла свою руку, взяла кубок с вином и осушила его. Затем поставила в сторону сосуд, взяла карту, которую показал ей Терлик, вернула ее в колоду и сложила всю пачку ровно между ними.

Как ни странно, Терлик напомнил ей Кимона. Они были примерно одного возраста. Оба высокие и стройные, темноволосые. Слова произносили с одинаковым роларофским говором, оба обладали большой силой, отчего схожи были их манеры. Только вот глаза у них разные. У Кимона глаза были наполнены небом, синие, как день. Глаза Терлика — черные, как самая долгая и глубокая ночь из всех, что когда-либо опускалась на землю.

Но было еще кое-что, и это удивило и смутило ее. Терлик возбуждал ее так же, как Кимон когда-то. Она почувствовала, как щеки вспыхнули тем огнем, который, как ей думалось, давно угас, уступив место холоду и одиночеству.

Она взяла колоду карт, засунула ее в кошелек с монетами и собралась встать.

— Мне нужно кое с кем встретиться...

Он схватил ее за запястье:

— Не уходи. — Он умолял, и ей показалось, что она слышит голос Кимона. — За все двадцать с лишним лет, — продолжал он, — разве ты не можешь побыть со мной хотя бы немного?

Она покачала головой, подавляя страх и смутение, что переполняли ее. Он не имеет права так походить на ее мужа, заставляя ее ощущать то, что не пристало чувствовать вдове, не имеет права сидеть здесь и говорить, что любит ее. Она резко высвободила руку, но он

быстро поймал ее снова. На этот раз он был более напорист.

— Прошу тебя! — настаивал он. — Неужели ты отнимешь мое сердце и уйдешь?

— Прекрати! — зашипела она. — Отпусти меня, Терлик, не то пожалеешь об этой случайной встрече.

Она вырвалась еще раз, но теперь он поднялся и обхватил ее за плечи.

Лицо его выражало гнев и боль.

— Неужели у тебя ледяное сердце? И поэтому тебя называли Стужей? Какая же сука выродила тебя, женщина?

Огромный кулак врезался в челюсть Терлика, и тот отлетел назад через стол на пол, заваленный мусором.

— Орм! — отчаянно крикнула Стужа, хватая великана за руку. Уже раз или два он приходил к ней на помощь, когда разочарованные посетители слишком громко выражали недовольство, а то и требовали вернуть назад деньги, которые заплатили за будущее, которое их не устроило. — Прекрати!

Но Терлик был уже на ногах и бросился на обидчика. Орм лишь оскалился и легко отмахнулся от него, как от назойливой мухи. Терлик беспомощно отлетел, свалившись на группу солдат, их напитки разлились.

Все, что произошло потом, было ей хорошо знакомо, как будто она снова вернулась в свою прежнюю жизнь. В ход пошли кулаки, полетели чаши и миски, стулья и скамейки. Она испуганно смотрела на все это, не в силах пошевелиться или закричать.

Вдруг краем глаза она заметила чей-то кулак. Ее рука непроизвольно поднялась, отражая удар. Сделав шаг навстречу, она нанесла ответный удар ребром ладони. Нападавший отшатнулся от нее, схватившись за разбитый нос.

Это было так легко, и она решила для себя — будь что будет.

Раздался звон лезвия, покинувшего ножны, и на этот звук мгновенным эхом отозвалась обнаженная сталь в других руках. Теперь драка становилась смертельно опасной. Пролилась кровь.

Она задрала подолы своих многочисленных юбок ясновидицы. Под ними, пристегнутый к лодыжке, у нее был спрятан небольшой зачехленный кинжал. Против мечей он был, конечно, бессилен, но все же лучше, чем совсем ничего.

Громкий рев привлек ее внимание. Справа от нее Орм, приподняв за туники, бил головами друг об друга двух мужчин, пока лбы не обагрились кровью. Затем отшвырнул обоих в стороны. Стужа замерла, но, убедившись, что ни один из тех двоих не был Терликом, вздохнула с облегчением.

Какой-то солдат ухватил ее за талию и силой потащил за собой. От него разило пивом, как дикарь, он впился в нее ртом, тщаься разорвать ткань ее блузки. Она вознамерилась было пырнуть его кинжалом в живот. Вместо этого что есть силы ударила коленом. Солдат, согнувшись, отскочил с таким лицом, что стало ясно — он предпочел бы кинжал.

Она поискала глазами Терлика. Роларофец еще не достал свой клинок, но успешно орудовал короткой деревянной скамейкой. Она пошла к нему и увидела, как один из толстых торговцев взмахнул сверкающим узким ножом, целясь ему в горло. Терлик подставил скамейку так, чтобы острие ножа вонзилось в широкое сиденье, крутанул ее, ломая металл, и затем ткнул торчащим концом в лицо торговцу.

Откуда ни возьмись, появился Скафлок и преградил ей путь. Он смотрел на нее снизу вверх, на его ангельском личике светилась широкая улыбка.

— Вот весело, правда?! — Он засмеялся и снова исчез, затерявшись в суматохе.

Уклоняясь и увертываясь от ударов и нанося их, Стужа пробивалась к Терлику.

— Пора выбираться отсюда! — Она старалась перекричать шум, дергая его за рукав.

— Да, но до выхода слишком далеко!

Он занес ногу и сильно пнул одного из незнакомцев под зад. Тот полетел вперед и толкнул другого, и оба врезались в стену.

— Тогда через стойку, — предложила она.

Стужа с краю обходила вовлеченных в драку людей, Терлик следовал за ней. Над их головами пролетело что-то из посуды, после чего послышался залиvistый смех, который мог принадлежать только Скафлоку. К ее ногам рухнул какой-то солдат. Она задержалась на минутку, только для того чтобы поднять его с пола и втолкнуть обратно в гущу драки. — Покажи им за меня! — буркнула она ему вслед.

После этого она перекатилась через стойку и побежала к заднему выходу из трактира через кухню.

Бела, навалившись всей тушей на буфет, жевала цыплячью грудку. Ее рот, тяжелый подбородок — все было перемазано жиром.

— Что, голубки, хорошо проводите время? — весело окликнула она их.

— Лучше всех, — ответила Стужа, блеснув улыбкой, и потащила Терлика к задней двери. Треногий табурет залетел на кухню и разбился в щепки, ударившись об очаг. Бела скорчила рожу и продолжила поедать птицу.

Стужа потянула на себя дверь и глубоко вздохнула. Ночной воздух был прохладен и свеж, особенно приятен после трактира, заполненного дымом.

— Сюда, — сказала она и, ухватив роларофца под локоть, повлекла его по темному закоулку на улицу.

Как только они свернули в переулок пошире, тотчас же наткнулись на нищего, который тряс перед собой чашей. Она прошла мимо, не обращая на него никакого внимания, как и на всех, кто бродил по ночным улицам. Кир никогда не спал, городские улицы и переулки никогда не пустели.

— Держись середины дороги, — наставляла она своего спутника, указывая на окна домов, возвышавшихся с двух сторон. — Обольют помоями, глазом не успеешь моргнуть.

— Куда мы идем? — спросил он, когда они повернули в очередной раз. На каждом углу виднелись вывески трактиров, освещенные тусклыми масляными лампами. Двери других лавок тоже были открыты для припозднившихся покупателей, чтобы выманить у них последние монеты. — Куда же? — настаивал он, поскольку она так ему и не ответила.

— В «Крысиную Нору», — коротко бросила Стужа. — А теперь заткнись и не отставай. И держись покрепче за свой кошелек.

Улицы становились все уже, людей — все меньше. Те немногие, что попадались на пути, имели подозрительный вид, их бегающие глазки так и шарили вокруг. Но вскоре даже они исчезли, и только звук их собственных шагов продолжал раздаваться в тишине ночи.

Стужа шла, то и дело сворачивая в переулки — язык не поворачивался назвать их просто грязными. Страшная вонь от мусора и отбросов стояла в воздухе. Из полумрака донеслось рычание собаки. Стужа знала этот путь наизусть, и еще ни разу у нее не было неприятностей по дороге. Тем не менее она сжимала в кулаке обнаженный кинжал. В таких темных закоулках могут прятаться не только собаки.

— Эта часть Кира — самая старая, — шепнула она своему попутчику. — Здесь живут очень бедные люди или преступники, которые скрываются от закона. Даже при свете дня не многие солдаты решатся прийти сюда.

Терлик наклонился к ней, она почувствовала его теплое дыхание на шее.

— В таком случае, что мы здесь делаем?

Ее губы растянулись в тонкой улыбке.

— Я здесь живу, — ответила она. — Не всем же купаться в роларофской роскоши.

Она еще раз повернула. Этот переулок был совершенно темным. Ни одно окошко не горело. Ни одна звездочка не пробивалась сквозь мрак. Улица была немощеной, и башмаки утонули в слизи и нечистотах.

— Ну и вонища, — пробормотал Терлик, держась за нос.

— Запах нищеты, — произнесла Стужа, шлепнув его по руке, заставляя вдыхать тяжелый, ядреный запах. — Держу пари, этот аромат тебе незнаком.

Он что-то буркнул, вдохнул еще раз и снова зажал нос. Она невесело хихикнула. Когда они подошли к какому-то месту, где скрещивались два переулочка, она остановилась.

— Заблудилась? — Его голос прозвучал насмешливо.

Она не ответила ему. Каждую ночь «Крысиная Нора» оказывалась в другом месте. То — в переулке справа от нее. В другую ночь — слева. А иногда она находилась прямо перед ней.

— Жди здесь, — приказала она и пошла направо. Пройдя шагов десять, она снова замедлила шаг и, выставив руки вперед, осторожно пошарила в воздухе. Ничего. Прошла еще немного, опять помахала руками и вернулась обратно. Не говоря Терлику ни слова, она выбрала переулок, который был впереди. Как и в первый раз, она сделала несколько шагов, остановилась, медленно поразмахивала руками и ничего не обнаружила. Как всегда, в самом последнем! — с негодованием подумала она.

— Нам сюда, — сказала она роларофцу, беря его за руку, — только очень медленно, пока я не скажу.

Они двинулись налево — туда, где она еще не ходила. Через восемь шагов она пихнула Терлика, чтобы он шел позади нее. Сделала девятый шаг и собралась делать десятый. Что-то толкнуло ее изнутри, это был какой-то безотчетный сигнал. Она подняла руку и нащупала проволоку, которая и должна была быть там. Проволока находилась всего на расстоянии вытянутого пальца от глаз. Она отступила назад и подозвала Терлика.

— Пощупай, — велела она ему тихим голосом. Подвела его руку к проволоке. Он слегка потрогал ее, чувствуя, что по всей длине торчат острые как бритва шипы. Проволока была натянута поперек всего переулка на такой высоте и с таким расчетом, чтобы полоснуть человека по горлу.

— А теперь наклонись, — сказала она, указывая на еще одну такую же ловушку из проволоки, но теперь уже на высоте, угрожавшей голени и лодыжке. На концах обеих проволок позвякивали маленькие колокольчики.

— Никто из посторонних не может прийти в «Крысиную Нору» один, — сообщила она. — И никто не приходит сюда в спешке. Здесь не место гоняться друг за другом.

— Невелика ловушка, — шепнул он со скрытым пренебрежением.

Она улыбнулась про себя, но ничего не сказала. Возможно, он просто не представляет себе, что может сделать колючая проволока с бегущим человеком. Не хотелось бы ей, чтобы он попался в эту ловушку или даже просто увидел ее в действии, как это с ней случилось однажды, когда один на редкость глупый вор попытался обокрасть кого-то в «Крысиной Норе» и сбежал, совсем позабыв о проволоке. Глупец, ну и месиво же получилось...

Она шагнула между натянутыми тросами и подождала, пока Терлик сделает то же самое. В конце переулка она свернула в последний раз. В темноте казалось, что они зашли в тупик. И только тот, кто уже бывал в этом переулке, знал, что между двумя домами, преграждавшими путь, находится щель, куда боком может проскользнуть человек. Конечно, и здесь тоже была натянута проволока.

У входа было темно, лишь из-под старой деревянной двери просачивался слабый свет. Стужа легонько стукнула костяшками пальцев и подождала. Дверь со скрипом отворилась, яркий желтый свет пролился в узкую улочку, заставив ее зажмуриться. Седой человек выглянул и, рассмотрев их, распахнул дверь.

Громкий голос завопил на всю таверну:

— Капитан! Кого я вижу! Просим, просим! Да ты, как погляжу, и друга привела. При деньгах, надеюсь?

Дверь за ними бесшумно закрылась. Стужа приподняла подолы своих юбок и вернула кинжал в ножны. Здесь все были ее знакомыми, едва ли не друзьями, она доверяла им точно так же, как и любому в Кире. Она распрямилась и увидела улыбающуюся рожу старого мошенника с бакенбардами, которому принадлежал громкий голос. Одной рукой он держал кружку, другой обнимал грязную, но зато весьма грудастую девицу. Он был пьян и сидел развалившись на массивном, вырезанном из дерева стуле, который прежде вполне мог принадлежать более богатому господину.

— Дромен Невезучий, — сказала она хриплым голосом, — брось эту милую шлюшку,

подойди и поцелуй настоящую женщину.

Невезучий схватился за живот и затрясся от смеха. Затем он шлепнул девицу по заду, отослав в угол, вскочил на ноги и хлопнул в ладоши.

— Ну, Капитан, — застонал он, явно разыгрывая представление перед Терликом, — тебе ль не знать — нельзя целоваться со своим офицером, старшим по званию, а уж тем более мне, который по чину ниже всех.

Она уперла руки в бока и окинула его строгим, изучающим взглядом, как если бы перед ней был солдат, на котором криво сидит форма. Он тут же встал по стойке «смирно» или, по крайней мере, попытался встать и изобразил, как подобает случаю, испуг.

Она потерла подбородок:

— Что ж, судя по запаху, ты не мылся уже с месяц, а посему на этот раз мы воздержимся от поцелуев.

Довольно долго они разглядывали друг друга. Затем оба расхохотались, бросились обниматься и обменялись поцелуями в кончики носов.

— Женщина, я чертовски рад тебя видеть! — с присвистом произнес Невезучий, высвобождаясь из объятий. Он схватился за грудь, как будто на долю секунды ему стало трудно дышать. Но затем он выпрямился и улыбнулся как ни в чем не бывало. — Я скучал по тебе! — добавил он.

Она знала, какая-то болезнь точит его силы, но он отказывался говорить об этом. Для нее он оставался все тем же сильным здоровяком, каким был много лет назад, когда она впервые встретила его. Тот прежний его облик хранился в ее памяти. Это помогало ей улыбаться и смеяться вместе с ним.

— Я тоже скучала по тебе, Дромен, — призналась она. — Тебя не было гораздо дольше, чем я думала.

— Все мы на службе у своего Капитана. — Он с важным видом поклонился, вздохнул и вернулся в свое кресло. Девица снова заняла свое место рядом с ним, а он сделал глоток из кружки, которую так и не выпустил из рук. — Но сперва выпей-ка со мной. — Он погрозил пальцем. — А ведь дружка своего ты так и не представила, это, черт подери, невежливо!

Стужа повернулась к Терлику, и ее губы искривились в улыбке. Роларофец сжимал рукоять меча. Он то и дело обводил глазами таверну. Взгляд его был вызывающим и предостерегающим одновременно. Она тоже осмотрелась.

«Крысиную Нору» можно назвать тем местом, закрытым и тайным, где собираются известные в городе преступники. Для многих из них просто опасно появляться на людях, где при свете ламп их могут увидеть солдаты. Эти люди принадлежат темноте, и свет для них — явный враг. Когда им хочется вина или женщин, когда становится неважно и не терпится услышать дружеский человеческий голос, они приходят сюда или в одну из двух других «Крысиных Нор», чтобы побыть с такими же, как они сами.

И вид у них у всех, конечно же, гнусный. Здесь не таклюдно, как в «Сломанном Мече», но угроза, витающая в воздухе, намного ощутимее. За столами, придвинутыми к стенам, она насчитала еще девять человек. Они смотрели на Терлика с жадным блеском в глазах, поглаживая свои клинки, но то, что он пришел с нею, удерживало их на расстоянии. За это нужно благодарить Дромена с его рассказами. Здесь же находились еще три женщины кроме той, которую обнимал старик. Они подавали пиво и вино, а также использовались в других целях.

Ей повезло в тот день, когда Дромен нашел ее. Она изображала ясновидящую и сильно разозлила местных попрошайек, которые решили, что эта женщина покушается на их территорию. Они пожаловались Дромену. Старик к тому времени уже давно заправлял всем этим преступным сбродом. И каково же было его удивление, когда он с парой своих головорезов столкнулся с ней на улице!

Одна из женщин вложила ей в руки чашу с вином. Другая обслужила Терлика. Стужа пригубила вина и кивнула:

— Отличное вино. Откуда стащил?

Невезучий захихикал нетрезво и подмигнул:

— Из гарнизонного погреба, откуда ж еще. У поганных офицеров самое лучшее вино. — Он еще раз подмигнул. — Поэтому я и беру его там.

— Ну да, конечно. — Она не стала спорить и подняла чашу, приветствуя его слова. Отпив еще вина, она указала на Терлика, стоявшего рядом: — Моего приятеля зовут Терлик, Властелин Рольфа, а прежде Шазада. Он роларофец, но обещаю, что простишь его за это. Ему просто не повезло при рождении, и он в этом не виноват. — Она слегка подтолкнула локтем в бок смущенного дворянина. — К тому же он мой старый приятель.

Терлик кланяться не стал, но хотя бы наконец убрал руку с оружия.

— А это, — продолжила Стужа, величественно размахивая рукой, — Солнце Преступного Мира, Повелитель Обманщиков и Князь Воров...

Невезучий возмущенно затопал ногами:

— Всего лишь князь?

Его рев быстро сменился очередным приступом смеха.

— Прости, — поправилась она, — Король Воров. Ни одна монета не покинет пределы города, если не будет на то его великодушной милости. — Она сделала большой глоток вина и громко причмокнула губами. — Это и есть Император Крыс, который правит в «Крысиной Норе». — Она снова приподняла чашу с вином, отвесила поклон, а затем добавила с деланным пренебрежением: — А еще он мой бывший сержант-снабженец, Дромен Невезучий. — Она допила вино и, улыбаясь, швырнула пустую чашу к ногам старика.

Невезучий изобразил поцелуй.

— Почему тебя зовут Невезучим? — бестактно поинтересовался Терлик.

— Потому, что тебе не повезет, если перейдешь ему дорогу, приятель.

Стужа обернулась к тому, кто ответил на вопрос, это был довольно симпатичный юноша, который сидел между двумя лампами. Пару дней назад он заколол двух стражников в уличной драке.

— Вечер добрый, Рауль, — вежливо поприветствовала его она. — Как твои жены?

Он ухмыльнулся над краем глиняной чарки с вином, обнажив сломанный зуб.

— Это в прошлом, — неспешно ответил он. — Я с ними развелся. — Поднял чарку, и хлюпающий звук разнесся по всей комнате.

— Со всеми? — Стужа испустила долгий вздох. — Примета времени. В этом мире совсем не осталось примеров супружеской верности.

Терлик потрогал ее за плечо. Ему было не по себе. Он явно хотел убраться отсюда. Это немного забавляло ее. Терлик был воином, но он также был богачом, хозяином своих земель. К тому же он, похоже, был еще и вполне добропорядочным, а значит, за всю свою безбедную жизнь ему не приходилось бывать в подобных местах. «Впрочем, — думала она, оглядывая таверну еще разок, — понять его отвращение можно». Ей только странно, почему ее такие места больше не раздражают.

— Может, Капитан рассказывала тебе, как мы служили вместе в войсках прикрытия в Коркире? — завел Невезучий разговор с Терликом. — Она была моим командиром, перед тем как отправилась охранять юную королеву. Спала прямо с нами в казармах, представь себе. Лучше ее никто не фехтовал. Что она вытворяла с клинком!

— Дромен служил моим сержантом-снабженцем, — подхватила Стужа. — Все, что было необходимо нашему отряду, он доставал хоть из-под земли. При этом мог надуть кого угодно. — Она еще раз шутливо поклонилась: — Уже тогда ты знал свое дело, Дромен. Даже если нужно было остричь овцу, у тебя в кармане находились ножницы.

— Ни один мужчина не мог с ней сравниться! — воскликнул Невезучий. — Она была подобна дьяволице или ведьме!

Неожиданно он повалился вперед, проливая вино. В горле его забулькало, глаза полезли из орбит, полные ужаса и догадки, что это смерть медленно подбирается к нему.

Но, видно, время его еще не пришло. Отказавшие легкие наконец-то раскрылись, живительный воздух наполнил грудь, и старик откинулся на спинку стула. Сидевшая рядом с

ним девица изо всех сил старалась скрыть тревогу на лице. Конечно же, ее благополучие зависело от здоровья Дромена. Кто будет заботиться о ней, если он умрет? Она кончиками пальцев погладила его по лбу, желая утешить.

Невезучий оттолкнул ее руку и снова выдвинулся вперед. Капли пота блестели в уголках его глаз, но, видно, приступ уже прошел.

— Ты снова собралась воевать, не так ли, Капитан? — Он указал на нее пальцем, и этот палец стал медленно обводить в воздухе значки, как будто выписывал какие-то слова. — Но на этот раз нам не скакать рядом, Капитан. — Он бросил тяжелый взгляд на Терлика: — Ты отправишься с ней, роларофец, и ты позаботишься о ней. Дьявол, скорее она позаботится о тебе, вот увидишь. И запомни, что я тебе скажу. Если с ней что-нибудь случится — я достану тебя, где бы ты ни был. — Его глаза слегка блеснули и неожиданно затуманились. — Ты теперь стала старше, женщина. — Он говорил негромко, но с пылким жаром. — Ты сказала, что слишком долго жила на одном месте. Без сражений, без тяжких скитаний. Но теперь слушай сюда. — Он поднялся на ноги и выпрямился во весь свой огромный рост, как бывало прежде. — Все возвращается. Все легко возвращается, если только позволить ему вернуться. — Он улыбнулся, и глаза его снова заблестели, прояснившись. — Это точно. Прошлый месяц я был в отлучке и выяснил тут кое-что для тебя. Так вот, все возвращается — все старые привычки, все прежние навыки. Это как вкус мяса — никогда не забывается.

Она подошла к нему вплотную, взяла его руки в свои:

— Скафлок сказал, у тебя есть новость для меня.

— Я же твой сержант-снабженец, — напомнил он ей, в очередной раз хитро подмигнув. — Я ведь ни разу тебя не подвел, так? — Он стиснул ее руки. Она вцепилась в него, выжидая. — Завтра ночью мятежники нападут на Соушейн. Твой сын поведет их. — Дромен резко повернулся и раздраженно бросил: — Сядь, Рауль, и выпей еще вина. Я уже продал эти данные начальству гарнизона.

Рауль кинул в его сторону сердитый взгляд, но вернулся на свое место.

Она выдернула руки:

— Ты продал моего сына?

— Почему бы и нет, — откровенно признался тот. — Хорошо заработал на этом. Все равно мои источники собирались сделать то же самое. Я просто их опередил. — Он замолчал, сглотнул и тихо продолжил: — Соушейн — мирный городок, в основном крестьяне. Мятежникам незачем нападать на него, так ведь они еще и сожгут его, по своему обыкновению. Незачем, женщина, просто бессмысленно.

Они пристально смотрели друг на друга. Его доводы понятны. Но он выдал эти сведения гарнизонному начальству, и теперь она не знает, сможет ли простить его за это. За пригоршню монет он продал ее сына. Более того, он продал ее саму.

Нельзя терять ни минуты. Завтра ночью она встретится с Келом.

— Это все твои новости? — холодно спросила она.

Дромен пожал плечами:

— Странные разговоры ходят о мятежниках. Происходят ужасные события. Говорят, за всем этим скрывается какой-то колдун.

— И это все?

Старик снова пожал плечами.

Она повернулась к Терлику:

— Отдай ему свой кошелек.

— Что?

— Отдай ему свой кошелек. Он заработал свое золото. Заплати ему, и пойдем отсюда.

Терлик нахмурился, но высвободил конец своего пояса и швырнул позвякивающий кожаный мешочек к ногам Невезучего. Его девица плавным, но быстрым движением сгребла кошелек.

Уже в дверях Стужа обернулась и посмотрела на человека, которого когда-то называла своим другом. Ничто не шевельнулось в ней. Дромена Невезучего больше не существует в

этом мире, и все золото Кира неспособно воскресить его для нее даже на один день. Она сощурилась и отправилась навстречу темноте вслед за Терликом.

— У нас ведь бывали славные времена, разве нет, женщина? — услышала она обращенные к ней слова старика, когда закрывала за собой дверь.

Глава 7

Высокие остроконечные травы шелестели, послушные порывистому дыханию ветра, над широкой степью. Рваные тучи, черные и грозные, низко летели на потемневшем небе, сквозь них то здесь, то там мелькал дразнящий свет мерцающих звезд и проглядывало сияние узкой бледной луны. Воздух был напоен необыкновенным душистым запахом цветочной пыли и меткой пыли.

В Соушейне, вдали от того места на невысоком холме, где расположилась Стужа, в окнах зажигались огоньки, из печей бесшумно поднимался вверх дым. Трудно увидеть что-то еще, когда опустилась ночь.

Внезапно заржал конь. Стужа устало приподнялась на локте посмотреть, что встревожило животное. Гнедой Терлика стоял спокойно рядом с великолепным вороным, которого он приобрел для нее на деньги из второго, потайного, кошелька. Это боевые кони: их не нужно ни стреноживать, ни привязывать. Они стояли под седлами и терпеливо ждали.

— Ничего особенного, — успокоил ее Терлик, и она снова прилегла.

Для того чтобы добраться вовремя до Соушейна, им пришлось проскакать целую ночь, весь долгий жаркий день до самых сумерек. За все это время они не сомкнули глаз. И вот теперь ветер убаюкивал ее, а мягкий шелест травы звучал как колыбельная. Растянувшись на земле, согретой ее разгоряченным телом, она с трудом открывала слипшиеся глаза. Лишь разговор отгонял сон, но и тот мог превратиться в негромкий, опасно монотонный шум.

— Дважды перебралась? — сказал Терлик. Он повернулся на спину и смотрел, как мчатся тучи. — Тебе повезло, что ты не утонула. Лите — широкая река.

— Я почти утонула, — призналась она. — Я думала, что тону.

Она замолчала, грызя кончик большого пальца, вспоминая, как холодная вода сомкнулась над ее головой, как огромная усталость сковала тогда все ее члены.

— Я в самом деле думала, что умираю. — Она снова умолкла. Терлик, не говоря ни слова, ждал, когда она продолжит. — Я помню, что перестала бороться с водой и сдалась. — Она не отрываясь смотрела на далекий горизонт за Соушейном. — И тогда я увидела моего мужа, который обращался ко мне. Я подумала, что оказалась в девяти кругах ада. — На ее губах показалась слабая улыбка. — Ну или в одном из них по крайней мере. Он все звал и звал меня по имени. Помню, как отчаянно мне хотелось пойти к нему навстречу, и я все же нашла в себе силы, чтобы откликнуться на зов. Я начала двигаться на звук его голоса, но мне казалось, что, как я ни старайся, все равно не удастся добраться до него самого. — Она приподняла голову, чувствуя озноб. — Я, должно быть, потеряла сознание. Очнувшись уже на

берегу. Конечно же, мужа там не оказалось. Это было просто видение.

— Да, разум может вытворять с нами странные шутки в минуту опасности. — Он протянул руку и сорванной травинкой пощекотал ей нос.

Она взглянула на него с внезапно нахлынувшей тоской. Он так сильно напоминал ей Кимона. Вдруг, осознав, что смотрит на него не отрываясь, она отвела взгляд. Мысли о муже все еще причиняли ей боль, а роларофец своим присутствием еще сильнее бередил эту незаживающую рану.

— А что твой сын, Кел? — спросил Терлик. — Как он оказался во главе мятежников? — Он опять коснулся травинкой ее носа, затем уха.

Она отодвинула его руку.

— Я не знаю, — призналась она. — Я многого не знаю о Келе. Он сбежал из дому очень давно. Несколько месяцев тому назад он наконец объявился, а за ним, оказывается, уже гнались воины Риотамуса. — Она прикусила губу. — Вот тогда-то я впервые и узнала о восстании.

Он удивленно поднял бровь;

— Видно, ты и в самом деле жила обособленно. Ведь даже до нас в Роларофе доходили слухи. Правда, без подробностей, просто слышали о небольших столкновениях, которые означали, что, возможно, затевается что-то крупное.

— Мне не казалось, что я живу обособленно, — сказала она, как будто оправдываясь. — Я просто думала, что я... — она подбирала подходящие слова, — довольна жизнью.

Она замолчала. Больше рассказывать не о чем. Или все-таки есть? Терлик снова лег на спину, чтобы наблюдать за облаками. Стужа устремила свой взгляд на свет в окнах Соушейна, пытаясь представить себе жизнь, протекавшую за сдвинутыми занавесками и запертыми дверями. Что делают там мужчины и женщины — ужинают или уже приготовились ко сну? Чем они занимаются, эти крестьяне, лавочники и пастухи? Довольны ли жизнью или прозябают в одиночестве и невежестве?

Ей самой никогда больше не сидеть перед камином тихими вечерами. Подобные времена остались позади, она знала об этом в глубине души. Печально покачала головой. Когда-то ее жизнь состояла из рискованных приключений и ужасных событий, которые повлияли на нее, сформировали ее характер; она считала тогда, что сила оружия — это единственное, чему стоит поклоняться.

Но потом, уже рядом с Кимоном, понятие безгрешности вновь обрело для нее значение: та ничтожная, скрытая часть ее души, что не потонула в потоках крови и устояла под натиском событий, искала чистоты. Живя в своей таверне вместе с мужем и детьми, она холила и лелеяла спасшуюся часть своей души, давая ей разрастись, пока почти не позабыла о себе прежней.

Она нашарила рукой меч, который лежал на земле рядом с ней. Холодный на ощупь, меч таил в себе угрозу и ждал своего часа. Он знал о своем предназначении.

Какой я была прежде, — подумала она мрачно, — *такой же стала и снова.*

Ей было больно осознавать, что она утратила свою чистоту. Намного тяжелее терять во второй раз, ведь она с таким трудом обрела ее.

— Взгляни! — прервал ход ее мыслей Терлик. Он уже перевернулся на живот. Она посмотрела туда, куда он указывал.

На востоке, у самой земли, слабая вспышка длинной фиолетовой молнии осветила низкие тучи. Стон вырвался из ее груди. Уже два месяца не было дождя. И вот теперь она снова под открытым небом, и спрятаться негде. На этот раз у нее нет с собой даже плаща.

Терлик поднялся и сел.

— А что если Невезучий солгал тебе? — спросил он. — Или ошибся?

Ее пальцы вонзились в прохладную влажную землю. Стужа катала на ладони кусочки земли, бросала вверх и смотрела, как ветер уносит их за собой.

— Дромен служил мне верой и правдой во время Коркиранских войн, — ответила

она. — Не думаю, что он солгал.

— Но ведь он продал свои сведения гарнизонному начальству, — напомнил ей Терлик.

— Я заплатила ему только за то, чтобы он нашел моего сына, — пояснила она, — а не за то, чтобы он никому не рассказывал об этом. Здесь я ошиблась. Дромен воспринимает все слишком буквально.

Терлик скрестил ноги и молча стал рвать траву.

— Скажи, зачем ты это делаешь? — вымолвил он наконец. — Зачем гоняешься за Келом? Когда ты говоришь о нем, в твоём голосе слышится столько горечи.

Она прикрыла глаза, охваченная воспоминаниями. Тонкая язвительная улыбка тронула ее губы.

— Давай я расскажу тебе, как все было. — Она резко села рядом с ним, очень близко, чуть не касаясь коленями. — Еще до того, как я вышла замуж за Кимона, мы с ним стали участниками событий, когда нам пришлось вступить в союз со старым магом и его демоном-хранителем. Незадолго до того, как все закончилось, демон расторг свой договор с магом и покинул наше сообщество. — Она замолчала и посмотрела прямо в черные глаза Терлика. — Но прежде... — плечи ее приподнялись и обмякли, — прежде он изнасиловал меня. Вскоре после этого я уже носила в чреве его отродье, которого не желала. К счастью, сам Оркос — повелитель смерти увидел, что этот ребенок не имел к демону никакого отношения.

Терлик начал было что-то говорить, но она помахала, чтобы он молчал. Ей и так было трудно рассказывать, а уж отвечать на вопросы и подавно.

— Когда родился Кел, Кимон настоял на том, чтобы самому дать ему имя. Я всегда думала, что он назвал его так, сократив слово Келед-Зарем, как будто этим хотел подчеркнуть нашу привязанность к новой родине.

— Кел, — повторил вслух Терлик. — Похоже, что так.

Она прикусила губу:

— Но Кимон всегда отличался особым чувством юмора. Знаешь, как звали того демона, о котором я тебе рассказывала? Его имя было Гел. Кимон еще дразнил меня, когда говорил, что назвал ребенка в честь демона. — В ее голосе сквозили горечь и боль. — И в самом деле, когда Кел вел себя неподобающе, Кимон часто утверждал, что какая-то часть семени демона выжила и проникла в нашего ребенка. — Она уперла руки позади себя и откинулась. — За последние несколько месяцев мне часто приходила в голову мысль: а что если он был прав? — Она встряхнула головой и снова закрыла глаза.

Роларофец сорвал очередную травинку и провел ею по ее колену.

— Но ведь это не объясняет того, почему мы сидим здесь, среди этой сорной травы.

Она смотрела на тучи. Они неслись наперегонки по ночному небу, видоизменяясь и принимая причудливые формы. В просветах вспыхивали и гасли звезды, как будто подмигивали ей. Изредка выглядывала бледная луна.

Что-то этот разговор о демонах воспалил мое воображение, — едко подумала она о себе. Все эти тучи казались ей тенями заблудших душ. Они неистово мчались, стремясь обрести покой после смерти.

Долгая изумрудно-зеленая вспышка осветила небо на западе. Несколько мгновений спустя вдалеке прогремел гром.

— Я больше не узнаю своего сына, — призналась она. — Что-то произошло с ним, заставило превратиться в жестокое подобие моего Кела. — Она снова встретила взглядом с Терликом и села ровно. — Мне нужно знать, может, я сделала что-то не так, — решительно произнесла она. — Или, напротив, чего-то не сделала. Или что-то сделало с ним неподобающее. — Крепко сжав пальцы в кулаки, она потирала ими колени. — Я должна поговорить с ним, — подчеркнула она. — Я должна знать.

Терлик усмехнулся:

— Думаешь, что сможешь изменить его? — Он отбросил травинку через плечо. Ветер подхватил ее и, завертев, унес прочь. — Женщина, даже не пытайся. Так уж случается, что люди просто катятся под гору, и ничего с этим не поделаешь. Ты ведь видела моих братьев

— Тана и Чейви.

— Но есть еще кое-что, — сказала она, наклонившись к нему так близко, что их лица почти соприкоснулись. — Четыре пальца, отрезанные с руки Кимона. Только колдун, знающий некромантию, способен на такое. А Кел как раз связан с каким-то колдуном по имени Ороладиан. По всеобщему мнению, именно они вдвоем возглавляют мятеж.

— Твоего мужа мог убить и простой сумасшедший, — возразил роларофец. — Я видал немало жестокостей, не имевших никакого отношения к магии.

— А я бывала в землях, — задумчиво произнесла она, — где воины в качестве трофея срезают что-нибудь с тел убитых ими людей. Кусок скальпа с головы, мочку уха или еще кое-что. — Она отодвинулась от него, преодолевая напряжение, что сковало плечи. — Но то, с чем я столкнулась на горе Ша-Накаре, было чистейшей магией. Кто-то украл то, что принадлежит мне. В моем тайнике устроили мистическую ловушку, что под силу лишь тому, кто искушен в деле и обладает немалыми способностями.

Терлик выдрал из земли пучок травы. Песок, приставший к корням, обсыпал их обоих, когда он выпустил траву из рук.

— И ты хочешь противостоять этим силам?

Стужа опустила руку под тунику и достала небольшой кожаный мешочек, что висел на ремешке вокруг шеи.

— Я не показывала тебе это, — прошептала она. — Уж больно неважно выглядит.

Она раскрыла мешочек и полезла в него двумя пальцами — большим и указательным. Терлик придвинулся ближе, но тут же с отвращением отшатнулся.

То, что она показала ему, было пальцем. Отрубленным между первым и вторым суставами. Даже в ночной темноте отчетливо виднелись кость и разорванные сосуды. От него исходил очень слабый запах, несмотря на то что палец казался почти окаменевшим.

— Боги, — простонал он. — И ты носишь это с собой?

— Я думаю, это палец Кимона, — ответила она. — После того как я очнулась на берегу реки Лите, я снова взобралась на вершину Ша-Накаре. При свете дня я нашла это в той самой яме, где когда-то давно закопала свой ларец. Пустой ларец был все еще там, а под ним было это.

— Может, это и не Кимона, — заметил Терлик.

Теперь настал ее черед усмехнуться.

— Я думаю, колдун, с которым связан Кел, каким-то образом использовал палец, чтобы найти то, что я спрятала на этой горе. — Она отвернулась, чувствуя, как ее пробирает холод. — Ты и представить себе не можешь, — с благоговейным трепетом в голосе объясняла она, — что могут вытворять колдуны-некроманты, используя части трупов. — Ее рука нашарила рукоять меча. Она положила клинок на колени, провела пальцем вдоль лезвия. — Я думаю, этот Ороладиан убил моего Кимона, а затем, имея в своем распоряжении его пальцы, колдун приказал духу моего мужа выдать местонахождение кинжала.

— Кинжала? — перебил ее роларофец. — И это все, что ты прятала?

Чуть не ослепив их, с треском сверкнула багровая молния, прочертив на небе устрашающий след. Гром сотряс равнину. Ветер завыл и сделался еще более порывистым. Стужа почувствовала, как поднялись волосы за ее спиной и пыль обожгла ей глаза.

— Не важно, что я там прятала, — огрызнулась она. — Это была моя собственность!

Внезапно ветер затих, и все вокруг неожиданно замерло. Стужа на мгновение прислушалась и затем продолжила говорить, понизив голос:

— Я хочу найти своего сына. Он приходил в тот день ко мне в таверну, чтобы выпросить кинжал. Это не случайность. — Ее губы сжались в тонкую напряженную линию. — А затем я хочу найти Ороладиана. — Она снова посмотрела вверх на несущиеся облака. — Это души, блуждающие в поисках покоя после смерти. — Подобная мысль уже посещала ее, и этот образ по-прежнему ее впечатлял. — В конце концов я сделаю так, чтобы дух Кимона обрел покой.

— Ты хочешь отомстить? — догадался Терлик.

— Да, отомстить, — бесстрастным голосом подтвердила она.

Он откинулся на спину и слегка потянулся, но глаза его были прикованы к ней.

— Жажда мести отравила моего отца, — напомнил он. — Она снесла его до самого последнего дня, когда он умирал, проклиная женщину, которую так и не нашел.

Она положила палец обратно в кожаный мешочек и спрятала его под туникой. Руки ее снова опустились на меч. Казалось, он живет своей собственной жизнью и жаждет действий.

— Ты похожа на карту в твоей гадальной колоде, — наконец произнес он. — Королеву с Мечом — ту, что ты назвала Темным Ангелом.

Она закрыла глаза и медленно опустилась на землю.

— Ангел Ночи, — поправила она. — Та, что несет возмездие.

— Возмездие — это то, что лучше предоставить богам, — внушительно прокомментировал он. После чего отвернулся от нее и только внимательно осмотрел все вокруг, затем внезапно приподнялся на полусогнутых. — Что ж, сдается мне, ты не зря проделала этот путь. Я вижу всадников.

Она вскочила, бросилась вставлять клинок в ножны, пристегивать ремень с мечом к поясу, вглядываясь в ту сторону, куда он указывал.

Небольшой лес из горящих факелов хорошо обозначивал передвижение всадников. Она тщетно пыталась их посчитать, но ветер слишком яростно налетал, раздувая огонь. Она решила, что их было около пятидесяти. С этого места невозможно разглядеть всадников, невозможно определить, кто из них Кел.

Терлик шепнул себе под нос, но она услышала:

— И на что им сдался этот сонный, безобидный городок?

— Мне нужно подобраться поближе, — сказала она, направляясь к лошадям. — В такой темноте меня никто не увидит. — Она ухватила за поводья своего коня и взлетела в седло. — Ты можешь оставаться. Кел не твоя головная боль.

Терлик не стал попусту тратить слова на препирательства. Он вскочил на лошадь и первым тронулся вниз по пологому склону.

Группа всадников остановилась, не доезжая до окраины городка. Соушейн не имел ни крепостных стен, ни ворот, ни сторожевых башен. Свет от свечей и ламп все так же трогательно изливался сквозь окна домов, а дым бесхитростно поднимался из печных труб.

С противоположной стороны Соушейна небо окрасилось оранжевым заревом. Стужа принялась. Густой дым поднимался в воздух. Он перекачивался по равнине, подобно серой волне.

— Они жгут поля, — зачем-то произнес Терлик.

Она остановила лошадь.

— Что-то здесь не так, — пробормотала она. Пристально всмотрелась в мятежников. По-прежнему их около пятидесяти, по ее приблизительному подсчету. Значит, есть другой отряд, который подкрался и запалил огонь, в то время как их соучастники ожидают сигнала к наступлению. Сколько же их всего? — гадала она.

Но кое-что настораживало ее еще больше.

Улицы Соушейна по-прежнему оставались пустынными. Двери заперты, свечи продолжают безобидно гореть, как будто ничего не происходит. Хотя огонь на полях уже поднялся слишком высоко, а воздух полон запаха дыма. Не может быть, чтобы никто в городе ни о чем не догадывался.

— Я бы подбежала к дверям, чтобы посмотреть, в чем дело, — вырвалось у нее. — Я бы бросилась спасать свой урожай. Я бы предупредила соседей. Я бы кричала, и визжала, и изо всех сил лила бы воду на свою крышу.

Терлик понял, что она имела в виду.

— Должно быть, они все знают, — предположил он. — Они боятся и прячутся.

— Но кто мог их предупредить? — возразила она. — Ведь нападение должно было быть неожиданным.

Ее спутник поднял бровь:

— Мы ведь знаем кто.

Она поняла, что он хочет этим сказать. В задумчивости потеряла подбородок. Всеми печенками она чувствовала что-то неладное, все выглядит так неестественно. Неужели Невезучий предупредил их? Она усмехнулась про себя. Ни у одного из этих крестьян не нашлось бы достаточно денег, чтобы оплатить его услуги.

— О боги! — неожиданно вскричал ее друг. — Что это за чертовщина, провалиться мне во все девять кругов ада? — А затем добавил, уже намного тише и сдержаннее: — А я-то еще смеялся над твоими рассказами о колдунах.

Из-за Соушейна с ревом вырвался в небо огненный смерч. Он извивался и закручивался среди туч, рассыпаясь и вновь принимая новые формы. Он ярко горел с чудовищной силой, возникая из ничего, полыхая сам по себе.

Пламя причудливо отражалось на рваных тучах, небеса стали похожи на гобелен, где кроваво-красные пятна и тени сменяют друг друга.

— Рука! — прохрипел Терлик. — Она сейчас прихлопнет Соушейн!

И в самом деле. Столб огня слился воедино, видоизменился и принял окончательную форму: теперь это была огромная и ужасная рука, она сгибалась и разгибала дьявольские пальцы. Рука зловеще надвигалась на город, подбираясь все ближе, выпуская дым и искры. На мгновение она застыла над Соушейном. Затем обрушилась вниз.

Потоки пламени хлынули по улицам, растекаясь во все стороны, зажигая все, что только могло гореть. Деревянные жилища вспыхивали красно-оранжевыми огненными шарами, они рассыпались искрами и горящими досками, которые падали на крыши других зданий, распространяя пожар и разрушения. Дьявольской руки больше не было видно, но колдовской огонь мчался с невероятной быстротой по всем улочкам и переулкам.

И только теперь распахнулись двери домов и лавок. Вооруженные солдаты, крича от ужаса, выбегали на улицы, сбивая пламя со своих алых накидок и украшенных перьями шлемов, они спасались бегством, словно напуганные крысы. Языки пламени, вспыхивавшие со всех сторон, высвечивали их лица, искаженные страхом.

— Солдаты гарнизона, — крикнула Стужа. — Они оказались здесь еще раньше нас!

Жители городка высыпали наружу вслед за солдатами — женщины с детьми на руках, мужчины, прикрывающие своих жен одеялами или попонами.

Разлетелись в стороны ворота конюшни. Конный отряд рванул на улицы. Лошади, обезумевшие от огня, топтали всех на своем пути, давя без разбора как детей, так и солдат. Вопли и крики, полные боли и отчаяния, доносились из города, заглушаемые ревом огня, грохотом рушившихся камней и бревен.

Все это время мятежники выжидали, наблюдая. Наконец в один мощный голос они издали победный клич. Размахивая факелами, они пришпорили коней и ринулись к беспомощному Соушейну.

«Кел!» Это имя само вырвалось из глотки Стужи. Ужас и ярость разрывали женщину на части — страх перед могуществом силы, свидетельницей которой она стала, и дикое стремление увидеть своего безжалостного сына. Она направила коня к Соушейну, туда, где бесчинствовали разбойники, проклиная то семя, что даровало Келу жизнь.

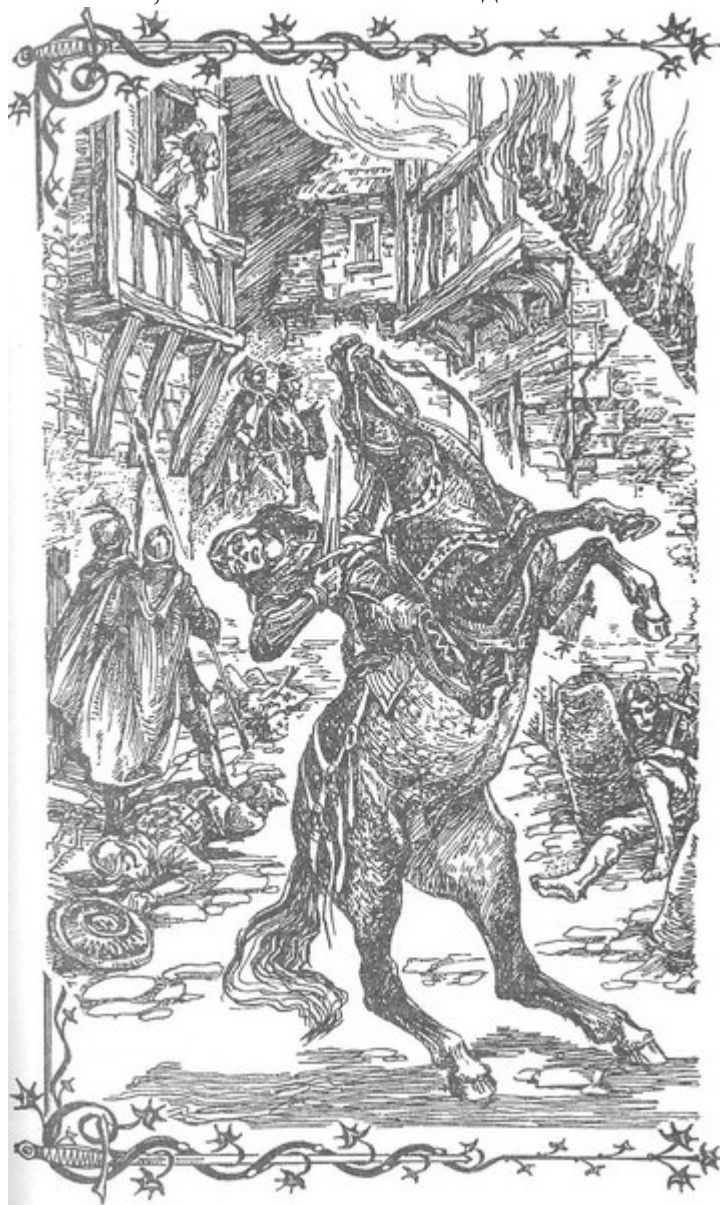
Разбойники набросились на город с неистовой силой, они швыряли факелы в окна и двери домов или использовали их как горящие дубины, когда под руку попадался горожанин или солдат. Как только кто-нибудь из мятежников оставался без факела, он тут же обнажал меч. Красное пламя отражалось на блестящих стальных клинках.

Кровь в жилах стыла от стонов и криков людей — испуганных, раненых, умирающих. Надо всем этим стоял страшный грохот и лязг: сталкивались лошади, скрежетали доспехи, было слышно, как разрывается плоть и ломаются кости. Но громче всего слышался треск огня. Все это напомнило Стуже об ужасах тех войн, которые она когда-либо видела. Сущий ад воцарился на этом небольшом квадрате земли.

Она вела своего коня через весь этот шум и крики, выискивая единственное лицо. Внезапно ее конь отскочил в сторону и изогнулся, когда рядом с ней обрушилась горящая

стена. Она услышала пронзительный крик ребенка, но было слишком поздно, чтобы помочь. Пылающие бревна погребли под собой отца и его маленького сына, отняв у них жизни. Конь захрапел, стал бить копытом от страха. Жар огня обжигал ей лицо и руки. Она натянула поводья, стараясь справиться с животным.

В это самое мгновение она заметила, как ей на голову со свистом опускается меч. Она уклонилась от удара, прищипорив коня, описала небольшой круг и вынула свой собственный меч. Противник уставился на нее, и ее сердце чуть не остановилось. Из-под маски в виде черепа сверкали человеческие глаза, алчущие битвы. Но это была не простая маска. Огонь освещал тусклую белую кость, обнаруживая неровные края головы, от которой была отпилена черепная коробка с мозгом. Она подняла свой меч, чтобы встретить следующий удар, всем своим нутром понимая, что мешкала слишком долго.

Но он так и не ударил. Чья-то лошадь врезалась сзади в лошадь мятежника, стальной клинок наполовину вошел между его ребер, он глухо вскрикнул и повалился назад, выпал из седла и растянулся на земле. Его же собственная лошадь наступила на него прежде, чем убежать.

Она почти позабыла о Терлике, но поблагодарить его так и не успела. Водоворот сражения закружил их, растаскивая в разные стороны.

Солдаты гарнизона в конце концов обнаружили утраченное было мужество и стали отчаянно защищаться. Однако повстанцы, с черепами вместо лиц, снова навалились из всех

сил, уничтожая всех подряд, на ком не было черных камзолов и омерзительных масок смерти.

Стужа оказалась в рискованном положении. На ней не было ни маски, ни алой накидки, и потому обе стороны принимали ее за врага. Краем глаза она увидела мелькнувшую тень. Резко пригнулась к седлу, развернулась и разрубила пополам келедского солдата. Боль исказила его черты, когда он сползал с лошади.

Стужа смотрела на него в оцепенении, забыв и о пожаре, и о сражении. Кровь медленно стекала с лезвия ее клинка, окропила ей руку, когда она подняла меч.

Все произошло так быстро, без раздумий. Она все смотрела вниз на убитого. Ее рука задрожала, и эта дрожь поднялась выше и охватила ее всю.

Тогда она выдохнула и глубоко вдохнула, стараясь овладеть собой. Она явилась сюда не сражаться, а лишь найти своего сына. Она припустила коня вперед, объезжая стороной гушу боя, избегая столкновений, разглядывая лица мятежников.

Она узнает его глаза даже под маской из черепа.

Но зрелище, представшее ее взору при свете бушующего пожара, вызвало в ней чувство омерзения. Никогда прежде в свои молодые годы она не уклонялась от боя, как сейчас. Тогда ей было некогда, да и незачем оглядываться вокруг и размышлять об ужасе происходящего. А теперь она видела мужчин, которые сражались и умирали. Их лица были такими, что она содрогнулась. Смертельный ужас и ненависть в глазах, грозно выдвинутые челюсти и скрежет зубов, сощуренные веки, которые внезапно широко раскрываются; стоны, вздохи и хрипы.

Это было неистовство — безрассудное и уродливое, лишенное смысла.

Небо разорвалось короткими вспышками, сверкнувшими одна за другой. Мощный, оглушительный гром сотряс воздух. Спустя несколько мгновений зарядил дождь, на земле его шипением встречал огонь. Очень скоро улицы покрылись слякотью.

Ни та, ни другая сторона не обращали на это никакого внимания. Мятежники и гарнизонные солдаты кромсали друг друга, рубились насмерть, и лишь извивающиеся, безумные тени в отблесках дождя и пожара, подобно демонам, следовали за ними по пятам.

Стужа утерла воду со своего лица, не зная, плакать ей или смеяться.

В эту самую минуту она увидела Кела. Ей самой было трудно понять, как она узнала его. Бушевавшая повсюду битва, как нарочно, разделяла их, на лице его была такая же маска из черепа, как у всех его соратников. Но она его узнала.

Очередной удар молнии осветил небо, выхватив его фигуру из общей массы. Она назвала его по имени, но Кел не слышал ее. Он свесился с лошади и вонзил свой меч в горло солдата.

— Кел! — возопила она, пытаясь перекрыть шум.

Лишь раскат грома раздался в ответ.

Пришпорив коня, она поскакала к нему, раскидывая по сторонам мятежников, неосмотрительно попадавших ей на пути. После стольких месяцев поисков она наконец-то нашла своего сына. Она не смела останавливаться или оторвать от него свой взгляд из боязни вновь потерять его.

И тогда, прямо на ее глазах, один из солдат бросился на Кела, схватил его за руку и стащил из седла прямо в грязь. Она видела, как из рук сына выпал меч, но затем они оба скрылись из виду, затерявшись в неистовой суматохе, среди сцепившихся тел.

Не имея возможности быть рядом с ним, она пронзительно закричала, ее сердце бешено колотилось.

И вдруг раздался леденящий душу визг, как будто раскрылись все преисподние, этот звук заглушил все остальные. Сердце ее замерло от страха. На всех улицах прекратились сражения, когда этот страшный звук, достигнув высшей точки, внезапно оборвался.

Стуже был знаком этот звук. Руки покрылись гусиной кожей, по спине пробежал холодок. Все расступились вокруг ее сына, когда он поднялся из грязи. Бойцы в замешательстве опустили свои мечи. Еще мгновение, и вновь послышался этот визг. Он

исходил из глотки человека, лежавшего у ног Кела, мертвого человека.

Глухая тишина установилась на улицах Соушейна, нарушаемая только перекатами грома, шумом дождя и шипением огня.

Кел расхохотался, его сухой, истерический смех был похож на бречание ломающихся старых костей. Он наклонился и из сердца поверженного врага выдернул кинжал, который тут же поднял высоко над собой, чтобы все видели. Его трясло от веселья.

Оружие было небольшим, но на его серебристой поверхности ослепительно сверкало отражение огня и молний. Оно сияло в руке Кела, как невиданное сокровище.

Жало Демона!

Что-то в глубине ее души взывало к клинку, даже когда она вспомнила проклятие: *Извлеченный на свет, он должен вкусить крови либо твоего врага, либо твоей собственной!* Он был совсем не тем, чем казался, вовсе не простым кинжалом. Она когда-то обладала им, познала его могущество, ощущала его живую силу и всегда знала, чего он алчет.

Она снова позвала своего сына, но голос ее поглотил вновь раздавшийся визг Жала Демона. Это был жуткий звук, как будто души стонали в муках, все воины сжались от ужаса, осознавая, что сам клинок кричит так пронзительно. Звук этот заполнял уши, лишал мужества.

— Вложи его в ножны! — Но ее слабый крик не мог противостоять яростному напору Жала Демона. Долгие годы он лежал погребенный на вершине Ша-Накаре, забытый и безмолвный. *И без пищи*, подумала она и ощутила, как ее пробирает страх. А теперь он снова на свободе и мстительно заявляет о себе. Его визг, наполненный неудержимым гневом, звоном отдавался в ее голове.

— Ты, глупец! — выкрикнула она, пытаясь удержать коня. Тот бил копытами и становился на дыбы, как будто чуял силу Жала Демона. Она испугалась за своего сына. Кел не понимает, что он держит в руке. — Вложи его скорее!

И он действительно вложил. Кел подскочил к ближайшему солдату и со всей силой вонзил кинжал в грудь келедца. Жало Демона ликующе взвизгнуло, затем умолк, как будто насыщаясь. Через мгновение открылся рот солдата. Нет, не своим голосом он кричал, а голосом кинжала.

Все мужество гарнизона рассыпалось в прах. Бой возобновился, мятежники пришли в себя и набросились на врагов. Маски из черепов безжалостно выполняли кровавую работу, двигаясь подобно волкам среди кроликов.

Тучи извергали красные вспышки, все небо раздирали разрядами молний, и вот уже небеса горели таким же ярким пламенем, как и Соушейн.

— Ты глупец, глупец! — кричала Стужа, пробиваясь сквозь сражение, полная решимости добраться до своего сына.

В эту самую минуту безумная судьба отвернулась от нее. Пылающее бревно, изрыгая дым и искры, свалилось перед ней, преграждая путь. Конь ее рванул в сторону, вздыбился, поскользнулся на скользкой грязи и стал падать на спину. Она попыталась высвободить ногу, застрявшую в стремени, но поздно. Животное всем своим весом рухнуло прямо на нее, зарево пожара и блеск молний исчезли, их поглотила пучина тьмы.

Очнувшись она не сразу, медленно, через силу, приходя в себя. Едкий запах дыма заполнил ее ноздри. Лицо залепило холодная грязь. Она насквозь вымокла, но при этом ощущала жар от огня. Языки пламени уже были не высоки, но все вокруг продолжало с треском гореть, пожираемое алчным огнем. В затылке гудело от нескончаемого барабанного боя. Она тихо застонала и попробовала сесть. Боль пронзила ее от правого плеча до самой груди. После нескольких попыток ей удалось выпрямиться.

Битва закончилась. Повсюду лежали тела, мятежники и келедцы — все рядом. Она хотела протереть глаза рукой, чтобы лучше видеть, но только измазала лицо глиной. Следов горожан она не обнаружила. Либо все они мертвы, либо укрылись за городом.

Кел даже не заметил ее. Она проделала такой долгий путь лишь для того, чтобы пережить неудачу. Впрочем, она сама виновата. Ей надо было броситься в самую гущу

схватки, как она делала прежде, когда была молодой. Тогда бы он ее увидел. Вместо этого она прижималась к стенам, держалась в тени, избегая боя. С чего бы ему заметить ее?

Она ругала себя, проклинала, била кулаком по плечу, где было большее всего, желая себя наказать. Нет, она доказала, что не только жители Соушейна умели прятаться! Просто ей удалось спрятаться внутри самого сражения.

И вот теперь Кел снова исчез, а она упустила свою удачу.

Она с трудом поднялась на ноги и огляделась. Несмотря на сильный дождь, огонь продолжал гореть. К утру от Соушейна не останется ничего, кроме жалких дымящихся развалин. Она вспомнила страшную огненную руку, которая обрушилась на город. Колдовской огонь сделал свое беспощадное дело.

Ороладиан.

Это имя произвольно всплыло в ее памяти. Может, в конце концов не все сложилось так уж неудачно. По крайней мере подтвердились ее подозрения. Ведь только колдун мог завладеть Жалом Демона и передать ее сыну. Только колдун мог вызвать огненный призрак. Стужа нащупала ремешок на шее и кожаный мешочек с его печальным содержимым. Ее губы сжались в тонкую зловещую линию.

Ороладиан.

Этот колдун владел душой Кимона. Ведь только ее муж мог знать о тайном месте, где хранился Жало Демона. Значит, этот колдун и был убийцей Кимона.

Ороладиан.

Теперь она знала, кто ее враг. Наконец сошлись вместе весь ее гнев и вся ненависть, все, что кипело в ней. Ее жизнь вновь обрела цель. Освободить душу мужа, освободить сына от подлого влияния, убить Ороладиана.

Чья-то лошадь тихо заржала от боли. Раненое животное лежало в грязи на боку, без толку молотя воздух копытами. Из глубокой резаной раны на брюхе сочилась темная кровь. Стужа осмотрелась вокруг в надежде увидеть своего коня. Но его, конечно же, не было. Она представила себе, как какой-нибудь напуганный келедец, с вытаращенными от ужаса глазами, цепляется за его седло и мчится сломя голову на край света. *Ну и ладно*, — решила она, кляня неблагоприятное животное.

Ее меч лежал на земле, наполовину скрытый под слоем грязи. Она молча наклонилась, подобрала его, протерла лезвие о ткань своих штанов и вставила в ножны.

Услышав какой-то звук, она обернулась. Прямо к ней по водянистой жиже, в которую превратилась дорога, шатаясь, еле брел человек. Она взялась за рукоять своего меча. Даже такое незначительное движение болью напомнило ей об ушибах. И все же что-то знакомое было в приближавшемся силуэте.

— Терлик? — с надеждой шепнула она. Она не видела роларофца с самого начала сражения. При звуке ее голоса мужчина остановился, повернулся к ней, сделал еще один шаг и снова остановился. Его рука умоляюще взметнулась, затем раздался низкий, отчаянный стон. Колени подогнулись, и человек упал лицом вниз.

Прихрамывая, она подошла к нему, быстро перевернула на спину, оттерла грязь с его лица. В отблесках огня она признала в этих лохмотьях униформу келедского солдата. Значит, не Терлик. И все же кого-то он ей напоминал.

Да, конечно, она узнала его. Вне службы он был завсегдаем в «Сломанном Мече». Она часто видела его там, однажды даже предсказала ему будущее. Он рассмеялся тогда и заплатил лишнюю монету за развлечение. А когда она отказалась погадать ему еще раз, снова рассмеялся, но на этот раз уже из вежливости.

Из трех глубоких резаных ран выглядывали кишки. В широко раскрытых карих глазах еще теплился огонек жизни, и она гадала, вспомнил ли он ее тоже. Потом его глаза опустели, и в них отразилось только пламя пожара. Последний раз он смеялся на этой стороне ада. Она надеялась, что ему будет над чем посмеяться на другой стороне, когда Смерть вынесет ему свой приговор.

Она бережно опустила его голову и снова встала на ноги, морщась от боли,

обжигавшей плечо. Одно за другим она стала осматривать тела, валявшиеся на улицах и дворах, между несколькими еще не упавшими домами.

Терлика среди них не было.

Позади нее рухнула стена. Вздвогнув, она отскочила и тут же вскрикнула, чувствуя свое плечо. Искры и дым устремились вверх и затем опустились вниз, получился искрящийся дождь внутри обычного дождя. Она разглядела, что из-под горящих обломков торчали ноги двух трупов, которые она только что осмотрела.

Так вот почему, с грустью осознала она, ей так и не удалось найти своего друга. Должно быть, Терлик так же лежит где-то, погребенный под пылающими руинами. Она не знала его настолько хорошо, чтобы лить слезы. А может, она просто слишком измучена, слишком больна. Но что-то внутри у нее окаменело и похолодело. Терлик признался, что любит ее, и вот теперь он умер.

Еще один долг причитается с Ороладиана.

Всем нутром она ощутила, как ее переполняет гнев. *Я доберусь до тебя, колдун.* Она медленно побрела по дороге, пробираясь между мертвыми телами. Дождь беспощадно хлестал по лицу, запахи обуглившихся камней, горящего дерева и обуглившегося мяса изводили ее. Она прошла через весь город, вышла из него и продолжала идти по безрадостной равнине. Каждый шаг давался ей с невероятным трудом, но она не уставала повторять свою клятву: *Я доберусь до тебя! Я доберусь!*

Впереди она заметила тот самый холм, где они с Терликом провели вместе несколько спокойных часов перед битвой. Вдруг в небе послышался сухой треск несильного грома, треск повторился. Ночь раскололась над холмом, когда зеленовато-синяя молния пугающей силы разорвала темноту, синей вспышкой высветив землю.

Стужа сразу же поднесла руку к глазам, чтобы защитить их, но все равно яркий свет ослепил ее.

Затем она почувствовала, как почва дрожит от ударов. Неземной клич протрубил издалека, такой знакомый клич. Сердце ее бешено заколотилось, она смотрела во все глаза, пытаясь понять, откуда он доносится. С холма! Она побежала, прихрамывая, забыв о боли.

Ритмичная пульсация земли становилась все сильнее и ближе.

Она притормозила, затаив дыхание, пораженная сказочным зрелищем. Две пылающие точки неслись в ночи, оставляя за собой красно-оранжевые шлейфы. Это его глаза, она узнала их, или то, что служит ему глазами. Ее дух воспрянул; она возликовала, стала кричать и звать его по имени, чувствуя, как быстро приближаются к ней эти глаза и ровный топот огромных копыт.

Черная тень мчалась сквозь еще более черную мглу. Дикая грива развевалась на ветру. Между таинственным светом глаз поблескивал темный острый выступ, длиной с ее руку.

Зверь с шумом остановился перед ней, поднимая копытами грязь и пучки травы. Встал на дыбы и снова издал свой клич так, как не может ни одно другое существо на всем белом свете.

Потом он успокоился, взглянул на нее и фыркнул. Робко, почти играя, он придвинулся к ней ближе, подставил свой рог ей под руку и уткнулся носом в ее бок. Стало больно, но ей было все равно. Стужа порывисто обхватила руками его шею и изо всех сил обняла, роняя слезы в спутанную гриву.

Единорог стоял совершенно спокойно, и пламя в его глазах уменьшило свой накал.

— Ашур! — шептала она, не веря себе, боясь отпустить его. Столь многое было отнято у нее в последнее время. И наконец-то к ней вернулось то, что она утратила когда-то. — Ашур!

Глава 8

Ашур.

Она не знала, кем был Ашур. Возможно, он был когда-то демоном. Поэтому он так неистов и беспощаден. Но в нем не было зла. А может, он божество, гадала она, почему бы и нет? Но в таком случае ему не хватает могущества. А что если он дух одной из стихий, огня например? Тогда было бы понятно, откуда у него такие необычные глаза, которые горят таинственным пламенем, но не обжигают. Или — дух ветра? Это могло бы объяснить его необычную скорость и выносливость.

Она низко пригнулась к его шее, волосы ее трепались и развевались за спиной. Они скакали, земля ускользала прочь под его неутомимыми копытами. Дождь прекратился, тучи развеялись. Бледный свет луны освещал их путь.

Смешно вспоминать, как она терзала себя догадками о единороге. Ашур был подарен ей много лет назад, подарен волшебником. Еще одним подарком все того же волшебника, Алмуриона, был кинжал Жало Демона. Он называл оба эти подарка оружием.

Со временем она научилась понимать Жало Демона. Но Ашур так и остался непостижимым. В единороге скрывалась утонченная сила, в его тайну ей не удалось проникнуть. Но их связывали тесные узы, даже любовь, а значит, тайна эта не имеет никакого значения. Ей все равно, кем он был — демоном, божеством или духом. Даже если он просто зверь, это не важно. Главное, Ашур рядом и он пришел к ней, когда стал нужен.

И все-таки откуда он об этом узнал?

Это было таким поразительным чудом, как если бы Кимон поднялся из могилы.

Стужа от волнения закусил губу и еще ближе припала к шее Ашура. Грива хлестала ее по лицу, когда она командовала ему, чтоб он ускорил бег. Жар, исходивший от его мускулистого тела, проникал в каждую ее клеточку.

Но Кимон не поднялся из могилы, как, впрочем, и Кириги. Кел оказался в рабстве у могущественного колдуна. Она радовалась тому, что Ашур вернулся, но, пока они скакали, ее гнев снова стал закипать. Ороладан, будь проклято его ядовитое сердце, должен за многое ответить. А ведь еще имя Терлика нужно включить в скорбный список. Да и всех жителей Соушейна.

На мгновение она стала невесомой, глаза ее широко раскрылись. Она сжала коленями бока единорога, ухватившись крепче за его гриву, когда он прыгнул через широкое ущелье. Перелетев, они грузно опустились на противоположной стороне, от сильного удара во все стороны полетели комки земли и грязи. Ашур продолжал нестись вперед, его гладкие мощные мускулы колыхались под ней, от усердия единорог вспотел, и ее бока стали влажными от скользкого мыла. Она полностью отдалась стремительному движению и неистовому стуку грохочущих копыт.

Темные очертания Кира возникли перед ней, высвеченные белым сиянием луны. Небо на востоке было еще темным, но рассвета осталось ждать уже недолго. Над высокими крепкими городскими стенами горели огни во всех сторожевых башнях. Внутри двигались чьи-то тени.

Стужа подъехала к воротам, но они были заперты. Хоть она и быстро скакала, но, вероятно, новость уже добралась до Кира.

Кто-то сверху окликнул ее. Она подняла голову. Над воротами вспыхнул факел. В отблесках огня ей трудно было разглядеть человека, державшего его. Но она заметила при нем копы и красные блики на шлеме.

— Кто там внизу? — снова крикнул часовой.

Она стала быстро соображать. Ворота запирались только в случае возможной угрозы, и если уж их запирали, то, по киранскому закону, они должны оставаться закрытыми до рассвета. В это время никому не позволялось входить или выходить через ворота.

Но ей обязательно нужно попасть в город. Как только солнце окрасит день, ей будет уже не найти Дромена Невезучего до самой ночи, когда снова станет темно. У этого человека в венах течет кровь летучей мыши, и солнечный свет ему ненавистен.

— Я всего лишь напуганная старая женщина! — дрожащим голосом ответила она, притворяясь. Спешно отстегнула свой меч, сжала его обеими руками. — На наше хозяйство напали и все подожгли, мой муж и сыновья убиты. Сжальтесь надо мной, впустите!

Часовой перегнулся через парапет:

— Говоришь, твое хозяйство подожгли? Мятежники?

— Какие-то люди! — причитала она в надежде, что он поверит ее отчаянию. — Я не знаю, кто они. Прошу вас, откройте ворота. Они, наверное, вот-вот будут здесь, а все, что у меня есть для защиты, — только меч моего бедного мужа. — Неожиданно для самой себя она запрокинула голову и неуклюже помахала зачехленным оружием. — Что мне делать? Помогите мне, прошу вас! — Она громко зарыдала, утирая глаза кулаком.

— У тебя, я вижу, хорошая, сильная лошадь, — откликнулся часовой. — Скачи быстрее, и они тебя не догонят. А завтра можешь вернуться.

Другие караульные с факелами сгрудились наверху и смотрели на нее.

— Пожалуйста! — Она умоляла, протягивая к ним руку, пытаясь разжалобить. — Я всего лишь бедная женщина, и я так устала. Я скакала издалека, и моя лошадь выдохлась.

Она улыбнулась про себя этой лжи и возблагодарила всех богов за чудесное свойство Ашура, благодаря которому обычные люди, глядя на единорога, принимают его за обыкновенную лошадь. Что бы они сделали, если бы сейчас на месте лошади увидели существо из старинных мифов?

— Пусть войдет, — буркнул кто-то.

— Она одна, — шепнул другой. — Там больше никого нет.

— Прошу вас! — завопила она. Ее беспокойство не было таким уж поддельным. Она должна попасть внутрь и найти Невезучего до того, как взойдет солнце. Никто на свете не знает, где этот хитрый старик проводит время днем. К тому же ей начинала надоедать эта роль, которую она играла, чтобы пройти в город. — У меня есть родственники в городе, они позаботятся обо мне. Они могут вас вознаградить!

— Но вы же знаете, каков закон, — проворчал первый часовой, обращаясь к своим товарищам.

— К черту закон! — рявкнул кто-то в ответ. — Мы не можем оставить женщину там. Не можем, если речь идет о мятежниках. Ты же слышал, что они натворили в Соушейне. Всего час назад нам об этом сообщили. Пусть войдет, я тебе говорю!

На стене спорили еще недолго. Затем все заглушил громкий скрип. Шумно лязгнули шестерни, загремели огромные цепи. Массивные ворота тяжело отворились, но не полностью, а только слегка.

— Проходи, да поторапливайся, не то старшие офицеры нам головы поснимают!

В открывшуюся щель мог пройти и Ашур, но Стужа соскользнула на землю.

Большая часть людей видели в единороге лошадь, но находились и такие, пусть их было совсем немного, у которых чутье развито лучше. Она и прежде очень редко брала его в большой город, и теперь в этом не было необходимости. Она шепнула ему что-то на ухо и шлепнула по крупу. Большой комок встал в ее горле, когда он снова умчался в ночь.

Он будет рядом, когда понадобится. Сейчас она знала это, ей всегда нужно было это знать. А все те годы неизвестности и беспокойства за его судьбу — не в счет. Ашур всегда будет рядом.

— Иди же скорее, женщина! — проскрежетал чей-то голос.

Она поспешила в узкий проход. Три человека, полностью вооруженные, встретили ее. Она отметила про себя качество их блестящих кожаных доспехов, но ей было еще рано выходить из своей роли. Она бросилась к их ногам, надеясь, что никогда не встречала их прежде, когда изображала ясновидицу.

— Благодарю вас, господа! Вы спасли меня. Вся семья моя погибла, а я спасена. Ваши боги — боги добра и милосердия. Да благословят они вас, господа!

Она не поднимала головы и, прикрыв лицо рукой, осыпала их похвалами, превознося до небес, пока они не стали в смущении отводить глаза.

— Вот так меч, — заметил один стражник, желая прервать ее льстивые речи.

— Я вытащила его из тела своего мужа, пока они поджигали наш урожай. — Она потеряла глаза, как будто смахивала слезы, и крепче прижала клинок к груди. — Я отдам его брату мужа, он живет здесь на улице кожевников. Ему придется теперь заботиться обо мне. Таков келедский закон. — Она притворно вздохнула и собралась было уходить.

— Подожди, — окликнул ее один из часовых.

Она остановилась, но не обернулась, все еще боясь быть узнанной. Ее меч слегка выдвинулся из ножен.

— Этой ночью на улицах беспокойно. Да и Соушейн сожгли. Большая часть гарнизона погибла, пытаюсь защитить его. Честные люди заперлись в своих домах, а преступники бесчинствуют на улицах, так как нет патрульных солдат. — Часовой подошел к ней ближе, и она быстро и незаметно вернула меч на место. Голос мужчины смягчился. — Тебе и так уже досталось сегодня. Двое из нас проводят тебя до дома брата твоего мужа.

Она рассыпалась в благодарностях, пряча свое недовольство, и повела их по знакомым улицам к «Сломанному Мечу». Всего несколько местных мальчишек знали город лучше ее; появившись в этом городе, она решила в первую очередь изучить лабиринт всех улиц и переулков. Из всего гарнизона, может, и нашлись бы один или два солдата, которые знают город так же хорошо. Что же касается парочки стражей ворот, то вряд ли они смогут сравниться с ней в этом.

На одном из перекрестков она свернула раньше их и растворилась в тени дверного проема. Они прошли мимо, не заметив ее, и вскоре остановились в замешательстве. Она выдвинулась из тени и неслышно побежала назад по дороге еще до того, как они обернулись. Ей не удалось спрятать улыбку, когда она ускользнула от них.

Даже если на улицах до этого и происходили беспорядки, то в этот поздний час все уже утихло. Зловещее затишье сопровождало ее, пока она шла по тайному пути в «Крысиную Нору».

Улицы стали уже, знакомая вонь разливалась по переулкам. Пару раз тишину ночи потревожил какой-то маленький зверек, копошившийся в отбросах. За закрытыми ставнями она замечала слабое мигание ламп и свечек, но совсем не было слышно человеческих голосов. Интересно, какая весть заставила всех до одного жителей города забиться в сумраке своих жилищ? Пусть убиты солдаты гарнизона и городские стражи порядка; пусть грабители неприкрыто бродят по улицам; пусть мятежники нападают на окрестности. Но ведь стены города высоки и крепки, и для тех, кто храбр, нет причин бояться.

А Кир похож на гробницу.

Она дошла до перекрестка, образованного маленькими переулками, где еще позапрошлой ночью она стояла вместе с Терликом. Воспоминание о нем заставило ее вздрогнуть, но и укрепило в решимости достичь своей невероятно трудной цели.

Она прокралась вниз по одному из переулков, выставив перед собой зачехленный меч на случай, если там будет проволока. Она проследовала так, пока переулок не пересекся с другой улочкой и ей не стало ясно, что она ошиблась. Вернулась к тому месту, откуда начала

движение, и выбрала другой путь. И опять это оказался неправильный путь.

Набравшись терпения, она осторожно пошла третьей дорогой. Внезапно ее меч задел тонкую, смертельно опасную преграду. Она постояла с минуту, раздумывая, затем пристегнула меч к поясу и извлекла из ножен клинок. Металл сверкнул серебром, когда она занесла клинок и резко опустила его на колючую проволоку, разрубив ее, и лишь сигнальные колокольчики глухо звякнули. Она немного выждала, определила расположение нижней проволоки-ловушки и поступила с ней точно так же. Острые меча чиркнуло по булыжнику так, что посыпались искры.

Теперь путь свободен, если ей понадобится быстро исчезнуть.

Она точно знала, где находится «Крысиная Нора» этой ночью. Молча прокралась к самой двери. Из-под косяка пробивался свет, доносились неясные звуки веселья. Наверное, они не слышали колокольчиков. Стражники у городских ворот говорили ей, что это была ночь воров. Должно быть, они обмывают свою поживу.

Переулок был настолько узким, что стены соседних домов стояли почти вплотную. Стужа прислонилась к одной из них спиной, чувствуя, как тело наливается силой. Закусив губу, она протянула руку и решительно постучала в старую деревянную дверь. Все мускулы ее напряглись, щеки горели от возбуждения. Пальцы крепко обхватили рукоять меча.

Дверь со скрипом отворилась, осветив переулок. Сторожевой пес Невезучего уставился на нее одним глазом. Стужа с ужасающей силой пнула сапогом дверь внутрь, страшным ударом раздробила ему нос, после чего тот стал корчиться в луже крови и визжать от боли.

— Невезучий! — Она шагнула через порог. Свет от ламп играл вдоль всей поверхности ее обнаженного меча. С одного взгляда она сосчитала их: одиннадцать мужчин, горстка женщин и Дромен на своем троне, Король Воров. Ее грозный голос заполнил всю комнату. — Ты мой должник, Невезучий!

Рауль первым подскочил к ней. Бахвальства в нем больше, чем мозгов, он всегда был неважным вором, а воином и вовсе никудышным, несмотря на свой огромный рост, и как только ему удалось убить двух солдат — остается загадкой. Его меч со свистом выскочил из ножен и описал дугу в продымленном воздухе, нацеливаясь ей в голову. Почти не глядя, она резко опустилась на колено и царапнула нападавшего острием своего оружия по тугому животу. Тот зашатался, широко раскрыв рот, и едва он успел осознать, что расплывающаяся пятном кровь — из раны, как ее клинок снова взлетел и пронзил насквозь его шею.

Она сделала шаг назад, и взгляд ее остановился на Дромене Невезучем. Еще двое набросились на нее с обеих сторон. Она заметила их краем глаза благодаря блеснувшему металлу. Молниеносно развернувшись лицом к одному из них, она провела мечом вверх и поперек так, чтобы скреститься не с клинком врага, а с рукой, его державшей. Несчастный глупец испустил дикий вопль от боли и ужаса и рухнул на пол, таращась на свою отрубленную кисть.

Тотчас же она повернулась, чтобы встретить третьего нападавшего. Его меч взметнулся вверх. Одновременно взметнулась и ее нога, жестоко сокрушая его мужское достоинство. Оружие выпало из его оцепеневших пальцев, он сложился пополам, схвативши себя между ног. В эту минуту она поразила мечом его открывшуюся со спины шею.

В панике все разбежались в разные стороны, и «Крысиная Нора» внезапно опустела. Только Дромен Невезучий остался на своем месте да какое-то несчастное существо хныкало, забившись в угол, отчаянно пряча руки в обшлага.

Дромен пристально смотрел на нее, внешне он был спокоен, но кровь отлила от его лица.

— Я ведь говорил тебе, — произнес он, не в силах совладать с небольшой дрожью в голосе, — все возвращается. Не важно, сколько тебе лет и сколько времени прошло, — все возвращается. — Он поднял свой кубок в ее честь и выпил.

— Да, возвращается, — согласилась она. Подошла вплотную к нему, взялась за его одеяние и стерла им кровь со своего клинка. — Ты надул меня, Дромен, — сказала она. — Ты сообщил гарнизону, и солдаты прибыли в Соушейн раньше меня и уже поджидали моего

сына. Твоя информация оказалась никчемной! — Забрав кубок из его рук, она стала пить, не сводя при этом с него глаз, явно провоцируя к каким-нибудь действиям. Когда бокал опустел, она швырнула его через плечо. Тот со звоном ударился об пол. — А теперь ты возместишь мои убытки тем, что расскажешь кое о чем.

Дромен хотел было возразить, но она толкнула его обратно в кресло.

— И не говори мне о том, что тебе нужно соблюдать секретность или что ты не можешь раскрыть свои источники. Ты отсутствовал больше месяца в поисках вестей о моем сыне, и я готова поспорить — ты знаешь гораздо больше того, о чем сообщил мне. — Она покачала острием меча под его носом. — Я хорошо знаю тебя, Дромен Невезучий, ты всегда оставляешь себе что-нибудь про запас. — Мертвой хваткой вцепилась в его руку и стала сжимать. — На этот раз тебе придется поделиться сведениями, старина.

Дромен ничего не говорил, только смотрел на клинок и облизывал губы, а она тем временем медленно поднесла острое лезвие к тонкой коже между двумя пальцами его пойманной руки. — Ороладиян отрезал моему мужу пальцы правой руки, — холодно промолвила она. — Но я не буду отрезать твои... — Она зловеще улыбнулась, и эта жестокая улыбка не предвещала ничего хорошего. — Я просто буду пилить мечом между двумя косточками, пока не дойду до самого запястья. А затем возьмусь за следующие два пальца.

Капли пота выступили на его макушке.

— Эй, да ты никак в дурном настроении, а, Капитан?

Она покачала головой.

Розовый язык Дромена облизнул пересохшие уголки губ.

— Ну конечно, я все тебе расскажу.

Она не отпустила его руку и даже не убрала клинок.

— Ты всегда был разумным человеком, — нехотя признала она.

— А вот с твоей стороны это было не совсем разумно. — Он жестом указал на тела, чья кровь испачкала ему пол. — Если ты хотела узнать больше, чем оговорено в первоначальном соглашении, ты же знаешь, надо было просто попросить.

Ее меч сделал надрез на его коже. Выступила алая капелька и потекла по запястью вниз, по обратной стороне руки. Глаза Дромена от страха расширились, он попытался вырваться, но она крепко держала его.

— Думаю, это лучше убедит тебя, дружище, — сказала она. — Ты предал меня, и по твоей милости я потеряла еще одного друга. Солдаты гарнизона знали обо всем задолго до того, как ты сообщил мне кое о чем. Они уже прятались и были наготове, когда мы с Терликом там появились. — Она повернула немного меч, оставляя еще один надрез на внутренней стороне мизинца. — Это очень злит меня, Дромен. Тебе лучше сказать, где мне снова найти Кела, или назови имена тех, кто это знает. У тебя ведь есть связи с теми, кто мог бы выяснить, если ты сам не знаешь. — Она улыбнулась, глядя на него тяжелым взглядом. — Хотя что-то подсказывает мне, что ты знаешь все.

Невезучий сидел как ни в чем не бывало и широко скалил зубы, хотя было заметно, как он напряжен. Свободной рукой показал на трупы.

— У них есть золото, — весело произнес он. — Не хочешь ли взять себе?

Она снова покачала головой.

— В таком случае позволь, я налью нам немного вина, — предложил он с подозрительным спокойствием, — и тогда я спою тебе песенку и расскажу тебе сказку. Все, что угодно, лишь бы угодить моему Капитану. — Он снова махнул в сторону мертвецов. — Тем более что в наличии есть монеты в оплату за мое старание.

Стужа медленно обвела взглядом «Крысиную Нору». Человек, которому она отрубила руку, лежал без сознания, очень бледный, из раны обильно текла кровь. Ему уже недолго осталось жить. Она отступила к двери, перешагнула через тело Рауля, подхватила доску, служившую запором, и опустила ее в пазы поперек двери. Уставилась на Дромена, сложив руки, и ждала, по-прежнему сжимая свой обнаженный меч.

Невезучий, с облегчением переведя дух, налил вина из узкой бутылки в небольшие

кубки, стоявшие неподалеку, на соседнем столике. Он, улыбаясь, предложил один из них ей и развалился на своем троне.

— Сначала ты попробуешь, — приказала она.

Дромен поднял бровь и нахмурился. Затем вернул улыбку на лицо. Поднял кубок, который протягивал ей, поднес к губам и отпил.

Она пересекла комнату и взяла у него вино. Сделала небольшой глоток. Дромен Невезучий держал для своих посетителей только самое лучшее из того, что мог украсть. Всеми чувствами она ощутила пьянящий аромат вина. Сделала еще один глоток, наслаждаясь божественным вкусом. Острие меча уткнулось в пол, она слегка оперлась на его рукоять.

— Пой свою песенку и рассказывай свою сказку, — скомандовала она хозяину заведения, поневоле принимавшему ее, — и берегись, если твоя музыка мне не понравится.

Дромен затрясся от мучительного кашля прежде, чем начал говорить; вино расплескалось из кубка и облило рукав. Из глотки доносились звуки, походившие на шуршание сухой листвы на ветру. Руки отчаянно тряслись. Но наконец ему удалось справиться с собой, и он быстро глотнул напиток. Это, похоже, остановило приступ. Старик откинулся в своем кресле.

— За грехи ты имеешь... — со вздохом произнес он, отпил еще вина и затем с ухмылкой переиначил известное изречение мудрецов из его родного Коркирана, — веселье, легкомыслие и радость потворства своим желаниям. — Он взмахнул рукой и причмокнул губами. — Гнилые легкие встречаются как у праведников, так и у грешников. Так не лучше ли наполнять чашу жизни до краев, пока ты в силах, а, Капитан? — С этими словами он снова наполнил свой кубок и молча поднял его.

Острие ее меча оторвалось от пола и уткнулось на этот раз в бедро Невезучего с внутренней стороны. Она красноречиво поводила клинком туда-сюда, пока что плашмя.

— Не томи меня, Дромен. А не то я выйду из себя.

Он затряс седой головой:

— Ты ведь была сегодня в городе, Капитан. Видела, как опустели улицы? Люди напуганы. И все из-за твоего сына. — Он снова выпил. Вино растеклось по подбородку, и он утер его рукавом. — Тебе известно, сколько солдат всего гарнизона вернулись назад из Соушейна? — Он подождал, пока она не покачала головой. — Только двое, — сообщил он ей. — Двое из более чем ста человек. Ты бы знала, что они тут пели. Все о магии и колдовстве и тому подобном. — Он резко откинул назад голову и расхохотался. — И эти слухи, подобно огню, распространились по всем улицам и тавернам города.

— А по улицам Соушейна распространялся совсем другой огонь, — заметила она. — У гарнизона не было ни малейшего шанса. Это действительно было колдовство, и многие из солдат сгорели заживо еще до того, как успели вытащить свои клинки.

Улыбка сошла с лица Дромена, и он уважительно посмотрел на нее:

— Я давно знаю тебя, Капитан; раз ты так говоришь — так оно и есть. Я хорошо помню тот кинжал, с которым ты была неразлучна. Прекрасная вещица, но жутковатая, так и несло от нее колдовством. Но во многих схватках она была незаменима. — Он пальцем указал на ее ремень, с которого в прежние времена всегда свисал Жало Демона, болтаясь у бедра. — Что же случилось с вещицей?

Кончик ее меча скользнул выше по его бедру, это было красноречивее любых слов.

Дромен осторожно взялся большим и указательным пальцами за клинок и переставил его на менее уязвимое место своего тела. Отпустив его, он улыбнулся. Однако улыбка сошла с его лица, когда меч вернулся на прежнее место.

— Что ж, это не важно, — признался он. — Я отвлекся. Так ты хочешь знать о своем сыне. — Он подмигнул ей из-за края чаши. — Да, ты права. Я знаю о чем-то, что может помочь.

Дромен замолк и в очередной раз наполнил свой кубок. Когда он поднял кубок и выпил, стало заметно, как налились хмелем его глаза. Интересно, заглушает ли это его

страх? — подумала Стужа. Может, он решил, что она хочет убить его? И знает ли он, как близко он подошел к преисподней? Внезапно она почувствовала, как взмокла от пота кожаная оплетка на рукояти меча под ее пальцами. Их взгляды встретились, и она увидела кое-что в его глазах. *Да, он это знает,* — поняла она, — *и играет с этим, бросает вызов, напрашиваясь.*

— Ты же знаешь, эти келедцы как малые дети в вопросах магии. В этой стране такого добра совсем немного. Боги знают почему. Кажись, степи просто не способны родить колдунов в отличие от горных стран или лесных земель. Когда жители Кира прослышали, что гарнизон разбит силой колдовства, они разбежались по домам и позакрывали ставни. И мне, как более сведущему в таких делах человеку, было почти смешно. — Он снова подмигнул ей, отхлебнул вина и продолжил: — Я никак не мог взять в толк, почему ты назвала своего сына в честь этой страны. Келед-Зарем — это страна овец. Но он не овца, твой сын. Твой Кел — это волк.

Она убрала свой меч от бедра старика и потянулась к бутылки с вином. Ей не хотелось, чтобы Дромен совсем опьянел прежде, чем закончит свой пространный рассказ. Она поднесла ко рту свой кубок и пригубила вино.

— Ты говоришь по-роларофски?

— Никогда не имел твоих способностей к языкам, — признался он.

— Забавно, что ты вспомнил об этом сейчас. — Рука ее невольно потянулась к кожаному мешочку, висевшему на шнурке под туникой. Она нащупала палец Кимона, и дрожь пробрала ее. — Его отец дал ему имя, — объяснила она. — Это роларофская традиция, когда отец выбирает имя для сына, а мать не участвует в этом выборе. Кимон никогда не настаивал на соблюдении всех традиций, и в этот раз я сама уступила это право ему и ни разу не задавала никаких вопросов по поводу имени. Но на языке Роларофа Кел означает «волчий». Честно скажу, я сама не знаю, назвал он так сына в честь Келед-Зарема или в честь волчонка. *Или,* — мрачно подумала она, — *в честь отца дьявольского зародыша, которого я носила в своем теле.*

Невезучий кивнул:

— Ну что ж, тогда он назван так, как надо. Однако твой волчонок подрос и теперь возглавляет песью свору неудачников и бунтарей, наемников, которых не примет ни одна уважающая себя армия.

— Но зачем? — вопрошала она. — С какой целью?

Он пожал плечами:

— В этом-то и кроется тайна, Капитан. Сам собой напрашивается ответ, что он хотел бы заполучить трон. Но как-то странно он идет к этому. Его атаки рассредоточены. Он нападает как попало, мечется из одной части королевства в другую. За последнее время он стал всем уже вот где. — Он постучал пальцем по подбородку. — Главное, все это не имеет смысла. Взять Соушейн, например, всего лишь небольшой городишко, живущий за счет своих полей и овец. Ни производства, ни арсенала, ни гарнизона. Никакой угрозы, как ни посмотри. Зачем вообще было его трогать? — Он уставился на свою чашу, но пить не стал. — Некоторые говорят, что твой сын сам несет в себе хаос, подобно Гату, богу безумия. Он убивает и грабит просто так, ради удовольствия. — Дромен махнул рукой и отвернулся от нее. — Он — твоя плоть и кровь. Возможно, ты лучше поймешь его.

— Не пойму, — призналась она. — Но я намерена получить ответы на некоторые вопросы.

Дромен покрутил в руках кубок и улыбнулся:

— В таком случае твой сержант-снабженец еще раз послужит тебе. Но хочу предупредить, Капитан. Тот, кто сообщил мне эти сведения, уже давно исчез из Келед-Зарема. Если и на этот раз у тебя не получится, больше ничем не смогу помочь. — Он осушил свой кубок и потянулся за бутылкой. Стужа придержала было ее на какое-то время, но затем смягчилась и уступила. — Мой источник сообщил мне — надо сказать, за деньги — названия двух городов, которым крупно не повезло, так как они привлекли внимание твоего

сына. Соушейн был одним из них. — Он опять стал наполнять бокал, продолжая говорить. — Через три ночи ты сможешь опять найти его, но уже в Дакариаре. — Он отставил бутылку в сторону и пристально посмотрел ей в глаза: — У меня дочь в Дакариаре, Капитан. Вот почему я сообщил гарнизону о Соушейне. Я хотел, чтобы они его остановили. — Дромен заглянул в свою чашу и неожиданно швырнул ее в сторону. Красное вино выплеснулось, забрызгивая стены. — Чертово зелье, из-за него я совсем раскис, — прорычал он, хмурясь.

— А как же насчет колдуна, Ороладиана?

— В этом я тебе не помощник, — резко ответил он. — Никто еще его не лицезрел. Люди видели, что он вытворяет, но самого его — никогда. И никто не знает, откуда он взялся. Впрочем, рассказывают, что есть башня где-то на келед-эсгарианской границе. Больше ста лет она простояла пустой, но люди видели, что в последнее время там кто-то водится. Говорят, это твой сын и этот Ороладиан.

— Где это место?

Если Кел собрался напасть на Дакариар, она бы нашла тем временем его башню и подождала бы его возвращения.

— Не знаю, — признался он. — Где-то у реки Лите, далеко на юге.

Стужа закусила губу. В таком случае у нее нет выбора и нужно отправляться в Дакариар. Она молилась о том, чтобы на этот раз ей повезло больше, чем в Соушейне. Она должна найти Кела.

А когда она найдет его, что дальше?

Наконец она спрятала меч в ножны.

— Ты сообщал гарнизону о Дакариаре?

Дромен Невезучий прикрыл глазки.

— Всегда оставляю что-нибудь про запас, — вкрадчивым голосом ответил он. — Никогда не знаешь, в какой момент сведения подскочат в цене.

Она приподняла бровь:

— Да твои сведения сейчас не стоят и минарина. Во всем Кире не осталось никого, кто бы мог выступить против моего сына, разве что горстка караульных у городских ворот.

Старик взглянул вниз, на свои руки:

— У Риотамуса есть еще дозорные отряды, которые ищут Кела повсюду.

Она пожала плечами. Риотамус и его дозоры рыскают по стране вот уже несколько месяцев. Однако так до сих пор и не поймали Кела. Она даже испытала некоторое удовлетворение при этой мысли, хотя, конечно же, вряд ли можно считать короля хоть сколько-нибудь серьезной угрозой.

Ничего нового она здесь больше не узнает. Стужа вглядывалась в Дромена, бывшего когда-то ее другом, вспоминая, каким он был, когда они оба были моложе. Время во многом не пощадило их, оставив свои отметины, и пусть они оба старались прятать свои шрамы, по крайней мере его рубцы так и бросались в глаза. «Интересно, а мои?» — подумалось ей.

Она подошла к двери и, убрав засов, отперла ее. Ни она, ни Дромен не сказали друг другу ни слова на прощание. Он поднялся со своего места, но к ней не подошел. Вместо этого направился к телам своих убитых дружков, опустился на колени и стал срывать с них ценные вещи.

Это совсем не тот Дромен, которого она знала когда-то, решила она про себя. Тихо открыла дверь и вышла на улицу, в ночь.

Когда «Крысиная Нора» осталась за спиной, она медленно и тяжело вздохнула. До рассвета ей не выбраться из города, это точно. Ее вранье, а также сочувствие встревоженных часовых открыли перед ней ворота Кира и позволили войти. Теперь же ворота откроются только с солнцем, и тогда она сможет уйти из города. Ее шаги эхом разнеслись по мостовой, когда она отправилась в обратный путь по убогим переулкам. Она протиснулась между стенами домов, стоявших вплотную, и пошла вверх по узкой, загаженной улице. С двух сторон теснились жилища, они громоздились одно над другим, темные, безмолвные, такие

ветхие, что покачивались при порывах ветра.

Она резко остановилась и прислушалась. Только ее дыхание нарушало необычную тишину.

Кир был одним из самых больших городов в королевстве. Здесь жизнь была ключом, энергия лилась через край. Даже в этих трущобах было по-своему оживленно. Но этой ночью город как будто вымер. Куда подевался весь уличный сброд: пьяницы, попрошайки, проститутки?

Она вдруг представила себе, какое потрясение испытали жители Кира, и это в свою очередь наполнило ее трепетом. Ведь их гарнизон уничтожен, соседний город сожжен.

Но дело не только в этом. Все дело — в колдуне. Гнетущий страх поселился здесь, внутри городских стен, не давая дышать. Это колдовство заставило их всех забиться по домам.

У нее мелькнула мысль, что, возможно, она единственная душа, что бродит по городу в темноте.

На улицах не горело ни одного фонаря, но она знала, куда идти. В конце концов она добралась до подножия крутой каменной лестницы, которая поднималась вверх, вдоль одного из самых старых домов в этом районе Кира. Мелкие, узкие ступеньки крошились, на них с трудом могли разойтись два человека. Часто они становились еще опаснее из-за того, что сверху падали куски штукатурки, отколовшиеся от ветхой стены.

Она задержалась на лестничной площадке второго этажа и приложила ухо к двери. Не слышно ни звука, не видно ни огонька. На третьем этаже она остановилась перед собственной дверью и, толкнув, открыла ее.

Это было все, что она смогла себе позволить, когда пришла в Кир, — запасную комнату с жесткой веревочной кроватью и с еще кое-какой рухлядью вместо мебели. Лампа, которую она обычно оставляла светить, уже не светила, все масло прогорело. У нее были свечи, но сейчас их нечем зажечь. Лишь слабый лунный свет проникал сквозь единственное окошко. Она закрыла за собой дверь и задвинула засов.

Сев на кровать, она отстегнула меч и прислонила его к стене. Затем с тихим стоном стянула с себя сапоги и бросила их в угол. На кровати вокруг нее валялись юбки, которые она надевала, изображая ясновидящую. Она собрала их в охапку и швырнула на пол.

Тяжкая грусть вдруг навалилась на нее, и она не была к этому готова. Там, у маленького столика на другом конце комнаты, когда-то стоял спиной к ней Терлик, пока она переодевалась, меняя юбки на кожаные штаны. Ей вдруг показалось, что она видит его высокую тень, он ждет и смотрит на нее.

Она прикусила губу. Они рассказывали друг другу обо всем, пока ехали в Соушейн. Терлик оказался хорошим собеседником, с ним было легко. Когда-то, очень давно, они уже были вместе, правда совсем недолго, и вот еще одна очень короткая встреча. Но даже за это время его глубокий, мягкий голос успел согреть какую-то часть ее души.

А теперь внутри опять холодно. Она бессильна помочь Терлику. Ей ничего не остается — только поспать и затем с рассветом отправиться в Дакариар.

Она разделась и, совсем нагая, легла на спину на грубое одеяло. Как ни старалась сомкнуть глаза — сон не шел к ней. Она повернулась лицом к стене, потом перекатилась на спину. Плетеные веревки казались ей жесткими камнями, проступавшими сквозь тонкую постель. Она перевернулась на живот.

Но это вовсе не веревки не давали ей спать.

Вся комната была наполнена Терликом. Она хранила звуки его голоса, его шагов. Неясной тенью он двигался в полумраке. Это отнюдь не ветер, проникавший через окошко, ласкал ее открытую шею, а нежное дыхание Терлика.

Она резко встала и потянулась к юбкам, валявшимся на полу. Где-то здесь должен быть кошелек, который она носила с собой, когда гадала, и в нем — колода ее карт. Она вытащила карты, развязала кожаный шнурок, скреплявший колоду, разложила их на кровати ближе к окну, куда падал лунный свет.

Это невозможно, просто безумие.

Она перебирала карты, пытаясь отыскать те, что выпали ей однажды, и вспомнить, как все было. Она сидела в «Сломанном Мече». Еще до того, как Терлик вошел в дверь...

Валет с Мечом, Туз с Мечами, Верховная Жрица. Да, именно так. А потом — Князь Демонов.

После чего открылась дверь, он вошел в трактир, в плаще с капюшоном, и сразу же — к ее столику. Она все переворачивала карты, вспоминая, и выбрасывала их на одеяло.

И вот опять Валет с Мечом. Королева с Мечом — сама Ангел Ночи. Затем Серебряная Госпожа. Стужа выглянула в окно на луну, потом посмотрела на карты. Шестерка с Чашами. Да, это она! Означает старое знакомство.

Тогда продолжить гадание не удалось. Терлик остановил ее и отбросил с лица капюшон. «Ты помнишь меня?» — спросил он ее. Эти слова все еще висели в воздухе, причиняя боль.

Наконец она покачала головой. Долго смотрела на фигуры и символы выпавших карт, не признавая того, о чем они говорят. Она встала и прошлась по комнате, вернулась к кровати, чтобы снова посмотреть на карты.

Невероятно.

Она не умела предсказывать будущее. Даже простые карточные фокусы ей были неподвластны. Колдовская сила была отнята у нее много лет назад проклятием ее собственной матери. Будущее, которое она предсказывала в трактире, было выдумкой и обманом.

Но эти карты...

Должно быть, это совпадение, решила она. Такое случается с картами. Они непредсказуемы даже для мошенников. Многие, особенно из тех, кто толчется на улице в надежде заработать куинтц или минарин, расскажут тебе о будущем, не имея ни малейшего понятия о том, что означают карты на самом деле.

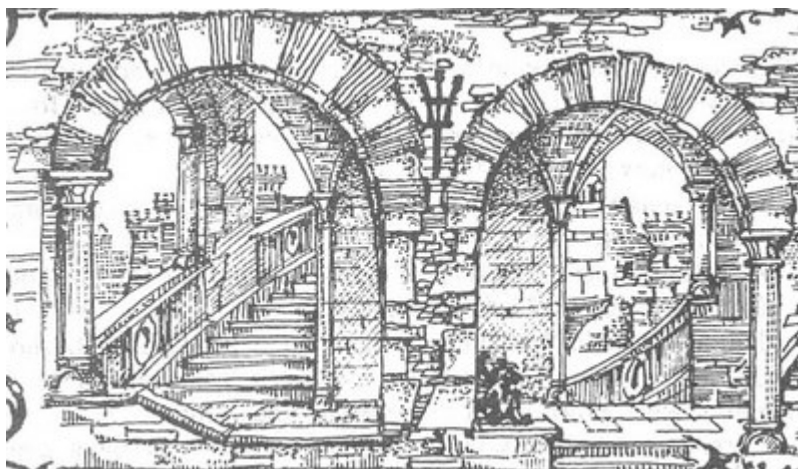
Ее дыхание постепенно успокоилось, бешеное сердцебиение замедлилось. Она отложила карты и села на кровать, прислонившись к спинке, подобрав ноги так, чтобы на них не падал лунный свет.

Совпадение, — повторила она про себя.

Но смутное сомнение не давало ей покоя.

Кажется, благодаря картам она предсказала появление Терлика.

Глава 9

Когда была я молода,
По моему велению
Морская дыбилась вода
По моему велению.

Когда была я молода,
Священный дар прозрения
Всех языков был дан тогда
Мне по Небес велению.
Когда была я молода,
Наслать пожар иль ураган
Мне был счастливый способ дан,
И дело ладилось всегда:
Любая ложь, любой обман
По моему велению
Казались истиной тогда,
Когда была я молода.

Стужа прошла городские ворота, как только первые лучи озарили утреннее небо. Часовые замешкались, когда она подошла к ним. В Келед-Зареме нечасто увидишь женщину с оружием. Интересно, мелькнуло у нее в голове, признают они в ней ясновидящую с накрашенными глазами, что работала в «Сломанном Мече»? Или вспомнят историю о женщине, которая убила возлюбленного короля Риотамуса и осквернила обряд *Джа-Накрэд Салах Вэй*? Уверенным шагом она прошла вперед, и они молча раскрыли перед ней тяжелые створки.

Ее разбирал смех, когда она шла прочь от Кира. События прошедшей ночи наложили свой тяжелый отпечаток на стражей ворот. Кровь в их жилах превратилась в молоко. Обычно службу у ворот несли отнюдь не лучшие солдаты гарнизона: это были или солдаты постарше, или, напротив, самые «зеленые» юнцы, все они не отличались храбростью. А теперь и вовсе их осталась всего лишь горстка охранять Кир; гибель почти всего гарнизона сломила их дух.

Но все же они были, пусть и на свой лад, хорошими людьми, признала она. Хоть и напуганные до смерти, они не оставили своего поста. Не говоря уже о том, что пожалели ее прошлой ночью и впустили в город. И конечно, она не должна забывать, что это ее сын, плоть ее плоти, стал причиной их страха. Желание посмеяться умерло в ней, уступив место чувству гневного стыда.

Она шла по равнине, сжимая рукоять своего меча. Быстрыми, целенаправленными шагами она удалялась от города, пока его высокие стены не остались далеко позади и его запахи больше не поганили воздух.

Только тогда Стужа поднесла к губам два пальца и издала долгий и пронзительный свист. Спустя мгновение она увидела единорога. Он мчался к ней с востока, вырастая прямо из восходящего солнца, устремляя свой бег по каменистой земле. Его черная грива развевалась на ветру, сзади струился хвост. Земля летела из-под его тяжелых копыт.

Она видела, как что-то сверкнуло: это утренний свет играл на черной поверхности рога, выступавшего на лбу таинственного животного.

«Совсем не важно, что это за существо, — снова подумала она. — Достаточно того, что мы есть друг у друга».

Единорог резко остановился и затем шагом подошел к ней, опустив голову. Его смертоносный рог скользнул мимо уха, когда он ткнулся носом в ее плечо. Она улыбнулась, провела рукой по спутавшейся челке и почесала его за ушами.

— Пора отправляться в путь, дружище, — сказала она и, ухватившись за гриву, взлетела на его широкую спину, — как мы делали это прежде, в старые времена.

Ашур фыркнул, высоко вскинул голову. Она слегка коснулась его боков пятками своих сапог.

Различные виды проплывали мимо них бесконечной, однообразной чередой отлогих подъемов и спусков, зеленых лугов и бесплодных пустошей. Ее поглотил ритм движения, она совсем не ощущала времени, не обращала внимания на палящее солнце, которое

обжигало шею и лицо, на ветер, от которого растрескались губы. Грива Ашура приятно щекотала лицо, когда она наклонялась ниже; их мускулы работали как единое целое, в полном согласии.

У нее перехватило дыхание, иначе бы она запела, паря в воздухе. Музыка зарождалась внутри нее, звучала в голове и сердце, волнующие мелодии заставляли петь все ее естество. Старые напевы ушедшей молодости неожиданно всплыли в памяти. Возбуждающие, вдохновенные слова, забытые давным-давно, вдруг вернулись к ней. Гром копыт единорога и биение ее собственного сердца задавали ритм. Сам ветер высвистывал мотив, а солнце брало высокие ноты.

Она могла бы так скакать целую вечность; Ашур мог бы унести ее в любую страну, даже ту, мифическую, откуда он родом; ей было все равно. Однако они добрались до вершины невысокого холма, который неожиданно показался ей знакомым. Она нежно дернула единорога за гриву, и Ашур остановился.

Внизу виднелись руины Соушейна. Музыка в ее душе резко оборвалась. Она соскользнула на землю, прошла несколько шагов вниз по склону и остановилась. Ашур неслышно подошел к ней.

Тучи стервятников кружили над горами камней, проворно снуя между кольцами дыма, который шел до сих пор, поднимаясь в синее небо. За городом до самого горизонта раскинулось целое море черного пепла там, где полыхал когда-то огонь горевших пастбищ, пока дождь окончательно не загасил его.

Запах горелого все еще висел в воздухе, но то был запах углей и пепла, прежнего дыма. Кроме того, примешивался другой запах. Она узнала его. В городе этот запах будет еще сильнее. Тем более когда солнце начнет припекать все горячее и горячее. А завтра ни один человек, оказавшийся в этих краях, не осмелится приблизиться к развалинам Соушейна. Воздух будет смердеть от запаха разлагающихся трупов.

Что же произошло с жителями? — гадала она. Конечно же, некоторые уцелели. Она видела, как они спасались бегством. Неужели они не вернутся, чтобы похоронить своих мертвецов? И неужели они не придут, чтобы по крайней мере порыться в том, что осталось от их имущества? Тяпки, грабли, даже кухонная утварь — все это стоило немалых денег, и можно было бы спасти их от последствий пожара.

Она медленно спускалась с холма, Ашур — следом за ней. Зловоние смерти еще можно было переносить. Земля, однако, раскисла и была скользкой; она осторожно выбирала дорогу и не спешила. Один раз она чуть не поскользнулась, но не упала, оперевшись на Ашура.

— Спасибо, — выдохнула она. А он только посмотрел на нее своими таинственными, мерцающими глазами.

«Люди Соушейна никогда не вернутся», — поняла она. Сверхъестественные глаза Ашура подсказали ей ответ этой загадки. Огонь, который сжег их дома, тоже был сверхъестественным. Это был колдовской огонь, который явился в виде огромной, зловещей руки, который распространился с невероятной скоростью и не оставил ни одного дома нетронутым. Келедцам, которые почти не сталкивались с колдовством или магией, должно быть, показалось, что боги покинули их и что преисподняя обрушилась на город, заявив свои права на этот несчастный мир. Она вспомнила, как напуганы были стражи ворот в Кире, как попрятались жители города в своих домах. А ведь в Кире не было ни пожара, ни последующей за ним резни. Насколько же сильнее должен быть ужас крестьян и пастухов, которые пережили подобное!

Она наткнулась на первое тело еще прежде, чем дошла до крайних домов. На груди его до самого плеча зияла глубокая рана, нанесенная мечом. Видно, удар пришелся сверху, значит, нападавший был всадником. Выражение боли и отчаяния застыли маской на этом когда-то красивом лице. Из-под гарнизонного шлема выглядывала копна волос песочного цвета. Безжизненная рука все еще продолжала сжимать рукоять своего оружия.

У Стужи пересохло в горле. Кто бы ни держал меч, убивший этого солдата, все это дело рук ее сына. Кел на'Акьян, так он сам себя называл. Кел Холодная Кровь, порожденный

ею. Она проклинала себя и проклинала Кимона, хоть он и умер, так как они были в ответе за своего сына.

Солдат, лежавший на земле, был не намного старше Кириги.

Она тяжело вздохнула и вспомнила о жителях Соушейна, которые никогда не вернутся в это проклятое место. Потом достала серые кожаные перчатки, которые носила за поясом, и надела их. Держась изо всех сил, она с трудом извлекла рукоять меча из мертвой руки юноши, поскольку пальцы его окоченели и не хотели разжиматься. После этого она взяла его руки в свои, с содроганием дотронувшись до ледяной кожи, и волоком потащила его в Соушейн.

Когда она оказалась поблизости от дымящихся развалин первого здания, пронзительные крики и неожиданный шум крыльев заставили ее вздрогнуть. Она нечаянно выронила руки мертвого солдата и резко обернулась, готовая обнажить меч. Оказалось, она спугнула стервятников, которые на всякий случай все разом взлетели в небо. Птиц было гораздо больше, чем это казалось с холма, они яростно кричали на нее за то, что она помешала их пиршеству.

Она еще помнила, как страшно было наблюдать бойню в ночной мгле, когда лишь отблески пожара освещали лица людей, сражавшихся на этом месте. Но то, что она увидела при свете дня, вызывало тошноту. Солнечные лучи развеяли все мифы о войне. Здесь не было ни героев, ни злодеев; здесь не было ни солдат, ни командиров, ни ветеранов, ни новичков. Здесь не было победы или поражения, не было славы.

Здесь были только мертвые мужчины, мертвые женщины и дети. Солнце освещало их холодные лица, на которых застыло выражение безнадежности и неверия, эти люди точно знали только то, что не дышать им больше, их сердцам не биться, что рука смерти закроет им глаза навеки. В изгибе каждого рта отчетливо читались боль и страдание от удара меча. Обжигающее прикосновение огня отразилось вспышками в невидящих глазах, как если бы эти лица не обуглились до неузнаваемости, как если бы птицы еще не добрались до них.

Стужа не выдержала. Уперлась руками в колени, и ее вытошнило. Утром она не ела, желудок был почти пуст, но все равно ее вывернуло наизнанку.

Она не могла уйти и оставить их здесь. Птицы уже возвращались, чтобы продолжить свой пир.

В смерти нет никакого достоинства. Сколько раз ее учителя повторяли ей это и сколько раз она учила этому других? Смерть — это смерть. Умерев однажды, ты умираешь навсегда. Но и в том, чтобы жить, не будет никакого достоинства, во всяком случае для нее, если она просто так уйдет отсюда.

В конце концов, все это дело рук ее сына.

Ашур плелся рядом, когда Стужа обходила улицы. Одно за другим, она таскала тела к центру города и складывала аккуратными тесными рядами. Горожанин, солдат или мятежник — ей было все равно. Детей она с особой тщательностью укладывала на руки женщин. Конечно, она не всегда могла определить, где чьи дети и родители, но надеялась, что каким-то образом их души поймут ее поступок. Она взмокла, пока работала, пот стекал ручейками и капал то на холодную губу, то на бесчувственную щеку, то на изогнутую от ужаса бровь.

Когда на улицах не осталось ни одного трупа, она осмотрела прилегающие к городу окрестности и то, что осталось от полей. Некоторые тела были так обожжены, что она с трудом заставляла себя смотреть на них, не то что трогать. И все же, сглотнув подступившую к горлу желчь, она изготовилась, чтобы выполнить свою задачу.

Опасно было вести поиски среди дымящихся руин. Остатки стен грозили упасть при каждом порыве ветра, наполовину рухнувшие стены в любую минуту могли превратиться в западню. Но она ходила здесь с определенной целью. Где-то среди всех этих обугленных камней должно найтись горящее пламя, хотя бы небольшая искра огня, чтобы разжечь погребальный костер.

Тихий, скрипучий треск заставил ее посмотреть вверх. Она отскочила назад, чувствуя, как лицо ее обдало жаром. Одиноко стоявший столб, обгоревший и обуглившийся дочерна,

упал на землю. Искры, пепел и дым поднялись плотным, удушливым облаком. Горячий уголек угодил ей на рукав, и она поспешила стряхнуть его с себя.

Где-то в сердцевине бруса тлело небольшое голубое пламя, готовое вот-вот погаснуть. Она сразу же бросилась на колени и стала на него дуть. Крошечный огонек повеселел. Она поддула снова, поддерживая пламя. Брус был чересчур большим, чтобы его можно было тащить, да и слишком горячим. Она отчаянно оглядывалась вокруг в поисках чего-нибудь подходящего, как вдруг увидела кусок наполовину сгоревшей доски. Ей пришлось немного повозиться, прежде чем доска захотела принять огонь от бруса.

Наконец-то у нее была горящая головня. Со всеми предосторожностями она прошла назад к сложенным рядами телам, прикрывая рукой свое светящееся сокровище.

Среди трупов она разбросала куски дерева и угли, остывшие настолько, что их можно было брать в руки. Ее разбирали сомнения, будет ли все это гореть, но другого выхода у нее не было. Она поднесла свой факел к куче из палок и расщепленных досок. Очень медленно огонь занялся. Из этой кучи она стала брать новые головни и подкладывать их в другие кучи до тех пор, пока вокруг тел не образовалось кольцо из небольших костров. И все же этого было недостаточно. Тогда она подобрала несколько головешек и бросила их сверху на трупы, — к ее удовлетворению, одежда на них загорелась.

Воздух наполнился густым запахом, от которого ее опять стошнило. Но эта слабость только разозлила ее: она вдруг поняла, что, несмотря на все ее усилия, погребальный костер не получился, этого огня слишком мало, чтобы справиться с задачей.

Ашур потерял мордой о ее плечо, но это ее не утешило. Гнев ее нарастал при виде зловещего, бессмысленного зрелища. Что-то лопалось и потрескивало в огне. То там, то здесь невероятным образом казалось, что шевелятся конечности, поворачиваются лица. Пряди волос развевались, поднимаясь вверх в нагретом воздухе. Одежда причудливо колыхалась.

Небольшие костерки, наполовину сгорев, стали разваливаться, так и не выполнив своего назначения.

Стужа снова разразилась проклятиями. Она проклинала себя и проклинала Кела. Она проклинала Кимона и его семью, что он оставил в ее теле. Она проклинала ту ночь, когда они соединились, и тот день, когда родился ее сын. Сжатыми кулаками она била себя по бедрам. Она подбежала к ближайшим развалинам, обрушила свой кулак на остатки стены и стала яростно отдиравать тонкие, еще тлевшие доски. Ее перчатки коробились от жара; невзирая на это, она швыряла доски с бешеной силой в середину своего жалкого погребального костра. Ее руки болели так, что она едва могла согнуть пальцы. Но это не имело значения. Она сыпала проклятиями, и боль уходила.

Вдруг откуда-то с востока донесся вой, пронзительный звук, который пробрал ее до костей. Она выронила из рук доску и посмотрела вдаль, по ту сторону города, ничего не понимая.

Порывистый ветер невероятной силы сровнял остатки руин, торчавшие из земли. Она успела издать сдавленный крик, прежде чем ветер сбил ее с ног. Она сильно ударилась о землю, было трудно дышать. Какой-то сверхъестественный трубный звук наполнил ее слух, он звучал громче завываний разбушевавшегося ветра. Она повернулась на бок и посмотрела, где Ашур. Единорог стоял, обратившись к ветру, голова его была опущена, грива и хвост развевались, он изо всех сил сопротивлялся неумолимой мощи стихии.

Но, помимо этого, было еще на что посмотреть и чему удивиться.

Налетевший ветер раздул огонь в костре, закручивая его в испепеляющий вихрь; пламя подымалось все выше, становясь все жарче. Она задышалась от зловония, жар костра обжигал, и ей пришлось прикрыть лицо руками и смотреть в щель между пальцев. Тел не было видно, все поглотил неистовый, яркий огненный вихрь.

Она с усилием поднялась на колени и подползла к Ашуру. Ухватила за его ноги и, вцепившись в густую шерсть, подтянулась так, чтобы встать на ноги. Темный дым кольцами уходил в небо. Она крепко держалась за единорога, соединив руки вокруг его шеи, чтобы не

упасть.

Все закончилось так же внезапно, как и началось. Ветер замер, вой затих. Только огонь продолжал гореть, пожирая плоть и кости. Он будет теперь гореть часами возможно, всю ночь до утра.

Она выплюнула песок, попавший в рот, вся дрожа. Ветры в степи были непредсказуемыми и зачастую опустошительными. Они налетали без предупреждения и незаметно рассеивались. Но никогда еще ей не доводилось видеть, чтобы ветер был такой силы и казался таким разумным!

Она пристально смотрела на погребальный костер. Ветер появился, выполнил то, что ей не удалось, и исчез. Было ли это ветром на самом деле, или это было дыхание одного из богов, благоволивших ей?

Она прикрыла рот и нос. Запах стал непереносим, и ее опять чуть не вырвало. Одним махом она оказалась на спине Ашура.

— Уходим! — скомандовала она, кашляя от дыма, преграждавшего ей путь. Она припала к уху единорога: — Во имя всех богов преисподней, уходим!

* * *

Она скакала долго, до самого вечера. Уходящее солнце закрывало землю занавесами ночи, и краски дня уступали место серому сумраку. Легкий ветер, обдувавший ее лицо, становился все прохладней. Но, несмотря на пронизывающие порывы ветра, глаза ее отчаянно слипались.

Она чуть было не сползла со спины единорога, но удержалась. Какой-то голос звучал в голове, призывая продолжить путь. «Твой сын несет зло и разрушения! — твердил он. — Скачи! Скачи!» Но силы ее иссякли. Веки отяжелели, нестерпимо хотелось спать. Руки и ноги налились свинцом. Она свалилась на землю, ударившись коленями и боками. Несколько валунов слева от нее были единственным укрытием; она свернулась калачиком среди них, прижав колени к груди.

У нее не оказалось плаща, чтобы согреться, но ей не пришлось долго мучиться. Почти мгновенно сон одолел ее.

Восход солнца постепенно пробудил Стужу. Все части ее тела отчаянно вопили от боли. Она даже испугалась, что не сможет пошевелиться. Все мышцы сопротивлялись, не желая сгибаться и разгибаться. Ноги, натертые о неоседланную спину Ашура, горели огнем. Бока были в ушибах и синяках, спина и плечи не гнулись, стянутые напряжением и усталостью. Грудь вздымалась, руки хрустели и трещали, когда она пыталась поднять их. Холод твердой земли пронизал ее до костей, все суставы окоченели.

Она медленно перевернулась на спину, потирая самые болезненные места. И поскольку никто ее не видел, позволила себе всплакнуть. Никогда ей не было так больно, не считая той ночи, когда она сбежала из Дашрани! Но ведь, как ей казалось, она закалила себя, укрепила свое тело.

Может, она просто обманывалась и годы все же брали свое?

Ей не хотелось так думать. Она вымоталась в Соушейне, а потом слишком долго скакала без отдыха. Конечно, тело будет бунтовать и отвечать болью.

Ашур, находившийся поблизости, внезапно заржал и перестал жевать траву, хотя набрал ее полный рот. Не шевелясь, он смотрел вдаль через равнину. Казалось, огонь в его глазах сделался ярче. Стужа заставила себя подняться, преодолевая страдания, приносимые каждым движением. Встав рядом с единорогом, она тоже устремила взгляд вдаль и увидела то, что встревожило ее друга.

Далеко, по ровной местности, проезжал дозорный отряд. Красные плащи солдат Риотамуса реяли на фоне утреннего неба. «Должно быть, король где-то близко, — сделала вывод она, — и с ним другие отряды солдат». Она схватила Ашура за гриву и отвела его в укрытие из валунов. Ей не хотелось быть замеченной: она сейчас совсем не готова к схватке.

Она терпеливо подождала, пока отряд скроется из виду. После чего, кусая губы, попыталась вспрыгнуть верхом на Ашура, но тщетно — хрустящие суставы подвели ее. Тогда она вскарабкалась на небольшую ступеньку, образовавшуюся там, где два камня подпирали друг друга, и подозвала к себе единорога.

— Стой спокойно, не то я попаду тебе по носу, — велела она животному, когда навалилась на него и осторожно перенесла ногу через его широкую спину. Острая боль пронзила колено.

Повезло ей, подумала она, начав свой путь через равнину. Она не сомневалась в том, что у короля хорошая память, и если бы дозорные обнаружили ее, повесили бы обязательно. С Риотамусом, находящимся в этой местности, ситуация для нее осложняется, а времени остается все меньше. Она ехала стиснув зубы, и каждое движение отдавалось новой мукой. Оставалось только терпеть.

Однако к полудню все ее боли немного поутихли. Ашур стремительно несясь вперед среди однообразных пейзажей. С виду он совсем не устал, только густое мыло выступило на лоснящихся боках и ее штаны стали влажными. Вот еще одно неудобство, которое раздражало ее.

Но хмурилась она вовсе не из-за таких мелочей. Она думала о своем сыне. За пять лет воспоминания о нем совсем не потускнели. Кел даже в детстве был расчетлив и точен. Его поступки всегда преследовали какую-то цель, и она знала, что в этом он не изменился. Зачем он сжег Соушейн? И все другие города и деревни? Во всем этом должен быть какой-то расчет; она напрягала мозги, чтобы понять какой.

И все же, что если это не замысел Кела? Что если это исполнение плана Ороладиана? Возможно, колдун управляет действиями ее сына. Но опять-таки, ради чего? Единственное, в чем она уверена, — все это было совершено не случайно.

Если только, конечно, кто-то из них — Кел или Ороладиан — не был сумасшедшим. Она ничего не знала о колдуне, но разговаривала с Келом. В его глазах она увидела злость, ненависть, жестокость. Но безумия в них она не заметила. И поскольку годы его не изменили, значит, сын ее по-прежнему слишком проницателен, чтобы какой-то безумец своими интригами мог заманить его в западню, разве что во всем этом его привлекало что-то реально для него значащее.

И все-таки должна быть какая-то цель, какой-то расчет.

Если бы она только могла понять!

Случайно она посмотрела налево. Огромное облако пыли клубилось на горизонте. Армия Риотамуса, вне всякого сомнения. Судя по тому, куда поскакал дозорный отряд и куда двигалось облако, король направлялся в Кир. Это означало, что ей не придется столкнуться с ними на узкой дорожке, по крайней мере сейчас.

Интересно, сколько времени пройдет прежде, чем Невезучий продаст королю сведения, которые она вытрясла из него? И прежде, чем Риотамус поспешит за ней в Дакариар? Ей следовало бы убить старого вора, чтобы заткнуть ему рот. Но тогда ей показалось, что в этом не было нужды, ведь во всем городе оставалась только горстка напуганных стражей, охранявших ворота.

Что ж, теперь у города будет много солдат, чтобы разместиться в гарнизоне, и, благодаря длинному языку Дромена, еще больше, чтобы отправиться вслед за ней.

Но они прибудут слишком поздно. Если Дромен не соврал, Кел объявится в Дакариаре завтра ночью. Ашур привезет ее туда еще не скоро. Король со своей армией в это время будет только подъезжать к Киру.

Она чуть не рассмеялась. Возможно, Риотамус, огорчившись, сделает то, что следовало сделать ей, и покончит с жалким существованием Невезучего.

От этой единственной мысли, впервые за весь день, она почувствовала себя немного лучше.

Наступивший вечер застал ее на узкой дороге, петлявшей по полям Дакариара. Несколько работников стояли, опираясь на мотыги, и глазели, когда она проезжала мимо, но никто из них не окликнул ее, а ей не хотелось останавливаться.

Дакариар был больше, чем Соушейн, но все же слишком небольшим, чтобы иметь собственную крепостную стену. Дорога вела прямо в город. Она ехала мимо лавок, которые начали было закрываться на ночь, но, завидев ее, торговцы не спешили с этим в надежде, что она увидит что-нибудь и захочет купить. Они приветливо улыбались и жестами показывали на свой товар. Она улыбалась им в ответ, но продолжала путь.

Горшечники чистили свои гончарные круги; кожевники сворачивали шкуры; кузнец продолжал стучать молотом по куску раскаленного металла. Они поднимали головы, отрываясь от своих дел, чтобы взглянуть на нее, когда она оказывалась рядом; в их глазах светилось любопытство.

Стужа повернула за угол и сразу поняла, что это совсем не та улица, что ей нужна. Молодая женщина с сильно накрашенными глазами и нарумяненными щеками стояла в дверях, держа в руке красный фонарь. Тугой материал алого платья сдавил округлые груди, когда шлюха протянула вверх руки, чтобы повесить светильник на деревянный гвоздь у входа.

— Ищешь работу? — спросила женщина, подмигнув.

Стужа хотела было проехать мимо, но передумала.

— А ты старше, чем я сперва подумала, — сказала шлюха, когда Стужа остановилась и посмотрела на нее сверху вниз. Она выставила бедро и вызывающе прислонилась к дверному косяку. — Ну, я могла бы почистить тебе перышки...

Стужа перебила ее:

— Мне нужно поговорить с кем-нибудь из старших.

Шлюха осклабилась:

— Ну, я тоже не так уж и молода, милочка. Папашу своего никогда не знала, а мамаша давно уже померла от негодной хвори.

Стужа позволила себе слегка улыбнуться.

— Старших в городе, — уточнила она. — С губернатором, с кем угодно, кто представляет здесь власть.

Шлюха взвизгнула от смеха, шлепнула себя по бедрам:

— С губернатором, здесь? Как будто этот любитель мальчиков, наш король, сидя в своем расчудесном дворце, сподобится посмотреть в нашу сторону и сказать: «Вот этот утонченный дворянин или мой любимый родственник придет к вам и будет о вас заботиться». Сюда, в этот грязный, маленький, мерзкий городишко! — Она дерзко смеялась, глядя Стуже прямо в глаза. — Я бы не стала нанимать тебя шлюхой — лучше шутихой, чтобы развлекала нас своими причудами!

Стужа выдавила из себя еще одну улыбку, собрав все свое терпение:

— К кому идут торговцы, если им нужно разрешить спор?

Подведенные ресницы заморгали, крашенные губы в задумчивости надулись.

— Уверена, что тебе не нужна работа? Плясать умеешь?

— Ни-ни, — солгала она.

Женщина громко вздохнула:

— На прошлой неделе мы потеряли танцовщицу. Какой-то полоумный крестьянин прирезал ее. — Вздохнув еще раз, шлюха указала вниз по улице: — Поищи жрецов в Храме Колодца. — Она повернулась, чтобы уйти в дом. — Приходи ко мне, если понадобится работа, — добавила она, прежде чем закрыть дверь. — Я из тебя такую женщину сделаю!

Стужа покачала головой, развеселившись, и поехала дальше. Она повернула за следующий угол и очутилась на широкой улице, главной дороге Дакариара, как догадалась она. В этот поздний час только таверны были еще открыты, она облизнула губы, внезапно ощутив жажду.

Некогда. Первым делом нужно найти Храм Колодца. Она вглядывалась в одну и другую стороны улицы, решая, куда идти.

К ней подошел прохожий — писарь, судя по чернильным пятнам на пальцах, и она поинтересовалась у него.

— Храм, — сообщил он, находится в самом центре города. Дорога выведет тебя к нему.

Она поблагодарила его и послала Ашура вперед.

— Прекрасная лошадь, — бросил он ей вдогонку. Она широко улыбнулась, потрепала Ашура по шее и кивнула.

В свое время она повидала много храмов в честь многих богов, но этот храм по сравнению с другими выглядел неказисто. Одноэтажное здание из белого тесаного камня, — с виду совсем не ясно, какого бога здесь почитали. Но, как писарь и говорил, храм стоял в самом центре Дакариара, дорога вела вокруг него, образуя кольцо, к нему же выходили все дороги поменьше.

Несколько изящных розовых колонн стояли полукругом перед входом, который ничем не был украшен. За ними находилась невысокая каменная стена колодца.

Она осторожно спустилась со спины Ашура, приготовившись к тому, что боль пронзит колено. Стиснув зубы, она выпрямилась и пошла мимо колоннады к входной двери. Дерево, пусть и без украшений, было гладко отполировано, без единой царапины или зазубрины. Она постучала и стала ждать.

Почти сразу же дверь легко отворилась, и из проема выглянуло приятное лицо. Мужчина рассеянно посмотрел на нее, но затем его взгляд просветлел.

— Чужестранка! — крикнул он, обернувшись, в глубь храма. — Боги послали нам чужестранку!

Еще четверо мужчин подошли к дверям и встали рядом с первым. Все они вышли одновременно, вынуждая ее пятиться назад, к колодцу. Ошеломленная, не говоря ни слова, она прижалась спиной к каменной стене. Неужели чужестранцы до такой степени в дикивинку в этих краях?

— Она мучима жаждой, — воскликнул один из них. — Дайте ей попить из колодца.

Все остальные бросились выполнять. Повернулась ручка ворота, и показалось ведро на веревке. Донесся аромат прохладной свежей воды.

Да, ее действительно мучила жажда! Откуда-то появился глиняный кубок, его наполнили водой из ведра и передали ей. Они с нетерпением ждали, когда она осушит свою чашу. Последние капли потекли вниз по подбородку и шее. Она утерла губы рукой и вернула им кубок.

— Еще? — спросил ее тот, кто первым открыл ей дверь. — Вижу, ты проделала долгий путь, судя по тому как пропылилась твоя одежда.

Она кивнула и с благодарностью приняла вновь наполненный кубок. На этот раз она пила медленно, разглядывая пятерых мужчин.

Это жрецы, ясное дело. Они в одинаковых одеяниях из обычного белого льна, ноги их босы. Головы не обриты, но волосы острижены очень коротко и грубовато. На лицах ни у одного из них нет растительности. Они все разных возрастов, а самый молодой — тот, кто первым увидел ее у двери и предложил попить во второй раз.

Она отметила его привлекательную внешность, добрые голубые глаза.

— Благодарю вас, — она отдала ему пустой кубок. — Мне сказали, что вы представляете власть в Дакариаре.

Один из тех, кто постарше, улыбнулся:

— Какой глупец сказал вам такое?

Она чуть было не сказала ему кто, но передумала. Может, шлюха и наврала ей.

— Вы жрецы храма? — осторожно спросила она.

— Я — Лико, — сказал самый младший, — а это Клеомен, Перикант, Джемейн и Орик. — Все по очереди поклонились ей. — Мы жрецы колодца, но никакая не власть.

— Мне говорили, вы решаете споры и все такое.

Лико пожал плечами.

— Мы помогаем некоторым жителям города справляться с их трудностями, — сказал Клеомен. — Они обычно прислушиваются к нашему мнению, но власти над ними мы не имеем.

— Они приходят к нам за водой из колодца, — продолжил Джейейн. — Может, они думают, что мы не будем давать им воду, если они не станут следовать нашим советам.

— Но мы бы никогда так не поступили, — добавил Пери-кант. — Вода принадлежит всем.

— Отказать в воде — значит потерять благословение богов, — пояснил Орик.

— Каких богов? — спросила Стужа, снова обратив внимание на простоту в оформлении храма. — Кому вы здесь поклоняетесь?

— Всем добрым богам, — ответил Лико, — тем, кто сотворил воду, что облегчает боль и прекращает страдания...

— Воду, что излечивает от болезней... — сказал Клеомен.

— И восстанавливает силы... — сказал Джейейн.

Она ждала, что Пери кант и Орик добавят что-нибудь к этой литании, и немного удивилась, когда вместо этого они сложили перед собой руки и молча посмотрели на нее. Очевидно, они верили, что вода в их колодце обладает какими-то чудесными свойствами. Если бы так, а то две чаши никак на ней не отразились. По-прежнему все кости ее болели.

— Мне нужно с кем-нибудь поговорить, — наконец промолвила она. — Дакариар в опасности.

— В опасности? — Перикант удивленно поднял бровь. Кажется, теперь была его очередь говорить. Эти пятеро выступали единым хором, при этом каждый терпеливо выжидал, чтобы исполнить свою мелодию.

— Мятежник Кел на'Акьян со своей армией направляется сюда.

Пять лиц невозмутимо смотрели на нее.

— Уверена, вы слышали о нем, — настаивала она. — Уж не настолько Дакариар обособлен.

Орик кивнул:

— Жители города чаще имеют дела с чужестранцами, чем мы. Не так уж много посторонних интересуются местными храмами. Но мы слышали рассказы, и мы знаем о Келе на'Акьяне.

— Может быть, вам лучше войти внутрь, — предложил Лико. — Немного еды и отдыха вам не помешают, когда вы будете излагать свою новость. И конечно, выпейте еще воды. Это снимет вашу усталость.

— А я прослежу, чтобы вашего коня поставили в конюшню и почистили, — произнес Клеомен. — Когда-то я воображал, что хорошо разбираюсь в лошадях, но такого красавца вижу впервые.

Стужа никогда не переставала задавать себе вопрос, какая сила изменяет облик ее единорога. Каждый раз, когда кто-то называл Ашура лошадью, она удивлялась, и ей было немного жалко этих людей за их слепоту. Какой красоты они не замечают. Но это в свою очередь частенько заставляло ее задуматься о себе. Возможно, и от ее глаз скрыты какие-то красоты мира?

— Медленно подойдите к нему и несколько раз погладьте по носу, — поучала она. — Он очень любит, когда его гладят по носу. Тогда он пойдет за вами.

Она смотрела, как старый жрец выполнил все, что она сказала. И спустя несколько минут Клеомен уже шел по улице, а Ашур — следом за ним. Лико коснулся ее плеча, и она, вместе с оставшимися жрецами, вошла в храм.

Внутри он тоже не был украшен, как и снаружи. В очень просторном зале стоял лишь длинный стол со скамьями по обеим сторонам. Стены не были расписаны. На потолке — никаких картин. Через прикрытые ставнями окна на стенах — восточной и западной — проникал свет, но, кроме того, на двух небольших пьедесталах стояли подсвечники со

свечами и масляные лампы. Дверь справа предположительно вела в другие комнаты.

— Я не понимаю, — непроизвольно вырвалось у нее, — храм без алтаря? Где ваше божество? Кому вы поклоняетесь?

— Мы не знаем, каким божествам мы служим, — ответил Джеймйн. — Но божественное присутствие освящает наш колодец. Это и есть тот алтарь, что нам нужен.

— Нам совсем не обязательно знать имя божества, чтобы воздавать ему должное, — молвил Перикант.

Орик перехватил ее взгляд:

— Всем, кто ни попросит, мы даем воду из колодца, и какими бы ни были их несчастья — им становится лучше. — Он жестом указал на стол и на таинственную дверь на противоположной стене. — Те немногие, кто совсем плох, должны остаться с нами на какое-то время и все время пить воду. Их мы кормим и даем кров до тех пор, пока они не поправятся. — Он слегка поклонился. — Я сам был одним из них, но захотел остаться и присоединиться к моим братьям в их служении.

— И я так же поступил, — признался Лико.

— Вижу, среди вас совсем нет женщин, — заметила Стужа. — Или они не имеют права здесь оставаться?

Жрецы заулыбались.

— Очень даже имеют, — сказал Джеймйн. — Мы женщин тоже принимаем. Но они потом всегда возвращаются в свои дома — к отцам и мужьям.

Лико отвел всех к столу. Когда они сели, Стужа отстегнула свой меч и прислонила его к скамье так, чтобы он был под рукой. Только Перикант скрылся за дверью, но быстро вернулся с подносом в руках. Он принес кувшин с водой, сосуды для всех и нарезанную кусками холодную свинину.

— Вы пьете только это? — спросила она Периканта, когда он налил ей.

Они все одновременно кивнули, и каждый поднес свою чашу к губам. Она сделала то же самое, мысленно провозглашая тост за божество, которому они служили, каким бы оно ни было. В конце концов, вода лучше, чем ничего, ведь до сих пор она ощущала во рту вкус дорожной пыли.

— Вы должны предупредить горожан, — сказала она наконец, когда ее чаша была наполовину пуста и кусок мяса унял урчание в животе. — Завтра ночью Кел на'Акьян собирается сжечь Дакариар. — Она смотрела им в глаза, пытаясь понять, что они чувствуют. — Ваши люди смогут подготовиться к нападению или убежать, пока еще есть время.

Глубокая складка пролегла между бровями Лико. Он выдвинулся вперед, опершись на локоть:

— Почему Дакариар? Что у нас есть такого, что могло бы ему понадобиться? Это ведь бедный город.

Джеймйн тоже наклонился вперед, но внешне был спокоен.

— Почему именно ты пришла сюда с этим известием? Я бы скорее ожидал увидеть вестника от Кела на'Акьяна, который привез бы его требования. Или посланника от короля. — Он смотрел на нее не отрываясь. — Но ты — ни то, ни другое.

Она не отвела взгляда и не замедлила с ответом.

— Кел на'Акьян — мой сын.

Джеймйн удивленно поднял бровь и снова заговорил, на этот раз вне очереди:

— Тогда ты должна хотя бы немного знать, что ему от нас нужно.

Она пожала плечами и уставилась вниз, в свою чашу.

— Если бы это было так. — Она с трудом сглотнула и посмотрела каждому из них в глаза. — Но у меня нет ни одной самой маленькой догадки о том, что он собирается делать. Я даже не знаю, где он в эту минуту.

— Ты сможешь его остановить? — спросил Перикант.

— Я не знаю, — честно ответила она.

— И все же хочешь попытаться, — заметил Орик.

— И этого я тоже не знаю. — Она покачала головой, потянувшись за другим куском свинины, но потом передумала. Теперь голод уже не давил на нее так сильно. — Я не знаю, какие планы строит Кел, — сообщила она им. — И я совсем не уверена в том, что буду делать сама.

Тишина повисла над столом. Остальная часть блюда была нетронута. Последний луч погас за окнами вслед за ушедшим солнцем.

Наконец Лико поднялся с места. Он осушил свой сосуд и обратился к остальным:

— Джеймейн, будь любезен, зажги свечи. — Джеймейн встал, кивнув. Периканту и Орику он сказал следующее: — Пожалуйста, предупредите жителей. Зайдите в каждый дом, каждую таверну, в любое место, где есть люди. Наша гостья считает, что выбор у них небольшой; сообщите им, что они должны быть готовы либо сражаться, либо спастись бегством. Но подскажите, чтобы решали быстрее. Клеомен присоединится к вам, когда вернется из конюшен.

Перикант и Орик закончили пить и молча ушли. Казалось, что ее известие потрясло их в большей степени, чем Лико или Джеймейн.

— Перикант, Орик и Клеомен родились в этом городе, — объяснил ей Лико, как будто прочитал ее мысли. — Поэтому я решил, что лучше всего послать их.

Она взглянула на него с любопытством. Он был явно моложе остальных жрецов, но при этом именно он раздавал указания, а другие бросались их выполнять.

— Ты — первый жрец? — спросила она.

— Первый жрец? — Он вопросительно посмотрел на нее. — О да, я понимаю. — Покачал головой. — У нас нет первых и нет главных. В этот раз мне открылось, как следует поступать. В следующий раз это, возможно, будет Клеомен или Джеймейн. — Он сложил руки и устало улыбнулся. — Позволь, я покажу тебе место, где ты сможешь отдохнуть. Похоже, тебе было бы полезно так следует поспать.

Она хотела было возразить.

— Но Кел...

Он строго поднял палец:

— Ты сказала, он не появится здесь до завтрашней ночи.

Она подумала о его словах и вспомнила жесткую землю, служившую ей постелью прошлой ночью. Тело ее еще болело от этого и от долгого путешествия верхом. Она не сказала больше ни слова, только подобрала свой меч и пошла вслед за Лико.

Войдя в темную дверь, они зашагали по длинному коридору. Свечи, установленные на стенах, не горели, но из нескольких небольших боковых комнат проникал свет, и ей было все видно. Здесь — узкая кухня, и рядом с ней — пустая комната, где ничего не было, кроме подушек под колени. «Внутренняя молельня», — решила она. Она прошла мимо еще одной комнаты, где посередине стояла огромная деревянная бадья; несколько белых одеяний висели на веревках, и вода стекала с них на неровный пол.

Дальше находились спальни. Лико открыл дверь и жестом пригласил ее войти. Единственная лампа наполняла теплым янтарным светом маленькую комнату. Первое, что она увидела, была кровать. Она, конечно, не такая уж и роскошная, но заметно, что тюфяк на ней мягкий. В ногах лежала красиво окрашенная льняная ткань. Лико постелил ее на тюфяк и заправил края.

— Это твоя комната, — сказала она.

Он кивнул и подмигнул ей:

— Скажу тебе по секрету, она самая удобная из всех в храме. — Он раскрыл сундук, стоявший у кровати, и достал оттуда огромную подушку. Ткань на ней была украшена узором, другим, но тоже очень красивым. Он положил подушку на кровать и подбил ее. — Я устроюсь в какой-нибудь другой комнате. В это время года в Дакариаре почти не болеют, и у нас сейчас никто не живет.

— Но я не могу лишать тебя комнаты, — возразила она.

— Не ты лишаешь меня, — он улыбнулся в ответ. — Я уступаю ее тебе. Может, ты хочешь, чтобы было посветлее?

Ей не хотелось ничего, только бы заползти в постель и хоть немножко поспать. Она прислонила свой меч к стене, но так, чтобы можно было сразу до него дотянуться в случае необходимости. Затем села на скамейку и стянула сапоги.

Лико наблюдал за ней.

— Я принесу тебе кувшин с напитком. Ты очень устала, это видно. Вода богов изгонит твою усталость.

— А изгонит ли она мое смятение? — тихо спросила она, сама себе удивляясь. Она смотрела на мужчину, стоявшего в комнате напротив нее. Он моложе ее, лицо совсем еще гладкое, волосы не тронуты сединой. Но он так великодушен, и что-то в нем было такое, что она поверила ему. Кажется, она давно уже никому не верила.

— Твоя душа встревожена, — мягко произнес Лико.

Она прислонилась спиной к стене и вздохнула.

— Я не знаю, что происходит, — призналась она, обнаружив, что ей легко говорить со жрецом. — Я не знаю, что замышляет мой сын. Я не знаю, действует ли он по своей воле или колдун завладел его душой. — Она посмотрела на свои руки и стала разминать негнущиеся пальцы. — Я ненавижу его всем сердцем за то, что он сделал со своим братом, — сдержанно произнесла она, — но и люблю его тоже. Как такое возможно?

Лико ничего не сказал, но продолжал слушать, и она вдруг поняла, что не может остановиться.

— Я хочу убить его за все то, что он сделал, но не знаю, смогу ли.

Она наклонилась, положила локти на колени, а подбородок на ладони. Закрыла глаза, и лица всплыли в ее памяти — Кимона, и Кириги, и Кела — такими, какими она запомнила их лучше всего.

Сердце в ее груди застыло безжизненным камнем.

— Я не знаю, что происходит, — повторила она. — Я не знаю, что я делаю.

Лико опустил перед ней на колени. Он наклонил голову и улыбнулся, когда она встретилась с ним взглядом.

— Слушай свою душу, женщина. — Его тихий голос звучал утешающе, рука опустилась ей на колено. — Она подскажет тебе, что делать, когда настанет время.

— Ты не видел Соушейн, — продолжала она. — Я собирала тела...

— Когда настанет время, — снова сказал он, — ты будешь знать, что делать. Ты — мать Кела. Ни один сын не способен забыть ту, что дала ему жизнь.

Он медленно встал, сжав ее руку, поднял ее на ноги и указал на постель.

— А теперь — отдыхай. Я принесу тебе воды.

— Но мне уже не хочется пить, — произнесла она, начав расстегивать тунику.

— Все равно попей. Она не избавит тебя от смятения, но, когда она облегчит твои боли, возможно, многое для тебя прояснится.

Он оставил ее одну; она прислушивалась к тому, как затихали его шаги в коридоре. Он был добр к ней, напомнила себе она, поэтому решила выпить воду и не обижать его. В каждом городе или деревне есть свои поверья. Но жрецы, не имевшие божества? Это не поддавалось ее разумению.

Когда Лико вернулся, она была уже голая, под простынями. Он поставил кувшин и чашу на маленькую подставку и налил ей воды. Со словами благодарности она взяла из его рук чашу и осушила, после чего вернула ее.

— Ты так и не спросил, как меня зовут, — вырвалось у нее наконец.

Он подоткнул ей верхнюю простыню до самого подбородка.

— Это не важно, — ответил он. — Ты пришла с добрыми намерениями, чтобы предупредить о своем сыне. — Он придвинул к ней ее меч.

Она закусил губу:

— Нет, я пришла, чтоб найти его.

Лико склонился над лампой, готовый загасить ее. Но прежде чем сделать это, он помедлил, успев ей подмигнуть.

— Но ведь ты сперва предупредила нас. Видишь? Как я и говорил. — Он задул лампу, и в комнате стало темно. — Когда настанет время, ты узнаешь, что должно будет сделать.

Она услышала, что он повернулся к выходу, хотя и не видела его.

— Меня зовут Самидар, — тихо шепнула она, — хотя большинство людей называют меня Стужей.

Она не знала, услышал ли он ее.

Тоскливое чувство одиночества исподволь овладевало ею, пока она лежала в темноте, вслушиваясь в малейшие шорохи, способные нарушить тишину. Но постепенно мягкость тюфяка и прохлада простыней притупили ее чувства и стали уносить в царство сна. Она повернулась на бок и слушала отдаленный, приглушенный стук своего сердца. Влага выступила в уголках ее глаз, повисла на ресницах.

Последняя мысль определила настроение ее снов.

Она почувствовала себя такой старой.

Глава 10

Когда расправит крылья Ночь,
Готовя мир ко сну,
И Темных Ангелов хорал
Расширит тишину,
Тогда мелодии ветров
И сонмы злых сердец
К земле со свистом полетят
И тишине — конец.
О, как пронзительно звучит
Последний тот напев —
Слияние кровавых нот, —
Их боль, и свист, и гнев.
Мгновение — и смолкла песнь,
Падучая звезда.
Ее лишь раз услышишь ты —
И больше никогда.

Стужа проснулась со смутным воспоминанием о странной песне, звучавшей в ее ночном сне. Все же какие-то строки продолжали крутиться в голове, и, лежа на спине, она старалась разгадать, в чем их смысл, сложить их вместе с другими обрывками, которые она запомнила, как если бы это были части головоломки.

Но даже если бы она не помнила слов, забыть того, кто пел их, невозможно. Лицо его всплыло в памяти — недостижимое, потустороннее.

— Кимон, — тихо простонала она, прижимая тонкую простыню к груди. Его голос издали отозвался мучительным эхом, замирая.

Она села и опустила ноги с постели. Небо за единственным окном было все еще темным, нигде не было видно ни огонька. Она прислушалась, не раздастся ли хоть какой-нибудь звук, означавший, что кто-нибудь еще не спит.

Ничего.

Она обернула себя простыней и встала. Босые ноги ощутили прохладу каменного пола. Она бесшумно прокралась к двери и вышла в коридор. Из-под единственной двери, дальше по проходу, пробивался тонкий луч желтого света, но она не стала к нему приближаться. Напротив, повернула в другую сторону и очутилась в главном зале храма, где ее угощали жрецы. Она прошла мимо стола, вышла наружу, в ночь, и прислонилась к колодцу. Легкий ветер обвевал пустые улицы.

Должно быть, весь Дакариар спит, — подумалось ей, — *кроме меня.*

— Ты хорошо себя чувствуешь?

Она вздрогнула и резко обернулась, но, узнав Лико, стоявшего в дверях, успокоилась. Снова откинулась спиной к колодцу и задумалась, прежде чем ответить. Постепенно ее губы тронула слабая улыбка. Тело перестало ныть, боль отпустила мышцы, ссадины — следы проведенной на земле ночи — исчезли.

— Это сила воды, — сообщил ей он. Подошел к ней и начал вытягивать веревку. Она услышала плеск воды на дне колодца и ощутила ее свежесть, когда он извлек ведро. Из кармана своего платья он извлек небольшую чашку.

— Пей, Самидар, — тихо сказал он. — Тебе нужно еще многое сделать.

Она с удивлением посмотрела на него, недоумевая, что он хочет этим сказать. Она совсем не верила в его колодец. Ей просто нужно было выспаться, только и всего.

— Боль твоего тела рассеялась, — продолжал Лико, — но я чувствую тяжесть у тебя на душе. Выпей воды из колодца. — Он вложил чашку ей в руки и поднес их к ее губам. — Со временем это облегчит все твои страдания.

Она помедлила, затем единым глотком опрокинула в себя все содержимое. В конце концов, ей действительно хотелось пить. Она вернула ему пустую чашку.

— У меня мало времени, — сказала она. — Кел явится сегодня.

Лико долго молчал. Он погрузил свою чашку в ведро и отпил.

— Чудесная ночь, — произнес он, разглядывая звезды, мигающие над головой. — Но скоро уже рассвет.

Она посмотрела на него, ощутив в его спокойствии некую силу. Рот его блестел от влаги, глаза излучали теплый свет.

— Ты добрый, — промолвила она.

Он улыбнулся.

— А ты растеряна, — ответил он, слегка дотронувшись до ее обнаженного плеча. — По крайней мере ты сама так решила. Но ты обрешь себя.

Она отвернулась от него, и взгляд ее стал блуждать по всей улице, по ночному небу. Ей показалось, что луна уже села. Легкий ветерок ласково коснулся ее щеки.

— Не знаю, Лико. Я так многого боюсь и очень многого не знаю. — Она сделала несколько шагов в сторону улицы и с тоской в голосе произнесла: — Разве ты не понимаешь? Я стою в тени и смотрю на звезды.

Он сложил перед собой руки и снова сел на край колодца.

— Если ты еще способна видеть звезды, они обязательно наполнят тебя своим светом.

Какие бесхитростные слова, подумала она. Ну как тут не улыбнуться? Ей вдруг внезапно пришло в голову, как мало Лико знает об этом мире. Он говорил, что сам он не из Дакариара. Значит, из соседнего городка, предположила она, или из большого города за холмом, или, может, из соседней деревни. Но все же смеяться над ним она не могла. Его

простодушие так трогательно.

— Нам обоим нужно было родиться поэтами, — сказала она, — со всеми этими милыми словами и умными фразами.

Лико встряхнул головой:

— О чем это ты?

— Неважно.

Она вернулась к колодцу и села рядом с ним. Как тиха ночь, это царство серого и черного, полумрака и полной мглы. Но воздух — прохладный и живительный. Она рада, что проснулась так рано. Запах близкой воды казался ей благовонием, а Лико благоухал чистотой и свежестью. Она искоса разглядывала его. Когда же их руки соприкоснулись, она вдруг решила:

— Ты не мог бы заняться со мной любовью?

Лико медленно посмотрел на нее, и она не смогла ничего понять по его лицу. Ласковым, спокойным жестом он накрыл ладонью ее руки.

— Я не люблю тебя, — честно признался он, — хотя, мне кажется, со временем смог бы.

Любовь не всегда имеет значение. Сейчас ей нужно было его тепло. Слишком долго она никого не обнимала, и слишком долго никто не держал ее в объятиях. Больше всего на свете ей хотелось прикоснуться к нему и чтобы он прикасался к ней, хотелось не думать ни чем, лишь о том, что они могли бы дать друг другу хоть на мгновение.

Но он все молчал.

— А если я тебя очень попрошу, Лико? — сказала она. — Я не гордая.

Когда он поднялся, она почувствовала легкую дрожь в его прикосновении. Он не отпускал ее руку.

— Это я должен был бы тебя просить, — ответил он. Их пальцы переплелись. Его рука была горячей, как огонь.

Она глубоко вздохнула и повела его назад, в свою комнату. Ей не понадобился свет, чтобы найти постель, да она и не хотела его зажигать. Размотала простыню, прикрывавшую тело, и скинула ее на кровать, в ноги, а затем увидела, как Лико, подняв подол своего одеяния, стянул его с себя и оставил лежать на полу. Его чресла были обернуты льняной тканью. Он развернул ее и бросил рядом со своим платьем.

Она подумала о Кимоне, ее немного удивило то, что она не испытывает ни малейшего чувства вины в эту минуту. Ведь это не предательство. Ей нужны чьи-нибудь руки, чтобы обняли ее, а руки Кимона мертвы и превратились в прах. Ее любовь к мужу не стала слабее, а печаль совсем не уменьшилась.

Но руки Лико были из плоти и крови, а ее плоть и кровь взывали, желая его прикосновения. И если бы Кимон был жив сейчас, а она мертва, все было бы точно так же. Все было бы точно так же для любого мужчины или любой женщины.

— Самидар...

Она покачала головой, прижав палец к его губам. Не нужно слов. Он приблизился к ней, и она обняла его, скользнув руками по телу. Он сделал то же самое. Она приложила голову к его груди и, услышав биение сердца, ощутила такое желанное удовлетворение. Она прижалась к нему сильнее.

Им не требовалась любовь, чтобы заниматься любовью. Солнце застало их в объятиях друг друга, они мирно спали.

* * *

Позднее, уже после завтрака, они прошли по Дакариару. Перикант и Орик ходили вместе с ними. Город казался заброшенным, на улицах стояла гнетущая тишина.

— Все боятся, — зловеще произнес Перикант. — Спрятались за ставнями.

— Многие ушли ночью, — сообщил Орик. — К полуночи почти полгорода оставили

свои дома.

Ни одна лавка не была открыта. Ни одна тележка не катилась по дорогам. По всему было видно — Дакариар вымер. В канаве валялась брошенная наковальня, чуть дальше на дороге лежал сундук с разбитой крышкой, все его содержимое высыпалось наружу, в пыль. Очевидно, люди убегали в спешке, не желая терять времени.

Стужа подошла к ближайшему дому и громко постучала. Никто не ответил. Она еще раз постучала и позвала. Внутри дома было тихо, никто не откликнулся. Тогда она надавила всем своим весом на дверь и почти не удивилась, обнаружив, что та заперта на засов изнутри.

Она обернулась к Лико и нахмурилась:

— Полагаю, самые смысленные сбежали. Мы же остались с мышами.

Он ответил ей снисходительной улыбкой:

— Мы остались с женщинами, детьми и стариками. — Затем его улыбка сошла на нет, и он пожал плечами: — Может, и с несколькими мышами.

Они все ходили по городу. То там, то здесь они ловили на себе испуганные взгляды из-за щелей в ставнях. Никто не осмеливался открыто появиться на улице. Исчезли даже животные, что обычно паслись в канавах.

— Не понимаю, — вырвалось у Периканта. — Эти люди знают нас. Почему они нам не отвечают? — Он крепко сцепил руки, глубокая складка пролегла между его бровей. — Они думают, что твой сын служит демону. Они слышали о колдовстве, что сопровождает его, и о тех разрушениях, что он принес другим городам. — Крупные слезы вдруг потекли по его щекам. — Все они — мои соседи и родственники. Я не хочу видеть, как они умрут.

Стужа сжала рукоять своего меча, она ничем не могла утешить жреца. Она еще слишком хорошо помнила Соушейн. Даже если у нее и были сомнения в том, что двигало ее сыном, она не могла отрицать, что это он виноват в той кровавой бойне.

Она обводила взглядом безмолвный Дакариар и гадала, будет ли и он завтра лежать в черных руинах. Ее рука еще крепче обхватила рукоятку меча. Так будет, если она не сможет предотвратить грядущей беды.

Способна ли она?

Не было ни малейшей надежды на то, чтобы собрать силы, способные сразиться с Келом. Ясно, что Дакариар — город крестьян и торговцев, но не воинов. Сооружать баррикады бесполезно. Мятежников слишком много. Кроме того, подумалось ей, в Соушейне никакая баррикада не смогла бы противостоять мистической огненной руке.

— Здесь жила молодая женщина, — сообщила она жрецам, — дочь Дромена Невезучего. Не знаю, как ее зовут и где ее дом.

Лико, Перикант и Орик переглянулись и покачали головами.

— Не знаешь имени? — сдвинул брови Лико.

— Это не так уж и важно, — продолжила Стужа. — Ее отец просил меня позаботиться о ней. Возможно, она уже покинула город. У нее есть муж, чтобы приглядывать за ней. — Она говорила, а сама разглядывала закрытые ставнями окна и думала о том, что, возможно, за одним из них прячется наследница Невезучего. Ее бывший сержант прожил в Келед-Зареме восемнадцать лет; его дочери должно быть шестнадцать.

Две свиньи появились из-за угла, опустив рыла, они обнюхивали землю. Заметив людей, они остановились, посмотрели на них своими маленькими, блеснувшими на солнце глазками и убежали туда, откуда пришли.

— Первые, кого мы увидели, — заметил Перикант. — Даже животные чувствуют недоброе.

Стужа округлила глаза, но попридержала язык. Еще бы им не чувствовать! Уже середина дня, а улицы, обычно оживленные, совершенно пусты.

Они вернулись в Храм Колодца молча, без дальнейших разговоров. Орик вытянул ведро с водой, и каждый из жрецов извлек чашку из кармана своего платья. Лико поделился своей чашкой с ней. Магическая или нет, вода была прохладной, она смыла пыль, попавшую ей в горло. Она попросила еще, взяла чашку и осушила ее.

Джемейн вышел им навстречу.

— У нас гости, — тихо предупредил он. — Две семьи. Они верят, что боги колодца защитят их, если придет Кел на'Акьян.

Стужа взглянула на Лико. У нее были причины верить в богов — больше, чем у многих людей, и она верила в их могущество. Но она научилась никогда не полагаться на их готовность помочь. Впрочем, возможно, у этих жрецов были другие отношения с божественными силами. Однако выражение лица Лико не вселяло мужества.

— Где они? — спросил Лико у Джемейна.

— Клеомен кормит их. Они пришли совсем недавно.

Орик вздохнул:

— Мы должны помочь им, чем возможно.

Перикант уже открыл дверь, когда Стужа дотронулась до руки Лико:

— Может, вам тоже стоит уйти? — Она говорила тихо, чтобы другие не услышали. — Никто в этом городе не сможет драться с Келом. Вам, жрецам, следует подумать о своих собственных жизнях.

Лико нежно погладил ее по щеке, кротко улыбнулся и вошел внутрь. Она последовала за ним и снова схватила его за локоть. За длинным столом сидела группа из двенадцати человек, Клеомен наполнял их чаши, пока они ели из полных тарелок. Орик стал помогать разливать воду. Стужа повернулась к ним спиной и зашептала:

— Я не знаю, удастся ли мне остановить сына. Возможно, он даже не станет меня слушать! Оставшись здесь, вы подвергнетесь огромному риску.

Молодой жрец мягко положил руку ей на плечо, но глаза его были устремлены мимо нее — на семьи и на своих братьев-жрецов.

— Это наш храм, — ответил он серьезно. — Мы поклялись заботиться о нем и заботиться о людях Дакариара, о тех, кто приходит к колодцу. Может, раньше ты могла бы убедить нас уйти. — Он кивнул в сторону беженцев: — Но теперь пришли они. Мы не можем их прогнать.

— Возьмите их с собой, — убеждала она. — Здесь они не в большей безопасности, чем у себя дома.

Лико покачал головой:

— Посмотри на них, Самидар. На того мужчину и на ту женщину, сказать про них «старые» — значит польстить им. Те две женщины — с грудными детьми. Остальные вообще дети. — Он поднес руку к ее подбородку и заставил посмотреть ему в глаза. — Как далеко они смогут убежать?

Она убрала его руку со своего лица и крепко сжала ее.

— Идите в поля, — молвила она. — Спрячьтесь в пшенице. Идите куда-нибудь, только как можно дальше. Я видела Соушейн, Лико. Говорю тебе, там ничего не осталось!

Лико был непреклонен.

— Мы служим богам колодца, — ответил он, мягко освобождаясь от ее хватки. — Мы нужны здесь.

Он оставил ее и отправился помогать своим братьям. Стужа в отчаянии вскинула руки и в конце концов вернулась в свою комнату ждать наступления ночи и наступления Кела.

* * *

В Соушейн он пришел с востока, под покровом сгущающейся тьмы. Поэтому, когда последние лучи солнца остыли на ее плечах, Стужа, собрав волосы назад, ждала его за городом.

Сначала она увидела факелы, колыхание мерцающего света. На юге в небо взвились густые клубы дыма — запылали поля.

Отряд мятежников приблизился так, что она различала лица всадников, ехавших впереди. Ряды масок из черепов скалились на нее. Она обнажила свой длинный меч и взяла

его двумя руками, затем повернула острием вниз и оперлась на него. *Жди*, — велела она себе. — *Наберись терпения и смотри, что произойдет.*

Поля на севере тоже стали гореть. Дым поднимался ввысь, как жертвоприношение. Как, недоумевала она, они обошли ее? Затем ее пронзила другая мысль: «Человеческой ли рукой был зажжен этот огонь? Или это колдовство?»

Наступавшие мятежники остановились, и она поняла, что они заметили ее. Ей было видно, как один из них, в самой середине передней линии, жестом направил двух людей вперед. Она смотрела во все глаза; несмотря на маску из черепа, она сразу узнала своего сына.

Двое всадников выдвинулись из рядов, затем вдруг пришпорили своих лошадей и поскакали прямо в ее сторону. Их оружие вспыхивало красным, отражая блики огня. Земля дрожала под копытами их лошадей.

Со спокойным хладнокровием она отметила, что для Лико было бы бесполезно прятаться в полях. Наверное, ей следовало разыскать его, прежде чем уйти из храма, но в главном зале был только Клеомен вместе с семьями беженцев, и она ему ничего не сказала. Но, оказывается, она все еще помнит нежные объятия Лико. В самом деле, им не потребовалась любовь, чтобы заниматься любовью.

Она подняла свой меч, удерживая обеими руками, и, заняв устойчивое положение, приготовилась встретить всадников. Они летели на нее бок о бок. Мужчина справа размахивал обоюдоострым, как у нее, мечом, свирепый крик застыл на его устах. Тот, что слева, держал наперевес внушительное копье. Она возблагодарила богов и свою удачу за то, что он держал его под левой рукой.

Должно быть, их воинственные крики заполнили ночную мглу, но она слышала только, как бьется ее сердце и закипает кровь. Копье своим длинным концом представляло для нее наибольшую опасность. Но в нем также заключалась и слабое место врага. Когда они приблизятся к ней, всадник с копьем попытается проткнуть ее. Другой же постарается разрубить ее надвое.

Она почти ощущала тяжелое дыхание лошадей, жар их взмыленных, потных боков. Лица с черепами надвигались на нее. Взмахнулась рука с мечом, сверкнул наконечник копья, готовый отнять у нее жизнь.

С ловким изяществом она отскочила влево, и острие просвистело, пронзая пустоту. Одновременно она припала на одно колено и провела лезвием своего меча по ногам лошади. Животное пронзительно заржало и рухнуло на землю головой вперед. Всадник, перекувыркнувшись, упал, ударившись оземь со страшной силой. Второй наездник продолжал двигаться, проскочив мимо своего товарища. Пока он останавливался и разворачивал свою лошадь в ее сторону, Стужа подхватила копье. Лишь на мгновение встретились их глаза, после чего она метнула оружие что есть силы, попав его глубоко в незащищенную грудь. Мятежник повалился из седла набок, под его собственным весом копье треснуло пополам, еще глубже войдя в тело.

Она вернулась к первому всаднику и встала над ним. Его лошадь была мертва, сломав шею при падении, но сам он выглядел значительно лучше. Глядя на нее снизу вверх, он изо всех сил старался справиться с дыханием, дотянуться до меча, но она наступила сапогом ему на руку и вдавила суставы в грязь. Крик боли и страха вырвался из его глотки, и он сжался в комок, ожидая смертельного удара.

Она подцепила за край острием своего меча маску из черепа и сорвала ее. Тоненькая струйка крови сочилась по его щеке в том месте, где меч оцарапал ее.

— Ты еще не умер, кусок навоза, — произнесла она ровным голосом, глядя сверху вниз на это грязное молодое лицо. Странно, но он так напомнил ей в эту минуту повзрослевшего Скафлока. — Тебе предстоит передать послание Келу на'Акьяну. Скажи ему, что он нехороший мальчик и что его матушка хочет с ним поговорить.

Солдат побелел и стал заикаться.

— М-матушка?

— Да, вроде бы так, — заверила его она. — Скажи ему, что я здесь. — Она подгоняла его пинками, пока он с трудом не поднялся на ноги.

— М-моя лошадь... — прохрипел он, потирая свои ушибы, осмотрительно пятясь от нее.

— Возьми вон ту. — Она кивком показала на лошадь его товарища, которая стояла, нерешительно переминаясь, рядом с телом своего хозяина. — Не заставляй меня ждать.

Робкое животное отпрянуло, когда он, хромая, приблизился к нему, но в конце концов позволило ему кое-как вскарабкаться в седло. Возвысившись над ней, он, казалось, немного осмелел. Она только сердито посмотрела на него и резко опустила пятку на маску из черепа. Хрупкая кость раскололась с громким треском. В этом жесте он прочел угрозу, и его храбрость снова улетучилась. Он дернул за поводья и отправился назад, к войску Кела.

Все всадники передней линии проехали несколько шагов вперед ему навстречу, затем Кел недолго посоветовался со своим солдатом. Чуть позже этот человек занял свое место в рядах, и Кел продолжил свое движение вперед в одиночестве.

Он гордо восседал в седле, легко придерживая поводья одной рукой. Другая рука покоилась на головке рукояти меча. На нем были блестящие черные одежды; кираса, наколенники и все ремни были из черной лакированной кожи. Даже в темноте он весь сиял. Поднявшийся ветер подхватил черный плащ, и он трепетал за спиной. В отблесках пожара она увидела, что плащ его подбит золотой тканью.

Сияющий и неумолимый, — горько подумала она, — *подобно безумному ангелу.*

Он остановился перед ней, отбросил назад капюшон и снял маску из черепа. Уголки его губ приподнялись в тонкой удивленной улыбке. Он наклонился вперед и посмотрел на нее сверху.

— За пять лет моих странствий я собрал всего лишь несколько рассказов о тебе, — сказал он с некоторой гордостью в голосе. Пристально посмотрел на труп с копьём в груди, на лошадь со сломанной шеей. — Но мне даже во сне не могло привидеться, насколько ты хороша.

Она взглянула на своего сына снизу, опустила острие меча в землю и еще раз оперлась на него.

— Ты опозорил меня, Кел. (Ветер трепал его темные волосы, взгляд больших черных как смоль глаз устремился на нее. Зеленых глаз, вспомнила она, но наполненных чернотой ночи.) Ты заставил меня сожалеть, что я вообще родила тебя.

Он спустился с седла и встал рядом со своей лошадью.

— Я тоже рад тебя видеть.

Они разглядывали друг друга несколько мгновений, затем он подошел к ней. Их руки потянулись друг к другу, и она позабыла о своем гневе, страхе и смятении. Они были просто матерью и сыном, тепло обнимавшимися, пусть и не сразу.

Но это мгновение прошло. Запах дыма горящих полей донесся до нее, заставив вспомнить о Соушейне.

Она отступила от него.

— Пойдем со мной, сын, — неожиданно попросила она. — Поехали вместе, прочь отсюда, прямо сейчас. Мы оставим все позади и начнем новую жизнь в другом месте.

Кел снова улыбнулся. Он смотрел на нее с незнакомой ей снисходительностью, отчего по спине ее пробежал холодок.

— Мы сможем начать сначала, — повторила она с еле заметным отзвуком отчаяния в голосе. — Мы сможем забыть о твоём колдуне и забыть о Соушейне!

Его брови удивленно поднялись.

— Соушейне?

— Я была там, — сообщила она ему. — Я сражалась. Я видела, что ты сделал с городом. Я отправилась туда лишь для того, чтобы найти тебя, но мне пришлось драться.

— Я тебя не видел, — признался он, — но как это приятно. Скажи мне, матушка, ты видела, как я использовал это? — Он откинул назад фалды своего плаща, чтобы показать ей

кинжал, висящий на ремне.

При виде Жала Демона у нее перехватило дыхание. Это был ее кинжал. Она знала его силу лучше кого бы то ни было, и, о да, она помнила, как он использовал его. Затем она вспомнила Ша-Накаре и тех дьявольских светлячков. Она подумала о мешочке, висевшем на шее, и о его содержимом и вспомнила о своих подозрениях. У нее стали пульсировать виски; она крепко сжала пустой кулак.

— Твой колдун добыл его для тебя, — прошипела она. — Только колдовством можно было выяснить, где я закопала его много лет назад. — Она нащупала шнурок на шее и вытянула из-под туники маленький мешочек. — Только твой отец и я знали, где он был спрятан. — Ее дыхание стало учащаться, когда она рывком открыла его. Она не сводила с сына тяжелого взгляда, когда выкатила отрубленный палец себе на ладонь, и в то же время старалась не отпускать рукоять своего меча. Она выставила перед ним свою зловещую находку. — Ты скажешь мне, Кел, и скажешь правду. Я знаю, как колдуют. Я знаю, что делают колдуны, чтобы придать силу своим заклинаниям. — Она помолчала, запнувшись, наполовину страшась ответа, который он может ей дать. И что тогда она будет делать? Ведь это ее сын! Охваченная дрожью, она поднесла палец к его глазам. — Это палец твоего отца?

Улыбка сошла с его губ. Но и только — сам он не шелохнулся и даже не сделал попытки солгать.

— Конечно.

Она уставилась на него, глаза ее вдруг зажглись. Она так неистово затряслась, что палец скатился с ладони и упал в пыль к ее ногам.

Крик вырвался из ее уст — звук, полный боли, страдания, бешенства. Ее меч взлетел, движимый всей яростью и силой, какие она только смогла собрать. Он описал дугу в воздухе и нацелился прямо в незащищенную шею Кела.

Меч застыл на расстоянии какой-нибудь ширины ладони от его плоти, как если бы невидимые демоны схватили лезвие. Странное оцепенение распространилось вверх по ее руке до самого плеча. Она попыталась снова ударить, но конечность ее не слушалась, кроме того, она не могла разжать пальцы на рукояти и даже опустить руку. Постепенно это ощущение охватило все тело, пока оно не перестало ей принадлежать и подчиняться.

Глаза Кела озарились тайным внутренним огнем, который сверкнул вокруг черных ободков его зрачков.

— Это ты! — выдохнула она, все еще способная говорить. Страшная догадка захлестнула ее. — Сам ты колдун. Нет никакого Ороладияна!

Он покачал головой, и его глаза заблестели от сознания силы, которой он обладал.

— Я колдун, матушка. — Он расхохотался. — Но Ороладиян все же есть. Ты что же, забыла родной язык после стольких лет скитаний по чужим странам? Это титул. Он означает «Празднующий победу по всей Земле».

— Ты убил своего отца? — Гнев переполнял ее, но все усилия были бесполезны против заклинания, сковавшего ее.

Он пожал плечами:

— Я не собирался. Просто пришел поговорить с тобой. Мне нужны были ответы на вопросы, которые мог понять только тот, кто был родом из Эсгарии. Но ты ушла. Мы с отцом поссорились, и он сказал такое, чего я не мог простить.

Она крепко зажмурила глаза; это все, на что способно было ее тело.

— Ты убил его!

— И взял пальцы с его правой руки, — холодно подтвердил он, — в строгом соответствии с древними текстами. Его дух послужил бы мне четыре раза, пока они у меня. — Его рот искривился в слабой ухмылке. — Он никогда не был мне так полезен, пока был жив.

Стужа проклинала свою беспомощность. Ее клинок так и застыл у шеи Кела, на расстоянии ширины ладони. Так близко!

— Он любил тебя, но ты слеп и слишком эгоистичен, чтобы видеть это! — крикнула

она. — Кимон дал тебе все!

Его глаза вспыхнули, невидимая сила, казалось, выдавливала весь воздух из ее легких.

— Он никогда не любил меня! Как и ты! Вы заменили меня тем маленьким куском грязных отбросов и еще посмели назвать его сыном!

— Кириги был братом тебе! — кричала она. — Я не могла родить Кимону еще одного ребенка!

— Замолчи! — Он вытянул руку. Впервые она увидела блестящий предмет, который он прятал в ладони, одетой в перчатку. Это был какой-то амулет, источник его колдовства. — Замолчи! — снова завопил он, и оцепенение, сковавшее ее, достигло гортани, так что она совсем не смогла говорить. — Ты уже достаточно показала мне свою любовь. — Он провел рукой по всей длине ее обнаженного клинка и притянул кончик к себе, пока он не коснулся кожи как раз под его челюстью. — Ты пришла сюда отомстить мне, матушка, чтобы наказать меня. Ты пришла из-за Кимона и Кириги, это так же ясно, как если бы их души оставили на твоей спине рубцы от кнута! Не говори о том, как сильно ты меня любила! — Он крепко стиснул амулет в кулаке, и искры сверкающего огня брызнули из-под сжатых пальцев. — Потому что на этот раз я нашел замену тебе, матушка. То, что я никогда не мог получить от тебя, *другая* просто горит желанием отдать мне.

Он повернулся к ней спиной и махнул рукой, оставив ее гадать о значении сказанного им. По его сигналу солдаты поскакали вперед, их факелы, вспыхивая, колыхались, оставляя во мгле следы разрушительного огня. Он снова обратил к ней свое лицо, его черты исказились сладостной злобой.

— Ты долго удерживала меня от того, ради чего я, собственно, пришел. Встань на мою сторону, матушка. Мы вместе потребуем с них выкуп и уничтожим этот город. — Он поднял глаза к небу, оно заполнилось дымом от горящих полей. — Ты слышишь, как поют боги? — Он оскалил зубы, гоготнув. — Мы принесем им в жертву Дакариар.

Сила амулета подчинила ее, и она заняла место по правую руку от Кела. Они подождали, когда его войско сравняется с ними, и пошли вместе, бок о бок, в город. Она не могла даже повернуть голову, чтобы посмотреть, не выглядывает ли кто из-за закрытых ставнями окон. *Не надо!* — беззвучно умоляла его она. — *Не надо уничтожать городов. Только не Лико, и не Перикант, и не Орик, только не Джемейн или Клеомен. Не надо больше жизней на мою совесть!* Что бы ни сделал Кел — она во всем виновата. Он ее сын!

Пока они шли, Кел начал что-то бормотать. Выговор был эсгарианский, но она различила лишь несколько слов. Свободной рукой он залез под тунику и достал цепь, висевшую на шее. На ней покачивалась маленькая золотая рыбка. Он произнес заклинание, и она начала вращаться все быстрее и быстрее, хотя пальцы его были совершенно неподвижны. У первого перекрестка рыбка резко замерла.

Кел направился туда, куда указала рыбка. По мере того как они шли, она снова и снова вращалась, когда нужно было принимать очередное решение.

Если бы не силы, сковавшие ее, Стужа бы задрожала. Она поняла, куда они идут, и, более того, узнала, что заставляло цепь выбирать этот путь. Что еще будет искать рыба, как не воду?

Она привела их прямо к Храму Колодца.

Пять жрецов вышли из двери и встали, закрыв собой источник священной воды. Лико заговорил первым.

— Я вижу, ты нашла своего сына, — обратился он к Стуже.

Кел оставил висеть цепь с рыбкой поверх своих одежд.

— Моя мать утратила дар речи от радости, что мы воссоединились. — Он обвел всех пятерых холодным, презрительным взглядом. Затем прошел к колодцу и вытащил ведро со свежей водой. Опустил туда руку, попробовал и сплюнул.

Жрецы никак не отреагировали на это надругательство.

— Все, что тебе нужно от нас, — твое, — сказал Перикант. — Дакариар — мирный город. Мы не будем оказывать тебе сопротивления.

— О да, я обещаю, вы не окажете мне сопротивления, — с насмешкой ответил Кел. Он отвернулся от жрецов, столкнув ведро. Веревка с резким свистом соскользнула с ворота, и из глубины донесся тихий всплеск.

Лико обратил свой взгляд к ней. Она уповала на то, что он сможет прочесть страх в ее глазах или поймет хотя бы часть ее мыслей. Но она не могла ничего ни сказать, ни сделать. По ее молчанию он, может быть, даже поверил, что она присоединилась к своему сыну против Дакариара!

Она напряглась, чтобы дотянуться до меча, который она вложила в ножны по приказу Кела. Мускулы не хотели повиноваться; колдовство ее сына было слишком сильным. Но она все же попыталась, от этих усилий даже выступил пот на ее челе.

— У нас невинные люди в храме, — внезапно вскричал Джейейн, делая шаг вперед. — Мы умоляем вас не причинять им зла!

Стужа видела, как побелели щеки старого жреца. Он заметно дрожал, заламывая руки. Лико положил руку ему на плечо и потянул назад, к колодцу. Так они стояли рядом, обнимая друг друга, и ждали, чтобы услышать от Кела, что ему нужно от них; младший из двоих утешал и успокаивал старшего.

Но Кел ничего не потребовал. Он вяло взмахнул рукой из-за плеча.

Вдруг воздух наполнился звоном летящих стрел. Она не могла видеть лучников за своей спиной, но стрелы тучей обрушились на жрецов, с отвратительным треском впиваясь в их тела. Удар четырех стрел отбросил Джейейна назад, через край колодца. Орик и Клеомен, не успев даже вскрикнуть, упали наземь, хватаясь за многочисленные раны. Перикант, возможно самый быстрый из всех, попытался убежать, но безуспешно. Три короткие стрелы свалили его с ног, застав у порога храма.

Лико опустился на колени и с изумлением разглядывал семь стрел, торчавших из его груди и живота. Он хотел до них дотронуться, его руки дрожали, как будто не решаясь, к которой из стрел прикоснуться. Затем он в последнюю минуту посмотрел на нее, и сердце ее чуть не разорвалось. Он рухнул вперед, деревянные стрелы раскололись под тяжестью его веса. Тусклая дымка быстро заволокла его открытые глаза.

Из спины его торчали обгагрившиеся металлические наконечники. Белая ткань платья медленно окрашивалась растекавшимся пятном крови.

Она не могла кричать. Ее рот не желал открываться. Но тихий стон дрожал в горле, это было для нее единственным выходом излить свое горе. Слезы хлынули из глаз, потекли по лицу. Что касается всего остального, она по-прежнему была куклой в руках Кела.

Холодный ветер засвистел по улицам. Небо обложили тучи, заслоня солнце.

Кел исчез из ее поля зрения и спустя мгновение вернулся, неся в руках предметы из своего седельного мешка. Он разложил все на землю около тела Лико.

— Оттащите это прочь, — приказал он своим стражникам, пнув ногой жреца. Два солдата схватили тело за пятки и поволокли его за колодец.

Стужа прокляла души их обоих. Ярость стала вытеснять ее боль, и она делала все, что было в ее силах, то есть внимательно наблюдала за своим сыном.

Среди принесенных им предметов были кубок из золота, небольшой изумруд, извлеченный из лоскута черного чистого шелка, в который он был завернут, и кинжал, украшенный замысловатой резьбой. Кел склонился над ними и тихо произнес что-то, она не расслышала что. Стражник передал ему флягу, и тот наполнил кубок. Затем он поднял драгоценный камень и покатал между ладоней. На этот раз она услышала, что он говорит. Это был эсгарианский язык.

— Глаз Скраал, — нараспев произнес он над камнем, вызывая к имени богини мудрости. Он говорил что-то еще, но это были слова на другом языке, которого она не знала.

Он вернул драгоценный камень на шелковый лоскут и взял в руки кинжал. Предплечьем он разровнял место в пыли на земле, после чего здесь же острием кинжала стал выписывать символы. Она узнала эти знаки. Все они были обращены к Скраали.

Зачем, — недоумевала она, — он вызывает эсгарианских богов здесь, в этой стране?

И почему Скраал? Почему не ее божественный супруг, Властелин Так — покровитель ведьм и колдунов?

Кел осторожно поднялся, обошел свои надписи и кивком подал знак двоим из своих людей.

— Вы знаете, что мне нужно, — бросил он. — Любой из них подойдет.

Два мятежника подняли тело Клеомена, взобрались на край колодца и перевернули старого жреца вниз головой. Подол платья скользнул вниз по лицу, и обнажилась немощная плоть старца. Когда Кел выдернул стрелы из тела, оно опустилось еще ниже. Кел стал резать его все тем же кинжалом, что он использовал для написания символов.

Атаме, догадалась она. Ритуальный нож. Она вновь попыталась освободиться от довлевшего над ней заклинания, испытывая ужас от того, что вознамерился сделать ее сын.

Кинжал мелькнул вниз и вверх, войдя глубоко в живот Клеомена. Кел сделал разрезающее движение и вспорол старика, как если бы это была свинья, готовая для разделки. Кровь, теплая и дымящаяся, хлынула вниз, оскверняя священный колодец Дакариара.

Гнев Стужи достиг нового предела, и из ее уст вырвался настоящий крик. Кел вздрогнул от удивления. Опустил руку в карман, спрятанный в левом рукаве, и извлек из него амулет. Тот вспыхнул от его прикосновения, и она почувствовала, как у нее перехватило дыхание. Кел пошел к ней, скаля зубы.

Сияющая вспышка молнии осветила небо на западе, за ней сразу лее прогремел могучий гром. Тучи стали еще темнее.

Кел остановился на полпути, обратив внимание на небо. Его досада была очевидной, и он нахмурился. Еще один порыв ветра с воем пронесся по улицам, сметая начертанные им символы. Он свирепо выругался и поспешил к ним обратно, позабыв о ней.

Но она улыбнулась про себя; и эта улыбка внутри нее была полна ненависти и отвращения к сыну. Да, он имел над ней власть. Но в его колдовстве был какой-то изъян. Ведь ей удалось снять его наговор хотя бы на мгновение, этого хватило ей, чтобы вскрикнуть. Вот если бы она могла справиться с ним еще раз...

Кел второпях снова стал чертить символы, которые сдуло ветром, произнося нараспев заклинание. Те двое, на краю колодца, уже устали держать на весу Клеомена, но Кел не обращал внимания на их жалобы. Казалось, что в старом жреце уже совсем не осталось крови, но ее хватило Келу, чтобы смочить лезвие его атаме. Эти несколько драгоценных капель он разбрызгал среди символов.

— Выбросьте тушу и проваливайте, — приказал он двоим. Они грубо отшвырнули Клеомена в сторону и прыгнули вниз.

Новый звук неожиданно возник в воздухе, высокая нота, которая заставила Кела вздрогнуть и в страхе посмотреть по сторонам. Затем послышался грохот, и еще раз. Ее сын чертыхнулся, поднял кубок, желая завершить начатое дело.

Но Стужа узнала этот звук и поняла, что означает этот грохот. Вот еще раз раздался грохот, и еще. Высокий трубный звук зывал к ней.

— Боги! — сердито воскликнул Кел. — Неужели этот проклятый город заколдован? — Он проорал приказ. — Посмотрите, кто это так шумит, и прикончите его. Пусть ему будет больно.

Краем глаза она увидела, как горстка мятежников бросилась по улице к конюшням. *Поспешите*, — мысленно напутствовала она их. — *Поспешите, он прикончит вас, и вам будет очень больно. Освободите его, пока он не разбил стены.*

Кел снова занялся колдовством. Он подошел к краю колодца, неся в руках чашу и кинжал. Он высоко поднял их и воззвал громким голосом: «Скраал, нинима а Так, сунима а Тимут о Сиякун, джамаль о анса Кел на'Акьян».

Она знала этот язык и знала это заклинание. Но откуда Кел мог его узнать? Он ведь мужчина, а мужчинам доступ к знаниям магических формул был закрыт. Ее сердце похолодело. Его колдовство было эсгарианским. И только эсгарианка могла научить его. И

это было против Закона!

Небо раскололось. Зубчатая молния сверкнула в ночи. Гром чуть не оглушил ее. Полил сильный дождь, вмиг промочив ее насквозь.

Вновь слышался крик Ашура, заглушавший громкий треск старых досок.

Кел изо всех сил старался не обращать на это внимания. *«Скраал, джамаль о анса Кел на'Акьян!»*

Он перевернул кубок вверх дном, и в колодец заструился белый порошок. Кел отступил назад и стал выжидать. Столб огня вырвался из самой глубины колодца. Он стремительно поднимался высоко в небо, потрескивая и шипя, отбрасывая бешеные тени своим неистовым оранжевым светом. От жара стала лопаться штукатурка на передней стене храма, край крыши начал тлеть.

— *Дамат, Шиними Скраал, Дамат?* — ликуя, кричал Кел. Он подошел к бушующему огню с выражением иступленного восторга на лице, подняв вверх кулаки, сжимая кинжал в руке. — *Дамат, Шиними Скраал!*

Его голос потонул в громких криках и воплях. Группа его разведчиков бежала сломя голову, подгоняемая рядами других мятежников. Ашур преследовал их по пятам, издавая боевой клич, внушавший ужас. Единорог опустил голову и пронзил того, кто был ближе всех. Мощным движением он отбросил тело через плечо. При свете таинственного огня Кела она увидела, что черный рог Ашура поблескивает от крови.

Стужа не могла пошевелиться, но сердце ее подпрыгнуло.

Яростно затрещала молния, раздирая темноту.

Кел в полном замешательстве уставился на животное, на молнию, на собственные магические предметы.

— Остановите зверя! — приказал он своим людям, придя в себя. — Не дайте ему приблизиться. Убейте его!

Но в рядах его солдат усиливалась паника. Стужа по-прежнему не могла двигаться, но хорошо видела все эту суматоху. Люди Кела пытались окружить единорога. Они тыкали в него копьями и мечами. Но тех, кто осмеливался приблизиться, единорог убивал своими карающими копытами, вонзал зубы до самых костей или вспарывал смертоносным рогом.

Ашур обрушивался на лошадей, выбивая всадников из седел, чтобы свои же товарищи топтали их.

И все же они удерживали его, и единорог не мог пробиться к ней.

Кел повернулся спиной ко всем. Он еще раз призвал богиню мудрости. Затем глубоко засунул руку в пламенеющий, столб. Огонь не обжег его, и когда он снова вытащил руку, в ней находился огромный ослепительный изумруд. Он был размером почти в человеческий кулак и испускал блики от огня, подобно звездам над землей.

Столб пламени стал опускаться и затих. Стены колодца, обожженные и истощенные сильным огнем, провалились внутрь, и перед обуглившимся входом в храм не осталось ничего, кроме дыры в земле. С горьким сожалением Стужа слушала всплески все падающих и падающих в воду камней.

Кел бросился к ней, держа свое сокровище. Его черные волосы прилипли ко лбу, дождь стекал с его ресниц, носа, подбородка, все это придавало его лицу дьявольское выражение.

— Второй из Трех Артефактов, — с гордостью сообщил он ей, — и он приведет меня к последнему Артефакту. — Он сделал знак рукой стражам, которые, казалось, всегда находились рядом с ним. — Приведите моего коня, — велел он, — и найдите еще одного для моей матери. Мигом! — Он пристально посмотрел в сторону Ашура и своих поверженных воинов, в глазах его мелькнул страх. — Никогда не видел подобной лошади. Кажется, они не слишком-то его ранили, но у меня нет времени, чтобы самому проследить за этим.

Его слуга подвел лошадей. Вопли умирающих людей и разъяренные крики ее единорога заглушили его дальнейшие слова, но она была вынуждена подчиниться и сесть верхом следом за сыном. С огромным усилием она напряглась, чтобы повернуть голову, хоть мельком взглянуть на Ашура. Она увидела его краем глаза. Шкура его блестела от крови. Но

его ли это кровь? Или это кровь солдат Кела?

— А теперь скачи! — заорал Кел, сжимая в руке амулет, и наклонился близко к ее уху. — И ты будешь делать только то, что я тебе прикажу, матушка.

Он вложил поводья в ее безвольные руки. Крикнув еще раз, он ринулся через смешавшиеся ряды своих людей, очищая для нее путь.

— Скачи! — бросил он ей через плечо.

Повинуясь, она тронула пятками бока лошади. Из-за того, что она не могла вращать головой, ей было неизвестно, сколько мятежников отправилось следом. Но когда Ашур попытался догнать их, ее сын отдал приказ:

— Если вам дорога ваша жизнь, держитесь от этого зверя подальше!

Когда город остался позади, она обвела взглядом пожары, все еще бушевавшие на полях. Густой и черный дым уплывал высоко в небо, становясь гуще от дождя. Может быть, часть урожая и уцелеет.

Но потом ей пришло в голову, что Кел не успел сжечь город. При этой мысли она почувствовала некоторое облегчение. Кел скакал стремительно, изо всех сил подгоняя лошадь. Она следовала за ним, наблюдая, как он время от времени бросал взгляды через плечо. *Чуть ли не в страхе*, — подумала она. — *Испугался Ашура?*

А что же с единорогом? Кровь на его шкуре...

Она вздохнула, не в силах сделать что-нибудь еще.

Может быть, душе Лико и душам всех остальных жрецов будет легче успокоиться. Она не смогла ничего сделать для них, но по крайней мере Дакариар спасся от рук ее сына.

Если бы только она могла унять этот проклятый дождь из собственных глаз...

Глава 11

Стужа угрюмо выглядывала из высокого окна своей темницы. Внизу, на равнине, сердито ходил кругами Ашур, мяся копытами раскисшую землю. Огонь в его глазах с треском вспыхивал, являя собой островки сочного янтарного света в сверхъестественной мгле. С десяток тел лежали тут и там на мокрой и холодной земле — это те, кто пытался прогнать единорога. Их вопли до сих пор звучали в ее ушах.

Большой кусок ткани, подхваченный ветром, развеваясь, летел через равнину — еще одна разоренная палатка, сорванная ураганом. Она проводила ее взглядом, пока та не исчезла в отдаленном лесу, окружавшем башню Кела.

Снова сверкнуло небо, мгновенно ослепив ее. Перед глазами остались плясать контуры и силуэты. Вот уже три дня после Дакариара неистовствовали молнии и громы. Даже колдовство Кела не способно было остановить бурю. Они ехали в промокших насквозь одеждах и спали — вернее, пытались спать — на возвышенностях, чтобы их не снесло водой.

Скорее всего некоторые лошади пали от болезни, немало мятежников мучил кашель.

Она завернулась в одеяло, чтобы согреться, и высунулась наружу. Дождь заливал ей лицо, а ветер залеплял глаза волосами. Река Лите прорезала темный пейзаж, как широкий серебристо-серый шрам. Если бы она высунулась чуточку дальше, то увидела бы Эсгарию по ту сторону реки. Мысль о том, что родная земля так близко, приводила ее в трепет.

Ашур снизу издал крик, как будто увидел ее. Единорог под ее окном встал на дыбы и затем кинулся на огромные деревянные ворота. Его копыта безуспешно бились о бревна, скрепленные железными ободами. В ответ на него обрушился дождь из стрел, он развернулся на задних ногах и отскочил подальше, чтобы в него не попали.

Стужа кусала губы. Удар молнии воспламенил небо, и ей стало видно стрелу, торчавшую из правого бока Ашура. Впрочем, она, возможно, вошла не слишком глубоко, так как это создание било копытами, вставало на дыбы так же неистово, как и всегда, поднимая брызги грязи и воды, издавая свой отчаянный воинственный клич.

В замок ее двери вставили ключ. Ей не нужно было оборачиваться, чтобы узнать, что это Кел. Дверь отворилась. Луч света проник внутрь прежде, чем дверь снова закрылась. Но в комнате стало значительно светлее.

— Если ты обещаешь не спалить нас, я оставлю лампу, — мягко сказал ей сын.

Она ничего не ответила, продолжая смотреть в окно. Этот дождь на ее лице казался единственной реальностью, которую она ощущала.

— Ты ведь не думаешь о том, чтобы выпрыгнуть, нет?

Была ли в его голосе издевка или искренняя озабоченность? Она уже не могла различить, но смутно осознавала, что это ей безразлично. Нового Кела она совсем не знает.

— Ты так глуп, сын. — Она обернулась и тяжело прислонилась к прохладной каменной стене, разглядывая его, одновременно заворачивая голое тело еще плотней в одеяло. — Тебе так просто от меня не отделаться.

Он подошел к окну и посмотрел вниз:

— Что это за зверь, провалиться мне во все девять кругов ада? Он не уходит. Носится здесь повсюду, как будто ждет, чтобы убить нас всех!

Она ухмыльнулась, вспомнив о телах внизу:

— Я бы сказала, что он неплохо начал. — Она устремила на сына насмешливый взгляд. — Как ты думаешь, кто он? Что ты видишь, когда смотришь на него, ты, могущественный колдун?

Кел выдвинулся вперед, уперев руки по обе стороны окна для равновесия.

— Лошадь, конечно, глупая женщина! — сказал он, однако облизнул губы. — Иногда, впрочем, я почти вижу что-то еще. Как будто поверх его очертаний ложится другая тень. — Он покачал головой и продолжал всматриваться.

— А ведь он пугает тебя, — произнесла она вслух то, о чем подозревала. Кел не дрожал и не краснел и внешне никак не проявлял чувств, но она знала, что ему страшно. — Что ты видишь на самом деле, сын? Может быть, свою смерть?

Он вернулся на середину комнаты.

— Неужели ты так этого хочешь? — усмехнулся он.

— Всем своим сердцем, — ответила она, решительно встретив его осуждающий взгляд. — Если ты в самом деле убил своего отца, то да, я хочу этого. И потому, что твоя трусость стала причиной гибели Кириги, я хочу этого. — Она смотрела, как он шагает по комнате. По его лицу было видно, что ее слова причиняют ему боль. Она хотела, чтобы ему было больно. — Ты — мой ребенок, первенец, и ты заставил меня ненавидеть тебя. Ты чувствуешь мою ненависть, Кел?

Он резко остановился.

— Ты, холодная сука, — тихо сказал он, — ты выбрала себе подходящее имя, матушка. Стужа. Да в тебе никогда не было ничего материнского. Ты всего лишь воплощение стужи. Стужи и огня.

Она вздрогнула. Когда-то, много лет тому назад, кое-кто говорил ей похожие слова. Но ведь мать ее давно умерла, и странно слышать их снова из уст своего сына.

Сверкнуло несколько зубчатых молний подряд, разрывая мглу за окном. Гром, последовавший за ними, сотряс башню до самого основания. Ветер внезапно поменял направление, и дождь стал хлестать прямо в комнату. На полу быстро образовалась лужа.

Кел двинулся закрывать ставни.

— Чертова гроза, — буркнул он.

— Оставь их! — велела Стужа. Она отодвинула его в сторону и встала у окна, приветствуя неистовство грозы. Еще одна синяя вспышка высветила ее короткое блаженство. Порывы ветра трепали уголки одеяла, и дождь мгновенно промочил ее. Она раскрыла свое покрывало, подставляя буре обнаженное тело.

— Ты умрешь от простуды, — предупредил Кел.

— Мы все умрем, — ответила она. — Но кто-то умрет с честью, а кто-то — как побитый пес будет валяться в канаве и сдохнет. — Она даже не попыталась скрыть своего презрения. — Можешь ли ты угадать, как померешь, могущественный колдун?

Она услышала, как каблуки его сапог застучали по каменному полу, когда он подошел к ней сзади. Она ощутила тепло его тела, дыхание на своей шее, когда он заговорил.

— Ты когда-нибудь задавалась вопросами, — с горечью сказал он, — за все эти пять лет, куда я ушел, чем занимался, был жив или мертв?

— И дня не проходило, чтобы я не думала о тебе, — искренне ответила она, снова заворачиваясь в одеяло. — Как и твой отец. Вначале он повсюду искал тебя. Твой уход чуть не убил его. Хотя, как оказалось, твое возвращение домой причинило ему смерть.

— Он выбросил меня! — заорал Кел. — Он привел домой этого выродка!

Стужа отстранилась от него, не в силах находиться с ним рядом.

— Мы с тобой уже пели эту песню, Кел, — бесцветным голосом сказала она. — Не надо больше куплетов о своей ревности и зависти. Твой отец любил тебя. — Она потерла глаза большим и указательным пальцами. — О боги, как ты можешь стоять здесь и признаваться в том, что убил его, и не пытаться вырвать свой собственный язык?

— А что должна была значить для меня его смерть? — огрызнулся он, щеки его горели от гнева. Ей показалось, что глаза его блеснули или это мигнула лампа? — Ты говоришь, что думала обо мне? Возможно, и так. Но что-то мне не верится, ведь тебе хватало Кириги для полного счастья.

На нем было тонкое зеленое одеяние с двумя большими карманами. Он достал что-то из левого кармана, но кулак остался крепко сжатым.

— Ты рассказывала мне сказки, матушка. Помнишь те чудесные истории о волшебных деяниях, о богах и невероятных приключениях? — Он замолчал, ожидая, что она кивнет ему. Но она так и не шевельнулась, и он продолжил: — Что ж, мне не довелось испытать приключений, по крайней мере поначалу, но зато довелось обрести знание. — Зловещая улыбка расплзлась на его лице. — Смотри, и увидишь, чему я научился.

Он раскрыл кулак и закрыл глаза, чтобы сосредоточиться. Из его глотки неспешно полилось заклинание, так тихо, что она не смогла расслышать самих слов. Бледные струйки дыма начали просачиваться между его пальцев, неуловимые пары, которые проплыли мимо и стали сгущаться в нескольких шагах от них. Вначале это был просто призрак. Но призрак уплотнился.

И потом он шагнул вперед на освещенное лампой место.

— Кимон! — У нее перехватило дыхание. Затем она бросилась, чтобы обнять своего мужа.

— Стой! — Руки Кела сомкнулись вокруг нее, приподняли и потянули назад. — Если дотронешься до него, он тотчас же вернется в один из кругов ада, где сейчас обитает. И ничто не сможет вызвать его обратно. — Он поставил ее на место. — Ни один из живущих не может касаться духа.

Кимон смотрел на нее. В его синих глазах она увидела ужасающую бездонность, пугающую мудрость — то, чего не было в них, когда он был жив. Ей было трудно оторвать взгляд от его глаз, чтобы увидеть еще что-нибудь. И все же ее руки сами потянулись к нему,

послушные страстному желанию, как будто хотели обнять его через комнату.

Печально покачал он головой в ответ на этот жест.

— Некромант! — прошептала она, но это слово эхом прокатилось по комнате — в нем заключались ненависть и осуждение.

— Да, я в этом признаюсь, — молвил Кел с нескрываемой гордостью. — Некромантия. Магия смерти. Я встретил одного старика в Рианоте, он обучил меня основам этой науки. Тогда шло мое шестнадцатое лето, и я совсем недавно ушел из дома. Когда мне было семнадцать, он умер. — Кел посмотрел на нее и на призрак собственного отца. — Но к тому времени я уже овладел его приемами, и я знал, как разыскать тех, кто помог бы мне отточить свое мастерство. Видишь ли, у меня обнаружились способности к этому самому черному из всех черных искусств. Возможно, я унаследовал этот дар от тебя, матушка. Я знаю, что те сказки, что ты мне рассказывала, — правда и что ты когда-то была ведьмой.

Она осторожно подошла к своему мужу и встала рядом настолько близко, насколько ей хватило решимости. Все ее существо изнывало от страстного желания обнять его, дотронуться до него, поцеловать. Но она не посмела.

— Ты — мой возлюбленный, — глухим голосом вымолвила она. — По-прежнему и навсегда, ты мой единственный.

Кимон не ответил, и в глазах его, прежде таких пронизательных, она больше не могла ничего прочесть.

— Он не может ничего сказать по собственной воле, — объяснил Кел, — только ответить на единственный вопрос, который я ему задаю. За каждый палец — по одному вопросу.

— Ты насильно удерживаешь душу своего отца. — Голос ее был полон страдания и одновременно презрения, которого она не скрывала. — И пусть ты мой сын, я навечно прокляну твое имя за это. Раскрой свой кулак, я знаю, что у тебя там.

Его рука разжалась. На ладони лежал один из отрубленных пальцев Кимона.

— Я ненавижу тебя, — снова прошипела она. Ей вдруг представилось, что в ее сердце, в том самом месте, где когда-то хранилось имя Кела, образовалась пропасть, которая все росла. — Я буду ненавидеть тебя вечно, все времена без конца, и, когда мы оба окажемся в аду, я не перестану ненавидеть тебя.

Она перевела взгляд с искалеченного пальца на руку мужа и заметила с некоторым удовлетворением, что он вернул себе два пальца.

— Задавай свой третий вопрос, — сказала она сыну, — и отпусти его. Сомневаюсь, что он жаждет общения с тобой больше, чем я.

Кел подошел к ней:

— Четыре пальца — четыре вопроса. Отдав первый палец, я спросил, правдивы ли сказки про Жало Демона. Отдав второй, после того как ты отказала мне, я спросил, где спрятан кинжал. — Он положил руку ей на плечо.

Она снова отодвинулась от него.

— Зачем? Почему это было так важно?

Она не могла отвести глаз от своего мужа. Она боялась, что, если она хоть на мгновение посмотрит в сторону, он может исчезнуть. И она, в который раз, останется наедине со своим чудовищем сыном.

Глаза Кимона тоже неотступно следовали за ней, когда она двигалась.

— Мне были нужны предметы, обладающие силой, — ответил Кел. — Я ведь колдун, а не ведьма или волшебник. Мне обязательно нужно иметь источники, чтобы использовать их магию, тексты, руны и талисманы, чтобы вбирать их энергию для собственных целей. Жало Демона обладает невероятной мощью. Сказать по правде, за несколько последних месяцев я собрал немало таких вещей, но нет среди них равных по силе Жалу Демона.

— И ты рыскал по Келед-Зарему в поисках этих предметов?

Он кивнул:

— Однажды, в недалеком будущем, я буду править Келед-Заремом и всеми странами

по соседству. Я собрал свои сокровища во многих землях, но Три Артефакта спрятаны именно в этом королевстве. Я все здесь обыскал, чтобы найти их. И как только они будут у меня, с помощью Ороладиян, — он пристально посмотрел на нее, глаза его вспыхнули, — я буду обладать могуществом не только в области некромантии, но и в неисследованных сферах настоящего колдовского искусства.

Стужу внезапно пробрала дрожь, и она обхватила свои плечи под одеялом, чтобы согреться. Кел так похож на нее, но было ли в нем хоть что-нибудь от нее на самом деле? Ее сын оказался совсем чужим. Ей вдруг пришло в голову, что, может быть, он прав и она действительно его упустила. Да и вообще, знала ли она его когда-нибудь?

— Ороладиян... — Она повторила за ним это имя. — Кто он?

— Это не он, — сурово поправил он. — Ороладиян — великая колдунья, и я сяду к ее ногам, чтобы узнать от нее многое. Она уже многому меня научила. Но для того, чтобы продолжить уроки, я должен принести ей Три Артефакта.

Она медленно пошла на своего сына, испытывая некоторое удовольствие от того, как он пугается от нее.

— Ты уже говорил об этом раньше. Что это такое? Составные части какого-то заклинания?

— Что ж, тебе полезно будет узнать, — высокомерно ответил Кел. — Не одно поколение сменилось с тех пор, как жрецы древнего Кондоса спрятали три предмета в этой стране. Они выбрали Келед-Зарем потому, что из всех стран в мире именно эта земля явила свету меньше всего чародеев. Здесь, думали они, предметы будут в большей сохранности и их не обнаружат. — Он говорил, засунув руки в свои широкие рукава. — Этими предметами были Три Артефакта, необходимые для заклинания, которое способно возвращать жизнь мертвым, и не просто видимость жизни, а настоящую жизнь. Ты ведь слышала о том, что жрец Кондоса, достигший высот своего мастерства, мог противостоять смерти и, победив ее, воскреснуть из мертвых? — Он подождал, пока она кивнет в знак согласия. — Ну так вот, для заклинания, о котором я говорю, не требовалось особых усилий. По сути дела, это очень простая магия. Всякий, имея в своем распоряжении Три Артефакта, мог сделать это. И в то же время из-за своей простоты это знание становилось опасным, так как ради него разные братства жрецов готовы были перегрызть друг другу глотки. В конце концов, для того чтобы избежать гражданской войны в Кондосе, им не оставалось ничего другого, как избавиться от Трех Артефактов. Из каждой общины было выбрано по одному жрецу, они взяли по одному Артефакту, и каждый из них втайне от других ввез их в эту страну, спрятал и затем, чтобы не выдать под пытками их местонахождение, покончил с собой. — Он помолчал, потом стал расхаживать по камере. — Сами Артефакты стали легендой: Лампа Нугарила, Глаз Скраал и Книга Шакари.

Стужа слышала какие-то рассказы об этих предметах. Но то, что они часть великого заклинания, она не знала. Считалось, что каждый из них в отдельности таил в себе огромную силу; волшебники и колдуны нескольких поколений тщетно пытались их разыскать.

— И ты пообещал эти вещи какой-то потаскухе?

Кел резко повернулся и занес было руку, чтобы жестоко ударить ее. Он с трудом справлялся с собой.

— Придержи свой мерзкий язык! — Спустя мгновение он опустил руку и выдавил из себя слабую улыбку. — Два предмета — уже у меня. Лампа была спрятана в полем камне, в торце старого дома в Соушейне. Глаз находился на дне колодца в Дакариаре. Каждый Артефакт излучает свои флюиды, и с помощью колдовства их посредством можно выйти на следующий. Теперь, когда два Артефакта в моих руках, я смогу найти третий, он будет моим уже через три дня.

Ей не удалось скрыть свою заинтересованность.

— И потом?

Его улыбка расширилась. Он помахал пальцем перед ее носом:

— Ах, матушка! Я мог бы тебе рассказать о таком, от чего содрогнулась бы даже твоя

холодная душа. — Он притворно сдвинул брови и сложил руки перед собой. — Но я дал обещание хранить некоторые тайны, поэтому довольствуйся тем, что я уже рассказал.

У Стужи возникло желание ударить его, и она не смогла себе в этом отказать. Тыльной стороной руки она, почти не задумываясь, стукнула его по губам. Брызнула кровь.

Кел опешил. Он дотронулся до разбитой губы и посмотрел на кровь. Она увидела на его лице выражение боли и злобы и улыбнулась этому. Столько мук и страданий он принес этой земле. И вот теперь она с удовольствием узнала, что и он может страдать.

Кел отвернулся от нее и обратился к призраку своего отца. Кимон все так же терпеливо и молчаливо ждал, стоя посреди комнаты.

— У меня нет вопроса к тебе, — с горечью произнес Кел. — Возвращайся в...

— Подожди! — резко оборвала его Стужа. — Ты же не хочешь потерять один из своих драгоценных вопросов, ведь так? У тебя останется только один после этого. Уверена, тебе есть о чем спросить своего отца, разве нет? — Она схватила сына за руку и дернула, побуждая. — Вот тебе подходящий случай, Кел, если только кишка твоя не тонка. Он ведь должен говорить правду. Давай, трус, спроси его.

Слова ее были жестокими, издевательскими. Она и не подозревала, что может ненавидеть так, как ненавидела в эту минуту. То, что Кел был ее сыном, не имело значения. Она хотела ранить его поглубже, чтобы боль проворачивалась в нем до тех пор, пока он весь изнутри не истечет кровью.

— Спроси его, — настаивала она. — Спроси своего отца, любил ли он тебя.

Кел застыл на месте, глядя на отца.

— Нет, — произнес он сдавленным шепотом.

— Спроси его! — Ярость ее наконец вырвалась наружу. Она замолотила кулаками по его груди, чуть не свалив с ног. Он поймал ее руки, оттолкнул от себя и отошел в дальний угол. Она кричала ему: — Такая возможность! Узнай правду и пойми, какое безумие сотворила твоя ревность. Он любил тебя! Спроси его!

— Нет, черт тебя побери! — гневно вскричал он. Резко махнул рукой отцу: — Дух, возвращайся в ад. Уйди!

Но прежде чем Кимон исчез, Стужа бросилась к нему и обхватила руками шею мужа. В отчаянном поцелуе она прижалась губами к его губам.

— Прекрати! — приказал Кел, но это было бесполезно.

Она обнимала его, и сердце ее радостно билось, но кровь, казалось, стыла в венах, а воздух в легких стал колючим. А потом все прошло. Ее руки держали пустоту, Кимон исчез.

Горе болью отозвалось в ней, но одновременно она испытала злорадство.

Кел сердито смотрел на нее.

— Теперь он тебе неподвластен, — сказала она, ликуя. — И не важно, сколько у тебя еще осталось частей его тела, ты никогда больше не сможешь вызвать его. Я освободила его.

Лицо Кела было воплощением злобы. Он шагнул к ней, схватил ее руку и насильно раскрыл ее. После чего он положил ей на ладонь отрубленный палец Кимона и сжал ее руку в кулак.

— Он мне больше не нужен, — прошипел Кел, сдавливая ее кулак с такой силой, что еще немного, и суставы бы хрустнули. — И ты мне больше не нужна! То, что в нас одна кровь, — ошибка, и у меня есть тот, кто заботится обо мне так, как вы никогда не заботились. Оставайся здесь, в этой башне, ты, холодная сучка. И пусть твой проклятый конь стучит в ворота. Отсюда есть другой выход, и Третий Артефакт лежит, дожидаясь, чтобы я забрал его. — Он оттолкнул ее в сторону и пошел к двери. — Когда моя истинная кровь облачится в мантию истинной жизни, возможно, тогда я вернусь за тобой, если вообще вспомню о тебе.

Кел захлопнул за собой дверь, и ключ повернулся в замке. Стужа все же проверила дверь, и когда та не захотела открываться, застучала кулаками по деревянной обшивке. Спустя некоторое время она все-таки сдалась и вернулась к окну. Ветер и дождь странным образом успокаивали ее. Она сжала палец Кимона в ладони, прижала к сердцу и затем

любовно положила его на сырой подоконник.

— Положись на грозу.

Стужа резко обернулась. Призрак Кимона опять стоял в тусклом свете лампы. Ее первым желанием было броситься к нему, но он предупреждающе поднял руку. Свою правую руку. Все пальцы были снова на месте.

Она бросила удивленный взгляд назад, на подоконник. Отрубленный палец все еще лежал там, но именно в эту минуту, когда она посмотрела, необыкновенный порыв ветра, кружась, влетел в комнату. Палец покатился и, оказавшись на самом краю, закачался, готовый вот-вот упасть. Но затем, вопреки всем представлениям, ветер вылетел из комнаты, унося с собой в ночь драгоценный кусочек плоти.

Стужа зажала рот рукой, едва удержавшись, чтобы не вскрикнуть.

— Найди себя в грозе, Самидар, жена моя, — произнес Кимон; его голос был мягким, как любовное прикосновение. — Ты не принадлежишь стуже и огню, ты — воплощение грома и молнии. — Он показал на окно — очередная змеистая молния, казалось, придала особое значение его словам. Он опустил руку, и на мгновение его глаза стали прежними — нежными и голубыми глазами, которые она так любила. — Ты моя возлюбленная, по-прежнему и навсегда. — Его слова глухо отозвались в маленькой камере, как будто их разделяла огромная пропасть и он говорил из далекого далека. — Навечно и навсегда, — повторил он.

Весь ее гнев и ненависть к Келу не могли вытеснить ее страдания. Она упала на колени и зарыдала, ей страстно хотелось поддержать его в своих объятиях; она не отрываясь смотрела, как он медленно исчезает у нее на глазах.

Когда Кимон превратился в бледную тень, она снова услышала его голос:

— Прощай, Самидар, Самидар, Самидар... Я любил нашего сына...

Снаружи взвыл ветер тонким и одиноким плачем.

Она сидела на полу и ждала, когда у нее кончатся слезы, они должны когда-нибудь кончиться, она знала это. Одеяло соскользнуло с ее плеч, от холодного воздуха руки покрылись гусиной кожей, но она даже не попыталась согреться или встать. Она чувствовала только, как сильно устала — и телом и душой, боль потери совсем лишила ее сил.

Но постепенно что-то в ней зашевелилось. Слова Кимона вновь и вновь звучали в ее голове. Он ведь вернулся в последний раз, чтобы донести до нее какую-то весть. О чем она? Женщина с трудом поднялась на ноги и подошла к окну.

Сверкающие молнии плели блестящие кружева на черных облаках. Гром гремел и перекатывался.

Ты — воплощение грома и молнии, — сказал ей Кимон. О чем это он? Она легла на подоконник и стала вглядываться в грозу. Дождь бил ее по лицу. Вспышки молнии, одна за другой, ослепляли ее. Каждый раскат грома повторял голосом Кимона: *Положись на грозу, найди себя в грозе.*

Она стояла так, пока не начало сводить ноги, пока вода не полилась с кончика носа и с густых прядей ее волос.

Вдруг, далеко внизу, из леса выскочил Ашур и помчался по темной равнине. Она ведь даже не заметила его отсутствия. Куда он убежал?

С диким криком единорог снова набросился на ворота. Она затаила дыхание, однако на этот раз ответного града стрел не последовало. Он наносил удары своими копытами по бревнам, но укрепленные железом ворота держались.

Рев бушевавшего Ашура заглушал звуки грозы. Единорог становился на дыбы, храпел и тщетно бил копытами, как будто бросал вызов лучникам, подставляясь под их стрелы. Он ревел, но из башни так никто ему и не ответил.

Тогда он увидел, как она выглядывала из окна, и остановился. Замерев, он поднял к ней свои неземные глаза. Внезапно вскинулся, рванулся назад, на середину поля, повернулся и снова выжидательно посмотрел на нее.

Небеса разверзлись с новой силой. Ослепительная молния полетела вниз и ударила в

ворота.

Стужа прикрыла глаза краем одеяла. Гром чуть не отбросил ее на пол, как будто сам воздух пытался сокрушить ее. Она ухватилась рукой за подоконник, когда сотряслась башня. Едкий запах заполнил ночную мглу.

Аушур бегал взад и вперед, в безумном неистовстве тряся спутанной гривой.

Но ворота устояли.

Невероятно, но вторая молния ударила с неба. Башня покачнулась от этого удара. Ашур встал на дыбы и пронзительно закричал. Пламя в его глазах горело так ярко, что освещало огромный рог на его лбу по всей его длине.

Стужа прижала руку ко рту, ее зубы вонзились в мягкую ладонь. Слова Кимона громыхали в ее сознании так же громко, как раскаты грозы. *Ты — воплощение грома и молнии*, — так он сказал.

Это невозможно, но так оно и было. Должно быть, так оно и есть!

Как многое прояснилось для нее в один миг. В «Сломанном Мече» карты предсказали ей появление Терлика. В Соушейне степной ветер странным образом откуда-то налетел и раздул погребальный костер. И вот теперь — эта гроза. Может, это как-то связано с ее состоянием? Она вспомнила другие грозы — а их было немало в последнее время, — и все они начинались, когда ей было плохо или когда она гневалась...

Она высунулась из окна так сильно, насколько ей хватило духу. Ворота были прямо под ней. Правда, сам вход она не увидела из-за парапета и выступавшей под ним каменной кладки. Она с сомнением обвела взглядом небо. Затем сделала глубокий вдох.

Да, теперь она почувствовала, как бушующая гроза захватила ее. Это звенящее, постепенно возникающее созвучие было едва слышно в самой глубине души, но с каждым ударом сердца оно становилось все громче.

Она распростерлась за окном навстречу грозе и махнула рукой так, как будто хотела что-то сорвать.

Фиолетовая вспышка устремилась вниз, расколола выступающие камни и попала в парапет, образовав зияющую дыру. Ужасный запах поднялся вверх вместе с плотными клубами. Куски дерева и камня разлетелись вокруг.

Но ворота, обуглившиеся и почерневшие, все еще держали ее взаперти. Она снова протянула руку и вырвала молнию с неба. За одно мгновение мгла побелела до боли. Башня угрожающе покачнулась от сильного взрыва.

На том месте, где находились ворота, теперь чернела яма, а обожженная земля вокруг дымилась.

Ашур победно взревел и ринулся в открывшееся пространство.

К ней вернулись ее магические силы. Она обессиленно прислонилась к стене и крепко зажмурилась. Как такое возможно после стольких лет? Она вдруг ощутила, как эти силы вливаются в нее и так же, как мощная песня в душе, готовы извергнуться наружу. Она снова повернулась к окну и, сильно дрожа, стала вглядываться в грозу. И потом, просто для того, чтобы убедиться, что она способна на такое, направила еще одну молнию вниз, к земле.

— Ведьма!

Она снова и снова повторяла это слово, качая головой, отказываясь верить. Давным-давно мать отняла у нее магические способности, и, сказать по правде, Стужа никогда не жалела об этом, была почти рада, когда они исчезли. И вот теперь, по прихоти богов, они к ней вернулись. Теперь она снова — ведьма. На самом деле она уже была ею некоторое время, даже не подозревая об этом.

Клич Ашура донесся до нее из недр башни и вывел из состояния задумчивости. Он был там, внизу, один против всех солдат Кела! Она подбежала к двери, забыв о том, что та заперта.

Она отошла назад, сделав несколько шагов. Малейшей частицы ее сил, направленных на замок, было достаточно, чтобы он щелкнул. Дверь отворилась внутрь.

Она кинула взгляд на груды своей сырой одежды у двери. Если Ашур в опасности,

времени на то, чтоб одеться, у нее нет. Шлепая босыми ногами по каменному полу, она побежала по узкому коридору к единственной лестнице в башне.

Пробежав вниз по лестнице полпути, она встретилась со стражником. Он был бледен и тяжело дышал, поскольку бежал вверх по ступеням. Он испугался, но все-таки решился взяться за висевший на поясе меч. Очень неуклюже вытащил его и сделал выпад.

Песнь в глубине ее души усилилась. Она подняла палец. Возникла искра, которая перескочила с ее пальца на кончик оружия солдата. Стражник резко вскрикнул, когда голубой огонь побежал по его мечу и добрался до руки. Волосы его встали дыбом, глаза и рот широко раскрылись от ужаса. После этого он упал и покатился вниз по каменным ступеням, а меч со звоном полетел ему вслед.

Она сама не поняла, что с ним сделала. Был ли он мертв или просто потерял сознание? Ей нужно было только, чтобы он не стоял у нее на пути. А музыка доделала все остальное.

Но ей нельзя больше терять время. Она поспешила вниз, перепрыгнув через тело, которое осталось лежать в скорченном положении. Снизу не доносилось ни звука, и она испугалась за своего единорога. Дойдя до середины винтовой лестницы, она побежала.

Башня Кела была простым, хоть и древним сооружением. Все ее многочисленные этажи выходили на единственную лестницу. На самом верхнем этаже располагался ее сын в своих покоях и кабинете. На других этажах размещались его командиры со своими помощниками. Еще один этаж занимали кухня и столовая. Были еще этажи со складами и этажи с пустующими комнатами. Первый этаж представлял собой огромное пространство. Во время натисков непогоды люди и лошади находили здесь укрытие.

По запаху навоза она определила, что почти добралась до низа. Но по-прежнему было тихо. Неужели все кончено? Неужели Кел убил ее прекрасного зверя? Под конец она бежала, перепрыгивая через три ступеньки.

Ашур приветствовал ее ржанием. Ее сердце чуть не разорвалось, когда она увидела его. Шкура единорога была скользкой от крови из ран, нанесенных скорее всего мечами. На правом плече чернела глубокая рана, — похоже, ей уже дней семь. Уродливый, сочащийся струп пытался закрыть ее. Из бока торчала стрела. Проклиная лучника, она ухватила за древко и выдернула. Наконечник стрелы вошел неглубоко, но из раны полилась кровь.

Но все эти раны не уменьшили огонь в глазах Ашура и, очевидно, в его сердце. На земляном полу она обнаружила тела еще двух стражников. Огромная дыра зияла на груди одного из них, у другого — копытом единорога — был проломлен череп.

Она обняла его за шею.

— Я позабочусь о тебе, — шепотом утешала она. — Я омою все твои раны, и ты снова будешь здоров.

Шло время, и она вдруг поняла, что они одни. Кел ушел, и с ним все его люди. Через огромный люк в самой задней части пола был виден длинный наклонный туннель, достаточно высокий, чтобы по нему могли проехать всадники по одному. Конечно же, он вел далеко в леса.

Однажды в Рианоте она уже видела нечто подобное. Правитель, удерживаемый в осажденной крепости, послал половину своих людей по такому же туннелю. Его воины тоже выбрались в лес, вернулись к крепости и напали на противника с тыла. Это была замечательная победа.

Она потрепала Ашуру челку и погладила его по носу:

— Ты подумал, что они взяли меня с собой? Вот куда ты убегал?

Конечно, он не мог ей ответить, но она была уверена, что он преследовал мятежников до тех пор, пока не понял, что ее нет с ними.

Кел, должно быть, отправился в путь сразу же после их ссоры. Ей почти стало жаль его людей — они так и не смогли отдохнуть. Но потом она вспомнила Соушейн и Дакариар, и ее жалость улетучилась.

Теперь ей представилась прекрасная возможность поискать хоть что-нибудь, что могло бы пролить свет на планы Кела. Он поведал ей лишь часть своей причудливой сказки, о

большей части он так ничего и не рассказал, оставив ее теряться в догадках. Она хотела узнать больше об Ороладиян, о Трех Артефактах, и еще она хотела знать, куда на этот раз отправился Кел.

Она снова подошла к лестнице. Ступени вели вниз, где под землей находились еще этажи. Она их тоже исследует, но позже, прежде всего ей не терпелось взглянуть на личные покои Кела. Свою одежду она захватит по пути.

— Я вернусь, — обещала она единорогу, поглаживая его по морде. — Если кто-нибудь явится — уходи. Ты и так уже ранен. Понял?

Она была почти уверена, что он кивнет головой. Конечно же, он не кивнул. Он спокойно смотрел на нее, пламя в его глазах мягко вспыхнуло.

Она пошла наверх, шагая через две ступеньки. Стражник по-прежнему лежал неподвижно, неловко согнувшись. Она ненадолго задержалась, чтобы рассмотреть его. Он был жив, хоть дыхание его было неглубоким и прерывистым. Если у него сломаны кости, она не сможет это определить.

Она потеряла подбородок и перешагнула через него. Она даже не поняла, что она с ним сделала. Магическая сила сама вышла из нее и выбрала направление, с ее стороны не возникло ни единой мысли или усилия. По всему было видно, что он еще не скоро поднимется, поэтому она выкинула его из головы.

Ее одежда была насквозь мокрой, когда она забрала ее из своей камеры. Они прибыли в башню совсем незадолго до того, как она разругалась с Келом, и, конечно, одежда не успела просохнуть.

Люди Кела совершенно устали после изнурительной езды из Дакариара под ливнем, и Ашур преследовал их всю дорогу. Но Кел снова потащил их, невзирая на дождь и ветер. Она решила, что это объясняется тем, что ей все-таки удалось причинить ему боль и пристыдить его. Эта мысль хоть немного порадовала ее.

Или, напротив, его появление объясняется его безумием.

Она выжала воду, насколько это было возможно, из своих одежд и натянула их на себя. Все было холодным и влажным. Ей пришлось сунуть ноги в сапоги. Оружие у нее забрали, и она не представляла, где его теперь разыскать. Она потеряла бедро в том месте, где должен висеть ее меч. Без него она все равно чувствовала себя голой.

Она пошла назад к лестнице и поднялась на следующий, самый верхний этаж. Одну за другой она открывала двери, за которыми находились комнаты, похожие на камеру, в которой она была заперта, — пустые, почти без мебели.

Но одна комната выглядела совсем иначе. Она только протянула руку, чтобы взяться за кольцо двери, как смутное ощущение того, что здесь не обходится без колдовских чар, насторожило ее. Не без опаски она вошла внутрь. Даже если бы стены и потолки не были украшены знаками и символами, она все равно узнала бы, что это то самое место, где чародействует Кел. Она силилась прочесть надписи при тусклом свете ламп, проникавшем сюда из коридора. Они были на эсгарианском языке, некоторые из них она вспомнила. Она подавила дрожь, прошла к окну и выглянула из него. Окно смотрело на запад. Отсюда была видна ее родная земля, раскинувшаяся сразу за рекой Лите.

Она больше не сдерживала дрожь и не обманывала себя, что прохладный ветер тому виной. Давным-давно она посмела взять в руки оружие мужчин, научиться пользоваться мечом и щитом. Для эсгарианской женщины это было самым тяжким преступлением. Хуже того, она была вынуждена убить своего брата, когда тот застал ее с мечом в руках. Наказанием за оба преступления была смерть. Но вместо этого она бежала, предпочтя жизнь в изгнании.

Оружие тогда было для нее забавой — элементарные упражнения и танцы, исполняемые в темных залах их родового поместья. Но судьба или боги вмешались, и забава стала образом ее жизни. Она бесприютно скиталась из страны в страну, и только ее меч пребывал между ней и ранней могилой.

А потом она встретила Кимона. Он тоже жил за счет своего меча, был наемным

убийцей и служил правителю Роларофа. Он полюбил ее сразу, а со временем и она поняла, что не может не ответить ему любовью. Вместе они спрятали свои мечи и стали искать другой жизни, получше.

Это было много лет тому назад. Сколько ей было тогда — девятнадцать? Двадцать?

Но колесо судьбы завершило круг. Кимон умер, а Путь Меча опять стал единственным для нее путем.

И где-то там, за рекой Лите, еще одна эсгарианская женщина осмелилась нарушить закон. Только женщины могли изучать магию в этой стране, так же как только мужчины могли носить оружие. И тот и другой запрет одинаково сильны. А эта женщина учила ее сына.

Сырая одежда раздражала кожу. Стужа призадумалась, а потом, приведя в действие лишь малую долю собственных магических сил, высушила ее. Это было так легко. Но почему тогда дрожь пробежала по ее спине?

Она заставила себя не думать об этом и продолжила поиски. В одной из стен была дверь, которая вела в соседнюю комнату. Дверь, запертая на два замка, легко открылась перед ней, как и все другие. Могущественные силы переполняли ее, готовые служить при каждой необходимости. Они так долго бездействовали, находились под гнетом, не имея выхода, что теперь казалось — ей едва удастся сдерживать их.

Она перешагнула через порог. Тут же отпрыгнула назад, вскрикнув от удивления. Ее как будто обожгло; что это — действие какого-нибудь защитного заклятия? Она внимательно прислушалась к своим внутренним ощущениям. Нет, заклятия здесь не было.

Она вернулась в коридор и сняла лампу со стены. Держа ее перед собой, еще раз шагнула через порог. Ужас охватил ее, но она собрала все свое мужество, чтобы заставить себя остаться здесь. На стенах комнаты были развешаны светильники. Она по очереди подошла к каждому из них и зажгла фитили. За каждым светильником висело по зеркалу из полированной меди. В комнате сразу же стало светло.

Но она по-прежнему ощущала, как на нее давит какая-то пульсирующая сила.

У ближайшей стены стоял шкаф с книгами. От этих томов исходило какое-то беспокойство. Она внимательно изучала названия книг, осторожно снимая каждую из них с полки и затем ставя на место. Это были книги с колдовскими заговорами и магическими заклинаниями. Некоторые написаны знакомым почерком Кела. Интересно, он переписал их из каких-нибудь старых рукописей или сам написал их? На книгах совершенно не было пыли, и, судя по истрепанным страницам, он часто прибегал к ним.

В середине комнаты располагались стол и простой стул. Она подошла к ним, легко провела рукой по гладкому дереву. На столе стояла чаша с чистой водой. Стужа наклонилась над ней и, заглянув внутрь, увидела свое отражение.

Но это было не совсем ее лицо. Оно казалось моложе, похожим, но другим. Она вздрогнула и зажмурилась. Когда посмотрела еще раз, то теперь на нее смотрело ее собственное встревоженное лицо. Она закусила губу. Может, ей показалось? Вряд ли. Колдовская сила Кела была подлинной, без обмана. В таком случае что же было в этой чаше?

Она снова устала в чашу, выжидая, но ничего не происходило. Все же она уверена, что ей не привиделось. Потрогала воду пальцами. Оказалось, простая вода, только и всего. В конце концов она отвернулась.

За противоположной стеной находился кабинет. Именно оттуда исходило сильнейшее излучение. Она тронулась туда, сжимаясь при каждом шаге, заставляя себя войти.

Двери кабинета гостеприимно распахнулись.

Стужа замерла. Ее колдовские чары здесь ни при чем. Должно быть, сам кабинет был заряжен магией. Она бессознательно потянулась за мечом, которого у нее не было.

Сияние ламп осветило внутреннее убранство кабинета. Она медленно, через силу, подошла ближе, преодолевая колебание, которое, подобно волнам, накатывало на нее. Заглянула внутрь.

Она увидела потир и кинжал, которые использовал Кел, вызывая Глаз Скраал в

Дакариаре. И тот и другой излучали зловещую силу. Здесь же находился кроваво-красный кристалл, который она никогда прежде не видела. Подчиняясь какой-то неуловимой силе, она потянулась, чтобы дотронуться до него. В самый последний момент она отдернула руку, собственное знание магии предостерегло ее. Рядом с ним лежали два амулета на золотых цепях, на них были вырезаны знаки, незнакомые ей. Так же как от кубка и от кинжала, от них исходило ощущение мерзости.

Она осмотрела все пять полок, стоявших в кабинете, ни к чему не притрагиваясь. Здесь находилось множество других предметов, и все они обладали самыми разными свойствами черной магии.

Так вот те сокровища, которые собрал или украл Кел во времена своих странствий! Некоторые из них обычно использовались в некромантии: серебряный нож, отрубленная рука с еще не разложившейся плотью, пузырек с толченой человеческой кожей. Но были здесь и другие вещи, имевшие отношение к магии. Полки ломились от драгоценностей, маленьких фигурок безымянных божков, от колец и необычных талисманов. Она наклонилась ближе в напрасной надежде увидеть среди них Жало Демона, но в кабинете ее клинка не было.

Она вышла, и двери кабинета бесшумно затворилась за ней, даже петли не скрипнули. Ей никогда прежде не доводилось видеть такой коллекции. Ее снова охватила дрожь. На лбу выступили капли пота, она утерла их рукавом. Как Келу удалось всего за пять лет так много накопить? И какой ценой все это ему досталось?

Она боялась, что знает ответ.

Захватив лампу, она пошла назад, в коридор. Единственная оставшаяся комната оказалась спальней Кела. Она задержалась здесь, копаясь в его сундуках, шаря в столе, обыскивая шкафы.

Когда на верхнем этаже не осталось ничего, что могло бы ее заинтересовать, она осмотрела другие этажи. Но им она уделила лишь поверхностное внимание. Ее мысли бились над более важными задачами. Кел многое рассказал ей о Трех Артефактах, но не все. Он намеревался передать их в дар колдунье Ороладан. Он уже заполучил Лампу Нугарила из углового камня в Соушейне и Глаз Скраал из колодца в Дакариаре.

Она оценила собранные сведения. Считается, что драгоценные камни иногда обладают особыми свойствами. Согласно легенде, изумруды, в частности, обладают определенными целебными качествами. Мог ли Глаз быть источником чудесного воздействия, которое Лико приписывал воде?

Не важно, это уже не имело отношения к главной загадке.

Кел захватил два Артефакта из трех. Он отправился, чтобы достать третий. «Книга Шакари» — так он называл его, и он спрятан в трех днях пути отсюда. Но где? Зная, сколько времени займет путь, она могла бы прикинуть расстояние, но в каком направлении он поскакал?

Она спустилась вниз и снова оказалась на первом этаже. Ашур стоял и смотрел в сторону разрушенных ворот. Завидев ее, он фыркнул и зашевелил ушами.

— Пока еще нет, — ответила она. — Мне тоже хочется убраться отсюда, но мы еще не закончили.

Ей предстояло осмотреть темные этажи подземелья. Но в лампе почти закончилось масло. Из стены у ворот торчали факелы. Она взяла с собой один, а лампу погасила. Держа высоко над головой новый источник света, она стала спускаться.

На первом подземном этаже размещался склад оружия. Сталь блестела в желтом сиянии ее факела. Пики, копья, мечи составлены в пирамиды, щиты висели на стене рядами друг над другом. Повсюду валялись вразброс части доспехов. Ножные и наручные латы, нагрудники — все из самой лучшей полированной кожи, на некоторых нашиты железные кольца для дополнительной защиты. Стужа возблагодарила своих богов и сразу же направилась к пирамиде из мечей. Она выбирала, пока не нашла подходящий — хорошей длины, с обоюдоострым клинком, в отличных ножнах, на специальном ремне. Рукоять меча,

так же, как у прежнего, была оплетена грубой кожей. Чего не хватало на рукояти, так это лишь застарелых следов ее руки.

Она, конечно же, будет скучать по своему старому клинку. Он хорошо служил ей долгое время и прошел с ней через многие приключения. Но в том, что Кел снабдил ее еще лучшим оружием, была восхитительная, тонкая насмешка судьбы.

На этом же этаже были и другие помещения: склады с зерном и бочками пива, хранилище со снаряжением для лошадей. Здесь она задержалась, раздумывая. Если надеть на Ашура седло и уздечку, езда верхом будет намного приятней. Но что же тогда будет с его ранами? Наконец она выбрала самую легкую сбрую и отнесла ее к лестнице. У нее до сих пор не было уверенности, что она понадобится, но это можно решить потом.

Она спустилась этажом ниже. Это был самый последний этаж. Тонкая, напряженная улыбка тронула ее губы. Та ее часть, что была полна суеверий, знала почти наверняка, что этажей в башне девять — как кругов ада.

Последняя ступенька скрывалась под водой. Проход здесь был узким, промозглым, сюда стекала вся влага. Вода поднималась выше лодыжки, и она, шлепая, устремила в темноту. Первая попавшаяся ей дверь была заперта на тяжелый железный засов. На уровне глаз она заметила небольшую решетку и сразу же поняла, где оказалась.

Здесь, в самом низу, находилась подземная тюрьма Кела. Возможно, то, что она сравнила это место с адом, было не так уж далеко от истины.

Она просунула голову между прутьями решетки еще одной двери и заглянула внутрь, но ее голова загородила свет факела, и она не смогла ничего увидеть.

— Есть кто-нибудь? — негромко спросила она.

Плеск воды о стены был единственным звуком. Ее факел угрожающе затрещал, и она обнаружила, что поднесла его слишком близко к низкому каменному потолку. На камнях остались черные следы копоты. Она закусил губу, внезапно осознав, какая громада висит над ее головой и сколько лет этой башне из камня и раствора. Она повернулась, чтобы уйти.

Низкий, осторожный голос донесся из черноты, куда не доходил свет ее факела.

— Эй! — шепнул голос. — Кто здесь?

Рука ее мгновенно потянулась к мечу. Пусть ее колдовские силы каким-то образом пробудились, все же спокойнее, когда рука держит меч. Она безуспешно вглядывалась вперед, в мрачный туннель. Пригнувшись, двинулась вперед, стараясь не шлепать слишком громко. *Как глупо,* — сказала она себе. — *Если это враг — ему не нужно будет прислушиваться к звукам, ведь он увидит факел.* И все равно она продолжала шагать как можно тише.

— Вы здесь? — снова позвал голос. — Эй!

Стужа остановилась. В этом голосе была характерная особенность, которую она почти узнала. Ускорив шаг, она прошла мимо третьей двери и четвертой, у каждой задерживалась, всматриваясь внутрь. За ними никого не было.

— Где вы? — окликнула она. Эхо отозвалось в сыром подземелье, и она подождала, когда все стихнет. — Вы узник?

Лишь камни вернули ей этот возглас.

— Идите сюда, — несколько погодя отозвался голос. — Я в последней камере. Кто вы?

Она не отвечала. Как она могла признаться, что тот, кто держал его в плену, — ее сын? Она поспешила вперед, нашла последнюю дверь и прижалась лицом к решетке. Вдруг оттуда высунулось лицо, и их носы стукнулись. От неожиданности она отпрянула назад.

Узник отшатнулся от света, затем снова повернулся и, щурясь, посмотрел сквозь решетку. Раздался негромкий радостный возглас.

— Боги Роларофа, женщина, я думал, что ты погибла!

Ее челюсть отпала, затем быстро захлопнулась. Этот грязный, заросший щетиной человек с растрепанными волосами и залитыми кровью глазами был почти неузнаваем.

— Терлик!

— Я не узнал твоего голоса из-за проклятого эха, — выдавил он сквозь стиснутые

зубы. — Вытащи меня отсюда.

Из стены торчали колышки, но кольца с ключами не было видно. Ну и ладно.

— Просто толкни дверь, — велела она ему.

— Она заперта, будь она проклята! Найди ключ. Он должен быть где-то здесь.

Она ухватила за один из прутьев решетки, высвободив лишь малую часть той странной песни в своей душе.

— Она не заперта. Видишь? — Потянула, и дверь распахнулась. — Давай выходи.

Он уставился на нее в полной растерянности, которая быстро превратилась в испуг.

— Как ты это сделала?

Она покусывала кончик пальца.

— Боюсь, ты скоро узнаешь. — Она сменила тему. — Ты ужасно выглядишь. Что ты здесь делаешь?

Его одежда была испачкана, и от него несло застарелой тюремной грязью. Но он все равно притянул ее к себе и обнял, прижимаясь головой к ее затылку. Она чувствовала, как ему плохо. Ей хотелось утешить его, рассеять страх. Но вместо этого она вся напряглась от его прикосновения.

Он, казалось, ничего не заметил.

— Я думал, ты погибла, — повторил он. — Я видел, как ты упала. Думаю, сразу после этого я получил удар мечом плащом по голове. Очнулся я в грязи как раз в ту минуту, когда твой сын со своими наемниками уже покидал место сражения.

— Кел захватил тебя в плен?

— Там был сущий ад. Мне удалось поймать лошадь без всадника, и я на ней бросился в погоню. — Он скромно опустил голову. — У меня была мысль отомстить за тебя, но он, наверное, заметил меня. Двое его людей засели в высокой траве и накинулись, когда я поравнялся с ними. Они притащили меня сюда, и с тех пор я никого не видел. — Он утер рот грязным рукавом. — Они ни еды, ни воды не прислали.

Голос его осип и дребезжал. Вот почему она не узнала его, когда он позвал.

— Я понемногу пил воду, что стекала по стенам, просто чтоб смочить губы. Правда, она имела вкус извести и тины. Я боялся много глотать. Не знаю даже, зачем им понадобилось тащить меня сюда, когда проще было бы сразу убить.

Она высвободилась из его объятий.

— Тогда давай достанем тебе еды и будем убираться отсюда. Здесь, в башне, полно продовольствия, и все ушли.

— Я так рад, что ты жива, — сказал он, снова пытаясь обнять ее.

Она остановила его, положив руку ему на грудь.

— Я тоже рада, что ты жив, — искренне призналась она. — Но нам надо спешить. Я кое-что знаю о планах Кела. Однако мне необходимо разведать все. — Она нахмурилась, но затем одна мысль пришла ей в голову. — В самом деле, мне нужно вернуться наверх. Я видела карту в комнатах Кела. Она может нам пригодиться.

Она поднималась по лестнице, Терлик — за ней.

— Что это с ним? — спросил Терлик, переступая через лежавшего без сознания стражника, который испытал на себе ее магические силы.

— Ему не повезло, — коротко бросила она. Когда они добрались до этажа, где находилась кухня, она махнула рукой: — Найди что-нибудь для нас обоих. Я пошла еще выше.

Она оставила его и прошла прямо в покои своего сына. Карта была именно там, где она запомнила, — в маленьком боковом выдвижном ящике одного из сундуков. Она была нарисована на свернутом квадратном куске темной кожи. Карта оказалась на удивление полной и точной, и Стужа на мгновение задумалась, чья рука могла выполнить ее. Она засунула ее себе под тунику и вышла из комнаты.

Этажом ниже она задержалась и посмотрела через весь коридор в сторону комнаты, где ее держали взаперти. Сама не зная зачем, она вернулась туда. У окна, в том месте, куда лил

дождь, образовалась лужа, но гроза уже успокоилась. Она подошла к окну и выглянула.

Болезненно-блеклая, серовато-зеленая дымка повисла над миром. Ветер стих. Воцарилась необычная тишина. *Да нет же,* — напомнила она себе. — *Это обычная тишина, совершенно обыкновенная.* Песня в ее душе замолчала.

— Позволь мне помочь.

Она резко обернулась и чуть не упала.

— Ким...

Но это был не Кимон, а Терлик, он стоял на том же самом месте, омываемый тем же самым желтым светом лампы. Боги, как больно глядеть на него! Он так похож на ее мужа. Она до боли прикусила губу.

Возможно ли это? Они оба родом из Роларофа. Кимон даже работал на отца Терлика. А может, он был внебрачным сыном? И тогда Терлик и Кимон — братья?

Ее руки сжались в кулаки, и она отругала себя. Нет, глупая женщина, нет! Твой муж мертв, и дух его наконец успокоился. Бесплезно искать его в другом человеке. Простая игра света и тени, похожий силуэт — вот что заставило ее увидеть Кимона в Терлике. Только это и еще ее собственное горе. Ей показалось, только и всего. Просто показалось.

— Прошу тебя, позволь мне помочь, — повторил он. — Не знаю, что ты задумала, но вид у тебя странный. Как бы то ни было — рассчитывай на меня.

Его предложение еще одной болью откликнулось в ее сердце. Когда-то Кимон объяснил ей, что существуют три слова, которые значат даже больше, чем «я тебя люблю», потому что это слова действий вместо объяснений. И эти слова, сказал он, были «позволь мне помочь».

Она улыбнулась плотно сжатыми губами, через силу посмотрела на Терлика, чтобы убедиться раз и навсегда, что он не Кимон. Наконец она немного успокоилась.

— Спасибо за твое предложение, но на этот раз мне нужно больше. Мне нужна армия. — Она взяла его за руку и повела в коридор, где ненадолго задержалась, чтобы закрыть за собой дверь. — Есть только одно место, где можно ее найти.

Глава 12

Кто ты, Странник Благородный,
Мудрый шут иль сильный маг?
Удержал меня ты чудом
От паденья в жуткий мрак.
Знаешь сам, что ты прекрасен,
Как вечерняя звезда.
Под любви твоей защитой
Мне не важно, кто ты. Да?

Прочь от башни они уходили вместе. Слякоть хлюпала под их сапогами, когда они шли среди сорванных грозой палаток, в которых должна была размещаться основная часть армии Кела. Ей даже стало немного смешно оттого, как разбросало повсюду эти обрывки ткани.

Она перехватила в другую руку седло, которое несла, и взглянула на Ашура, тащившегося рядом. Ей скоро придется сесть на него верхом. Только в этом случае она успеет добраться до Кира вовремя. Но нужно сделать еще кое-что прежде, чем перебросить через эту несчастную спину кожаное седло.

— Давай, я понесу это вместо тебя, — предложил Терлик.

Она покачала головой:

— С тебя хватит и мешка с провизией. — Она украдкой бросила на него взгляд. Он, как и она, обзавелся необходимым снаряжением на складах с оружием Кела. Еда прибавила ему сил. Если бы он еще и успел помыться. Она снова отвела глаза и старалась не вдыхать слишком сильно.

Они отошли на достаточное расстояние, чтобы увидеть, что земли вокруг башни представляют собой широкую округлую равнину. Стужа знала, что они находятся где-то у самого края Келедских степей, и хоть местность была еще сравнительно ровной, но если скакать на север, то уже через день появятся горы Шай-Застари. Она содрогнулась, вспомнив Ша-Накаре и чудовищных светлячков. Если бы она после той ночи отправилась вдоль реки Лите на юг, а не в Кир, то наткнулась бы на владения своего сына.

Когда они добрались до первых пробившихся кустиков и молодых деревьев ближайшего леса, Стужа остановилась и отложила в сторону свою ношу.

— Подожди меня, — велела она Терлику; он опустил свой мешок и вопросительно посмотрел на нее.

Она обернулась и устремила свой взгляд на открытую равнину. Башня высилась черной зловещей колонной, поддерживая унылое серое небо.

— Теперь мне все ясно, — наконец вымолвила она. — Я была в смятении, но теперь я все понимаю. Как будто проснулась после долгого, тревожного сна.

Она гладила Ашура, водя рукой по его лоснящейся шее и запуская пальцы в спутанную гриву. Вдохнула полной грудью и распрямилась.

— Я уже сделала кое-что. Душа Кимона свободна и может найти покой. — Она слегка улыбнулась. — Я отомстила за тебя, Терлик, хотя, наверное, это не считается, поскольку ты жив.

Терлик перебил ее, недоверчиво улынувшись:

— Ты пришла, чтобы отомстить за меня?

Она пожала плечами:

— Но ведь и ты сделал то же самое ради меня.

Он почесал щетину на подбородке.

— Я пытался, — сказал он.

Их глаза встретились, и она увидела в них всю глубину его чувств. Он говорил, что любит ее. Без всякого колдовства она знала, что это правда. Может, какая-то часть смятения еще осталась в ее душе. Кимон мертв, и Лико, который был так добр к ней, тоже умер. Что будет с Терликом, если она позволит ему приблизиться?

Все мужчины умирают, — размышляла она. И затем сделала свой собственный вывод: — *Но зачем мне быть теми ножницами, что разрезают нить их жизни?*

Она отбросила подобные мысли и снова обратила все свое внимание на башню. Она ведь остановилась с определенной целью, и у нее было слишком мало времени.

Я заглянула в сердце моего сына, — печально подумала она. — *Пусть он и служит этой Ороладан, этой колдунье, но делает это по своей воле. Никто им не управляет, глупо было на это надеяться. Он пребывает под властью только своих собственных пороков, и мне не остается ничего другого, как остановить его, поймать и покончить с ним прежде, чем он продолжит нести смерть и разрушения в другие невинные деревни и города. Я родила его в этот мир — и мне за это отвечать.*

Сила вздымалась внутри нее, песня, обладавшая грозной мощью, наполняла все ее существо. Сама душа ее раскрылась, изливая эту музыку. Но на этот раз она удерживала ее внутри, придавая ей форму, изменяя по своему желанию.

Башня возвышалась внушительным и безжизненным сооружением из тесаного камня. Она являла собой полную противоположность Соушейну — то был город, где не стихал детский смех и где витали запахи домашних очагов, город, который уютно расположился среди полей и где обычные люди жили и старились в объятиях друг друга.

Стужа желала такой жизни с Кимоном. Кел украл у нее эту жизнь.

Он украл ее также и у жителей Соушейна.

Ее сын втоптал их мечты в грязь — ее мечты и мечты Соушейна, — да еще и посмеялся над этим.

Но Кел больше не будет смеяться, он не будет больше растаптывать чьи-то мечты.

С каждой мыслью песня внутри нее становилась громче, вырастая в звучание хора сокрушительной мощи. Она протянула руку в сторону башни, ее пальцы судорожно сжались.

Небеса разразились загадочным неистовством. Зигзаги молний пугающей силы расщепляли облака и летели вниз, вновь и вновь долбя крепость Кела, грома и сокрушая ее. Взорванные камни разлетались во все стороны, осыпая равнину осколками. А она продолжала сжимать руку в кулак, и молнии все сверкали до тех пор, пока от башни не осталось ничего, кроме разбросанной груды камней.

Едкое зловоние разнеслось в ночи. Стужа разжала кулак, опустила руку и позволила музыке смолкнуть. Буря прекратилась. Раздался последний раскат оглушительного грома и замер вдали; вновь на земле воцарилась тишина.

— Это даже еще не начало возвращения долгов за жителей Соушейна, — с горечью сказала Стужа; воспоминания о сгоревшем городе были все еще свежи в ее памяти. — Но, может, им будет немного спокойнее на том свете.

Терлик изумленно смотрел на нее со смешанным чувством страха и благоговения. Слова замирали у него на устах, не успев прозвучать. Он отступил на шаг, споткнулся о корень и чуть не упал. Терлик держался, но его сдвинутые брови и незакрытый рот выдавали его сомнения.

— Да, это я сделала, — призналась она, отвечая на незаданный вопрос. — Я управляла молниями. Все бури и грозы в последнее время возникали из-за меня, хотя я не знала об этом до сегодняшнего дня. Они отражали мое настроение, стихийно покоряясь силам, существующим во мне, о которых я даже не подозревала.

— Значит, ты колдунья, — с осуждением произнес он, — как и твой сын.

— Я — ведьма, — поправила она. — Тут есть существенная разница, и Кел в этом убедится. Я совсем не такая, как он.

— Ведьма, колдунья, чародейка, — стал спорить он. — Какая тут разница?

Она холодно посмотрела на него, недоумевая о том, как такой неразумный человек может быть ее другом.

— Моя сила присуща мне изначально, — резко ответила она. — Она исходит из меня самой, такой, какая я есть; она часть меня, такая же естественная, как руки и ноги. Мне не надо вытягивать ее откуда-то еще. Этим занимаются колдуны. Они находят предмет — талисман или амулет — или находят слова или символы, которые содержат магическую силу. Затем они собирают эту силу для своих личных целей. Есть еще и волшебники. Им служат демоны, или же они получают свое могущество в дар от богов...

— Значит, ты ведьма, — грубо оборвал ее Терлик. — Так вот как тебе удалось убить моих братьев?

Жгучий гнев переполнил ее. Она покрыла расстояние между ними в два быстрых прыжка и влепила роларотанину звонкую пощечину.

— Ты, бессердечный ублюдок! Твои братья были свиньями, они пытались зарезать безобидного старика. Я остановила их при помощи стали. Понятно? Тогда у меня не было никаких магических способностей, ничего, кроме моего клинка и умения, и я обходилась без

всего этого больше двадцати лет. И не пытайся выставить своих братцев в выгодном свете — чтобы порубить их свиные рыла, мне не понадобилось чуда.

Терлик вспыхнул. Но затем его гнев стал постепенно затухать. Он посмотрел на свои руки и потер их.

— Ты действительно собиралась отомстить за меня? — смягчившись, спросил он. — Своему собственному сыну?

Она тоже немного успокоилась и кивнула. Как рассказать ему обо всех зверствах, что совершил Кел?

— За тебя и за многих других, — ответила она. — Я тебе не говорила, еще не успела сказать. Кел ведь убил своего отца. — Настал ее черед посмотреть на свои руки, но потом она подняла голову, и их взгляды встретились. — За одно это деяние я бы искала его повсюду, даже если бы пришлось пройти за ним все девять кругов ада. Добавь к этому преступлению его участие в смерти Кириги, и ты поймешь, какое чудовище я произвела на свет.

Терлик странно смотрел на нее.

— И ты сможешь убить своего собственного сына?

Она с трудом сглотнула. Это был прямой вопрос, и ее ответ был таким же прямым:

— Да.

Его плечи опустились. Он подошел к ней и погладил ее по руке, утешая:

— Твои боги подсунули тебе дурные карты, женщина. Полагаю, у тебя нет выбора и надо играть теми, что есть. Но я буду с тобой до конца. — Он слабо улыбнулся.

Эти слова больше, чем любые другие, поддержали ее. Она не хотела пугать Терлика своими магическими способностями. Однажды он признался ей в любви, И сейчас, когда она уже выбрала свой роковой путь, это вдруг стало много значить для нее.

Она ухватила его за обе руки и сдвинула их. Она никогда не полюбит этого человека так, как ему бы этого хотелось, но ощутила, насколько ближе ей он стал.

— Даже если бы наша дружба длилась дольше, — мягко сказала она, — рано или поздно ты все равно предъявил бы мне это обвинение. И лучше сразу расставить все по местам. — Она еще раз пожала его руки, отпустила их и наклонилась за седлом, которое отложила в сторону. Она выпрямилась со своей ношей. — Мне жаль твоих братьев, Терлик, но они не оставили мне выбора.

— Ты права, — вымолвил он, забирая у нее седло. — Мои братья и в самом деле были свиньями. Я погорячился. Ты простишь меня?

Она поджала губы и кивнула.

Они молча постояли, и, казалось, это мгновение вместило в себя вечность. Затем Терлик повернулся и пошел к Ашуру.

— Осторожней с его спиной, — предупредила Стужа, когда он прилаживал небольшой стеганный подседельник на спину единорога и поднял седло, чтобы поставить его на место. Она подошла к нему и стала гладить Ашура по морде, и животное стояло спокойно, терпеливо ожидая, когда на нем туго затянут подпругу.

Терлик отправился за мешком с провизией.

— Ты знаешь, — сказал он, глядя на нее из-за седла и указывая большим пальцем назад, на развалины башни, — когда ты это делала, то вся светилась таинственным светом. — Он замолк, но глаз с нее не сводил. — Как ангел, — добавил он.

— Темный ангел, — поправила она вслух, задумавшись обо всех сложных значениях сочетания этих двух слов. — Я родилась в год Паука, в месяц и день Паука по эсгарианскому календарю, — сказала она. — Это крошечное существо священно для Гата — божества, которого в моей стране называют Тот, Кто Сеет Хаос. Что ж, моя жизнь и в самом деле полный хаос. — Она отвела взгляд в сторону развалин, и ей показалось, что почерневшие, разбитые камни смеются над ней. — Годы мирной жизни с Кимоном были для меня не больше чем передышкой. — Она печально закусил губу. — И вот теперь мои несчастья возобновились.

Со всеми предосторожностями она взобралась на спину Ашура, помня о его ранах и сожалея о том, что не может их излечить. При помощи магии гораздо легче разрушать, чем восстанавливать что-то или создавать. Снести башню с лица земли ей стоило намного меньших усилий, чем потребовалось бы для того, чтобы излечить раны единорога. Эта мысль не давала ей покоя, и она с горечью подумала о том, что, возможно, человеку свойственно скорее все портить и разрушать, чем создавать, и любое проявление созидательной силы так же неестественно, как и сама магия.

Она взяла из рук Терлика мешок с едой и крепко привязала его к седлу. Затем протянула руку, чтобы помочь ему подняться и сесть позади нее. Он помедлил, задержав взгляд на ранах единорога, но в конце концов закинул ногу, сомкнув руки вокруг ее талии.

Она погладила Ашура по холке и в душе попросила прощения за то, что ему приходится везти их двоих. Впрочем, у них не было выбора. Даже если бы они нашли для Терлика другую лошадь, та не смогла бы выдержать. Ей надо с большой скоростью скакать в Кир. За это она тоже извинилась перед Ашуром.

Пока они скакали, тучи разошлись. Из-за них выглянуло солнце, и предзакатное синее небо заметно повеселело. Но это длилось недолго, пока фиолетовая рука ночи не начала простираться над землей.

Далеко на севере показались вершины Шай-Застари. Они скакали достаточно быстро, но она понимала, что им надо ехать еще быстрее.

Земля стала каменистой, когда первые яркие звезды появились на небесах. Она велела Ашуру остановиться и объявила о коротком привале.

Раны единорога, покрытые корками, сочились. Она поморщилась при виде их, отстегнула подпругу и сняла седло, чтобы оно не давило ему спину. После чего, взяв мех с водой из мешка, она стала промывать самые пострадавшие места.

— Я потрачу только свою долю, — сказала она Терлику, заметив его взгляд. — Тебе останется.

— Мне-то на что, — ответил он мягко. — Если нужно, трать все. — Затем он усмехнулся: — Твои дожди так напоили землю водой, что хоть камни выжимай.

И все-таки она старалась понемногу расходовать воду. Закончив, она взвалила на плечо седло и взяла поводья свободной рукой.

— Пойдем пешком некоторое время, — решила она.

Но Терлик преградил ей путь.

— Не раньше, чем ты съешь что-нибудь. — Он протянул ей мешок с едой и указал на седло: — И не раньше, чем это окажется на моем плече.

Она вздохнула, спорить сил не было, и бросила седло на землю. Затем свернула стеганый подседельник и уселась на нем, а в это время ее спутник внимательно изучал содержимое мешка и наконец передал ей ломоть бледного сыра и кусок хлеба.

— Слишком много, — отметила она и, разломив сыр, вернула ему половину. — Полный желудок будет мне мешать; давай поедим немного — лишь бы в животе не урчало.

Она проглотила свою часть и вскочила на ноги. Сгорая от нетерпения, она ждала, когда Терлик закончит. Он ел с остановками, не спеша, поглядывая на нее время от времени, улыбаясь каждый раз, когда откусывал.

Она понимала, что он делает это специально, чтобы она отдохнула подольше. Но ей нельзя было терять время. Ехать еще слишком далеко. Сделав вид, что вынуждена подчиниться, она понурила плечи, тяжело вздохнула и опустилась рядом с ним. А когда он в очередной раз поднес к губам сыр, быстро наклонилась к нему и шлепнула его по тыльной стороне руки, запихивая весь кусок ему в рот.

От удивления Терлик вытаращил глаза, его щеки раздулись. Челюсти яростно заработали. Он дважды тяжело сглотнул. А потом, вытерев крошки, прилипшие к покрытому щетиной подбородку, он облизнул губы и потер горло.

Стужа встала, снова взяла в руки поводья и направилась к Шай-Застари. Горы казались тенью в наступавшей темноте, но она знала, куда идти. Было слышно, как позади нее возится

Терлик — вот он торопливо завязал мешок с провизией, поднял седло и поспешил за ней. Она улыбнулась про себя. Видел бы он свое лицо, когда она запихнула сыр...

Они двигались всю ночь. Рассвет застал их уже за перевалом. Голова Терлика покачивалась на ее плече, а его сцепленные руки свободно болтались вокруг ее талии. Все тело ныло от слишком долгой езды в седле, но она радовалась тому, насколько они продвинулись.

Раны Ашура затянулись и перестали кровоточить. Он провез их без отдыха по горам, самостоятельно выбирая путь, когда не было дорог. Так что самая труднопроходимая местность осталась позади. А перед ними раскинулись равнинные степи. Если скакать напрямик в сторону Кира, можно проехать мимо Дакариара и развалин Соушейна. У нее не было никакого желания снова увидеть эти места — ни сейчас, ни когда-либо еще.

— Проснись, соня. — Она подтолкнула Терлика локтем под ребра. — Хочешь свалиться?

Он резко выпрямился, как если бы его разбудил злейший враг.

— Что?..

Его руки непроизвольно крепко вцепились в нее, когда единорог стрелой понесся вперед. Резко мотнув головой, он ударился подбородком о ее спину. Он заворчал, тихо ругаясь, прямо в ее ухо. Она только улыбнулась и легко коснулась пятками боков Ашура, подгоняя его.

— Ты загонишь его до смерти, женщина! — крикнул ей Терлик сквозь дующий в лицо ветер, когда они проделали уже довольно большой отрезок пути. Пряди ее волос попали ему в рот, он сплюнул их и крепче прижался щекой к ее плечу.

Конечно, роларофец не знал, кем был Ашур на самом деле. Терлик думал, что под ним обычная лошадь. Впрочем, в ее силах было сделать так, чтобы он увидел, и она, приложив совсем небольшое усилие, расширила его восприятие.

Терлик издал громкий, почти звериный рык и весь напрягся. Руками он чуть не задушил ее, а поднятыми ногами обхватил ее колени. Его крик все звенел в ее ушах, и она расхохоталась.

Она наклонилась вперед в седле так, чтобы густая грива единорога касалась ее лица, чтобы видеть эти вспыхивающие язычки холодного пламени, которое излучали его глаза. Огромный черный рог вздымался и опускался, подчиняясь ритму бега, мерцая при свете солнца.

Горячее дыхание дня целовало ее в шею, а тепло тела Терлика окутывало ее, как новая жаркая кожа. Между ее бедер гладко перекачивались мускулы Ашура, они тоже были горячими. Она дрожала от возбуждения, все ее существо наполнилось трепетом.

Судорожный смех вырвался из ее груди, и ему вторил рев Терлика, уносимый ветром.

* * *

Прошел этот день, а за ним — следующий.

Вечером третьего дня далеко на горизонте темным пятном замаячили стены Кира. Стужа приподнялась в стременах, чтобы разглядеть их. Терлик скользнул на землю; ноги его затекли, он неловко оступился и упал, не в силах даже выругаться. Медленно сел и стал растирать конечности, чтобы вернуть им чувствительность.

Стужа не обращала на него внимания. Она думала о том, что в то время когда Кел творил свои злодеяния в Соушейне, стояли сумерки, в Дакариаре он тоже появился в сумерках. *Три дня*, — хвастался он ей в своей башне. — *Через три дня он раздобудет Третий Артефакт, и тогда он поднесет в дар колдунье Ороладуан все предметы, необходимые для магической формулы.*

— Книга Шакари, — произнесла она вслух.

Терлик, сидевший на земле, поднял на нее глаза, думая, что она еще что-то хочет сказать. Но, поскольку она молчала, он пожал плечами и продолжал массировать ноги.

В эту самую минуту, когда солнце садилось за далекими деревьями и на востоке сгушался вечерний сумрак, она представила себе, как ее сын протягивает огненную руку, чтобы овладеть своей желанной добычей. Известно, что Книга Шакари содержит все тайные знания этого древнего бога. Это книга о колдовстве и священных доктринах, малопонятных для человека. Зачем Келу потребовалась подобная книга?

«Чтобы оживить мертвых», — говорил ей сын. Но кого он собирался воскресить? Точно не Кимона и, уж конечно, не Кириги. Кого же? Может, это кто-то, кого хочет возродить Ороладан?

Так много вопросов и так мало ответов.

Так мало времени, — постоянно стучало в ее висках.

Ненасытная ночь поглотила полнеба. Если Кел еще не раздобыл книгу, он скоро сделает это. Она нащупала карту у себя под туникой. Та нагрелась от ее тела и была влажной от пота. «Где же, — гадала она, — находится Кел сейчас, в эту минуту?»

— А что если его здесь нет?

Стужа захлопала глазами, но потом поняла, что Терлик не имел в виду ее сына. Она слезла с седла и встала, возвышаясь над ним.

— Риотамус будет здесь. Кир — единственный крупный город в этих краях, и весть о Дакариаре уже дошла до Риотамуса. А уж если он решит, что существует возможность захватить Кела в плен, то ни за что не покинет эти земли.

— Но мы не видели дозорных отрядов, — напомнил Терлик.

— Дакариар на юго-востоке отсюда, Соушейн находится почти на одной линии между ним и Киром. Люди Риотамуса будут искать в том направлении.

— И ты полагаешь, он все еще здесь?

Стужа кивнула:

— Он — король. Я очень сомневаюсь, что ему по вкусу полевые работы. Кир не такой уж богатый город, но здесь есть места, где можно хорошенько повеселиться, когда не надо трястись целый день в седле и спать всю ночь на голой земле.

Он потер свою спину и сдвинул брови:

— В таком случае он, должно быть, умнее, чем ты о нем думаешь. — Он с трудом поднялся на ноги и подошел к Ашуру. Как и во время других коротких остановок, он поднес руки близко к его мерцающим глазам-огонькам и в очередной раз изумился тому, что они не обжигают. Почесал морду единорога и пригладил взлохмаченную гриву. Ее позабавило то, как Ашур тихо заржал и дал приласкать себя.

Терлик достал мех с водой из мешка. Он был почти пуст, но Терлик все же сделал маленький глоток и затем налил немного воды в согнутую ладонь. Единорог быстро выпил все. Роларофец даже не вздрогнул, когда могучий рог мелькнул совсем близко от него. Он налил еще, на этот раз щедрее, и держал руку, пока животное пило.

— За всю свою жизнь я сталкивался с магией только при дворе, когда шуты показывали свои скучные фокусы. — Он убрал руку из-под широкой морды Ашура и передал мех с водой Стуже. Она допила оставшуюся воду. До Кира рукой подать, и можно уже не думать о воде. — Но в эти несколько дней меня не оставляет такое чувство, будто я подошел к самому краю бездны и заглянул вниз. Огнедышащая рука Кела, твой молнии — все то, что, как я думал, под силу только демонам...

Он, хмурясь, сглотнул, и Стужа почувствовала, что он избегает ее взгляда. Он, наверное, заготовил эту речь, чуть ли не оправдываясь. И теперь говорил так искренне, что задел ее за живое.

— Когда я выглянул из-за твоего плеча и увидел... — он замолк и снова положил руку на голову Ашура, — эти необычные глаза, я подумал — какой же я болван, что доверился тебе, и вот теперь, в награду за это, ведьма на своем заколдованном звере уносит меня ко всем чертям. — Он провел пальцами по челке единорога и затем вверх по всей длине его черного рога. — Правда, потом я подумал, что, может, мне показалось и ты просто подстроила это, решив пошутить. — Он глубоко вздохнул и расправил плечи. Усталость как

будто сразу же оставила его. — Но ведь он настоящий, правда? Мне так хочется, чтобы он был настоящим.

Стужа не отвечала. Не было необходимости говорить ему то, во что он сам уже поверил. И она видела это по выражению его глаз. Она вспомнила, как Терлик впервые подошел к ней в «Сломанном Мече». Вспомнила, как неуловимым движением он извлек откуда-то два минарина и выложил их перед ней на столе. Тогда это показалось ничего не значащим трюком, ловкостью рук, но сейчас она чувствовала, что за этим что-то скрывается. Она смотрела, как он гладит единорога, и все поняла.

Терлика уже давно тянуло к волшебству.

— Как ты назвала его? — спросил он ее через плечо.

Она снова сказала ему:

— Единорог.

Он повторил это наименование.

— Ты говорила, это зверь из очень старых эсгарианских легенд. Но как он достался тебе?

Она вернулась мыслями в прошлое. Когда-то эти воспоминания причиняли ей слишком сильную боль, и она гнала их прочь от себя, не желая думать о прошлом. Но по прошествии времени, исцелившего ее, эти воспоминания стали тем, что придает жизни смысл. В свое время она совершила великие дела, и о ней слагали песни. Одна из этих песен, пришедшая ей на ум, могла бы все ему разъяснить.

Но сейчас было не до песен.

— Тогда я была намного моложе, — начала она, — и в те времена была еще одна книга, обладавшая великой силой. Два мага, Алмурион и Зарад-Крул, соперничали за право обладать ею. Случайно я оказалась в самой гуще сражения. — Она подняла глаза вверх на разгорающиеся звезды, как будто вглядывалась в прошлое сквозь годы. — Как раз перед тем, как демоны Зарад-Крула сбили его с ног, Алмурион передал книгу мне на хранение, велел отнести ее в страну теней Кондос.

Терлик внезапно побледнел.

— Я впервые увидел тебя у Зонду, недалеко от границы с Кондосом. — Он резко вскинул голову. — Боги Роларофа! Я думал, что это какой-то дневник или простая учетная книга.

Она изогнула бровь и снисходительно улыбнулась:

— Ты же не мог знать, что выкрал Книгу Последней Битвы, где собраны все заклинания и магические слова, которые будут использовать силы Света, чтобы разбить силы Тьмы в Последней Великой Битве.

Он уставился на свои руки:

— Наши жрецы благоговейным шепотом говорили об этой книге. И я касался ее? Неудивительно, что ты вернулась за мной.

— А ты думал, что фокусы придворных шутов — это все, что ты видел из магии, — ухмыльнулась она, затем добавила задумчиво: — Волшебство есть повсюду, Терлик. Оно сопровождает нас всю нашу жизнь. Просто мы не всегда распознаем его.

— Должно быть, ты жалела о том, что у тебя отняли твои магические способности, — мягко произнес он.

Она покачала головой:

— Я была рада тому, что они исчезли. Ведь что такое волшебство в нашем мире — это когда в твоей руке есть еще кое-что способное помочь тебе в деле. Но за все надо платить, и не важно, насколько добры твои намерения. Самое худшее, что ценой за победу становится пропасть, отделяющая посвященного от всего человечества. — Она посмотрела на Терлика, и их взгляды встретились. — И тогда ему очень одиноко.

Он потянулся к ее руке. Их пальцы переплелись.

— Ты рассказывала мне о своем единороге, — напомнил он ей после неловкой паузы.

Она почти не слышала, что он сказал, но слова постепенно дошли до нее, и она убрала

свою руку.

— Алмурион служил правителям Света, — продолжала она. — Он знал, что Зарад-Крул попытается преследовать меня, и поэтому передал мне два дара, и оба считались оружием. Один из них — кинжал под названием Жало Демона, который Кел у меня украл.

— Ашур был вторым?

Она размышляла, покусывая губу.

— Я всегда была уверена в этом. Он появился сразу же после того, как умер маг. Я тогда как раз попала в неприятную передрагу с одними бандитами, а тут он выскочил на дорогу, как немыслимый ночной кошмар. Он и вправду оказался кошмаром для нападавших.

— И он помог тебе против того мага, Зарад-Крула?

Она погладила единорога по холке:

— Да. После этого мы еще долго были вместе. А потом, когда мы с Кимоном окончательно осели, Ашур просто исчез. Я уже и не надеялась увидеть его когда-нибудь снова, даже просто узнать, что с ним приключилось. — Она обхватила животное за шею и зарылась лицом в его густую гриву. — Но в ту ночь, когда горел Соушейн, — она оторвалась от Ашура и дала ему лизнуть себя в руку, — я вдруг подняла голову и увидела его.

— Волшебство, — с трепетом в голосе произнес Терлик. — Как будто бы он узнал, что ты в беде.

Она задумалась над этим.

— Не знаю, как объяснить, — призналась она. — Ума не приложу, где он был все двадцать с лишним лет. — Она похлопала Ашура по носу. — Если честно, мне это теперь все равно, раз он снова со мной.

— Нельзя объяснить волшебство, — произнес Терлик, кладя свои руки на морду единорога рядом с ее руками. — Нужно просто принять его.

Стужа пристально посмотрела на своего спутника, пытаясь разглядеть в нем того молодого мальчика-мужа, которого встречала давным-давно. Он был вспыльчив тогда, беспечен, к тому же сквернословил; как ни посмотри — избалованный дворянский сынок.

Но как же время изменило его! Худенький юноша стал высоким и сильным. Вспыльчивость пропала, или, по крайней мере, он научился сдерживать ее. Терлик стал спокойным и мягким, что ни в коей мере не вредило его мужественности. Она могла только предполагать, какие испытания так изменили его, покрыли морщинами это лицо и припорошили снегом эти волосы; что превратило нахального глупца в мужчину, которому, она это чувствовала, можно доверять.

Она взглянула на свои собственные руки. Кожа ее была еще гладкой, не выдавала прожитых лет, но, сжимая пальцы в кулак, она ощущала скованность в суставах. Двадцать лет назад никакой скованности не было.

Время изменило их обоих. Время и груз пережитого. Она снова поискала в нем черты юного Терлика, но легче было увидеть, каким он стал. И этого переменившегося Терлика она могла полюбить.

Она внезапно отвернулась, устыдившись своих мыслей.

Ночь наступала быстро. Стужа посмотрела на неясные очертания Кира и забралась в седло. Протянула руку Терлику, стоявшему на земле.

— Мы должны поспешить, — решительно сказала она. — Поскольку почти весь гарнизон пал жертвой резни в Соушейне, городские ворота теперь закрываются на всю ночь. И если мы не поторопимся, то не попадем в город до самого утра. Один раз я уже соврала, чтобы меня впустили, но сомневаюсь, что удастся обмануть стражу во второй раз.

Терлик вскочил на Ашура и, ворча, устроился позади нее. Руки сомкнулись на ее талии.

— А что если тебя узнают? — напомнил он. — Насколько я помню из твоего рассказа, вы расстались с Риотамусом не слишком в дружеских отношениях.

— Он хотел меня повесить, — усмехнулась она и тронула пятками бока Ашура.

— Чудесно, — едва успел ответить он, прежде чем они понеслись вперед.

Кир быстро надвигался, так как единорог широкими скачками сокращал расстояние до

него. Стужа бдительно оглядывала окрестности, выискивая малейшие признаки дозора, который мог бы перехватить их. У нее не было плаща, чтобы спрятать лицо или оружие. Она молилась о том, чтобы сама темнота укрыла ее. Темнота, дерзость и удача. Было уже поздно, можно было надеяться на то, что умы стражников заняты сейчас ужином и ночлегом.

— Что если ворота уже закрылись? — окликнул ее Терлик, когда уже казалось, что они не успевают.

— Мы их откроем, — крикнула она в ответ.

— Опять молнии? — В его голосе прозвучала насмешливая нотка, отчего на душе у нее стало как-то легче.

— Доверься моему чувству гармонии, — проворчала она.

— О да, ты сама утонченность. — Он наклонился ближе к ее уху, чтобы она лучше слышала, и, воспользовавшись случаем, коснулся ее мочки кончиком языка. — Это оно помогло тебе сровнять с землей башню Кела?

Она пихнула его под ребро и услышала, как он хихикнул. Его руки, играя, сжались еще крепче вокруг нее.

Но стены Кира были уже совсем близко, и время игр закончилось.

— Если стражи ворот спросят нас, отвечай на роларофском, — наставляла она. — Я еще помню кое-что на твоем языке, чтобы они ничего не заподозрили. Если будут мешкать, напомни им о своем знатном происхождении. Можешь тогда сказать что-нибудь по-келедски, но совсем просто, лишь только чтобы тебя поняли. Если и в этом случае дело не двинется — начни угрожать и запугивать, пусть попотеют. Келедцы испытывают чрезвычайное почтение к начальству и знати, и в конце концов они уступят.

— Ты — моя жена, — быстро произнес Терлик.

Она обернулась:

— Твоя — кто?

— Меня спросят, кто ты, — с уверенностью сказал он, еще раз сжав ее покрепче. — Ты моя жена.

— Жена с мечом?

Он пожал плечами, да так сильно, что она почувствовала это, даже невзирая на то что их сильно трясло при скачке.

— Какого черта? — бросил он. — Мы из другой страны. И наши обычаи немного отличаются.

— Ну хорошо, — нехотя согласилась она. — Но в постель я тебя не пушу, даже не пытайся.

— Об этом стоит подумать, — пробормотал он почти шепотом.

Но все их приготовления негодились. Ворота Кира были все еще открыты. Четверо стражников безучастно проводили их взглядами и вернулись к своей игре в кости.

Глава 13

Кровь для того, чтоб возрос твой сад,
Кровь, чтобы цветы распустил.
Красные зерна посеешь ты,
Чтобы придать своим чарам сил.
Кровь для того, чтоб окрасить мечты,
От возбужденья дрожа,
Чтобы журчать, бурлить, закипать,
Потому что кровь — это ты.
Кровь, чтоб омылся клинок бойца,
Кровь — монета войны
Для того, кто истратил ее до конца
И почил, не зная вины.

— Ты!

Понадобилось несколько бесценных часов, чтобы разыскать Дромена Невезучего. «Крысиная Нора» в очередной раз переместилась в совершенно другое место. Все известные ранее точки уже не использовались. Ей пришлось приложить немало сил, чтобы найти знакомого вора и выбить из него все, что он знает.

Со времени их последней встречи Невезучий нанял себе охрану. По обе стороны его трона стояло по парочке великанов, обнаженных до пояса, вооруженных огромными кинжалами. Они двинулись ей навстречу, потянувшись за оружием, но Невезучий велел им вернуться.

— Не стоит зря портить шкуры, — проворчал он, слабо улыбнувшись, смиренно опустив плечи. — И что на этот раз, будь я проклят во всех девяти кругах ада, тебе надо от меня, Капитан? Я думал, что избавился от тебя.

Стужа прошла на середину комнаты, не обращая внимания на посетителей, коих было около дюжины, стоявших или сидевших здесь. Некоторые лица были ей знакомы, но слов приветствия для них у нее не нашлось.

— Ты — мой должник, Крысолов, — обратилась она к Невезучему. — Я спасла Дакариар от пожара. Твоя дочь осталась жива.

Старик подозрительно сощурил глаза:

— Она со мною здесь, в городе. Я ничего тебе не должен.

Стужа зловеще улыбнулась:

— Все равно должен. И вернешь долг. Ты покажешь мне тайные ходы во дворец губернатора.

Дромен Невезучий наклонился вперед, неподдельно удивившись:

— О каких тайных ходах ты говоришь, Капитан?

Она подошла к нему вплотную, уткнула носок сапога ему в грудь и заставила откинуться на спинку стула. Телохранители снова захотели было вмешаться, но старик снова остановил их.

— Шутки в сторону, — ровным голосом произнесла Стужа. — У меня совсем нет времени. Любой вор в Кире знает, что ходы существуют. Держу пари, ты знаешь то, чего не знают они, а именно — где искать входы. И ты нам их покажешь. — Она кивнула в сторону Терлика, который с грозным видом стоял в дверях.

Невезучий выпятил губы, почесал подбородок.

— А если не покажу, что тогда?

Ее лицо исказила неприкрытая злоба.

— Тогда я найду твою дочь и принесу тебе ее сердце в чаше с вином.

Дромен опустил взгляд на чашу в своей руке и снова посмотрел на Стужу. Его глаза излучали страх и ненависть.

Она поняла, что теперь он от нее никуда не денется.

Стена, окружавшая дворец губернатора, была не такой высокой, как городская стена, но являла собой серьезное препятствие. Все ворота, а их было четверо, были надежно заперты и охранялись от незваных гостей.

Широкая главная дорога отделяла дворец от лавок торговцев и ремесленников, которые процветали под его сенью. Сейчас они были закрыты. Дромен с одним из своих лакеев вел их от одного дверного проема к другому, все время держась темноты.

Со стороны задней части дворцового ансамбля огромным частоколом высились несколько башен для хранения зерна.

— В четвертой, — показал Невезучий. Они бесшумно и быстро двигались по улице, не теряя башню из вида.

— Охраны нет? — шепнул Терлик.

Лакей фыркнул, но Дромен Невезучий ударил его в грудь, чтобы тот заткнулся.

— Зачем им охранять какую-то силосную башню? Это бы только привлекло к ней внимание.

Когда они дошли до первой башни, Дромен остановился:

— Свою часть я сделал. Здесь я вас покину.

Стужа многозначительно взяла его под локоть.

— Пойдешь с нами, — велела она.

Дромен не шевельнулся.

— Я довел вас досюда и показал башню. Больше я вам не нужен.

— Пойдешь с нами, — повторила она, для убедительности взявшись за рукоять меча.

На двери в башню висел большущий железный замок, но телохранитель Дромена по подсказке старика прихватил с собой лом. Он всунул его в замок и надавил. Металл скрежетал, но замок держался. Терлик присоединился, и они налегли вдвоем.

Замок треснул с таким шумом, что все стали оглядываться по сторонам — не услышали ли их еще кто-нибудь. Но улица была по-прежнему пустынной, и из ближайших ворот никто не выглянул.

Дромен подобрал куски замка, они вошли и закрыли за собой дверь.

Внутри башни была крошечная темнота. Кто-то стукнул металлом по кремню. Посыпались ослепительные искры, и Стужа отвела глаза. Затем оранжевый свет отогнал тьму, когда загорелся факел, сделанный Дроменом. Он довольно оскалил зубы и убрал кремль и железо обратно в мешочек, висевший у него на поясе.

От толстого слоя пыли можно было задохнуться, но им стало ясно, что зерно здесь никогда не хранили. Стужа, задрав голову, медленно развернулась. Свет факела не доходил до самого верха.

— Я думала, что потайные ходы заброшены, — прошептала она.

— Не пользоваться — не значит забросить, — отвечал Невезучий. — Уверен, губернатор знает об этих туннелях. В противном случае мы бы сейчас утопали в зерне по задницу и выше. Хотя, конечно, никто здесь не ходит. Туннели сделали лет сто назад на тот случай, если правителю когда-нибудь понадобится спешно покинуть замок. — Он с презрением взглянул на Терлика, намереваясь что-то сказать, но потом передумал. — Однако Ролароф для военных действий выбрал другие земли, и в этих местах стало более или менее спокойно.

— Сплюнь три раза, — подмигнул ему Терлик.

Дромен еле слышно огрызнулся:

— Заешь моим дерьмом.

— Так где же вход? — оборвала его Стужа. Она не видела ничего, что напоминало бы потайную дверь, и у нее совсем не было времени слушать, как эти двое обмениваются оскорблениями. К тому же сам Невезучий родом не из Келеда. Что ему за дело до старых распрей?

Старик подошел к противоположной от двери стене. Простукал ее поверхность костяшками пальцев.

— Фальшивая, — объявил он. — Потайной ход скрывается между этой стеной и настоящей.

Она встала рядом с ним и тоже постучала, пробуя.

— Как ее открыть?

Он сплюнул. По всему было видно, что теперь, когда они не на улице, Дромен чувствовал свое превосходство в этой ситуации. Он не скрывал своего высокомерия.

— Дьявол, Капитан. Как знать, открывается ли она вообще? Стенка из тонкого дерева. Разломай ее. — Он сложил руки перед собой и отступил назад.

Она уничтожающе посмотрела на него и с удовольствием заметила, как сходит с его лица спесь. Возможно, он и говорил правду. Ей действительно не удалось обнаружить на стене никаких следов двери, которая могла бы открываться в какую-либо сторону, но она не позволит, чтобы этот кусок верблюжьего помета наслаждался ее замешательством. Стужа еще раз постучала по стене, пытаясь определить ее толщину. Затем, стиснув зубы и резко выдохнув, она пробила стену кулаком.

Дерево с треском разлетелось в щепки. Она осторожно вытащила руку из образовавшейся неровной дыры. На пальцах выступила кровь, а на тыльной стороне руки, где кожа тоньше всего, появилась ссадина. Все тело ее еще гудело от удара, но она не подала виду. Напротив, наклонилась вперед и спокойно вытерла кровь о тунику Дромена. Тот стоял не шелохнувшись и не сводил глаз с ее лица, пока она делала это. В них отражался страх.

Сапоги Терлика быстро справились с оставшейся частью работы.

Стужа повернулась спиной к своему бывшему сержанту, пригнула голову и шагнула внутрь узкого пространства. Заметить такую маленькую комнатку с наружной стороны башни было бы невозможно. Потайной люк занимал почти всю поверхность пола. Она наклонилась, подняла люк за тяжелое железное кольцо и заглянула вниз, в темноту. Ей едва удалось разглядеть первые ступени старой лестницы.

— Мы возьмем факел, — решила она. Терлик забрал факел у Невезучего, сжимавшего его в руке, протиснулся к ней и, взявшись за кольцо, держал люк открытым для нее.

Но она вернулась назад, чтобы снова встретиться лицом к лицу с Дроменом. Протянула руку, чтобы отряхнуть грязь с его плеча, и притворилась, что поправляет его одежду.

— Если вдруг тебе взбредет в голову, что я становлюсь назойливой, и если ты решишь, что сможешь избавиться от меня и отправишься сейчас отсюда прямо к часовым, — она зловеще улыбнулась и дернула его за бороду, — не делай этого. Ведь ты сражался бок о бок со мной довольно долго, чтобы хорошо знать меня. — Она похлопала его по щеке. — Живая или мертвая я приду за тобой, Дромен.

Он поймал ее руку и оттолкнул от себя.

— Держись подальше от меня, женщина. Я ведь вернул тебе все свои долги. Теперь мы квиты.

— Ты мне должен, — покачала она головой, — всегда, когда можешь понадобится.

Она повернулась к нему спиной и подошла ко входу в туннель. Спустившись на ступеньку вниз, она взяла из рук Терлика факел.

— Прощайся с приятным обществом, — сказала она.

Терлик криво ухмыльнулся.

— Желаю здравствовать! — буркнул он и стал спускаться следом за ней в подземелье.

* * *

Проход был рассчитан на скорое бегство в минуту опасности. Здесь не было ни боковых ходов, ни обманных путей, ни ловушек или преград — ничего, что могло бы сбить с толку. Дромен говорил, что существовало по крайней мере еще пять подобных проходов, все они обеспечивали быстрое отступление из разных частей дворца. Дромен заявлял, что ему известно расположение их всех.

Если он не соврал, этот туннель должен привести их в главный зал губернатора, где

принимались государственные решения. Где-то рядом с залом они смогут найти дверь, соединяющую зал с личными покоями губернатора.

— Почему ты доверяешь этому человеку? — шепотом спросил Терлик, когда они пробирались по туннелю.

Она свернула за угол; и дальше проход был длинным и прямым. Она прикинула, что в эту минуту они находятся внутри стены и двигаются как раз под ее основанием. Ей даже показалось, что она сквозь землю слышит мерные звуки шагов часовых.

— Дромен — человек суеверный. Он так до конца и не понял — бояться меня или почитать. — Она замолчала и прислушалась к тому, как эхо устремилось вперед. — Никогда раньше в своей жизни он не видел, чтобы женщина владела мечом, до тех пор пока не стал служить в армии Коркирана, и ему трудно было смириться, что я — его капитан. Почти сразу он вызвал меня на поединок. Я унизила его, — с усмешкой сказала она, — сбила с ног, даже меч для этого не понадобился. — Она улыбнулась воспоминанию. — Другие мужчины возненавидели бы меня за это, но только не Дромен Невезучий — после того случая он, в сущности, стал моим рабом. — Она немного помолчала, с удовольствием вспоминая те далекие времена. — Было еще кое-что. Однажды один солдат обманул меня, из-за чего я недосчиталась нескольких людей в своем отряде. И именно Дромен связал предателя и держал его, когда я рубила ему голову. — Она резко остановилась и оглянулась на Терлика. Свет факела отбрасывал пляшущие тени ему на лицо, и ей было непонятно, с каким выражением он смотрит на нее. — Тебе неприятно это слышать?

Роларофец пожал плечами.

— Тот человек предал тебя, — просто ответил он.

Она кивнула, скрывая мрачную улыбку. На земле Терлика тоже обезглавили бы предателя, да еще расправились бы со всей его семьей.

— Суда над ним не было, — продолжила она. — Я решила все на месте. Коркиран воевала тогда с Алеппо, и вина солдата была неопровержима. — Она закусила губу. Последнее слово эхом прокатилось по стенам и замерло во тьме. — Но мне никогда не забыть выражение лица Дромена, когда он выпустил из рук обезглавленный труп. Он все смотрел то на тело, то на меня, и я поняла тогда — что-то было у него на уме. Он ведь всегда был немного мошенником и плутом, даже в те времена. И я помню, какая мысль обожгла меня, когда я за ним наблюдала: а что если он тоже замыслил подобное предательство? Хитрец может легко разбогатеть во время войны, если захочет продать своих товарищей. — Она тихо вздохнула и продолжила свой путь по туннелю. — Но если он тогда задумывал это — казнь отбила ему охоту.

Туннель неожиданно сделал поворот. Она взяла из рук Терлика факел, подняла его над головой и стала вглядываться вперед.

— Когда мы случайно встретились с ним в Кире, я повела его в «Сломанный Меч», чтобы выпить пива. И первое, о чем он вспомнил тогда, была эта история.

Факел высветил несколько ступеней в конце туннеля. Недолго думая, она двинулась к ним, прижав палец к губам, — теперь надо было молчать. По словам Дромена, этот проход вел наверх, во дворец, и шел дальше за ложными стенами, построенными много лет назад, когда еще Келед-Зарем и Ролароф вели между собой непрекращающиеся войны. У нее не было ни малейшего представления о том, какой толщины эти стены и кто может сейчас за ними находиться, поэтому она решила не искушать судьбу и не разговаривать.

Она зашагала через две ступени и вскоре была уже наверху. Затем резко повернулась кругом, чтобы посветить Терлику, и чуть не ударила его факелом по лицу. Он бесшумно поспевал за ней след в след и едва успел перехватить ее руку, не давая обжечь себя. Терлик решительно замотал головой, отказываясь от извинений. Он тоже понимал, что они во дворце, где соблюдать тишину необходимо. Знаком он показал ей двигаться дальше.

Впереди они наткнулись еще на один ряд ступеней. Поднялись по ним, прошли по проходу до следующего пролета. На самом верху они обнаружили, что теперь туннель вел прямо, не сворачивая, насколько хватало света факела.

Терлик чихнул. Воздух был спертый, пахло сырой плесенью и затхлостью. Стужа оглянулась на него, но потом обратила внимание на пол. При свете факела было видно, как четко отпечатались их следы на толстом ковре из пыли там, где они прошли, но впереди пыльная поверхность была совершенно нетронутой. По этим коридорам долгие годы никто не ходил.

Туннель закончился внезапно. Они уткнулись в стену, из которой торчал деревянный рычаг, и Стужа довольно улыбнулась. Конечно же, не было никакой необходимости как-то маскировать его с этой стороны. Она передала факел Терлику и двумя руками потянула за рычаг вниз. Хотя и с трудом, он поддался, и часть стены, со скрежетом царапая каменную кладку, отворилась.

Неожиданно налетевший сквозняк слегка пошевелил тяжелые складки гобелена. Стужа чуть-чуть отодвинула его в сторону, чтобы посмотреть, и затем опустила на место.

— Будь он проклят, Дромен Невезучий! — прошипела она. — Это зал губернатора. Мы оказались слишком далеко от нужного места. — Она потерла ладонью кулак, кусая губы.

Но Терлик сунул нос в открывшуюся дверь и выглянул из убежища. Затем посмотрел назад в коридор, которым они пришли.

— Невезучий говорил только, что нужное место находится где-то здесь, — напомнил он. — Мне кажется, я понимаю, в чем дело. Личные покои губернатора, должно быть, остались позади, и нам надо вернуться.

Он пошел по их собственным следам в обратную сторону, осторожно проводя рукой по правой стене.

Стужа пошла за ним.

— Откуда ты знаешь, как нам поступать?

— Когда-то очень давно, — тихо отвечал он, — я приезжал сюда с отцом по государственным делам. Был я тогда очень молод и впервые оказался за пределами Шазада. Я помню, что покои губернатора находились сразу за главным залом, чтобы он мог туда ненадолго удалиться и отдохнуть от исполнения государственных обязанностей.

Стужа знала, что губернатор сейчас — человек молодой и заступил на свою должность уже после того, как она приехала в эту страну, поэтому он не мог быть тем человеком, которого знал Терлик. Но вполне вероятно, что новый губернатор оставил для себя те же самые покои. Такие комнаты всегда делают самыми большими и удобными, чтобы они соответствовали высокому статусу дворянина или члена королевской семьи.

Она снова пришла в волнение. Им нужно только найти эти комнаты, и ее план может сработать.

Терлик остановился без предупреждения, и она наткнулась на его спину. Его рука нащупала другой рычаг. Оказывается, они прошли мимо в первый раз, не заметив его при неверном свете факела. Она подумала о том, сколько еще таких же рычагов они, должно быть, не заметили, и отругала себя за невнимательность.

На этот раз Терлик отдал Стуже факел и потянул за устройство. Он остановился, когда потайная дверь приоткрылась на ширину руки. Этот вход тоже скрывался за гобеленом. Из образовавшейся щели пролился тусклый свет, и в проходе стало чуть светлее.

— Жилое помещение, — беззвучно произнесла она, и Терлик кивнул.

Она подала знак рукой и прошла немного дальше по туннелю, пока Терлик ждал. Пол и стены были из камня, поэтому она не сомневалась: если положить факел на пол — ничего не случится. Нельзя было допустить, чтобы свет факела проникал сквозь гобелен и выдал их, но в то же время гасить его ей не хотелось. Он мог пригодиться в случае спешного отступления.

Вернувшись к Терлику, она сделала глубокий вдох, достала меч и кивнула. Роларотанин медленно нажал на рычаг. Она молилась о том, чтобы старый механизм не скрипел и не потревожил никого, кто мог находиться в комнате.

Дверь открылась только наполовину и застряла. Терлик напрягся изо всех сил, но рычаг не поддавался. Она дернула его за рукав, показывая, что уже хватит. Открывшегося в стене прохода было достаточно, чтобы они смогли протиснуться в него. Она нащупала край

гобелена и оттянула его назад. На столе горело несколько свечей, но в комнате никого не было. Она сделала знак своему спутнику и шагнула внутрь.

Терлик беззвучно прокрался вдоль левой стены огромной комнаты. Стужа пошла вправо. По обе стороны от них находились сводчатые проходы, которые вели в другие комнаты. Они медленно и бесшумно двигались по плюшевым коврам, прислушиваясь к любым шорохам, которые могли означать, что они не одни.

Из мебели здесь были лишь несколько стульев в старинном стиле и изящно сработанный столик. На восточной стене висело зеркало из блестящей меди. Проходя мимо него, Стужа бросила взгляд на свое отражение. Она ненадолго задержалась перед зеркалом, подмигнула себе и отвернулась. Далеко не красавица, — сказала она себе. Впрочем, она никогда и не была такой уж красавицей.

Терлик негромко щелкнул пальцами, чтобы привлечь ее внимание. Он дошел до арки со своей стороны. Кивком головы он дал ей знать, что в соседней комнате кто-то есть. Она быстро дошла до своей арки и заглянула в нее. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять, что комната пуста. Однако здесь находилась большая дверь, которая вела в главный коридор дворца. Она была заперта на засов изнутри. Интересно, есть ли стражник с другой стороны двери?

Еще один тихий щелчок Терлика заставил ее обернуться. Он стоял в проеме арки и смотрел на кого-то в комнате, даже не пытаясь спрятаться. Когда он оглянулся через плечо, она увидела, что лицо его расплылось в тонкой улыбке. Он поманил ее пальцем.

Всего два шага — и она уже стояла рядом с ним. Ей тоже было трудно удержаться от улыбки. Все оказалось так просто, как и рассказывал ей Дромен Невезучий. Может быть, даже стоит оставить за это старого вора в покое.

Это была спальня губернатора. Они с двух сторон подобрались к широкой простеганной кровати с высоким подголовником, задрапированной прозрачной тканью. В самом углу комнаты на изящном столике стояла единственная, уже оплывшая от долгого горения свеча. Ее свет падал на лица двух спящих людей, а также на покрывало с изысканной вышивкой, под которым угадывались их тела.

Брови Терлика полезли вверх от удивления. Очень медленно, так чтобы сталь не звякнула о ножны, они извлекли свои мечи.

Стужа смотрела на тех двоих спящих. Они держали друг друга в любовном объятии. Это был мирный, спокойный сон. Она уже и не чаяла, что когда-нибудь сможет почивать так же безмятежно. Возможно, поэтому ей не хотелось сразу будить их.

Терлик нетерпеливо глядел на нее, ожидая каких-то действий. В конце концов, это была ее затея привести их сюда.

Кончиком шпаги она показала на одного из них.

— Риотамус, — еле слышно произнесла она. Затем указала на второго и приложила кулак к груди. — Губернатор, — шепнула она, едва шевеля губами.

Вот и разгадка. Многие жители Кира никак не могли взять в толк, чем такой еще юный господин заслужил право управлять столь крупным городом. Что ж, она нашла ответ на этот вопрос, недаром люди говорят: скажи мне, с кем ты спишь, и я скажу, кто ты.

Но люди хорошо к нему относились. Он оказался вполне разумным правителем: ему удалось восстановить честную торговлю с маленькими крестьянскими хозяйствами вокруг Кира, наполнить зерном амбары, но и выделить часть зерна для бедняков; он даже покончил с мздоимством, что процветало среди гарнизонных чинов. К тому же из него получился справедливый судья, поскольку оправдал он почти столько же человек, сколько повесил. Блестящее начало для такого юного создания.

У Стужи не было никакого желания причинить вред молодому губернатору. Он ведь никак не замешан в ее давней истории с королем. И ей очень хотелось, чтобы следующие мгновения обошлись без кровопролития.

Ее клинок плашмя лег на грудь Риотамуса. Она осторожно села на кровать рядом с ним. Он не пошевелился, тогда она наклонилась к нему и зашептала на ухо:

— Стыд, позор! Ты ведь стар и в отцы ему годишься! Просыпайся, ты, глупый, сонливый осел.

Король Келед-Зарема всхрапнул, повернулся на бок и уронил руку ей на колено.

Стужа вздохнула, обернулась к своему товарищу, чей меч острием уткнулся в плечо губернатора. Лицо Терлика выдавало сильное напряжение. Он прикусил губу, переняв эту привычку у нее, и склонился ниже, готовый зажать рот молодого человека, если тот вдруг проснется и вскрикнет.

Она лукаво подмигнула ему и снова стала шептать прямо в ухо королю.

— Я знаю, как разбудить тебя, — пригрозила Стужа. Откинула покрывало так, что обнажились его бока. А потом начала щекотать.

Риотамус резко проснулся, округлив от удивления глаза, широко раскрыв рот. Но ее ладонь уже крепко прижала ему губы, и она, нос к носу, приблизила свое лицо к его лицу.

— Ну здравствуй, — весело приветствовала она короля. Ее меч приподнялся так, чтобы он увидел. Отблески огня горевшей свечи играли на блестящей поверхности клинка. Когда она убедилась, что он заметил меч, то положила оружие ему на колени, чтобы оно своим весом напоминало о себе.

Губернатор тоже проснулся. Он увидел меч и попытался сесть, но Терлик твердой рукой толкнул его обратно на подушку. Меч роларофца придвинулся к горлу бедняги; приятель Стужи погрозил ему пальцем, давая понять, что тишина будет предпочтительнее всего.

Они окинули друг друга быстрыми взглядами, и всем все стало ясно. Стужа взялась большим и указательным пальцами за клинок Терлика и отодвинула его от горла юноши.

— Не думаю, что в этом есть необходимость. — Ее голос теперь звучал несколько громче. — Мы ведь здесь добрые друзья, разве не так, ваше величество? — Она отняла руку ото рта Риотамуса и положила ее ему на плечо. Слегка помассировала его обнаженную плоть.

Риотамус устался на Терлика, на меч, который он держал у своих колен, затем снова на нее. Страх в его глазах уступил место закипавшему гневу, но он неторопливо кивнул.

— Я уверена, никто из вас не станет звать стражу, — произнесла она, водя рукой по богатому покрывалу. — Вам ведь не захочется, чтобы мы испачкали всю эту роскошную вышивку.

— Как вы сюда проникли? — прошипел Риотамус.

Юный губернатор начал было говорить, но передумал. Возможно, он знал о туннелях. А его король, очевидно, нет.

— Добрый вечер, лорд Сариус, — обратилась она к юноше. — Вы так мирно спали. Мне жаль, что пришлось вас разбудить.

Сариус смерил взглядом меч, которым Терлик продолжал размахивать в непосредственной близости от его груди. Его кулак сжался, когда он ответил:

— В таком случае бери то, за чем пришла, и дай нам снова поспать.

Она почти услышала не сказанное им слово *сука*, таким тоном он бросил ей свою реплику. Она снисходительно улыбнулась и снова обратила внимание на Риотамуса.

— Боюсь, мне нужна ваша помощь, — спокойно сказала она ему.

Его глаза сузились, он рывком сел на подушки ровно.

— Ты осквернила ритуал *Джа-Накред Салах Вэй*, — набросился он на нее. — Ты убила Йорула...

Стужа перебила его.

— Его последнего любовника, — пояснила она Сариусу. Риотамусу же она сказала: — Мы с тобой никогда ничего не добьемся, если ты будешь упорствовать, вспоминая старые времена.

Король вспыхнул, и ярость, загоревшаяся в его глазах, была совсем не королевской.

— Да как ты посмела прийти сюда и еще просить меня о помощи? Я так тебе помогу, что отправишься сразу в могилу!

Она подняла свой меч, который лежал на его коленях, и опустила ему на плечо. Холодное стальное лезвие замерло как раз недалеко от крупной пульсирующей артерии на шее Риотамуса.

— Какое недалёковидное нежелание сотрудничать, — пожурела она. — Позвольте мне сделать вам предложение в более понятной форме. Действуй вместе со мной и послушайся моего совета, не то мой сын заберет у тебя и корону, и королевство, а может, и саму жизнь в придачу еще до того, как наступит зима.

Риотамус побледнел.

— Она лжет, — усмехнулся Сариус.

Король кинул презрительный взгляд на своего любовника и снова посмотрел на Стужу.

— Зачем же ей лгать? — медленно произнес он. Нервно сглотнул, пытаясь понять по ее лицу, что она задумала. Их взгляды встретились.

— Зачем тебе вообще надо было приходить ко мне? Ведь Кел на'Акьян — твой сын.

Стужа встала с его постели, отступила назад и вложила в ножны свой меч, заметив при этом, что Сариус сразу же вздохнул свободнее. Однако Терлик не стал следовать ее примеру, и юный губернатор настороженно следил за роларотанином краем глаза.

— Я не буду обсуждать с тобой причины, — сказала она. — В любом случае ты скорее всего мне не поверишь. Но моего сына надо остановить во что бы то ни стало, и только я могу сделать это. И тем не менее мне нужна твоя помощь.

— Ты убила Йорула, — снова обвинил ее Риотамус.

Низкий голос Терлика заставил их всех вздрогнуть.

— Она исполнила погребальный обряд для всех погибших жителей Соушейна без исключения. Они были твоими людьми, не ее. — Его слова были пропитаны ядом, глаза сверкали гневом, когда он глядел на двух мужчин в одной постели. — Она выполнила твою работу, король, если ты не понял. Вокруг не нашлось ни одного келедца, чтоб сделать это.

Она рассказала ему про Соушейн по дороге в Кир. Знакомое чувство печали снова охватило ее, когда она услышала, как Терлик рассказывает об этом Риотамусу. В его устах это прозвучало так, будто она совершила героический подвиг, на самом деле она всего лишь пыталась хоть как-то искупить свою вину, смыть позор.

И все же в глубине души она была признательна ему за то, что он заступился за нее.

— Это правда? — спросил пораженный Риотамус.

— Даже если и так, что ей оставалось? — раздраженно бросил Сариус. — Она произвела на свет этого убийцу, виновного в их смерти.

Терлик наклонился, запустил свою огромную руку в густые волосы губернатора и потащил его из постели. Лицо Сариуса искривилось от боли и неожиданности, но широко раскрытые глаза его застыли на острие, которое вдруг нависло над его носом.

— Тебе нужно поучиться уважительному отношению к старшим, — заметил роларофец. Он выволок голого юношу из простыней и направил его, спотыкавшегося, в соседнюю комнату. — Мы просто немного побеседуем с глазу на глаз, — бросил он через плечо Стуже.

Риотамус смотрел, как они ушли.

— Ты в самом деле сделала в Соушейне то, о чем он сказал? — спросил он ее, когда они остались наедине.

Ее губы сжались в тонкую линию. Что она должна была ему отвечать?

— Я прожила в твоей стране больше двадцати двух лет начала она, сложив перед собой руки. — Мы с мужем поселились здесь, занимались своим делом, старались вырастить двух сыновей. Когда мы приехали в Дашрань, твой отец был королем, и хорошим королем. Именно его правление было одной из тех причин, которые побудили нас сделать свой выбор. — Она прошла в дальний угол комнаты и теперь смотрела на него из тени. — Ты считаешь меня эсгарианкой. — Она не сводила с него глаз. — Но Келед-Зарем тоже моя земля, и не меньше, чем твоя. Мой муж лежит похороненный в этой земле, и пепел Кириги развеян здешними ветрами или втопан в здешнюю грязь. — Она сжала кулак. — Пойми

наконец, Келед-Зарем — мой дом!

Риотамус спустил ноги с края кровати и обернулся простыней. Он уставился в пол, затем перевел взгляд на нее.

— Но твой старший сын растерзал Келед-Зарем. И продолжает терзать, и еще с наслаждением смеется над нами. Девять городов он сжег, а крестьянских дворов — не сосчитать. Никто не знает, где он объявится в следующий раз. Я не могу защитить свой собственный народ.

— Ну, это не только твоя вина, — попыталась утешить его она. — Кел разыскивал определенные, нужные ему предметы. Когда он наконец нашел первый из них, то смог определить нахождение следующего. Имея два предмета, он может отгадать, где сокрыт третий. В эту самую минуту он скачет, чтобы завладеть этим третьим предметом. Может быть, уже овладел.

Риотамус встал, но от кровати не отошел.

— Что такое эти три предмета?

Стужа задумалась. Ей нужно было его участие, его доверие, и она решила ничего от него не скрывать.

— Предметы магической силы были спрятаны в Келед-Зареме столетия назад магами Кондоса.

Риотамус стал тереть ладонь о ладонь.

— В таком случае эти рассказы об Ороладиане — правда? Во всем этом замешана магия?

— Рассказы в какой-то степени правдивы, — признала она, — но, передаваясь из уст в уста, эта правда слегка исказилась. Ороладиан — колдунья, женщина, но живет она не в Келед-Зареме. Она ждет Кела по ту сторону реки Лите, в Эсгари. Мой сын намерен передать ей эти три предмета в качестве дара.

Риотамус стал расхаживать по комнате.

— Но то, что мы слышали от жалкой кучки спасшихся, — настаивал он, — рассказы об огне, что налетает с неба, о пронзительно вопящих демонах с черепами вместо лиц, что сопровождают твоего сына...

— Демоны — это всего лишь люди в масках из черепов мертвецов, — перебила она. — Но ты не ошибся — магия во всем этом также присутствует. Кел тоже колдун. — Она прислонилась спиной к стене; от прикосновения к холодному камню ее пробрала дрожь. — Вот почему я нужна тебе. Вот почему только я смогу пересилить его.

Он остановился и с недоверием посмотрел на нее:

— Что, по-твоему, ты можешь сделать такого, что не под силу моей армии?

— Придет время, и ты увидишь, на что я способна, — загадочно ответила она. Засунула руку под тунику и ухватила за карту, которую прятала там. Карта хранила тепло ее тела, была влажной от пота. Стужа принесла ее к кровати и развернула.

— Подожди, — попросил король и отправился в соседнюю комнату, куда ушли Терлик с Сариусом. Она услышала голоса, приглушенные и невнятные, потом донесся резкий окрик короля: «Замолчи, Сариус!» Риотамус вернулся, неся несколько свечей, которые он зажег о единственную свечу у кровати. Он расставил их по комнате, не обращая внимания на то, как горячий воск проливается на пол и мебель. Затем подошел к ней и склонился над картой, изучая ее при более ярком свете.

— У меня уже было время поразмышлять над ней, пока мы с Терликом ехали в Кир. — Она указала на Соушейн на шероховатой кожаной поверхности карты. — Кел нашел первую вещь — он называет их Артефактами — здесь. Три дня спустя, — ее палец передвинулся к тому месту, где был обозначен Дакариар, — он добыл второй Артефакт.

Риотамус вмешался. Его палец потыкал в несколько других точек на карте.

— А как же все другие места, куда он вторгался? Здесь, здесь и здесь...

— Я же говорила, — терпеливо объясняла она. — Он искал. Ему нужно было найти хотя бы одну из этих вещей. Не важно которую. Она бы привела его к остальным. —

Внезапная мысль осенила ее, когда она подумала о Дакариаре. — Об этих городах ходили какие-нибудь необычные легенды или рассказы? Об особенных колодцах или храмах, священных рощах или о чем-то подобном? Может, какие-то странные события из вашей истории связаны с этими местами?

Король поскреб подбородок и задумался. Потом глаза его загорелись.

— Эти четыре, — показал он. Она сразу же заметила, что он не показал на Дакариар. Наверное, он не знал ничего о колодце и о целебных свойствах его воды. Но если он не знал о Дакариаре, он мог также не знать и о других местах.

И все же она была уверена, что нападения Кела не были случайными. Она подумала о кабинете, который увидела в его тайных покоях в башне. Нет сомнений, что некоторые из тех мерзких вещей были добыты в Келед-Зареме. Своими собственными глазами она видела, как он вызвал изумрудный камень Скраал из колодца в Дакариаре. Если кондосские жрецы спрятали такую вещь там, то что могли другие, темные жрецы скрыть в этой безобидной земле?

Она заметила какое-то движение в дверном проеме. Там спокойно стояли Терлик и Сариус. Роларофец по-отечески положил свою руку на плечо молодого человека. Губернатор был вынужден терпеть, лицо его выражало покорность. Ей захотелось улыбнуться. О чем бы они ни поговорили, Сариус, кажется, все хорошо понял.

Риотамус снова заставил ее вернуться к карте.

— Ну хорошо, — молвил он. — Ты говоришь, он нашел уже две вещи здесь и здесь. А где же третья?

Она задумчиво покусывала губу, молясь о том, что угадала верно. Провалиться ей во все девять кругов ада, во что бы то ни стало она должна угадать верно! Она склонилась ниже и почти прошептала:

— Кел сам дал мне подсказку, когда сообщил, что маги Кондоса спрятали предметы. И все же мне пришлось немного поразмыслить, прежде чем все встало на свои места. Без карты у меня бы это не получилось. — Она соединила Соушейн и Дакариар воображаемой линией. — Известно ли тебе что-нибудь о Кондосе?

Риотамус нетерпеливо затряс головой. Конечно же, он знал о зачарованной стране. Ни один монарх не мог считаться образованным, если не знал о могущественных братствах Кондоса. И все-таки она позволила себе объяснить:

— Их самый священный символ — треугольник. Его форма включает в себе все их тайные силы. По крайней мере они так считали. — Она обвела пальцем воображаемые круги вокруг Соушейна и Дакариара. — Эти два находятся на одной линии. И есть только одно место на этой карте, с которым можно соединить эти две точки и получится треугольник.

Риотамус ткнул пальцем вниз еще прежде, чем она успела закончить.

— Долина Королей! — взорвался он. — Все мои предки!.. Даже Кел на'Акьян не посмеет! — Его глаза сузились в мрачном бешенстве. — Конечно же, посмеет! — Он бросился от нее к двери. — Я пошлю туда войско немедленно!

— Нет! — Ее голос заставил его остановиться на полпути, хотя она совсем не использовала свои магические силы, чтобы он подчинился.

Он обернулся к ней:

— Мой отец похоронен там, и мой дед. И все отцы их отцов тоже лежат там. Какое святотатство совершает твой сын, пока мы стоим здесь, разговаривая? Неужели ты думаешь, что я буду бездействовать?

Стужа знала о Долине Королей, где были погребены все правители Келед-Зарема. Огромные изваяния, изображающие каждого из них, возвышаются над местом упокоения тех, кто спит здесь вечным сном. Как сказал Риотамус, там лежит его отец и там же будет когда-нибудь лежать он сам и его изображение, высеченное в камне, сохранится на все времена.

«Нет, — напомнила она себе. — Не на все времена. Самые старые скульптуры уже обветрились и разрушились, не выдержав наступления песка и пыли. Черты стерлись, сами

лица забылись. Ничто, ничто не в силах остановить медленное движение времени».

Она терла лицо ладонью, когда говорила.

— Если послать туда людей — ничего хорошего из этого не выйдет. Что бы Кел ни замыслил, ты не сможешь вовремя добраться до него. Но смотри внимательно и прислушайся к моему совету.

Она снова склонилась над картой и подождала, когда он к ней присоединится. Ей слышно было, как он тяжело и гневно дышал. Его кулаки так сжались, вцепившись в покрывало, что костяшки пальцев побелели.

— После каждого набега Кел всегда возвращается в свою башню. — Она ногтем провела вдоль реки Лите. — Где-то здесь. Нет никакой причины сомневаться, что он поступит точно так же и на этот раз. — Она оглянулась через плечо на Терлика и обменялась с ним понимающими взглядами. — Но, приехав туда, он обнаружит, что башня несколько изменилась, можно сказать подпортилась.

— Но ведь это придется скакать верхом почти неделю от Кира, — посетовал король. — А Кел доберется туда за три дня. И что же, нам понадобится атаковать Кела в укрепленной башне?

Стужа покачала головой и указала на другое место на карте:

— Мы опередим Кела и будем его поджидать. Видишь, Келу со своими людьми нужно будет проехать сквозь этот узкий перевал и через эту гористую местность. Во время грозы всаднику здесь проезжать очень опасно. А если передвигается большой отряд — верная гибель.

Риотамус согласно кивнул:

— Сверху — потоп, под ногами — скользкая грязь. Ты права, это действительно верная гибель, но в последнее время было и так много дождей. — Он выпрямился и нахмурился. — Мы же не можем рассчитывать на подходящую грозу именно в этом определенном месте. Даже боги не смогли бы нам в этом помочь.

Она пожала плечами, повернулась и подмигнула Терлику.

— Час назад, когда горела только одна свеча, мог ли ты предположить, что мы будем здесь стоять и даже не пытаться убить друг друга? Я нарочно смотрела сегодня на небо и почти уверена, что туда надвигается сильная гроза.

Король все еще хмурился.

— Это ведь далеко отсюда. Ты не можешь знать...

Она сжала ему руку:

— Поверь мне.

Но это его не убедило.

— Согласно последним сведениям, у Кела на Акьяна около пятисот человек. Это в два раза превышает численность отряда, который сейчас со мной. Я собирался пополнить свои силы за счет местного гарнизона. — Он с досадой хлопнул кулаком по ладони. — Но его нет — все погибли.

Она сложила руки перед собой и отступила назад, глядя на него.

— Поверь мне, — повторила она.

Он помолчал и затем сознательно изобразил ее позу, даже наклон головы.

— Поверить тебе?

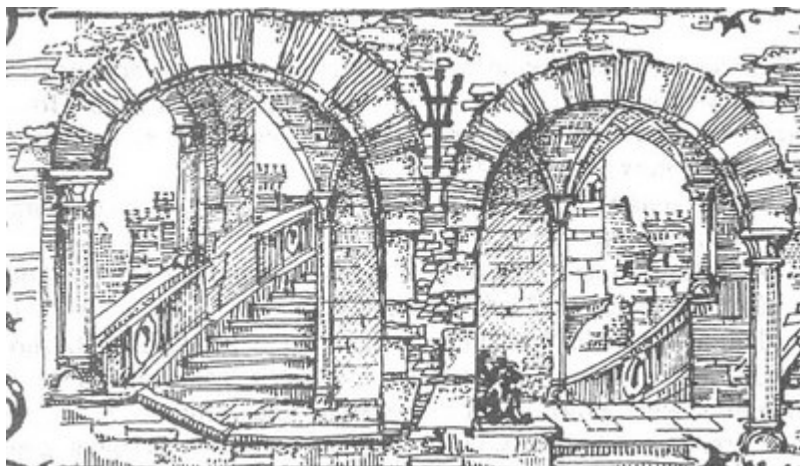
— Поверь мне.

Конечно, она понимала, что он ей не верит. И она бы ему не поверила, будь она на его месте. Но теперь, когда они вместе решили остановить ее сына, это не имело значения.

Она найдет грозу, чтобы закрыть перевалы. Келу придется или переждать, или ехать в объезд вокруг гор. В обоих случаях она и Терлик, Риотамус и вся его армия будут находиться между ним и его башней.

«Между ним и Эсгарией», — бесстрастно подумала она.

Глава 14

— Они боятся колдовских сил твоего сына, — откровенно высказался Риотамус.

Его солдаты томились в нервном ожидании на краю леса, окружавшего развалины башни Кела. До Стужи доходило, как они обменивались слухами и глупыми предположениями на протяжении всей дороги сюда, но сама она хранила молчание. Это дело Риотамуса — повелевать и вдохновлять, поднимать им боевой дух. Он их король. Она же для них просто чужестранка, которая едет рядом с ним, а для некоторых — хуже чем чужестранка. Это для тех людей из Дашрани, которые видели ее схватку с Йорулом.

— Я говорила тебе, — обратилась она к королю, — Кел будет неподготовлен. Магию нельзя задействовать по прихоти или первому побуждению. Занятие ею отнимает какое-то время и требует подготовки. Кел не имеет причин подозревать ловушку. Возможно, мы застигнем его врасплох.

— Но это не значит, что он не опасен, — напомнил ей Терлик. — Я видел, каков он в сражении, и люди его из тех, которых можно купить только за очень большие деньги.

— Возможно, у него и есть небольшое личное заклинание для собственной защиты, — добавила Стужа, стараясь казаться уверенной. — Но ничего столь значительного, что уничтожило Соушейн.

Риотамус сдвинул брови и коротко вздохнул.

— Считай, что я тебе верю, — сказал он с насмешкой в голосе.

Она улыбнулась про себя. Даже храбрость короля может истрепаться в логове льва. Но Риотамус горделиво восседал на коне и в своих превосходно выполненных кожаных доспехах с пышным алым плащом выглядел великолепно.

Она повернулась в седле и обвела взглядом все остальное войско. Каждый замыкающий был в плаще красного цвета, как она и велела. Их было меньше, чем она надеялась. Она вспомнила следующее утро после скорбной церемонии в Соушейне, когда увидела дозорный патруль на своем пути. Ей тогда привиделось, что за ним следует огромное войско, но усталость повлияла на ее воображение. Никогда король не брал с собой больших сил — только два крона по сто человек в каждом. Этого более чем достаточно, считал Риотамус, для того чтобы отловить преступную банду мятежников.

Он не понимал, насколько выросла эта банда, как быстро запах денег и звон золотых монет может расширить ряды мятежников. Чтобы завлечь некоторых людей, достаточно посулить добычу и трофеи или просто само сражение.

Что ж, не имеет значения. Двух кротов хватит. Она сделает так, чтобы их хватило.

— Мне необходимо высокое место, — обратилась она к Терлику.

— Вон там. — Ее товарищ показал на высокий холм на другом берегу Лите.

Она приподняла бровь. Эта точка была самой высокой в данной местности, но она находилась в Эсгарии. Стужа выбрала другой холм, поближе, на этой, келедской, стороне.

— Здесь будет лучше, — сказала она, нахмурясь. — Там я почувствую себя неуверенно. — Она повернулась к Риотамусу и коснулась его руки: — Рассредоточь своих

людей, как я сказала, и запомни: наше главное преимущество — внезапность. Следи, чтоб они не шумели.

Он кивнул:

— А как же ты? — Правитель Келеда посмотрел на нее свысока. В своих одеждах, доспехах, со своим войском за спиной, он иногда переступал черту, проявляя враждебность по отношению к ней. «А может, — напомнила она себе, — он просто устал от долгой езды?»

Как устала она — знали только боги. Она похлопала Ашура по скользкой шее и, убрав руку, поразилась, как сильно взмылен единорог. Кажется, даже он устал.

— Я буду вон там, наверху, — ответила она Риотамусу, указывая на вершину холма, которую облюбовала.

— Это не слишком близко? — с притворной учтивостью поинтересовался он. — Ты уверена, что будешь там в безопасности?

Она, моргая, посмотрела на него, даже не пытаясь скрыть свое изумление и презрение.

— В достаточной безопасности, чтобы спасти твою задницу, — ответила она, — когда мой сын соберется надрать ее.

Вдвоем с Терликом они проскакали через поле, мимо руин башни Кела и дальше в лес. С того дня, когда они были здесь в последний раз, земля высохла, но воздух по-прежнему был насыщен влагой. Запах гниющей зелени ударил ей в ноздри.

Они ехали молча, пока не добрались до подножия холма. Стужа медленно привстала на стременах, вытянула шею и пробурчала тихое ругательство. Терлик невозмутимо за ней наблюдал.

— Нет, это место плохое, — сказала она, снова усаживаясь в седло. — Я не думала, что лес такой густой. — Провела рукой по затекшей шее. — Мне нужно, чтобы было видно все поле, где сойдутся два войска. Этот холм совсем не подходит. — Она вздохнула и тронула поводья, разворачивая Ашура.

Терлик ухватил ее за руку:

— Ну и куда теперь? Что ты задумала, женщина?

— Склоняю чашу весов, — устало произнесла она, не объясняя. — Я думаю, только одно место мне подойдет.

Они поскакали обратно, пробираясь между деревьями и сучковатыми кустарниками. Время от времени Стужа смотрела вверх, сквозь листву, чтобы определить, насколько переместилось солнце на небосводе. Она не знала, когда именно появится ее сын. Знала только, что должен появиться.

Ее опять начали грызть сомнения, она боялась, что, может быть, ее план составлен наспех. Люди Риотамуса — прекрасные воины и конники. В открытом поле они хорошо сражаются. Но что если битва завяжется в лесу? Что если страх перед магией Кела полностью выведет их из строя? Может, она ошиблась в выборе поля битвы? А может, она собирается сделать еще более серьезную ошибку? Так много вопросов, на которые нет ответов; она постаралась выкинуть их из головы.

— Я расположусь здесь, — объявила она, когда они снова поравнялись с руинами.

Терлик непонимающе уставился на нее, но ни о чем не спросил. Хоть ей бы хотелось, чтобы он задал вопрос. Может, отвечая ему, она смогла бы прояснить свои собственные мысли и тогда б ее сомнения развеялись. Но он просто ждал, сбитый с толку, но спокойный, и она, ничего не объясняя, произнесла единственные слова, которые смогла найти для него:

— Скоро ты все поймешь.

Стужа спешила и стала расхаживать среди разбросанных камней и разбитой кладки. Огонь ее молний уничтожил почти все, осталась стоять только обуглившаяся часть стены, до верхнего края которой она бы смогла дотянуться рукой.

— Здесь, — бросила она. — Иди сюда и помоги мне.

Она навалилась всем своим весом на огромную почерневшую каменную глыбу и попыталась сдвинуть ее. Терлик тут же оказался рядом и присоединился к ней, припав плечом.

— Куда? — напрягшись, прорычал он. Камень перевернулся через прямоугольный край и тяжело отвалился в сторону. Стужа наклонилась и просунула пальцы под острый край.

— К стене, — со стоном ответила она, пытаясь снова поднять его.

Звук копыт заставил ее выпрямиться. Риотамус и двое его солдат подъехали к стене. Он недовольно посмотрел на них сверху вниз:

— Что ты делаешь? Я думал, ты поехала в лес, чтобы спрятаться.

Его отношение к ней начало ее утомлять.

— И ты увидел, как я вернулась обратно. Пусть твои два лакея спустятся с лошадей, и позови сюда еще солдат. — В глазах его мелькнул гнев, но она не обращала на это внимания. — Поторопись. Я должна кое-что сделать, чтобы подготовиться, или нас самих сегодня застигнут врасплох.

Она снова наклонилась к камню.

— Ваше величество, — сказал он.

Она подняла голову:

— Что?

— Так следует ко мне обращаться, — заявил он ей строго.

Ни разу за эти дни ей так не хотелось смеяться, как сейчас, и ей пришлось сильно прикусить губу, чтобы удержаться. Она понимала, что не стоит ставить в неловкое положение короля, пусть даже Риотамуса, перед его солдатами. Ему нужно сохранить их уважение, чтобы командовать ими. В конце концов, она ведь сама попросила его о помощи. Неужели ей трудно пойти на такую малость?

Кое-как ей удалось подавить свой смех. Вместо этого она, плотно сжав губы, склонилась перед ним голову, выражая свое почтение. Он одарил ее надменным кивком в ответ.

Их взгляды встретились и остановились. Он понимал, о чем она думает, и она поняла, что он понимает. Но перед слугами его достоинство не пострадало. Он кивнул еще раз в знак подтверждения их нового, молчаливого, соглашения. Отныне ему требовалось от нее лишь одно — хотя бы изображать почтительное отношение.

— К стене, — скомандовала она двум солдатам, которые спрыгнули с лошадей и пришли ей помогать. Вчетвером они легко справились с камнем и поставили его туда, куда она показала — к уцелевшим остаткам стены. — Теперь нужен еще один — сверху.

Довольно скоро были сооружены несколько неровных ступеней к верхней части стены. Когда они уже справились с этой задачей, к ним присоединились еще с десятков человек, прибывшие по сигналу своего короля. Они спешили и перекинули свои плащи через седла.

— Мы должны работать быстро, — сообщила она. — Уберите камни вокруг стены. Мне нужно, чтобы получился круг, и ни камушка внутри него, за исключением тех, что мы сами поставили.

Келедцы сразу же принялись за работу. Они трудились, невзирая на жаркое солнце, пока руки их не ободрались и не испачкались, а яркая, аккуратная форма не запылилась. Еще десять человек примкнули к ним, и даже сам Риотамус спустился с коня и стал помогать в тяжелой работе. Это ее удивило. «Интересно, — подумала она, — он делает это потому, что действительно понимает, что надо спешить, или потому что хочет произвести впечатление на своих людей?»

Воздух наполнился пылью и запахом пота. Камни летали, отскакивали, раскалывались. Мужчины, работавшие группами, накидывались на громадные глыбы, принадлежавшие некогда могущественному сооружению, и сбрасывали их вниз, заполняя пустоты в земле, оставшиеся от разрушенных подвальных помещений.

Риотамус вдруг остановился и отряхнул руки. Он огляделся вокруг, чтобы прикинуть, сколько еще осталось работы, и собрался было дополнительно послать за своими солдатами для подмоги.

— Мы справимся этими силами, — тихо оповестила его Стужа. — Здесь десятая часть твоих солдат. Пусть остальные будут свежими и отдохнувшими перед битвой.

Он посмотрел на нее так, будто хотел поспорить, но передумал.

— Ты же не знаешь, когда Кел доберется сюда, — сказал он. — Может, это будет через несколько дней. У всех тогда будет время отдохнуть.

Она покачала головой:

— Это будет сегодня. Неизвестно только, в какое время.

— Ты что, колдунья, чтобы знать это?

Она посмотрела на него снисходительно, затем вытерла свои израненные руки о тунику и отошла. Еще нужно было много работать, двигать камни. Ей также предстояло совершить свои собственные приготовления. Отвечать на глупые вопросы совсем не было времени.

Чтобы знать, когда может появиться Кел, не требовалось никакой магии. Она прекрасно знала своего сына, видела, что им движет бешеная решимость. К тому же она изучила его карту вдоль и поперек. По ней легко было определить все расстояния и время, за которое их можно преодолеть.

Несколько дней назад Кел попытался применить свои колдовские силы, чтобы противостоять ее грозе. Она чувствовала, как в ее мозгу и сердце толчками отдавались его усилия. Впрочем, внезапно эта пульсация прекратилась, и тогда она поняла, что ему не удалось справиться с ливнем и молниями.

Она также уверена, что ее сын ничуть не изменился, а значит, развернул своих людей и отправился объезжать горы по длинному пути. Он слишком нетерпелив, чтобы пережидать подобную грозу, которую она наслала. Он не привык ждать, предпочитая действовать. Таков характер ее сына. Он будет безжалостно подгонять самого себя и своих людей, почти без отдыха, забыв о еде и сне, но доберется до башни сегодня.

Она знала это.

На самом деле она очень на это рассчитывала. Кел появится здесь с обессиленным войском, не подозревая о том, что его ждет.

Я любила тебя когда-то, — мысленно обратилась она к сыну. — *Прости за то, что я должна сделать.*

Затем она встряхнула головой, с горечью осознав, куда завели ее мысли.

— Вспомни о Кимоне и Кириги, — сказала она вслух. — Вспомни о Соушейне. Вспомни о Лико и Джемейне, и Периканте, Орике и Клеомене...

Терлик потрогал ее за плечо:

— Что ты там бормочешь? — Он склонился над ней, вглядываясь в ее лицо. Пальцем утер слезинку, выступившую в уголке ее глаза. — Что с тобой? — встревоженно спросил он.

Она заморгала, затем взглянула на разбитый камень, который держала двумя руками. Глубоко и тяжело вздохнула, подождала, пока один из солдат не освободит ей путь, и бросила камень на выросшую грудь.

— Все хорошо, правда хорошо, — ответила она, слегка потирая разодранные ладони.

Он взял ее руки и стал их рассматривать.

— Пусть другие заканчивают здесь без тебя, — предложил он. — У тебя найдется еще много работы, когда все будет готово.

— Так же как у всех, — возразила она. — Сражаться — чертовски тяжелое дело, а убивать — и того тяжелее. Никто сейчас не должен отдыхать, пока не покончим с этим.

— И все-таки ты сделаешь передышку, прямо сейчас, — настаивал он, беря мех с водой у одного из солдат. — Вот, попей.

Она с благодарностью взяла воду и сделала большой глоток. Это смыло пыль в ее горле, но и напомнило о колодце в Дакариаре — и о Лико.

Именно так, — гневно подумала она. — *Не отпускай от себя это воспоминание, и все другие также. Ожесточи свое сердце. Пусть они затмевают то обстоятельство, что он по-прежнему твой сын, которого ты собираешься предать.*

Но ведь это не предательство, — спорила она сама с собой.

Она еще раз жадно попила, потом заткнула мех пробкой и вернула Терлику. Когда он брал его из ее рук, она схватила его за запястье:

— Скажи, а ты мог бы сделать то, что необходимо, если бы это был твой родной сын?

Глаза роларофца резко сузились, на какое-то мгновение ей вдруг стало страшно, что он видит ее насквозь. Она вспомнила, что Терлик был узником Кела. И задавать ему подобный вопрос нечестно.

— Ты любишь Келед-Зарем? — спросил он, когда к нему вернулся голос. — Любила ли ты мужа и младшего сына? — Терлик погладил ее пальцами по щеке. Это прикосновение было легким, как перышко, но означало очень многое. — Тебе ведь нелегко сейчас, так?

— И не должно быть легко, — ответила она просто. — Он же мой первенец.

Скользнув рукой к ее подбородку, Терлик слегка запрокинул ей голову. Большим пальцем он поглаживал уголок ее рта.

— И ты любишь его, несмотря ни на что, — закончил он ее мысль. Его голос стал тихим, он говорил почти шепотом. — Но если ты не остановишь его, он окончательно уничтожит все, что ты любишь. Он уже убил отца и брата, и я знаю, как обливается кровью твоя душа при мысли о Соушейне и Дакариаре, это видно по твоим глазам, когда речь заходит об этих городах. — Он подошел еще ближе и мягко приобнял ее одной рукой. — И сколько это будет продолжаться, прежде чем он уничтожит в конце концов и тебя? Пускай не физически, но душу твою? — Он приблизил к ней свое лицо и обнял так, как будто хотел согреть и защитить.

Она высвободилась из его рук. Он был нежен, желая утешить, но в душе ее бушевала война, которую нелегко остановить.

— У меня ужасное предчувствие, — тихо сказала она, — будто во всем этом есть очень много такого, чего мы не понимаем.

Он слегка постучал ее по виску.

— Иногда тебе нужно перестать думать, — сказал он, — а просто действовать.

Но она покачала головой, обхватив себя руками, как будто спасаясь от холодного ветра.

— Я так не могу, — сдержанно промолвила она. — Я когда-то знала еще одного ребенка, который однажды убил и отца, и брата. — Она смотрела на него снизу вверх, пока их взгляды не встретились. — А еще — мать.

Их прервали раньше, чем кто-либо из них успел что-то сказать. Риотамус стоял между ними, его яркие одежды и некогда блестящие доспехи покрылись грязью и серой каменной пылью. Он указывал в сторону леса.

— Кто-то сюда направляется, — объявил он.

Терлик потянулся за мечом, но Стужа остановила его. Все всадники были в красных плащах, и они выехали из леса по тропе, по которой она сама привела всех сюда из Кира. Она определила, что их численность равнялась примерно половине крона. Они скакали к развалинам прямо через поле.

Риотамус шлепнул себя по бедру:

— Проклятый щенок. Я ведь велел ему оставаться дома.

— Вот они — мучения любви, — съязвила она. Она еще раньше короля догадалась, кто это был. И совсем не удивилась, когда Сариус резко остановил свою лошадь перед ними и снял с себя шлем. Юноша коротко улыбнулся и поклонился своему королю.

Риотамус порывисто бросился к нему и схватил его лошадь за поводья.

— Я приказал тебе остаться в Кире. — Ему не удалось скрыть свой гнев, хоть он и не повысил голоса.

— Нет, не приказывал. — Сариус махнул ногой через голову коня и легко соскочил на землю. Он не улыбался, но подобный ответ явно веселил его. — Ты сказал, что я не могу ехать с тобой. — Он увидел за спиной своего короля работающих солдат и жестом велел своим людям спешиться. — Поэтому я приехал сам по себе.

— И оставил Кир незащищенным! — набросился на него Риотамус.

Пятьдесят человек — это все, что мог выделить Риотамус, чтобы укомплектовать гарнизон. И то они являли собой лишь кажущуюся силу, которой было совсем недостаточно для такого большого города, как Кир.

Сариус даже бровью не повел.

— Безопасность короля гораздо важнее безопасности любого города, — возразил молодой человек спокойно и четко. — Пусть даже моего собственного. — Голос его дрогнул, и он продолжил уже в таком тоне, будто решил, что никто их больше не слышит: — Я приехал, чтобы сражаться рядом с тобой. Не прогоняй меня. Не позорь меня.

Двое мужчин смотрели друг на друга, и по тому, как между ними пролетела искра, Стужа поняла, что они общаются друг с другом без слов. «Они же любовники, — напомнила она себе, интересно, кто одержит верх в этом поединке». На этот раз она, конечно же, была на стороне Сариуса. Лишние пятьдесят человек намного облегчили бы ей задачу.

Поэтому она почувствовала облегчение, когда Риотамус поднял руки и обнял юношу. Это напомнило ей, какое приятное чувство она испытала в объятиях Терлика совсем недавно. Тогда она не стала ему в этом признаваться.

— Ладно, оставайся, но будь рядом со мной. — Король отступил немного и с гордостью похлопал Сариуса по плечу. — Если уж сражаться — то вместе. — Он неожиданно улыбнулся. — Это также означает, что ты должен помочь мне поднять вон тот большой камень, так что снимай свой плащ и принимайся за работу.

Сариус побледнел:

— Руками?

Риотамус строго кивнул:

— Рядом со мной.

Он отряхнул свои перчатки так, чтобы пыль от них полетела на его любовника. Затем, ко всему прочему, он провел пальцем по щеке Сариуса, измазав ее. Засмеявшись, он повернулся и направился к камню, а юный губернатор, совершенно сбитый с толку, пошел за ним.

Пятьдесят дополнительных пар рук помогли быстро справиться с работой. Стужа велела всем отойти, а сама обошла вокруг обломка стены, оставшегося стоять посередине. Расчищенного от камней и кладки места должно хватить для ее целей. Она молилась теперь лишь о том, чтобы проклятая стена не обрушилась, когда она на нее взберется.

— Подай мне ту пику, — велела она солдату, который стоял ближе всех к лошадям. Он мгновенно повиновался и сунул ей в руку древко пики, которая до этого была прикреплена к седлу одной из лошадей.

— А теперь, — обратилась она к Риотамусу, — уберите всех своих людей в лес. Распределите их так, как мы договаривались, и ждите.

Сариус громко спросил:

— Сколько ждать?

Король опередил ее с ответом:

— Столько, сколько понадобится.

— Да, но в этих лесах полно комаров и жучков! — мрачно заявил Сариус, но тут же поспешил добавить, пока никто не сделал ему замечания: — Если сказано ждать — будем ждать.

— Ну чем не герой? — Риотамус ухватил юношу за шею и шутливо потряс его, как кошка своего котенка.

— И последнее, — произнесла она, когда все стали садиться на лошадей. — Если вы увидите, что происходит что-то странное, когда начнется сражение, — она остановила свой тяжелый взгляд на короле и губернаторе, — ни в коем случае не обращайтесь на это внимания. Ваша задача — сражаться с чем угодно и с кем угодно, если на нем нет красного плаща. Это для вас самое главное. Удостоверьтесь, что ваши солдаты все поняли.

Риотамус кивнул. Но последовавшее замечание застигло ее врасплох.

— Мы попытаемся взять Кела на Акьяна живьем, если это будет в наших силах.

Она опустила глаза и с трудом сглотнула. Это было неожиданностью, тем более от него, она даже мысли об этом не допускала. Кел не заслужил такого великодушия со стороны короля, чью землю он опустошил.

— Неужели ты можешь так легко забыть, что натворил мой сын? — с сомнением

спросила она.

Лицо Риотамуса напряглось.

— Я сказал, мы попытаемся взять его живьем, женщина. Больше я ничего не обещаю.

Она смотрела на него, открыв рот, не зная, что сказать.

— У меня было время подумать, Самидар, — продолжил Риотамус, снова удивив ее. Она уже и забыла, что он знал ее под этим именем. И он впервые назвал ее по имени за все это время. — Я считаю, что Йорул действительно поступил необдуманно в Дашрани. Кел на'Акьян — вот тот враг, которого ему было приказано схватить. Совсем не нужно было убивать юного Кириги или сжигать твою таверну.

Слишком запоздалое извинение, но все равно она была ему признательна. Она прикрыла глаза и позволила себе одно сладкое, чистое воспоминание о том последнем утре со своим приемным сыном. Он обнажен, они идут по дороге и болтают о разном. «Я никогда не покину тебя, матушка», — сказал он тогда, такой наивный.

А сам взял и покинул. Он был слишком молод и не знал еще, что жизнь — это череда расставаний.

Она отогнала воспоминание и открыла глаза. Это уже другая жизнь и другой мир. Есть настоящее, с которым надо иметь дело сейчас, и есть будущее, к которому надо еще подготовиться.

— Что бы вам ни пришлось делать, — произнесла она сурово, глядя королю прямо в глаза, — не дайте Келу пересечь реку Лите. Чего бы это ни стоило.

Риотамус посмотрел на нее так, будто хотел сказать что-то еще, но передумал. Он развернул лошадь и повел своих людей в лес. Стужа наблюдала за тем, как они рассыпались веером, образовав полукруг, и скрылись среди деревьев. Там они и будут ждать, встав живой преградой между разрушенной башней и рекой.

Терлик стоял у стены, держа поводья своей лошади и Ашура. Он перебросил через руку два красных плаща и взял мех с водой.

Она взглянула на солнце. Был полдень или чуть позже. Когда же появится Кел?

Много не думай, — говорил ей роларофец. — *Действуй, когда понадобится.* Может быть, он и прав. Может, ей удастся не забывать о его совете и тогда она сможет пережить этот день.

Она оглянулась вокруг, как будто кто-то позвал ее по имени. На западе лежала Эсгария, она там родилась. Лишь узкая лесная полоса, а за ней река отделяют ее от этой страны. Уж не родная ли земля позвала ее? Она прислушалась, не донесется ли опять этот звук. Но тишина как будто насмеялась над ней.

Она вспомнила о колдунье Ороладииан и о дарах, что Кел собирался ей преподнести. Может, тот ветер, что ей почудился, донесся из Эсгарии? Или это сама Ороладииан назвала ее имя?

Ты никогда их не получишь, — поклялась Стужа, как если бы колдунья могла слышать ее мысли. — *Чем бы ни были Артефакты, которые ты обманом заставила моего сына похитить, тебе никогда не придется держать их в своих руках. Клянусь всеми темными богами!*

* * *

Отсчитав пять шагов от уцелевшей части стены, Стужа при помощи наконечника своей пики нацарапала символ на плотно утрамбованной земле.

— Что это? — спросил Терлик, подойдя поближе, чтобы разглядеть знак получше.

— Слишком долго объяснять все его значения, — ответила она. — И все равно ты можешь не понять. Уведи свою лошадь отсюда. Нельзя, чтобы она здесь топталась.

Он отвел своего коня в сторону и стал наблюдать за ее работой. Она очертила круг вокруг стены. По всем сторонам света изобразила точно такие же символы, что и самый первый. Затем начертила второй круг так, чтобы все знаки оказались внутри

образовавшегося кольца.

На втором круге она стала выписывать новые символы, их было восемь — по числу сторон компасного румба. На этот раз знак был более замысловатым, а твердая земля затрудняла работу. Она то и дело ругалась, когда ей приходилось стирать какие-то части знака и заново переписывать. Острые пики очень быстро затупилось. Ей приходилось сильнее нажимать на древко, чтобы выцарапывать письмена как можно глубже.

Когда второе кольцо с восьмью символами было готово, она принялась за третье.

— Шестнадцать таких штук? — воскликнул Терлик с сомнением. — Не хватит места.

Она не ответила. Места хватит, но едва-едва. Больше всего она боялась не успеть. Последняя группа знаков была еще сложнее, а она не знала, когда явится Кел. Хватит ли ей времени?

— Кажется, ты говорила, что ведьмы не нуждаются в таких штуках, — заметил роларофец. Он шел, глядя на то, как она трудится, осторожно ступая между таинственными знаками, пока не добрался до нее.

— Я не черпаю в них силу, — объяснила она. — Узору из этих символов не присуща магическая сила. Для Кела или для любого другого колдуна они бесполезны.

Ее приятель почесал в голове:

— Тогда для чего все эти труды?

— Бесполезны для колдуна — но не для ведьмы. Этот рисунок поможет мне сосредоточить мою собственную неограниченную силу для особой цели.

Наконечник ее пики неожиданно треснул, и она чуть не упала, но сумела сохранить равновесие и продолжила чертить обломком.

— Тебе же не понадобилось ничего такого, когда ты сровняла с землей эту башню, — отметил Терлик.

Стужа выпрямилась и оперлась о свой инструмент. Спокойно посмотрела на него.

— Гораздо легче с помощью магии притянуть молнию с неба, — сообщила она ему, — чем воздействовать на разум человека. — Она обвела взглядом руины. — Когда я делала это, меня переполняла ярость. Ничто не усиливает воздействие магии лучше, чем ярость и ненависть, а разрушать с помощью магии легче всего. — Она снова начала писать. Ей нужно было закончить еще три символа. — И хотя во мне еще остался тот гнев, — добавила она, не глядя на него, — но теперь появились и сомнение, и страх, и тревога.

К этому трудно было добавить что-либо еще, и она была благодарна ему за то, что он оставил ее в покое и отправился туда, где стояла его лошадь. Она наблюдала за тем, как он шел, чтобы убедиться, что он не наступил ни на один знак, не нарушил целостность ни одного кольца.

Она закончила чертить последний символ. Осталось добавить только один элемент ко всему узору. Утерев пот со лба, она вышла за пределы большого круга. От каждой точки, обозначающей стороны света, она прочертила четыре прямые линии длиной в пять шагов, которые лучами расходились к краям поля. Между ними она нацарапала по четыре линии короче предыдущих, затем по восемь, которые были еще короче.

Когда была проведена последняя линия, она потеряла свою спину и вздохнула.

— Готово, — объявила она. Подошла к Терлику и взяла мех с водой, который был привязан к седлу его лошади. Прежде чем пить, она обвела взглядом края лесов. Риотамуса и его людей не было видно, но она ощущала на себе их глаза, следящие за каждым ее движением. — Теперь остается только ждать, — сказала она своему другу и опрокинула бурдюк вверх дном.

Терлик стал пить после того, как она напилась. Вода полилась по его подбородку и намочила тунику. Он вытер горло и лицо и затем взглянул на солнце.

— Что я должен делать? — наконец спросил он ее. — Мы ведь будем в самом центре всего этого.

— Верь в меня, — тихо ответила она. — И не позволяй никому подниматься по этой самодельной лестнице, потому что я должна стоять вон там. — И она указала на самый верх

стены.

Терлик уставился на вершину и сморщил лоб. Он покачал головой:

— Не глупи. Ты будешь вся на виду, а у Кела есть лучники.

— Я должна буду рискнуть, — твердо заявила она. — Если Риотамус выполнит свою часть дела, то Келу будет некогда.

Но Терлик продолжал спорить.

— Попасть из лука так просто, женщина, а силы твоего сына превосходят наши в два раза.

— Но он-то об этом не знает, — возразила она, — а если я выполню свою часть дела — он и не узнает.

Его темные глаза сузились, и он пристально посмотрел на нее:

— Что же ты задумала?

Она потрепала его по голове и обнадеживающе улыбнулась:

— Подожди и увидишь. Тебе понравится, я знаю.

Он смог только покачать головой и проворчать:

— А как же твои круги? Они же разрушатся, если битва подойдет слишком близко.

— О да, обязательно подойдет близко. Вот почему ты мне нужен здесь. Ашур тоже будет с нами. Но к тому времени, когда они приблизятся, мои заклинания либо возымеют действие, либо нет, и тогда уже будет не важно, что случится с кругами.

Она знала, что ему все это не нравится, но по крайней мере он оставил свое беспокойство при себе. Он прошел следом за ней через узор, вытащил свой меч и положил его себе на колени, усевшись на нижнюю ступеньку из камня. Стужа сжала его плечо, радуясь в душе, что он с ней. Затем поднялась мимо него на самый верх стены. Там она тоже присела и устремила свой взгляд на восток, откуда из лесов должен появиться Кел на'Акьян. Ей и Терлику спрятаться будет негде.

О чем он подумает, когда увидит свою башню? Она знала своего сына. Он придет в ярость и захочет мстить. Вспомнит о своих колдовских книгах и о дорогих его сердцу предметах, которые он собирал годами и оставил здесь. Она подумала о том, что все эти дьявольские вещи погребены где-то здесь, под руинами. Пусть же остаются там навсегда.

Она заметила какое-то движение внизу. Лошадь Терлика. Ей наскучило, и она начала бродить. Стужа отругала себя за такую оплошность. Ей следовало отправить животное вместе с Риотамусом. Если оно наступит на ее рисунок...

Она не успела закончить свою мысль. Ашур неожиданно догнал лошадь и стал кусать ее за бока, пока она не помчалась в ту сторону, где прятались келедцы. Единорог сопровождал лошадь до первых деревьев и только тогда вернулся к начертанным ею кругам.

На мгновение показался красный плащ, кто-то схватил лошадь под уздцы и тут же увел ее, скрывшись из виду.

Стужа улыбнулась, представив себе, что подумал об этом Риотамус. Никто из его людей не обнаружил своего удивления по поводу Ашура за все время их путешествия. Было ясно, что ни один из них не заметил в нем ничего особенного, даже в самой малой степени не заподозрил, что он не такой, как все. Ну почему же люди так слепы?

Ей не постичь этого никогда.

Глава 15

Мы биться здесь обречены
До самой полной тьмы,
И при сиянии луны
Сражаться будем мы.

И души гибнущих врагов
Взлетят ночной порой —
Кроваво — красных мотыльков
Неугасимый рой.

Внезапно каждая душа,
Что пущена порхать,
Поймет, что утра никогда
Ей больше не видать.

И спотыкаясь о копье,
Продолжив контрданс,
Вдруг Темных Ангелов ночных
Узрит кой-кто из нас.

Они так плавно, не спеша,
Так нежно к нам прильнут
И наши бедные сердца
На части разорвут!

Последнее, что прозвучит
Над каждой головой, —
Тяжелый ужаса напев
И боли дикий вой.

— Всего лишь два *крона* ! — возмущался Терлик, сидя на нижней ступеньке лестницы. Мех с водой покачивался на его колене. — Этот человек, должно быть, глупец.

— Вовсе не глупец, — спокойно ответила она. — Он просто наивен. Король всегда жил обособленной жизнью. За все время своего правления он никогда не отваживался надолго покидать ворота своей столицы в Сумари, разве только чтобы поохотиться или совершить прогулку по окрестностям вместе со всем двором. Риотамус имеет весьма слабое представление о собственном народе. И неудивительно, что Келу удавалось так часто нападать на него и безнаказанно скрываться. — Она немного помолчала, вспоминая. — Вот отец Риотамуса — тот бы его из-под земли достал.

Терлик лишь усмехнулся:

— Его старик мертв. Мы имеем то, что имеем.

— Напрасно ты волнуешься. Я сказала, что он наивен. Но он совсем не глуп, к тому же быстро учится. — Она зевнула и потянулась, чтобы расслабить затекшие мышцы спины. — Дай мне воды, пока ты все не выдул.

Он поднялся по ступеням, чтобы протянуть ей мех с водой. Она взяла его, опрокинула и стала жадно пить. Вода была вкусной и охлаждала ее пересохшее горло. Если бы еще растущее чувство голода не беспокоило ее. Она отдала бурдюк, и Терлик вернулся на место.

Ворчание роларофца заставило ее отвлечься от собственных сомнений и страхов. Этот разговор даже как-то приободрил ее. И не важно, что он именно этого и добивался. Наверное, он сейчас про себя улыбается, думая как он умен, что направил ее мысли в другое русло. Она посмотрела вниз на его темноволосую голову, не защищенную от палящего солнца. Красивые седые пряди отливали серебром, когда он поворачивал голову. *Старый пес*, — подумала она, вдруг осознав, что ее переполняет нежность к нему, — *что же мне с тобой делать?*

— Зачем ты здесь? — спросила она, не удержавшись. Наклонилась вперед, подперев ладонью подбородок. — Просто скажи мне, Терлик, в чем твоя цель?

Он развернулся к ней на каменной ступеньке, служившей ему сиденьем, и пристально посмотрел на нее. Лицо его оставалось невозмутимым. Легкий ветерок ерошил его волосы и шевелил красный плащ за его плечом. Она ждала, когда он ответит хоть что-нибудь. Не зная, что добавить к сказанному, она закусила губу; как-то странно сдавило грудь, на миг ей показалось, что вот-вот, и она сломается пополам.

— Поговори со мной, — настаивала она. — Я хочу узнать о тебе побольше.

Он отвернулся и, больше не шелохнувшись, устремил свой взор вдаль. Каких духов она потревожила, чтобы заставить его так взволноваться? Даже сквозь плащ заметно, как напряглось его тело. Он сделал долгий, глубокий вдох и уронил голову. Стуже вдруг захотелось сбегать вниз по ступеням и обнять его. Это желание поразило ее, но не уменьшило сожаления о том, что она испортила ему настроение.

Все же она осталась стоять на месте, не в силах сделать первый шаг. Ее взгляд был прикован к его широкой спине. Наконец он встал, повернулся к ней и посмотрел ей прямо в лицо.

— Стужа, — произнес он хриплым голосом, — Самидар, сможешь ли ты когда-нибудь полюбить меня? Есть ли у меня хоть малейшая надежда, что ты когда-нибудь сможешь назвать меня своим мужем? Или хотя бы возлюбленным? Я бы довольствовался и этим.

От изумления она не знала, что сказать, застигнутая врасплох такой страстной речью. Она тоже встала и спустилась на несколько ступеней, остановившись прямо над ним. В этих глазах, обращенных к ней, было столько боли! Они проникали прямо в ее сердце.

Она протянула руку и погладила его по щеке. Его вопросы все крутились, повторяясь, в ее голове, пугая и муча, неся одновременно радость и печаль. И ответы тоже крутились в голове — путанные, недодуманные, неопределенные.

Ее рука потянулась к черным кудрям. Ни разу до этого она не осмеливалась прикоснуться к его волосам — они оказались шелковисто-гладкими на ощупь, как, впрочем, она и думала. Она разглядывала эти морщины — свидетельства прожитых лет, — что избородили его лоб, всматривалась в эти глаза, которые казались невыносимо знакомыми, глубокими, как море Календи, глаза, которые не давали ей покоя во сне и наяву.

Она провела ладонью по его плечу и вниз, по его руке. Их пальцы встретились, переплелись и отчаянно сжались.

Она могла бы честно ответить ему, если бы заглянула в свое сердце. Там хранились ответы на все вопросы, но этот пугал и смущал ее.

Она держала руку Терлика, но смотрела на него, как на Кимона.

Она начала было говорить, но он поднял руку и прижал палец к ее губам.

— Тебе кажется, что я похож на него, да? — промолвил он.

Она сощурилась. Он как будто прочитал ее мысли.

— Я любила своего мужа, — зачем-то сказала она. Но, сказав это, вдруг открыла для себя, что воспоминания о Кимоне не доставляют ей больше ни боли, ни страданий, а только приятное ощущение тепла. — Даже теперь, когда он умер, я люблю его безмерно. Я не могу его забыть. — Она спустилась еще на одну ступеньку, и теперь они стояли совсем близко, глаза в глаза. — Конечно, я могла бы спать с тобой, если это то, о чем ты думал, говоря, что хочешь стать моим возлюбленным, но мы ведь оба понимаем, что это совсем не то.

Его лицо стало печальным.

— Нет, не то. — Он отвернулся, но потом снова посмотрел на нее. Солнце блеснуло в его повлажневших глазах.

— Это почти противоестественно, как сильно ты похож на него, — с благоговением произнесла она шепотом. И она увидела правду там, где та и содержалась все это время, — в его глазах. Она выпустила его руку и впиалась зубами в костяшки своих пальцев.

— Это очень даже естественно, — сказал он, едва сдерживая волнение. — Думаю, ты уже догадалась. Кимон был моим братом.

Она оступилась, удержала равновесие и тяжело села на ступеньку. Рот ее открывался, но слов не находилось.

— Моим сводным братом, — поправился он, опустившись перед ней на колени так, что их лица опять были рядом. Он снова взял ее руки и сжал в своих ладонях.

Она закрыла глаза, не в силах выдержать пристального взгляда этих прозрачных глаз.

— Я уже говорил, что люблю тебя, что искал тебя все эти годы, — вырвалось у него. — Это правда. Я люблю тебя, женщина, и никогда бы не рассказал тебе о том, что мы с Кимоном — братья, и до конца жизни сохранил бы эту тайну, но я слышу, как ты говоришь о нем. — Он, сглотнув, помолчал и опустил голову. — Вижу, как ты смотришь на меня, а думаешь о нем. — Он положил руки ей на колени. Голос его смягчился. — В такие минуты я пребываю в полном отчаянии, потому что понимаю — мне никогда не завоевать твоего сердца.

Она открыла глаза. Посмотрела на это лицо, и по ее спине пробежал холодок. Такое знакомое — и все же совсем другое.

— Но как это вышло?

В ответ он комически склонил голову, затем скривил губы.

— Отец всегда хорошо относился к своим внебрачным детям, — насмешливо начал он. — Во всяком случае к тем из них, о которых он знал. Мать Кимона работала подавальщицей в таверне в Шазаде. Тогда в тавернах было много красивых девушек, если ты понимаешь, о чем это я. — Он дождался подтверждения, что она понимает. — Конечно, все они рано или поздно теряли его благосклонность. Иногда я думаю, что он терпел мою мать — свою законную жену — только потому, что ее родословная была древнее, чем его, да и состояние у нее, черт бы его побрал, было намного больше.

Законным сыновьям никогда не позволялось водиться с незаконными, но отец всегда держал их в поле своего зрения. Кимон сразу же обратил на себя внимание. Когда его мать как-то зимой осталась без работы, Повелитель Рольф предоставил ему работу, чтобы поддержать их. — Он помолчал, как будто припоминая. — Я думаю, Кимону было тогда лет девять. Рольф дал ему нож и научил его свежевать и потрошить добычу после дневной охоты. Целую зиму он только этим и занимался. Позже появились другие обязанности, и Рольф начал его учить. Он подарил мальчику его первый лук, потом — первый меч. Должен сказать, что я, как и все мои братья, сильно ревновал. Отец проводил больше времени со своим внебрачным сыном, чем с нами.

Он снова помолчал. Стужа ничего не сказала, она просто ждала, когда он продолжит. Кимон почти никогда не рассказывал о своем прошлом; она всегда полагала, что это связано с какой-то глубокой личной раной, с воспоминанием, которого он не хотел касаться. Она сама прекрасно знала, как больно бывает, когда бередят тяжелые воспоминания, поэтому никогда ни о чем его не расспрашивала.

Терлик продолжил свой рассказ:

— Потом Кимон стал исчезать из дома на несколько дней или даже на несколько недель. Иногда его не было месяцами. Его мать умерла от какой-то болезни, и мои братья, да и я сам, решили, что он тоскует по ней и поэтому стал таким замкнутым и этим объяснялись его отлучки. Но однажды ночью, очень поздно, его вызвал к себе отец. — Он остановился и неожиданно улыбнулся, это была ироническая, виноватая улыбка. — Случайно — хотя нет, не случайно — я и мои братья тоже не спали в этот поздний час. Мы спрятались за гобеленами в комнате Рольфа, чтобы подслушать, о чем они говорят. В ту ночь мы узнали, что он стал для отца...

— Наемным убийцей, — перебила она, закончив фразу. — Об этом я знаю.

Губы Терлика растянулись в тонкую улыбку, и он похлопал ее по колену:

— Конечно, ты знаешь. — Он поднялся и потянулся, чтобы снять судорогу, которая свела ему ноги. — Если я и умею сегодня владеть мечом, то это заслуга Кимона. После той ночи я удвоил свои старания на тренировках в надежде вернуть себе отцовское внимание. — Он снова улыбнулся. — Так оно и получилось. Кимон отсутствовал все дольше и дольше, а когда бывал дома, то постоянно ссорился с отцом. В присутствии Кимона Рольф стал проводить больше времени со своими законными сыновьями, как мне кажется нарочно, для того только, чтобы поставить Кимона на место, напомнить ему, что он всего лишь незаконнорожденный. — Терлик снова встал перед ней на колени и попытался улыбнуться. — Отец использовал нас всех. И я совсем не удивился, когда Кимон однажды не вернулся с задания. Если бы я только знал, что это по твою душу отец отправил его, я бы последовал за ним. Уже тогда я любил тебя, Самидар.

Она попыталась вспомнить того юношу, каким он был когда-то.

— Я тогда спасла тебе жизнь в Крильских горах.

— И оставила одного в пустыне.

— Мы были врагами.

Он искренне улыбнулся:

— Всего за одну ночь я понял, что мы не были ими. — Его улыбка сделалась шире, изгоняя печаль из глаз. — О, что за сны я видел в ту ночь! Хоть воздух пустыни и был холодным, те сны не дали мне замерзнуть.

Тишина повисла между ними, их пальцы снова переплелись. Они смотрели друг на друга, и лицо его рассказало ей, что все эти годы он жил надеждой.

— Ты так и не женился? — спросила она.

Он покачал головой.

— Но у тебя были женщины?

Он на мгновение задумался, а затем начал загибать пальцы, беззвучно подсчитывая. Она хлопнула его по рукам, пока он совсем не увлекся, потрепала ему волосы и резко пихнула.

— Изменник, предатель... — Она замолчала. Хоть он шутил и улыбался, она-то знала, какую боль он носит в себе. Она до сих пор хорошо помнит, как прикасались к ней руки Кимона, как они обнимали ее, когда ей было одиноко или грустно, по-прежнему хранила в памяти мгновения, когда она просыпалась с ним в одной постели: их тела переплетены, и солнечный свет струится из окна. Как же она теперь живет без всего этого? И как жил без этого Терлик?

Она протянула руку и снова дотронулась до его лица, задаваясь еще одним вопросом: «Почему я не могу полюбить его сейчас? За эти дни мы очень многое пережили вместе, пока скакали, сражались, страдали».

Именно таким же путем пришла любовь к ним с Кимоном. Опасности, испытания связали их сердца. Так почему же это не может повториться?

Потому что она, глядя на него, видит своего мужа. Она всегда будет видеть только Кимона в его глазах.

— О боги, — сказала она негромко, с расстановкой, когда новая мысль осенила ее. Ее

руки крепко сжались в кулаки. — Кел — твой племянник.

Терлик кивнул.

Стужа поднялась, оцепеневшая, и вернулась на вершину стены. Она оглядела поле и леса. Душа ее плакала, но слезы не застилали ей взора. Если бы она еще знала, по ком она плачет или почему. По себе самой? По Терлику? Она стояла так, пока ноги не задрожали, тогда она села и закрыла голову руками.

Прохладный ветер задул ей в шею. Облачко накрыло солнце, отбрасывая легкую серую тень. Она вытянула шею, подняв голову, и отругала себя без особого воодушевления. Ей совсем ничего не стоило успокоить песню в душе, которая вызвала облако, но это отрезвило ее и напомнило о том, что необходимо обуздывать свои чувства и держать под контролем магические силы.

Облачко уплыло. Снова показалось солнце, неся неумолимую жару. Она приставила руку к глазам.

— Это всего лишь маленькое облачко, — окликнул ее Терлик, утирая рукавом пот с лица. — Может, ты бы оставила его ненадолго?

Его робкий взгляд заставил уголки ее губ дрогнуть и поползти вверх.

— Как ты догадался?

— Половину времени, что мы вместе, я только и делаю, что попадаю то под один дождь, то под другой и промокаю при этом насквозь. — Он возвел руки к небу и притворился, что колдует при помощи магических, в его представлении, жестов. — И ты думаешь, я поверю, что это природа виновата?

— Если в твоих руках есть хоть какая-нибудь волшебная сила, — обратилась она к нему, указывая на восток, — тебе лучше направить ее вон туда.

Передние ряды войска Кела показались из-за леса и встали. Кел выехал вперед и резко осадил коня. Ни на нем, ни на его людях не было масок из черепов, они не предполагали, что им придется сражаться на своей собственной земле. Ее сын поднял руку, махнул ею и направился через поле. Он ехал прямо к разрушенной башне. Черный плащ развевался за его спиной, и он стал похож на огромную птицу, которая расправила крылья в полете.

Стужа чувствовала на себе тяжелый взгляд Кела. Ощущала ярость, которая опережала его, накатывая, подобно волне.

Терлик подхватил свой меч и опробовал ладонью клинок, предвкушая. *Что ж,* — подумала она, — *как бы то ни было, это тоже отчасти волшебство.*

* * *

Когда Кел со своими людьми был уже на полпути к башне, Риотамус заявил о себе. Келедцы выдвинулись из лесов большим полукругом и быстро сомкнулись вокруг армии преступников, захватив ее в клещи. С войском, уступавшим по численности, этот маневр был похож на самоубийство.

Армия Кела остановилась, подняв клубы пыли. Мятежники стали разворачивать своих лошадей, мгновенно придя в замешательство, не зная, что предпринять. Оружие заблестело в руках, когда они изготовились. Все смотрели то на келедцев, то на вождя в ожидании его команды.

Стуже надо действовать быстро.

Она схватила сломанный наконечник пики, который заранее приготовила рядом на вершине стены, и подняла его над головой. В самой глубине ее души уже росла песня, вздымалась сила, мощная, как никогда, и вот она уже переполняла ее. Сверхъестественная музыка зазвенела в ушах, заглушая все другие звуки.

Сила стала извергаться из нее вверх по вытянутой руке, перетекая в древко пики. Вокруг стиснутого кулака и тяжелого гладкого дерева потрескивал воздух. Древко засветилось голубым сиянием, и только она видела это. С обоих концов древка вниз устремились два луча энергии и ударили в круг, находившийся в самой середине ее рисунка.

Символы вспыхнули голубым пламенем, оно перекинулось на средний круг, затем — на внешний, и вот уже все три кольца и все три группы знаков запылали загадочным огнем.

Языки пламени добрались до самых последних элементов ее узора — прямых линий. Огонь пробежал по нацарапанным спицам, охватил весь рисунок, но не остановился на этом. Он продолжал двигаться дальше по полю до тех пор, пока не достиг самой границы леса.

Однако ни солдаты, ни лошади ничего не замечали. Те, кто находился за пределами ее круга, не видел этого пламени. Оно не обжигало, не дымилось. Никто не чувствовал его. Но смертный человек и не мог ничего видеть. Огонь этот создан ее воображением, он стал воплощением того, как сила ее распространяется по полю. Она заглянула глубоко в самую свою сущность, в самые потаенные, забытые, давно не востребуемые уголки души, раскрыла их, и ее волшебные силы вырвались наружу.

Все поле запылало ее энергией, а в воздухе зазвенела ее музыка!

— О боги, боги! — закричал Терлик. Он потерял равновесие и сошел с камня, на котором стоял, наблюдая за происходящим. Ему пришлось сильно изогнуться, чтобы не наступить на один из горящих символов. Поскольку он, как и она, находился внутри кругов, он мог видеть огонь и даже съежился. — Женщина, что ты делаешь? Ты же их всех сожжешь! — Он снова вскарабкался на свой камень, глядя во все стороны, и снова вскрикнул: — Боги!

Она мрачно улыбнулась, и музыка начала стихать.

— Всего лишь обман зрения, старина, — сообщила она ему. Опустила древко пики и оперлась на него. — Никто не сгорит. Смотри.

Солдаты Риотамуса с громким криком атаковали, войдя в ближний бой с армией Кела. Как только они оказались в голубом пламени, которое могли видеть только она и Терлик, все фигуры в красных плащах как будто раскололись, и из каждой вышло по три человека. Их воинственные кличи и грохот лошадиных копыт так загремели, что земля сотряслась. Лучи солнца поблескивали на целом море стальных клинков. Подобно могучему молоту, все это обрушилось на изумленное войско Кела.

Теперь вместо музыки доносились только лязг и звон оружия, вопли раненых. Мечи и секиры вздымались и опускались с безумной точностью. Пики вонзались, протыкали и извлекались окровавленными. Воинов выбивали из седел и растаптывали; раздавленные, изуродованные тела истекали кровью на бездушной земле.

На взгляд Стужи, все это походило на убийство. Совершенно сбитые с толку, наемники Кела валились, как снопы, под косами келедцев. Она смотрела со своего места сверху вниз. Над полем битвы повисло огромное, удушающее облако пыли, но оно не могло скрыть этого ужасного зрелища.

Стужа закусила губу. В животе она почувствовала дурноту.

Горстка мятежников перестала сражаться и со всех ног бросилась бежать в лес. Группа конников в красных плащах настигла их, порубила бандитов на кровавые куски и развернулась, чтобы продолжить битву. Она узнала Сариуса во главе группы. От прежней юношеской восторженности на его лице не осталось и следа. Вместо нее она увидела беспощадную маску ненависти и решимости.

Она поискала глазами сына среди этой неразберихи. Все поле превратилось в беспорядочный водоворот, где кружились люди и кони. Она не смогла определить, где Кел, и это даже немного утешило ее. Вероятно, он уже упал. Но даже если еще нет — может, ей все же удастся избежать зрелища его конца.

— Они дерутся с привидениями, — мрачно произнес Терлик. Он медленно водил рукой по плоской поверхности своего клинка, пристально всматриваясь в сражение. — Они не могут отличить настоящих келедцев от их искусственных двойников.

Он прав. Почти смешно видеть, как мятежники замахиваются и набрасываются на противников, которых там нет. Воображаемые мечи не убивали, но воображаемые враги также и не умирали. Ужас доводил наемников до совершенного безумия. Они не верили своим глазам, начинали рубиться с любым, кто держал оружие в руках, иногда даже с

собственными товарищами.

— Тебе их не жаль? — Роларофец стоял с непреклонным видом, как будто наказывая себя тем, что смотрит. — Мне не кажется, что это честно или благородно.

Необъяснимая ярость вдруг закипела в ней. Она швырнула древко пики так, что оно ударило его по широким плечам. Он резко повернулся к ней в изумлении, в его глазах мелькнул гнев. Стужа шествовала вниз по ступеням, потрясая кулаком.

— Благородство, будь оно проклято, — редкий товар, — в бешенстве закричала она. — Слишком драгоценный, чтобы тратить его на отбросы! Благородно обошелся Кел с Соушейном и со всеми другими городами? Неужели ты думаешь, он размышлял о том, что честно или нечестно, когда убивал всех тех людей? — Она подняла кулаки над головой, ее всю трясло от волнения. Как ей хотелось сбить это дурацкое выражение с его лица! — И не смей говорить со мной о благородстве!

— Но ведь это люди! — закричал он в ответ. — Это же не битва, а просто бойня!

Ну и глупец же он! И почему она решила, что нуждается в нем?

— То же самое произошло бы с Риотамусом, если бы не мое заклатье! И когда прекратились бы убийства? Сколько еще невинных людей, подобных Кириги или Кимону, погибнут, если не остановить Кела? И каково будет этой стране под его правлением? Сколько крови понесут ее реки?

Терлик отступил на шаг, чуть не свалившись с камня. Ошеломленный, он смотрел на нее.

— Женщина, это же твой сын! Одно дело — когда мы разговаривали о битве. Но сейчас эта битва кипит перед нами. Он твой сын!

Гнев, внезапно охвативший ее, так же быстро иссяк. Она выпрямилась и вытерла уголок глаза — всего-навсего капельку пота, которая щипала ей глаза, и ничего больше, уговаривала она себя. Мрачное спокойствие поселилось в душе, но смотреть на побоище ей не хотелось.

— Он безумец, Терлик, — сказала она. — Он вкусил власти и теперь отравлен ею. Да, он мой сын и твой племянник. Но ты ведь знаешь, чем он занимается, и понимаешь, почему мы должны остановить его.

Он судорожно сжимал рукоять меча. Ей стало искренне жаль его, она вдруг подумала: а что если Терлик гнался за Келом из Соушейна не для того, чтобы отомстить за нее, как он рассказывал ей, а в надежде увидеть сына своего брата?

— Хотя, конечно, это очень больно, я знаю, — мягко добавила она.

Терлик ничего не сказал, повернувшись к ней спиной.

Сражение приблизилось. Она высмотрела Риотамуса. Король сражался верхом в самой гуще битвы, храбрости ему было не занимать. Он направил своего коня прямо на лошадь противника и, с пронзительным воплем повалив ее на землю, выбил разбойника из седла. Не успел наемник подняться на четвереньки, как Риотамус, согнувшись в седле, нанес удар мечом по его незащищенной глотке. Ликующий крик, в котором слышалась утоленная жажда мести, искадила его черты. Он развернул свою лошадь, чтобы встретить ударом очередного врага.

Голубой огонь угасал, последняя мелодия затихла внутри ее сердца. Она оглядела поле битвы с высоты, и от зрелища кровавой бойни ей стало тошно. Повсюду на земле лежали тела наемников. Среди павших почти не видно красных плащей. Ей больше не нужно вызывать двойников.

Внезапно колени ее подогнулись, она осела и упала ничком. Еле слышный стон вырвался из ее губ.

Терлик мгновенно взлетел на стену и склонился над ней. Он приподнял ее голову и убрал прядь волос с лица.

— Что с тобой? — вскричал он. — Что случилось?

Стужа облизнула пересохшие губы.

— Это пройдет, — выдавила она через силу. — Я же говорила — влиять на разум

человека гораздо тяжелее, а их было так много... — Она сглотнула и с трудом села. — Не думала, что мне придется так худо. — Вцепившись ему в плечо, она встала на ноги, пошатываясь. Как только она закончила волхование, ее силы сразу же иссякли. Она знала, что потеряет много энергии, но то, что удар будет такой силы, не предвидела. Стужа сжала руку Терлика, чтобы не упасть.

— Сможешь драться? — обеспокоено спросил роларофец. — К нам приближаются.

В самом деле, сражение явно к ним приближалось. Она обнажила свой меч. Клинок сверкнул на солнце.

— Что ж, спустимся и встретим врага, — сказала она.

Стужа выпустила руку Терлика, и он первым сошел по ступеням из камней. Оказавшись внизу, он изо всех сил старался не наступить на нарисованные символы.

— Они теперь не нужны, — заявила Стужа и чиркнула носком сапога по первому попавшемуся знаку.

Сражение велось беспорядочно. Красные плащи вначале выступали организованно, но пролитая кровь ударила им в головы, лишая рассудка. Многие вели бой пешими, так как лошади их потерялись или были убиты. И вновь она поискала взглядом сына, молясь своим богам о том, чтобы Кел уже был мертв. Трое разбойников, оглашая воздух воинственными воплями, бежали к ней через поле с намерением напасть. В мгновение ока Терлик оказался впереди нее с высоко поднятым мечом и перехватил первый удар. Затем одним плавным движением он полоснул наемника мечом по животу, свободному от доспехов, нанося глубокую рану. Не переводя дыхания, он встретил второго нападавшего. Клинок роларотанина описал сверкающую дугу и отрубил мятежнику руку, в которой тот сжимал меч. Вдобавок отскочивший клинок оставил кровавый след под его подбородком.

Третий разбойник замахнулся на нее. Стужа подняла меч, держа его обеими руками, испепеляя противника прищуренным взглядом. Но не успела она начать действовать, как заметила краем глаза мелькнувшую тень. Затем послышался отвратительный глухой звук разрывающейся плоти, а за ним — стон крайнего изумления и отчаяния. Наемник выпучил глаза от смертельного ужаса.

Мощным движением шеи Ашур поднял человека высоко над землей и отбросил в сторону. Огромное острие на лбу единорога влажно блеснуло. Он подошел к ней и встал рядом. Стужа с благодарностью погладила его по густой черной гриве. За всеми волнениями она почти совсем забыла о нем. Вскочила ему на спину.

— В этих руинах больше нечего охранять, — бросила она Терлику. — Будь осторожен!

Он поймал ее плащ за край и сильно потянул на себя. Она соскользнула с Ашура и приземлилась прямо в согнутую левую руку своего товарища. Он помахал перед ее носом мечом.

— Не будь душой, — прошипел он. Лицо его пылало искренним гневом, когда он ставил ее на ноги. — Ты еще слаба, и все почти уже закончилось.

— Слабость быстро проходит, — возразила она. — Я в порядке.

Еще два разбойника налетели на них. Стужа отступила в сторону и круговым движением подставила меч под рукоятку просвистевшего рядом боевого топора. Ее противник оскалится, когда она попятится, и пошел прямо на нее. Он приближался, выписывая топором в воздухе ослепительную бабочку. Стужа выждала, рассчитала время и ударила острием меча по бицепсу.

Топор выпал из внезапно онемевших пальцев. Мятежник смотрел на нее глазами, полными боли. Он молчал, но лицо его молило о пощаде.

Собрав все силы, Стужа сделала выпад и вонзила клинок ему в грудь, продолжая давить на рукоять меча, пока он не вышел с мерзким хрустом между лопатками. С не меньшим усилием она выдернула меч.

Мятежник рухнул на колени, напрасно зажимая рану в груди, из которой хлестала кровь. Потом он упал вперед. Из рта вытекла красная струйка.

Пощады? — с горечью подумала она про себя. — *Если уж Келу суждено умереть, то*

и для его наймитов у меня нет пощады.

Терлик стоял над поверженным и рассматривал разрез на своем рукаве.

— Всего лишь царапина, — объявил он, разрывая материю, чтобы показать ей. — Я был неосторожен.

Она невесело улыбнулась:

— Все почти уже закончилось, кажется, так ты сказал.

Но Терлик оказался прав. Красные плащи набрасывались на остатки наемников, как голодные волки, догоняли, окружали и кромсали их, пока тела не перестали походить на человеческие. Очень редко ей доводилось видеть, чтобы обученные солдаты так свирепствовали.

Совсем недавно Терлик вспоминал о благородстве, а она порицала его. Для людей с высокими представлениями о жизни в этом мире нет великодушия. Все, что нужно Терлику, — смотреть и учиться. Когда люди воюют между собой, о благородстве почти и не вспоминают.

Лязг металла о металл стих. Крики дерущихся смолкли. Не слышно было ни топота конских копыт, ни свиста летящих стрел. Лишь ужасные, нестерпимые крики раненых и умирающих разносились над полем. Но и они скоро смолкли, когда келедские солдаты обошли всех лежавших на земле, торопливо добывая своих врагов.

— Жители Келед-Зарема отомщены, — провозгласил Риотамус, подъехав к ней. Он спустился с лошади и встал, держа ее под уздцы. — Мы должны благодарить за это тебя.

— Не надо меня благодарить, — тихо сказала она. — Помогите найти Кела. Я не видела его с начала битвы.

Риотамус оглянулся, обвел взглядом кровавое месиво и потер подбородок.

— Я помогу тебе, — спокойно ответил он, почти извиняясь. — Но нелегко нам придется. Мои люди немного перестарались.

Она поняла, что он хочет сказать. Тело будет трудно опознать. Ее сын, может быть, лежит сейчас расчлененный чересчур усердными келедцами. Или кони расплющили его тело своими копытами, и мало что теперь напоминает в нем Кела.

И все же она должна убедиться. Стужа обхватила руками шею Ашура и мысленно помолилась своим богам. Затем отправилась бродить по полю между мертвыми.

Сразу нахлынули воспоминания о других временах, других войнах. В воздухе стоял смрад, в котором отчетливый запах крови смешивался со зловонием нечистот, исходившим от мертвецов. Она остановилась — ее внимание привлек блестящий предмет, лежавший на земле. Медальон на разорванной цепочке из чистого золота, украшенный драгоценным камнем. Она наклонилась, подняла его и отдала Риотамусу — он вместе с Терликом шел следом за ней.

— Победителю, — с горечью сказала она.

К горлу подкатывала тошнота. Она давным-давно распрощалась с военным делом и вовсе не думала к нему возвращаться. Слишком много она воевала в годы юности, слишком часто бродила по полям после битв, как сейчас разыскивая своих друзей.

Страшнее всего смотреть на лица. Грубые лица стариков в шрамах, оставшихся с прошлых боев, юные лица почти мальчиков, жаждавших вкусить приключений. Там торчали белые волосы и седая борода, здесь — гладкий подбородок, не тронутый бритвой. И те, и другие — в крови.

Но все эти лица — старые или молодые, умудренные опытом или невинные как младенцы — смотрели одинаково. Широко раскрытые от ужаса глаза, застывшие рты, искривившиеся в беззвучном вопле, и мертвенно-бледная кожа.

Никто из них не ожидал, что умрет. Никто не был этому рад. Смерть — это бог, и только он решает, кто ей друг, а кто враг. Но кто из людей, солдат, крестьян или королей, пусть втайне от всех, не верит в собственное бессмертие?

Она поморщилась, глядя на запрокинутые лица. В них отразился внезапный ужас, настигший их на острие меча. Она вознесла еще одну молитву богу Оркосу, правителю

девяти кругов ада. Пусть со мной все будет иначе, — молилась она. Но она знала — иначе не будет.

К ним присоединился подбежавший Сариус, он покраснелся и тяжело дышал от возбуждения. Его пышный наряд был забрызган кровью, и с меча, который он держал в руке, стекала свежая кровь. Он воткнул его острием в землю и, оставив его трепетать от удара, бросился обнимать своего короля.

— Мы побили ублюдков — всех, до последнего! — Он поцеловал Риотамуса в губы и снова обнял. — А теперь оставим их гнить, пусть проклятые кости белеют здесь до скончания веков, чтобы никому было неповадно бунтовать!

— Вы похороните их или зажжете погребальный костер, — выдавила Стужа сквозь стиснутые зубы. — Как я поступила с жителями Соушейна.

Сариус высокомерно посмотрел на нее, задрав длинный нос:

— А это не твое дело, сука. Ты здесь больше не нужна. Отправишься в Кир — там тебя ждет темница.

Меч Терлика со свистом покинул ножны.

Риотамус выставил руку:

— Подожди, роларофец. Сариус погорячился, в нем еще кровь играет.

Он оттолкнул юного губернатора. Возмущенный, Сариус собрался возразить, но король шлепнул его ладонью по губам и погрозил пальцем. Сариус надул губы, но язык придержал.

— Мы сожжем мертвых на погребальном костре, — обещал Риотамус Стуже. Он отдал приказ Сариусу, а тот нехотя передал его командиру в красном плаще, стоявшему ближе всех.

— Ни в какую тюрьму ты не пойдешь, — заявил король, когда его любимец вернулся. — Думаю, ты заплатила в этот день большую цену, чем любой из нас.

— Я еще не нашла своего сына.

Она отвернулась от него и продолжила поиски, пнув носком сапога рукоять сломанного меча, попавшую ей под ноги. *Сломанные мечи*, — угрюмо подумала она, — *сломанные жизни*.

— Темные Ангелы без крыльев, — произнесла она вслух, когда Терлик наклонился, чтобы подобрать рукоять. Он взглянул на Стужу, ей показалось, он понял ее. Терлик размахнулся и бросил металлический обломок высоко и далеко. Он полетел, вращаясь в воздухе, сверкая на солнце, и шлепнулся на землю.

— Даже не знаю, как все получилось, — услышала она то, что Риотамус объяснял Терлику, когда она наклонилась, чтобы рассмотреть тело. Лицо было обезображено, но виднелась заросшая черными волосами грудь. У Кела растительности на груди не было. — Когда началось наступление, — продолжал король, — и раздался боевой клич, мне показалось, что моих солдат — тысяча, и куда бы я ни поглядел — видел только красные плащи. Это при том, что нас было всего двести пятьдесят!

Терлик слушал, как и подобало, с серьезным видом, но долго ничего не отвечал. Затем потрогал царапину на плече.

— Вы ведь прежде не участвовали в таких тяжелых боях, верно? — Он подождал, когда Риотамус кивнет. — Во всей этой неразберихе вам могло показаться, что ваших солдат стало больше. Вы победили, потому что ваши люди застигли разбойников врасплох и сбили их с толку. — Он помолчал и кивнул в сторону Стужи: — Она прекрасно все рассчитала.

Ее приятель так легко врал, но ей было совсем не до смеха. Догадка, терзавшая ее, переросла в уверенность.

— Его здесь нет, — объявила она с мрачной улыбкой, но продолжала ходить от трупа к трупу.

Риотамус усмехнулся:

— Должен быть здесь. Никто из них не спасся.

— Говорю тебе, его здесь нет!

Стужа подобрала меч, одиноко лежавший на земле, оба лезвия его зазубрились и

затупились. Она обернулась кругом и снова прочесала взглядом все поле. Раздосадованная, резко ударила плашмя мечом о колено. Он со звоном разломился. Стужа сердито отбросила в стороны обломки.

— Должно быть, он использовал заклинание, — тихо пробормотала она.

— Но ведь ты говорила, он не будет готов, — напомнил ей Риотамус. — Ты сказала, ему требуется время, чтобы подготовить свое колдовство. Он должен быть здесь!

Впервые за все время он наклонился и собственными руками перевернул тело, чтобы посмотреть самому. Затем прошел к следующему, бегло оглядел его, потом к еще одному. В его голосе можно было уловить нотки отчаяния.

— Он должен быть здесь!

— Возможно, небольшое личное заклинание, — продолжала она, как будто ее не перебивали. — Какая-то магическая формула, которая позволила ему ускользнуть.

В этот самый миг что-то страшно завывало на дальнем, западном, краю поля. Мужчины застыли на месте и разом повернулись, вглядываясь в ту сторону, откуда шел этот пронзительный, душераздирающий звук, не в силах совладать с дрожью.

Казалось, кровь в венах Стужи превратилась в лед. Она узнала этот пугающий звук. Прикрывая глаза ладонью от лучей опускавшегося солнца, она увидела то, что подтвердило ее самые худшие опасения.

На огромном черном жеребце сидел Кел. Солнце вспыхивало красным светом на коротком клинке, крепко зажатом в кулаке. Сомнений нет — это кинжал, Жало Демона. Он один на земле издает такой адский звук.

Поперек луки седла корчился связанный солдат в красном плаще. Кел удерживал голову келедца на сгибе локтя, как если бы это был младенец. Несчастный крутился и извивался, но безрезультатно, в мертвой хватке колдуна.

Вой кинжала стал еще пронзительнее. Даже здесь, на таком расстоянии, ощущалось, насколько сильна его чудовищная похоть. От этих мощных толчков по коже бегали мурашки, волосы вставали дыбом.

Кел выжидал, он хотел удостовериться, что все увидели и узнали, кто их обманул. Красные плащи первыми пролили кровь в этой схватке, теперь он прольет последнюю. Он поднял кинжал высоко над головой. Луч солнца коснулся металла, и тот зловеще замерцал алым пламенем.

Вдруг Жало Демона сверкнул и вонзился по самую рукоять в грудь келедца. Невыносимый звук смолк — ад разверзся, принимая очередную душу, — но затем раскрылся рот мертвеца, и опять раздалась те же самые мучительные звуки.

Стужа закрыла глаза и терпеливо ждала, считая удары собственного сердца, когда стихнет этот жуткий хор. Но когда она их открывала, то едва могла видеть сквозь застывшую взор красную пелену ненависти.

Кел высвободил Жало Демона и вложил его в ножны. Небрежно двинул ногой и свалил убитого солдата в грязь. С беспредельной наглостью он поднял седельную сумку, показывая всем.

Она почти слышала его смех, когда он повернул жеребца и поскакал через узкую полосу леса в сторону реки Лите и Эсгарии. Без всякого волшебства она поняла, что у него в сумке. Он хотел, чтобы она поняла, специально дразнил ее.

Кел наконец собрал все Три Артефакта. Один из Соушейна, один из колодца в Дакариаре и один из Долины Королей. Он захватил их, овладел ими, невзирая на все ее усилия остановить его.

Теперь он отправится в Эсгарию и положит их к ногам колдуньи Ороладиан.

Но я все равно тебя найду. — Она бросила эту мысль вдогонку сыну, волшебной силой заставив ее лететь и вонзиться ему прямо в сердце. Хотя он уже погрузился в воды Лите, она почувствовала, как он напрягся от ее прикосновения. — *Я найду вас обоих!*

Она побежала к Ашуру, намереваясь преследовать сына. Но, позабыв о трупах и обломках, усеявших поле, она споткнулась и растянулась лицом вниз. Рот ее забился грязью,

на нее уставились глаза мертвеца.

Глава 16

Солнце скрылось, и подул порывистый ветер. Затряслись деревья, посыпались листья. Обычно спокойная поверхность Лите зарыбила танцующими барашками. Трава, росшая на берегах, заколыхалась.

Густой черный дым повалил из-за деревьев, подхваченный ветром, он все же никак не мог подняться высоко в небо. Это был дым огромного погребального костра, он нес с собой тошнотворный запах, который пропитывал все, что попадалось у него на пути.

Стужа откинула с лица прядь волос. На мягкой земле ясно отпечатались следы копыт, они вели прямо в воду и показывали, куда отправился Кел. Она закусилла нижнюю губу и устремила свой взор через Лите, на Эсгарию.

Над головой, перекрикиваясь, пролетела стая птиц. Они медленно и грациозно покружили над полем битвы и удалились вслед за солнцем. Стужа стояла и слушала, как стихали вдали их крики.

Неужели боги подали ей знак? И птицы приведут ее к Келу? А может, так совпало, что они летят туда, на ее родину?

— Знамение? — произнес Терлик. Похоже, роларофец научился читать ее мысли, что ее не особенно порадовало. Он показал в ту сторону, куда улетели птицы.

Она пожала плечами и посмотрела назад. Из-за деревьев поля не видно. Надо было хотя бы попрощаться с Риотамусом. Как ни странно, ей казалось, что теперь их связывают крепкие отношения, похожие на дружбу. Но у нее не было времени, а король со своими людьми тяжело работали, занимаясь скорбным делом: они складывали тела в погребальный костер, который вырос на месте башни Кела.

Сариус, наверное, решил, что она покинула их и сбежала из страха за собственную жизнь. Но Риотамус догадается, куда она пропала. Он поймет.

Она слегка тронула бока Ашура пятками. Единорог ступил в реку. Вода забурлила у его ног, вокруг ее сапог. Вдруг дно ушло резко вниз, и она погрузилась в воду почти по самую грудь. Напрягая мышцы, Ашур поплыл.

Услышав позади резкий всплеск, она поняла, что Терлик решил следовать за ней. Он мало разговаривал с тех пор, как сбежал Кел, а она не стремилась нарушить его молчание. Похоже, в словах сейчас нет нужды.

Вода была очень холодной. Сильное течение на середине реки чуть не снесло ее из седла. Она обхватила ногами бока единорога и стойко держалась за луку седла. Эти воды однажды уже чуть не отняли у нее жизнь, во второй раз она такую возможность им не предоставит.

Копыта Ашура коснулись илистого дна. Он выбрался на берег реки и потряс мокрой

насквозь гривой. Она взвизгнула и заслонила руками, спасаясь от холодных брызг.

— За это ты у меня получишь, — негромко пообещала она.

— За что? — Терлик подъехал и встал рядом с ней. Неожиданно его лошадь тоже замотала головой, и Стужа получила вторую порцию брызг. Терлик засмеялся, когда она вытирала подбородок. По его лицу тоже стекали капли воды, они застревали в отросшей бороде. — За это? — Он снова рассмеялся.

По правде сказать, ей нравилось, как он смеется.

И вдруг всю ее заполнила величественная тишина. Стужа пристально вгляделась в деревья, в синеву темнеющего неба, в тени, окружавшие ее.

Она дома.

— Я нашел его следы, — сообщил ей Терлик, грубо нарушив эту тишину. Его кожаное седло скрипело, когда он, наклонившись, разглядывал отметки на земле. — Говорю тебе, я нашел...

— Это не важно, — тихо ответила она. Ветер замер, и в лесу воцарилось странное спокойствие. Ей не хотелось его нарушать.

Но Терлик не разделял ее настроения. Его голос резко и неприятно вторгся в это безмолвие.

— О чем это ты? — Он показывал на следы. — Смотри, он пошел туда.

Она нахмурилась. Неужели он не чувствует? Как он не понимает? Это же Эсгария, и она наконец дома. Она зачарованно всматривалась в громады деревьев, и ей казалось, они тянутся к ней и шепчут что-то. Тающие лучи солнца льются сквозь листву, и шепчут, и внимают. И затененные уголки леса тоже шепчут и внимают.

— Скоро совсем стемнеет, — напомнил ей спутник. Его голос выдавал недовольство. Он проехал верхом несколько шагов по узкой тропинке. — Мы потеряем его в темноте.

Она посмотрела, куда он показывал, и заговорила приглушенным шепотом:

— Я прикоснулась к его сердцу волшебством. — Она закрыла глаза и обняла себя руками, и голос зазвучал еще тише. — Я его чувствую. Я знаю, где он. Не волнуйся, я его не упущу.

Она снова открыла глаза. Чары леса не отпускали ее. Она глубоко вдыхала, впитывала в себя ароматы листвы, травы, земли.

Терлик сдвинул брови и отвернулся от нее. Плечи его поникли, и плащ не помог это скрыть. Руки стиснули поводья так, что побелели пальцы.

— Я тебе больше не нужен?

Внезапно лес, окружавший ее, стал обычным лесом. И земля — такой же, как в любой другой стране. Дул ветер, шелестели листья, шумела и пенилась река, но звуки эти ничем не отличались от тех, что она слышала на той, келедской, стороне, как и в любом другом месте.

Она подъехала к Терлику, наклонилась и положила руку ему на бедро.

— Не говори глупостей, — сказала она будничным голосом. Даже если лес услышит — ей наплевать. — Да, у меня есть магические силы, но есть и душа со всеми ее недостатками. Мне страшно, я устала. — Она помолчала, пока он не поднял на нее глаза и не посмотрел. — Я чувствую себя такой старой, Терлик. Если бы не твоя поддержка, Терлик, не думаю, что я смогла бы действовать дальше.

Слабая улыбка тронула его губы. Он накрыл ее руку и сжал в своей.

— Красиво врешь, — промолвил он. — Да я не знаю ни одного мужчины, кто был бы сильнее тебя, женщина. И магия тут ни при чем. У тебя ведь не было магических способностей тогда, при нашей первой встрече в Крильских горах. — Он сглотнул и облизнул пересохшие губы. — Ничто тебя не остановит; делай то, что должна сделать.

— Делай и ты, Терлик, Повелитель Рольф. — Она убрала свою руку и посмотрела вперед, в гущу леса, куда вели следы. — Кел на'Акьян — сын твоего брата. Так что это семейное дело.

Он колебался.

— Семейное?

Она кивнула, и на этом их разговор завершился. Уходящее солнце все еще бросало сумеречный свет. Его хватит, чтобы углубиться в лесную чащу, а когда совсем стемнеет, они остановятся на ночлег. Тронув Ашура, она двинулась вперед и выставила руку, чтобы убрать от лица первую же низко растущую ветку.

Эсгария сомкнулась за ними.

* * *

Стужа легла на спину, радуясь мягкой земле, служившей ей постелью, и приспособила седло под голову. Потянулась и приказала своим изнуренным мышцам расслабиться. Небольшой костер согревал голые ступни, и она с блаженством шевелила пальцами.

Ночь наполнилась песнями тысяч сверчков и других насекомых. В непроглядной тьме, обступившей свет костра, ухала невидимая сова. Легкий ветерок раскачивал ветки деревьев над их головами. Все звуки ночи слились в единую вечную музыку, и она лежала не шелохнувшись, чтобы упиться ею в полной мере.

Хрустнула веточка. Терлик, отлучавшийся ненадолго по своим делам, появился в круге света. Он повалился на плащ, который расстелил до этого рядом с ней, и закинул руки за голову. Лишь свет нескольких звездочек пробивался сквозь густую листву.

— Какой же ты неугомонный, — заметила она. — Постарайся уснуть.

— Ты сможешь его догнать, — сказал он. Сразу видно, все мысли его были о Келе. Он приподнялся на локте и посмотрел на огонь. — Я же видел, как скачет Ашур, помнишь? Ты легко обгонишь его.

Стужа вздохнула, ей не хотелось отказываться от редко выпадавшей возможности насладиться покоем. Сложила руки под голову, надеясь, что он поймет это должным образом.

— У него сильный и быстрый жеребец, к тому же Кел знает дорогу. В этом его преимущество. Нам остается только следовать за ним.

Терлик сел прямо.

— Но ты же говорила, что знаешь, где он!

Она придвинула ноги ближе к огню, получая удовольствие от обжигающего тепла.

— Да, но это не значит, что между нами прекрасно вымощенная дорога. Я же не могу просто прискакать к нему и сказать «привет». Да и ветки, невидимые в темноте, выбьют меня из седла точно так же, как и любого другого.

Терлик снова улегся. Сложил руки на груди и плотно сжал рот. Он прикидывал что-то в уме, но решил оставить это при себе.

— Я уже думала об этом, — наконец произнесла она, чтобы его успокоить. — И решила, что у нас есть немного времени. И совсем не обязательно так надрываться, лучше как следует отдохнуть.

Он перевернулся на бок, чтобы посмотреть на нее. Оранжевые блики костра освещали его лицо в профиль. Один глаз сверкал, а другой оставался в тени.

Стужа решила разяснить ему кое-что:

— Кел рассказал мне, что предметы, которые он искал, — это Три Артефакта, без них невозможно осуществить великое Кондосское заклинание, способное возвращать жизнь мертвым. — Она перечислила, загибая пальцы: — Глаз Скраал, Лампа Нугарила, Книга Шакари, неужели ты не понимаешь? Это тебе не какое-нибудь там рядовое заклинание, а настоящее великое колдовство. Высшая некромантия. — Она посмотрела вверх, пытаясь разглядеть небо сквозь толстые ветви. Луны не видно, но Стуже и так известно, как она выглядит. — Такие ритуалы имеют силу только в новолуние, и в эту ночь темно, как на самом глубоком дне ада. Осталось еще три ночи.

Он насупился и покачал головой:

— Все, что ты сказала, мне совершенно непонятно.

Она улыбнулась. Не удержалась и взъерошила ему волосы.

- Ну конечно, непонятно. Ты же роларофец.
— Думаю, меня обидели, — надулся он.
— И не последний раз в твоей жизни, не сомневайся.

Наконец Терлик лег на спину и, похоже, расслабился. Он развязал тунику и подставил обнаженное тело ласковому ветерку, сцепив пальцы на животе. Его легкое прерывистое дыхание еще одной песней влилось в музыку ночи. Но глаза его оставались открытыми.

Стужа долго и пристально смотрела на огонь, стараясь не думать ни о чем, и на мгновение ей показалось, что часть ее души слилась с этой землей и с этой ночью. Сладостное спокойствие снизошло на нее, прогоняя усталость, наполняя безмятежным удовольствием. Она понимала, что это ощущение не продлится долго, тем оно драгоценнее.

Она легко погладила своего спутника по щеке. Он снова повернулся к ней лицом. Она села и стала смотреть на него сверху, пока он тоже не поднялся.

- А как же Кимон? — спросил Терлик.

Она ответила не задумываясь:

— Я люблю Кимона. И буду любить его вечно, и даже дольше. Но Кимона здесь нет. Он не может дотронуться до меня, а мне хочется, чтобы ко мне прикоснулись.

Он смотрел мимо нее на костер.

- И все же ты в меня не влюблена. В отличие от меня.

Она взяла в ладони его лицо и повернула к себе. Свет огня плясал на нем, отражаясь в темных глубинах его глаз.

— Я в самом деле люблю тебя, Терлик, — искренне сказала она. — В эту минуту, в эту ночь, как могу, но я люблю тебя. — Она прижалась лбом к его лбу. — Пусть этого будет достаточно.

Он снял ее руки, но не выпустил.

- А что будет завтра?

Она пожала плечами:

- Завтра будет завтра.

Он печально покачал головой и снова лег. Отвернувшись, он устроил голову на согнутой руке.

- Этого недостаточно, — честно признался он.

Она осталась сидеть, молча, неподвижно глядя ему в спину. Стрекотали цикады, ветер ласкал ей волосы, и ночь ждала вместе с ней. Спустя какое-то время он снова поднялся и дотронулся до ее руки.

- А может, достаточно, — уступил он, — на одну ночь.

* * *

Костер почти догорел. Но ни Стуже, ни Терлику не хотелось вставать, чтобы подбросить в него дров, им и так было тепло в объятиях друг друга. Они лежали тихо, вслушиваясь в звучание ночи. Вдруг в глубине темного леса, среди качающихся ветвей и шишковатых стволов старых деревьев, какой-то едва уловимый трепет привлек ее внимание.

— Смотри, — сказала она, высвобождаясь из-под руки Терлика, державшей ее за талию. Она приподнялась на локте, чтобы лучше разглядеть. — Светлячки.

Он бросил взгляд через плечо и снова опустил голову.

- Ну, просто рой жучков.

Она села ровно и еще долго любовалась их мерцанием в темноте, таким завораживающим, прекрасным зрелищем. Но потом вспомнила Ша-Накаре и придвинулась ближе к костру.

* * *

К полудню следующего дня они добрались до края леса. Теперь на их пути лежал

небольшой городок, окруженный полями. Стужа осадила Ашура, пока впереди еще оставались деревья, укрывавшие их от посторонних глаз.

— Поезжай ты, — велела она Терлику. — Достань еды и разузнай, что это за место. Я встречу тебя на другом конце города.

Он недоверчиво посмотрел на нее:

— Ты ведь не думаешь, что кто-то тебя здесь помнит.

Она всматривалась в безымянный город. Конечно, в глубине души ей очень хочется поехать вместе с ним. Здесь живут люди ее народа. У нее с ними общие корни. И в то же время она знала — ей нельзя туда, и от этого у нее кольнуло сердце.

— Я по-прежнему женщина с оружием, — напомнила она ему. — Они будут отшатываться от меня, как от чего-то мерзкого и отвратительного. Даже если я не скажу ни слова и не выдам своего акцента, даже если они не догадаются, что я эсгарианка, вряд ли мне будут рады. Женщинам нельзя касаться оружия мужчин — это наш самый строгий запрет.

Терлик прокашлялся и сплюнул:

— Глупый обычай.

— Неужели глупее вашей кровной мести, — возразила она, — что держит каждого роларофца за горло?

Похоже, он задумался над этим, почесывая вспотевшую грудь. Затем пожал плечами.

— Я объеду город полями. — Она показала на дорогу, проходившую прямо через город. — Найдешь меня там, на выезде из города, когда его уже не будет видно.

Терлик кивнул, но потом губы его дрогнули, и он, смущаясь, спросил:

— А ты очень голодна? — Он многозначительно похлопал себя по одежде. — Боюсь, карманы мои сейчас совсем пусты, при мне ни единого минарина.

Она ойкнула. Шлепнула себя по груди — мешочек, висевший на шнурке, исчез. Проклиная все на свете, она вспомнила, что потеряла его в Дакариаре, во время своего противостояния с Келом.

Закрыла глаза и тяжело вздохнула. Затем сняла серебряную диадему со лба и любовно повертела ее в руках, восхищаясь красотой, вспоминая чудесные мгновения, связанные с нею. Сверкал на солнце лунный камень, искусно вставленный в переплетенный обод, и на гладкой поверхности камня ей вдруг привиделось немолодое лицо женщины, которая подарила ей эту диадему на память о первом приключении. Все эти годы Стужа бережно хранила ее.

— Возьми это, — сказала она, с неохотой всовывая украшение в руки Терлика. — Нам обоим нужно как следует подкрепиться. В моем животе пусто, как в высохшем колодце. — На миг пальцы ее задержались на украшении, когда он принял диадему из ее рук. Металл все еще хранил тепло ее тела. — Смотри не прогадай с ценой, — добавила она. — Пусть тебе хорошенько заплатят.

Он сдвинул брови, но спрятал вещицу у себя за пазухой.

— Ты уверена, что Кел проходил через это место?

— Через него и дальше, — коротко ответила она. — Он не мешкал. И ты тоже не задерживайся.

Она тронула поводья единорога и поехала прочь, держась края леса, пока не остались позади поля, а город не превратился в маленькую точку вдалеке. Потом она поскакала на запад по широкой дуге и выехала на дорогу.

У обочины росло дерево. Стужа спешилась, отстегнула пояс с оружием и села на землю, прислонившись спиной к шероховатой коре дерева. Ашур стоял рядом и щипал густую траву.

По спине пробежал холодок то ли от страха, то ли от волнения. *Эсгария*. Всегда в минуты покоя это имя всплывает в памяти. И вот она наконец-то дома. Все вокруг — листья, ветер, солнце, — кажется, шепчет: *Эсгария*.

Она раскрыла ладонь. Черная, плодородная земля просыпалась сквозь пальцы.

Но родина отвергла ее, сделав изгнанницей, отказала ей в праве быть самой собой.

Эсгария, со своими законами и обычаями, виновна в убийстве брата не меньше ее самой. И на Эсгарии лежит вина за смерть ее родителей.

Эта земля, такая дорогая ее сердцу, в то же время угрожает опасностью и стала совсем чужой. Стужа вдруг осознала с глубокой, саднящей печалью, что хотя она и родилась здесь, эта страна ей не родная. Она любит эту землю — ее темные леса, широкие равнины, крутые склоны. Любит загадочную, выразительную красоту этой земли, имеющую собственную душу.

Но она женщина и воительница, и за это Эсгария никогда не будет любить ее.

Любовь. Стужа вновь и вновь повторяла это слово в уме. Она хочет любви там, где никто даже не обещает любить ее, и отказывается в любви тому, кто в самом деле любит.

Что толкнуло ее в объятия Терлика? Одиночество? Страх перед будущим? Как часто мужчины накануне битвы искали утешения у своих возлюбленных, жен и даже проституток, она сама была свидетельницей этому. Возможно, то же самое случилось вчера и с ней, когда ее потянуло к Терлику. А еще ей вспомнилась ночь, когда они с Лико наслаждались друг другом, это ведь тоже произошло как раз накануне ее поединка с Келом.

Лико дал ей очень многое, но Терлик отдал еще больше. Прошлой ночью сила его любви заставила ее позабыть обо всех тревогах, и в конечном счете она впервые за долгие месяцы безмятежно уснула рядом с ним. Но она знала — это еще не все. Взошло солнце, и Стужа увидела его глаза — он не спускал их с нее, пока они ехали. Говорил он очень мало и даже не пытался снова прикоснуться к ней. Но всем своим естеством она ощущала, как сильно он ее желал.

Ночью она испытала блаженство. Теперь же, при свете дня, когда есть время подумать, ей больно об этом вспоминать. Что она будет чувствовать, когда вновь опустится ночь? Ну а чего захочется Терлику — ясно и так.

Сможет ли она начать новую жизнь с другим мужчиной? Эта мысль застигла ее врасплох. Она ведь думала только о том, как бы остановить Кела и расквитаться с колдуньей, которую ее сын называл Ороладиан, и ни о чем другом.

Но что потом?

Она вдруг вспомнила об Амалки и Тери, друзья спасли кое-что из ее вещей, когда солдаты собирались сжечь таверну. Оказывается, она скучает по своим соседям. Интересно, как они? Родила Тери малыша или еще нет? Хотя теперь уже, наверное, родила. Мальчика или девочку? Жаль, она не позволила, если родится мальчик, дать ему имя Кириги.

Стужа вздохнула и уставилась на дорогу, ведущую в город. Несмотря ни на что, жизнь берет свое. Короли и солдаты, ведьмы и колдуны сражаются, плетут интриги, убивают друг друга. А такие люди, как Амалки, Тери и их дети, все равно будут жить и жить.

Она снова прислонилась спиной к дереву и смотрела, как ползет по сапогу муравей. Постепенно она успокоилась. Родная или нет, Эсгария была прекрасна сегодняшним днем. Кудрявые облака лениво плыли по голубым небесам, и от нечего делать она с удовольствием предавалась своей любимой детской забаве — стала выискивать облака, похожие на воображаемых животных. Вон медведь, а там — орел. А вот облако, похожее на лошадь, и, пока она смотрела, ветер тоже стал волшебником и превратил лошадь в единорога.

Стужа улыбнулась, растянулась на земле, подложив руки за голову.

Разбудил ее аппетитный запах жареного перченого мяса. Открыв глаза, она увидела улыбающегося Терлика, он водил перед ее носом маленьким кусочком.

Она тут же вскочила в смущении.

— Кажется, я задремала...

Не успела она еще что-то сказать, как Терлик отправил этот кусок ей в рот. В другой руке он держал еще мясо в промасленной тряпице. На земле около него лежал мешок. От него исходил аромат хлеба и сыра.

— Тебя разморило, — отметил Терлик, поднося еще один лакомый кусок к ее губам. Он всунул его сразу же, как только она проглотила первый. Казалось, он испытывал неизъяснимое удовольствие, заполняя подобным образом ей рот. Она старалась жевать как

можно быстрее, а он тем временем не забывал и о себе.

— Да, между прочим, — Терлик облизал свои пальцы и сунул руку за пазуху, — мне показалось, эта вещь тебе дорога. — Он извлек из-под туники диадему с лунным камнем. — Так оставь ее себе. Мне всегда нравилось, как она смотрится на тебе — как третий глаз.

Он водрузил диадему ей на лоб и заулыбался. Затем впихнул в ее рот очередной аппетитный кусок и завернул оставшееся мясо. Терлик встал, закинул за плечо мешок, а она, все еще жуя, так и не сводила с него любопытствующих глаз. Он подошел к своей лошади и вставил ногу в стремя.

— Когда прожужеешь, — сказал он, усаживаясь верхом, — скорей садись в седло.

Она перестала жевать, внезапно заподозрив неладное. Диадема на голове вдруг стала давить ее своим весом.

— Как же ты за все расплатился?

Он обернулся через плечо и посмотрел в сторону города.

— Как ни странно, мне понравилось, — ответил он ей, подмигивая. — В последний раз я воровал, когда был еще мальчишкой. — Он похлопал по мечу на бедре. — Ты бы видела лицо хозяина таверны. Он так старался, складывая для нас еду, а за все хлопоты увидел у себя под носом острие моего меча. — Он встряхнул головой и снова улыбнулся. — Хотя надо отдать должное старику. Он сказал, что меч мой притупился и неплохо было бы его поточить, но из его глотки вряд ли получится подходящий для этого случая оселок, и он просит его за это простить.

Стужа нехотя поднялась, нацепила португею с мечом и вскочила на спину Ашуру. Внимательно посмотрела на дорогу.

— За тобой не погнались? — затаив дыхание, спросила она.

Он пожал плечами:

— Ты уже не выглядишь усталой.

Она оставила его слова без внимания и пустилась вскачь. Терлик скакал рядом с ней и радостно смеялся. Мешок с едой подпрыгивал у него на боку. Стужа кинула взгляд за спину, но погони еще не было видно. Все равно, береженого бог бережет. Чем дальше они уберутся от города, тем скорее смогут сделать привал и снова поесть.

Эх, если бы он еще догадался добыть хоть немного вина. А то что за жаренное с приправами мясо без доброго красного вина?

Они ехали очень быстро и замедлили ход лишь тогда, когда въехали в еще один лес. Здесь пахло водой. Проехав еще немного, они остановились на берегу небольшой приветливой речки.

— Выкладывай свои лакомства, — велела она, кивая на мешок с едой. — Лучшего места для привала и не представить. А после, если никто не бросится на нас из-за кустов, я бы хотела искупаться. — Она понюхала себя и поморщилась. И как только Терлик соблазнился ею прошлой ночью? Снова принялась. А как же в таком случае она сама соблазнилась им? — И ты искупайся, но прежде пусть твоя лошадь напьется, не то после тебя она уже не захочет пить воду.

Она посмотрела на него, неожиданно довольная собой, — теперь уж и не вспомнить, когда она шутила в последний раз. Это так приятно, очень приятно.

Роларофец спешил, подошел к ней и протянул руку, предлагая помочь спуститься.

— Сударь! — воскликнула она, изобразив уязвленное самолюбие. — Я вполне еще в силах самостоятельно, без твоей помощи, спуститься с этого зверя. Ты просто хочешь воспользоваться предлогом, чтобы еще раз облапить меня своими ручищами.

Терлик, воплощение самой невинности, так и стоял с вытянутыми к ней руками.

— Ну хорошо. — Она перебросила ногу через луку седла и наклонилась к нему: — Но прошу, води себя прилично.

Вместо того чтобы спустить на землю, Терлик подхватил ее на руки и покачал, как ребенка. Он приблизил к ней лицо и, помедлив, поцеловал. Она заметила, что после поцелуя

в глазах его вспыхнул озорной огонек.

— Терлик, — медленно, с расстановкой произнесла она, — отпусти меня. Я ведь просила вести себя прилично.

Он сделал несколько шагов. Его мышцы на груди и руках напряглись. Качнувшись, он бросил ее прямо в реку.

Стужа завизжала, вода сомкнулась над головой, а она уже сидела на дне реки. Сплюывая, она выскочила на поверхность и протерла глаза. Терлик уже расстелил свой красный плащ на земле и начал вынимать яства из мешка.

— Ах ты, напыщенный, надутый кусок навоза! — Тут она замолчала, лишившись дара речи, когда увидела, как он извлекает из мешка бутыль, заткнутую пробкой, и два изящных кубка чеканного золота. Река была ей по пояс; она брела по воде, не отрывая взгляда от красной жидкости, которую он наливал из бутылки.

— Стой, где стоишь, — строго приказал Терлик. Он поставил кубки на землю, поднялся и начал раздеваться. — От нас воняет. — Он сбросил тунику и потянул за сапог. — В Роларофе мы никогда не обедаем с дурно пахнущими людьми. Это вредно для пищеварения.

Стужа сняла с себя мокрую насквозь одежду и бросила ее на траву, что росла у берега.

— Дай хотя бы удостовериться, что это вино. За его вкус я даже готова тебя простить.

Раздевшись догола, он поднял с земли кубки и вошел с ними в реку, направляясь к ней. Солнечный свет ослепительно вспыхивал на золоте, она взяла один из винных кубков из его руки и наклонила его. В нем играла жидкость, яркая и густая, как кровь. Аромат она имела необыкновенный. Стужа с закрытыми глазами пригубила, смакуя. Ее ожидания оправдались — вино было великолепным.

— Ну как, я прощен? — спросил Терлик, глядя на нее из-за кубка.

Она сделала еще один маленький глоток.

— Я подумаю, — ответила она и чокнулась с ним. Он попытался ее обнять, но она не далась. — Вы ведь, роларофцы, не обедаете с дурно пахнущими людьми, а что до меня — я умираю с голоду. Так что давай мойся.

Она допила вино и швырнула пустой кубок на берег. Он, упав на расстеленный плащ, как раз рядом с бутылкой. Стужа развернулась и пошла на середину реки. Здесь оказалось глубоко настолько, что можно было плавать, и течение совсем несильное. Сделав несколько гребков, она нырнула вниз. Вода была теплой, восхитительной. Она сразу же ощутила, как расслабилось все ее тело. Когда ей стало не хватать воздуха, она поднялась на поверхность и поплыла обратно к Терлику.

Он стоял недалеко от берега и поливал себя водой. Кожа его поблескивала от капелек воды. Мышцы волновались при движении. Терлик был все еще в хорошей физической форме — даром что дворянин. Праздная жизнь не сделала его хилым, чего не скажешь о многих богатых людях.

Она приблизилась к нему. Руки его были изукрашены шрамами. Большой шрам на бедре — свидетельство старой раны. Похожий шрам идет прямо вдоль ребра на правом боку.

Стужа ощутила под ногами илистое дно и вытянула руки, чтобы лучше рассмотреть следы, доставшиеся ей от ее собственной боевой истории. Все написано здесь, на теле, как и у Терлика. Им обоим довелось слишком много воевать в своей жизни.

— Как твое предплечье? — окликнула его она, вспомнив о последней из его ран. Он согнул руку в локте и улыбнулся:

— Я же говорил — просто царапина. Почти зажила.

Она кивнула и начала мыть свое тело и волосы. Жестокое урчание в желудке напомнило ей о том, что она голодна, и она заторопилась.

Они выбрались на берег вместе, и Стужа, собрав свою одежду, развесила все на ветках кустов, искренне надеясь, что она высохнет прежде, чем ей придется снова ее надеть. Терлик, все такой же голый, сидел на краю своего плаща скрестив ноги и отрезал куски сыра маленьким кинжалом, который он носил у себя на поясе.

Она уселась рядом с ним, когда в бокалах уже было налито вино. Промасленных свертков с перченым мясом было целых два — один с говядиной, другой со свининой. Здесь же был еще теплый ломоть хлеба, — видно, недавно из печи. Она отхлебнула вина и потянулась за мясом.

Когда они завершили трапезу, остался всего лишь небольшой кусок сыра. Стужа лизнула горлышко бутылки, перевернула ее и поймала языком последнюю каплю. Со вздохом сожаления она отшвырнула ее через плечо в кусты.

Ее спутник наклонился к ней ближе:

— Самидар...

Она отодвинулась от него, быстро и грациозно встала и отошла на несколько шагов. Вино немного ударило ей в голову, но не настолько, чтобы сделать то, чего так хочется Терлику. Впереди у них целый день, и ехать нужно еще очень далеко.

— Прекрати смотреть на меня такими глазами, Правитель Рольф, — накинулась она на него. Но, даже произнося эти слова, она не отрывала глаз от его обнаженного тела. Ей пришлось заставить себя отвернуться, она почуяла опасность в этом нечаянном сходстве. Стужа отошла еще дальше и сняла с веток вещи, которые повесила сушить раньше. Одежда так и не высохла, но она все равно натянула на себя тунику, стараясь не подавать виду, что ей неприятно ее прикосновение, холодное и мокрое.

Терлик посидел немного, затем потянулся за своей одеждой. Он быстро оделся и прикончил последний кусок сыра, пока она воевала с мокрым сапогом.

— Наверное, надо было оставить хоть что-нибудь про запас, — сказал он, дожевывая последний кусочек и облизывая пальцы. — Да только слишком вкусно все было.

Она ничего не сказала. В самом деле, они так набросились на еду, как будто несколько дней голодали, без единой мысли о завтрашнем дне. Что ж, жалеть об этом слишком поздно, зато в животе теперь приятное чувство сытости. Правда, одежда приятных чувств не вызывала, и она сердилась на Терлика за его дурацкую шутку.

— Помоги же мне с этим проклятым сапогом, — позвала его она, с трудом удерживая равновесие на одной ноге, пытаясь втиснуть другую ногу в сырую кожу. Исподтишка она следила за ним — клонет он на ее просьбу или нет.

Конечно же, он клонул. И когда он наклонился, чтобы протолкнуть ее пятку, она положила обе руки ему на плечи и пихнула его изо всех сил. Он плюхнулся в воду с такой силой, что ей сразу же стало легче. А при виде того, как он вынырнул, весь в иле, отфыркиваясь, стало совсем хорошо.

Стужа сложила руки на груди и довольно улыбнулась.

Терлик, пошатываясь, выбрался на берег, утирая лицо, поросшее бородой. Сапоги, колени, зад — все было в иле. Мокрая одежда облепила тело.

— Все же есть в тебе, женщина, некоторая подлость, — с серьезным видом заявил он.

Она быстренько попятилась от него, взялась за поводья и села верхом на Ашура.

— Я бы назвала это шаловливостью. — Она сверкнула белозубой улыбкой во весь рот. — Увидимся на том берегу. — Она направила Ашура мимо него — в реку.

— Что ж, если мне суждено ехать в мокрой одежде, то по крайней мере меня утешит мысль, что я не один, — крикнул он ей вслед.

Это ты так думаешь, — посмеялась она про себя, переправляясь через реку. Высушить одежду ей ничего не стоит, еще в башне Кела она испробовала свои магические способности в этом деле. Втайне от своего друга она так и поступила. Он ведь первым бросил ее в реку, она лишь отплатила ему тем же. Так что он заслужил свою долю ехать в мокром, а она не собирается из-за него страдать.

Она подождала, пока Терлик сядет на лошадь, переберется через реку и подъедет к ней. Выражение его лица, с которым он пытался приспособиться в седле, доставило ей удовольствие, но она спрятала улыбку, напротив, прикрыла глаза и прислушалась к аккорду, еле слышно прозвучавшему в самом затаенном уголке души. Это значит — Кел проходил здесь.

Знать, что они идут по его следам, — вот и все, что ей нужно сейчас, и она не стала впускать музыку в сердце. Она не будет больше думать сегодня о сыне. Не хочется омрачать такой ясный день, у нее для этого слишком хорошее настроение.

Эта музыка не подходит, — решила она. — *Спою-ка я лучше.*

Ее голос разнесся по лесу. Она начала с песен, что пела в своей кухне. Когда кончились эти песни — стала вспоминать другие. Песни сражений и путешествий, непристойные песни и грустные, жалобные песни и песни любви — она исполняла их одну за другой. Жаль, конечно, нет у нее инструмента для сопровождения, но это не важно, как здорово просто раскрыть свою душу и петь!

— Сколько же в тебе талантов, — отметил Терлик в перерыве между песнями.

Она отвечала высокомерно, притворно закатывая глаза:

— Ты еще не видел, как я рисую. — И она состроила еще более надменное лицо.

Он приподнял бровь:

— Музыка и живопись?

У него был такой удивленный вид, что ей стало смешно.

— И вышивание, и кулинария, и еще — языки. Ты забыл, что я — дочь знатного человека и получила подобающее воспитание. — Она закусил губу и добавила, уже не так уверенно: — Конечно, я еще много чему научилась у своей матери — такому, о чем тебе вряд ли захочется знать.

И тут же пожалела о своих словах. Воспоминания нахлынули с неодолимой силой, и другое настроение овладело ею, угнетая душу. Все прежние боли и страдания обрушились на нее. Призраки, которых она, казалось, давным-давно изгнала из своей жизни, вдруг снова напомнили о себе, а старые печали опять стали терзать ее сердце.

Она спела еще одну песню, желая разогнать дурные мысли, но на этот раз музыка уже не радовала, и она замолчала, не допев куплет до конца.

Терлик подъехал к ней и дотронулся до ее руки. Пальцы их переплелись, и она крепко держалась за него, ища в нем надежду и опору.

Вот уже много лет эти воспоминания не тревожили ее. Она заставила свое чувство вины оставить ее в покое, во всяком случае она так думала. *Почему же сейчас!* — размышляла она. Ее прошлое внезапно нависло над ней, как черная туча. Стужа посмотрела вверх, сквозь ветви деревьев, чтобы убедиться, что на самом деле в небе по-прежнему сияет солнце.

Ответ надо искать вокруг. Это ее земля, сама Эсгария, дает о себе знать. Ей известно все о преступлениях Стужи, и она призывает ее к ответу. Конечно, она может ненадолго забыться в объятиях Терлика, во время веселых пикников или даже распевая песни. Но эта земля никуда не девается — она ждет. Сам дух Эсгарии осуждает Стужу, и никакие ее волшебные силы не способны заглушить этот голос.

Остаток дня она ехала молча, бдительно оглядывая каждое дерево в лесу, настороженно оборачиваясь на малейший звук — будь то шелест падающего листа, хруст сломанной ветки или шорох в траве.

Они двигались верхом, пока солнце не покинуло небосвод. В наступивших сумерках стали устраиваться на ночлег. Терлик набрал щепок для костра, а Стужа искала ветки и сучья, чтобы было чем поддерживать огонь до утра. Никто не вспоминал о еде. Они расстелили плащи поближе к огню и легли на них, используя седла вместо подушек. Он прижался к ней, обхватив ее за талию. Почти сразу же его дыхание стало ровным, и он уснул.

Стужа вздохнула и постаралась успокоиться. Теплая кожа Терлика согревала, и она с облегчением поняла, что ему от нее ничего не надо, кроме как просто лежать рядом. Сама же она смотрела на огонь. Слушала, как бьется сердце роларотанина и как вторит ему ее собственное сердце. Постепенно эти звуки убаюкали ее.

И тогда ей стали сниться сны! Сладкие и тревожные. Она с наслаждением перекачивается в объятиях Кимона. Или это руки Терлика? Потом ее нагое тело покрывается доспехами. Кимон — или Терлик — исчезает, вместо него появляется Кел со своими

наемниками. Она размахивает мечом, нанося удары и убивая всех, пока не оказывается по колено в море из мертвых тел.

Но у всех трупов одно и то же лицо — ее брата!

Затем оно тает, и она видит знакомые лица мужчин и женщин — завсегдатаев ее таверны. Она кружится в танце перед ними, и они бросают монеты. Но монеты в воздухе превращаются в светлячков, которые жалят и обжигают ее. Она бежит, спотыкаясь и путаясь в юбках, пока не оказывается у реки, ныряет в нее, но когда ноги отрываются от берега, она видит свое отражение в залитой лунным светом воде.

Невероятно, но отражение протягивает руки, чтобы обнять ее. Но ведь это совсем не она! Существо, глядящее на нее из воды, обладает лицом ее матери, и оно смеется над ней! Руки существа смыкаются на ее шее и тянут вниз, в мрачные глубины. Она сопротивляется, задыхаясь, глотая воду, и бьет кулаками по глумливому лицу, а оно все смеется и смеется...

Стужа резко села, охваченная внезапной тревогой, вся в поту. Пусть это и был ночной кошмар, но она поняла — сон связан с реальностью. И смех, который она слышала, вовсе не смех. Только Ашур мог издавать такие звуки.

Терлик тоже проснулся:

— Эй? Что случилось?

— Помолчи! — шикнула она. Ее меч выскользнул из ножен. Свет огня заволновался на остром лезвии, разбрасывая желтые отблески среди листвы.

Ашур опять пронзительно закричал, он то и дело вставал на дыбы и бил копытами мшистую землю. Его сверхъестественные глаза горели и потрескивали с неистовой силой. Единорог резко вскидывал голову, рассекая воздух гривой.

Лошадь Терлика тоже неожиданно забеспокоилась, стала ржать, тянуть и дергать поводья, привязанные к молодому деревцу.

Стужа тоже все поняла, но слишком поздно.

— Вставай! — громко крикнула она. Воздух наполнился чудовищным смрадом. Лес излучал зловоние мерзости и гнили. Терлик высвободил меч, он вскочил на ноги и шарил глазами в темноте.

Вдруг нечто устремилось через костер прямо на нее. Ее меч взметнулся вверх и описал широкую дугу, не встретив ничего. Но она пронзила что-то, это точно!

Черный бесформенный фантом обернулся вокруг нее, словно тонкая паутина, и дикий крик вырвался из ее глотки. Хватка была ледяной, тело стало холодеть, руки и ноги онемели. Стужа извивалась, выкручивалась, но движения ее были слишком вялыми. Тварь облепила женщину, как тяжелый дым.

Меч оказался бесполезным. Она сосредоточилась, стараясь найти в себе хоть какое-нибудь заклинание, чтобы противостоять фантому, но, к собственному ужасу, привычная музыка в ней умерла. Все было тщетно, даже ее волшебство оказалось бессильным! Из нее вытягивали жизнь. Цепенящий холод неумолимо подбирался к сердцу.

Слабея, она с надеждой смотрела на Терлика. Он стоял рядом, беспомощно глядя на нее, чуть не роняя меч из рук. Рот его беззвучно двигался, но она не слышала, что он кричал, видела только, как слезы заливают его лицо. Положение у него безвыходное, оставалось только проклинать все на свете. Тварь, что высасывала из нее жизненные силы, не имела плоти. Если он даже и нанесет удар мечом, то лезвие войдет не в фантом, а в тело Стужи.

Но ей еще рано умирать! Она знала, что это за тварь и как ее победить. Отчаянно, изо всех сил, Стужа заставила заледеневшие губы двигаться, язык и зубы — выговаривать слова. Надо было успеть!

— Серое... серое пятно! — крикнула она слабым голосом, но слова прозвучали не так, как надо, — невнятно, неразборчиво. Она еще раз попыталась, умоляя своих богов сделать так, чтобы ее друг все понял. — На черном теле... серое пятно!

Терлик перестал открывать рот и уставился на нее в замешательстве. Затем он резко занес сверкающий меч над головой, сжимая его обеими руками. Выкрикнул ее имя как победный клич и обрушил меч со всей силой.

Тварь испустила леденящий душу пронзительный визг. Терлик отшатнулся назад, как от удара, схватился за голову и упал. Белая вспышка ослепила Стужу, когда этот звук рваным лезвием проник в ее мозг.

А потом тварь исчезла.

Колени Стужи подогнулись, и она упала в опасной близости от костра, не в силах пошевелиться, ловя ртом воздух, чтобы наполнить заледеневшие легкие. Ее дыхание попало на тлеющие угольки, и огонь оживился. Но лицо не ощутило жара костра. Все тело стала бить неудержимая дрожь. Голова резко запрокинулась назад, руки и ноги, сведенные судорогой, безумно заколотили по земле.

В эту минуту к ней подбежал Терлик, поднял ее на руки, прижал к груди, стал качать, как ребенка.

— Самидар! — стонал он. — Самидар!

Она хотела ответить, но язык не слушался.

Постепенно дрожь прекратилась. Ночь все тянулась. Терлик не выпускал Стужу из рук, и она начала отогреваться. Он растирал ей руки и ноги, баюкал, раскачивая из стороны в сторону, придвинувшись как можно ближе к огню. В теплых, утешающих руках Терлика, завернутая в два красных плаща, она почувствовала, как страх отпускает ее.

Но ей никогда не забыть хватку той твари, ее всепроникающий, мертвый холод — холод могилы. Стужа всматривалась во мглу и темень, а когда Терлик вернул ей меч — крепко сжала его.

Терлик встал со своего места всего лишь раз — когда увидел свой меч поодаль, куда тот отлетел во время смертельной агонии твари. Он принес его к ней, не веря глазам своим. Меч был воткнут в грязный, пожелтевший от времени череп.

Его глазницы горели отраженным огнем и смотрели на нее с осуждением.

Глава 17

— *Шимиер*, — повторила она. Яркий дневной свет придавал ей смелости, и теперь было легче объяснять, что за сверхъестественная тварь напала на нее ночью. Стужа ослабила поводья Ашура, позволив ему самому выбирать шаг, пока она отвечала на вопрос Терлика. — Некоторые называют это *шимиер*, ответ, а кое-кто — посланный.

Роларофец кивнул, но она видела — он так ничего и не понял.

— Не забывай, Кел главным образом некромант, — продолжала она. — Если ему попадает в руки череп или любая другая кость человека, умершего насильственной смертью, то он может вызвать дух этого человека и послать его на убийство. Но внутри бестелесной формы находится кость, которую несет этот дух. Кость эта кажется серым или белым пятном. — Её передернуло. Все еще свежа в памяти холодная хватка шимиера. Он держал ее так, что Стужа не могла ничего сделать. — И, только проткнув куском металла это пятно, можно одолеть эту тварь.

Солнце пригревало, но ей все равно было зябко. В поединке с шимиер все ее магические способности оказались ни к чему. Своей жизнью она обязана человеку, который ехал сейчас рядом с ней.

— Это был призрак?

Она улыбнулась тому, как он все упростил.

Но ее спутнику было не до смеха.

— Значит, Кел знает, что мы следуем за ним. И он может напасть на нас в любую минуту, как это было прошлой ночью.

— Не в любую, — поправила она. — Некромантия привязана к ночи. Кел не может ею заниматься в светлое время. По сути, для всех самых сильных заклинаний ему требуется темнота. В этом главный недостаток его дара.

— Как у вампира, — бросил Терлик. — А днем он спит.

Она нахмурилась — как можно быть таким невеждой:

— Не мели чушь. В эту самую минуту он и не думает спать. — Она замолкла и прикрыла на мгновение глаза. — Он уже добрался до места, — объявила она.

Терлик выгнул бровь дугой:

— Ты это чувствуешь? А что насчет Ороладиан? Должно быть, мы уже очень близко.

Да, они близко. Если ехать весь день, к заходу солнца они подъедут к месту, где скрывается Кел. Это тревожило ее: у Кела будет время подготовиться к их встрече, а она совсем не знала, насколько сильны его колдовские чары. Ей надо быть готовой ко всему.

А что если Ороладиан тоже там? И им придется иметь дело с двумя колдунами? Стужа заглянула внутрь себя, прислушиваясь, и услышала режущий ухо диссонанс — это ее сын. Даже если Ороладиан и рядом — Стуже этого не выявить.

Она начала жалеть о том, что позволила Терлику отправиться вместе с ней. Ясно же, что все это совсем не стихия роларотанина. Он ничего не знает о колдовстве или магии, совсем ничего о тех силах, что будут им противостоять. Нечестно и эгоистично с ее стороны втягивать его в эту историю.

Хотя прошлой ночью победу одержал-таки он. Не будь его — *шимиер* отнял бы у нее жизнь. И все же ее раздирали сомнения. Ашур способен с легкостью обогнать лошадь Терлика. Тогда она оставит его далеко позади. Он, конечно же, припустит вслед за ней, но к тому времени, когда он догонит ее, может, она уже покончит со всеми неприятностями.

А с другой стороны, Кел не только ее сын, но и племянник Терлика. Он уже проделал огромный путь, сражался с ней бок о бок, помогал ей преодолеть такие ужасы, о которых сам даже не имел понятия. Она не имеет права его покидать. Ей ведь прежде доводилось сражаться против магических сил, не имея в руках ничего, кроме меча и собственной храбрости, и она всегда побеждала. А Терлик — воин, ничуть не хуже ее самой. Отвергнуть его помощь сейчас — значит оскорбить. Даже если он ничего не смыслит в колдовстве, он все равно человек. А человек может заставить дрожать даже богов.

— Мы должны ехать очень быстро, — сказала она наконец. — Успеть до захода солнца.

Терлик задумался о чем-то и нахмурился. Ласково потрепал лошадь по загривку:

— Кобыла моя выносливая, но уже выбилась из сил. Ашуру будет легко, я знаю. — Он снова приласкал лошадь. — А вот насчет нее — сомневаюсь.

— Тебе что, хочется провести еще одну ночь под открытым небом? — грозно спросила она.

Он сощурился:

— Уверен, Ашур справится, если снова повезет нас двоих. — Он похлопал животное в последний раз. — Прости, лошадка.

Стужа тоже слегка потрепала свое животное, низко наклонилась, шепча что-то на ухо единорогу. Он фыркнул в ответ и тряхнул гривой. Потом она тронула пятками его бока, и они отправились в путь.

Солнце уже клонилось к закату, а они все еще пробивались сквозь самую гущу очередного леса. Даже Ашур замедлил ход, продираясь по заваленным упавшими деревьями тропам. Взмывленная кобыла Терлика вся покрылась густой пеной и тяжело дышала, но отважное животное стойко переносило испытание и не отставало. И все же, если они не хотят ее потерять, им придется вскоре сделать остановку и дать бедняжке передохнуть.

— Мы уже близко, — вымолвила Стужа, хлопая себя кулаком по бедру. — Совсем близко, будь оно неладно. Где же он прячется, провалиться ему во все девять кругов ада?

Терлик посмотрел вверх, мимо ветвей деревьев. День завершался, и небо горело оранжевым светом. Узкие лучи едва пробивались сквозь листву, они выделялись на фоне зловещих темных участков, куда не проникал свет. Терлик принялся — воздух был напоен сильным запахом земли.

— Все не так, — мрачно заметил он.

— О чем ты? — окликнула она его через плечо.

— Леса, — ответил он негромко, стараясь не шуметь. — Их так много в твоей стране, все невероятно красивые, просто сказочные, никогда в своей жизни не видал таких. — Он помолчал, оглядываясь по сторонам. — Но что-то не нравятся они мне. Я совсем не видел здесь дичи — только одну случайную птичку. Мне все время кажется, что кто-то или что-то постоянно следит за мной.

— И еще давит, — добавила она, — как будто тебя медленно сжимают и ты не можешь вдохнуть полной грудью.

Он кивнул.

Стужа быстро пригнулась в седле, пропуская над собой толстую ветку, возникшую перед ней на пути. Она хорошо понимала, что чувствует Терлик. Еще ребенком она любила играть в лесах, таких же как этот. Когда стала постарше, она, под присмотром матери, постигала тайные искусства в дремучих лесных чащах, под густыми кронами огромных деревьев, не пропускавшими свет, среди старых ползучих корней. Иногда, когда ей хотелось избежать придинок брата или просто побыть одной, она забиралась на самые верхушки деревьев и пряталась там от всего мира.

Уже тогда она чувствовала то, что описал Терлик, когда кажется, что везде — за мощными, переплетенными корнями, среди самых высоких, недоступных ветвей — таится что-то чужое, необычное. В детстве ей нравилось это ощущение, она словно бросала ему вызов, играла со своим страхом, представляя себе, что за соседним деревом что-то поджидает ее, чтобы схватить.

Сейчас она, конечно, намного старше, и детские игры остались в далеком прошлом. И все равно, когда она всматривается в сумрачные тени, ее сердце, как и тогда, слегка сжимается от благоговейного страха.

— Эсгарианцы верят, что в этих дремучих северных лесах живут наши боги, — рассказывала она ему, пока они ехали. — Может, это и правда. Есть в этих краях места, где еще не ступала нога человека.

Терлик коротко выругался, она обернулась и увидела, как он сломал тонкую ветку, о которую зацепился его плащ.

— Потому что человеку и ступить-то негде в таких зарослях, — мрачно заметил он.

На тропе — то тут, то там — их коварно подстерегали выступавшие из земли искривленные корни и разросшиеся повсюду ползучие растения. Стуже и ее спутнику никак не удавалось двигаться быстрее. Ветки деревьев свисали так низко, что запросто могли выбить зазевавшегося наездника из седла, а пыльные паутины то и дело задевали их лица. Время от времени старую тропу и вовсе было трудно разглядеть из-за густого подлеска. На их счастье, дневного света еще хватало, чтобы Терлик видел следы там, где до них прошел Кел, — сломанные ветки и прорубленные заросли. При Стуже был еще ее магический дар, но он подсказывал ей только, где находится сын, но не говорил, каким лучше путем до него

довратся.

От досады она скрежетала зубами.

— Уже темнеет, — зачем-то обратился к ней Терлик. — Может, остановимся на ночлег. Если бдительно караулить всю ночь...

— Нет! — закричала она на него. Но потом извинилась. Не стоило сердиться на него. Она завела их в эту чащу. — Он где-то здесь, говорю тебе. Я чую его. Мы уже совсем близко. — Она внимательно посмотрела по обе стороны тропы, вглядываясь в сгущающуюся темноту. — Как, ты говорил, называется тот городишко у границы? Где ты украл для нас еду?

— Паркасит, — равнодушно ответил он.

Она покачала головой. Это название ей ни о чем не говорило. Может, этот городок вообще возник в те годы, когда ее здесь не было. Кроме него, им больше не попадались города на пути, что неудивительно. На крайнем юге Эсгарии, вдоль обжитого побережья, красивейшие города встречаются повсюду — величественные и богатые; в них процветает торговля. Но в северной части страны всего несколько крупных городов и чуть больше — маленьких городишек; берег здесь слишком изрезан и не подходит для строительства портов, а леса слишком обширны и не годятся для земледелия. Этот край охраняется — и, значит, управляется — несколькими могущественными князьями, у каждого из них собственная армия. Эти силы всегда стояли на страже, защищали страну от нашествий воинственных роларофцев и поползновений более миролюбивых келедцев.

Ее отец был таким князем.

— Чувствуешь запах? — спросил Терлик, прервав ход ее мыслей. Он коснулся собственного носа и снова потянул. — Воздух соленый!

Она кивнула:

— Море Календи! Должно быть, мы недалеко от берега!

По всему лесу затрещали цикады, они готовились к очередному ночному концерту. Терлик назвал бы это шумом, но для Стужи их стрекот — такое же проявление жизни, как и стук собственного сердца. У лица мелькнул огонек. Мгновенно, не задумываясь, она взмахнула рукой. Потом разжала кулак.

На ладони лежал всего лишь светлячок, которые обычно слетаются вечерами. Она содрогнулась и отшвырнула его. *Ну и тупица*, — побранила она себя за такое бездумное действие, — *не все же светлячки в мире — порождение колдовства Кела*.

Что-то обожгло ее лицо, она охнула и резко осадилась Ашура. Ощупала нерешительным пальцем больное место на щеке, где прямо под глазом осталась неглубокая царапина из-за тонкой ветки. В темноте она эту ветку даже не заметила. Смочила большой палец слюной, потерла ранку и оглянулась на Терлика. Тот не говорил ни слова, лишь смотрел по сторонам, напряженно вглядываясь в деревья и еле заметные тени, что двигались между ними.

Это лес, — поняла она. — *Лес строит ему свои козни. И мне тоже*.

Они продвигались потихоньку, дорогу им теперь освещали горящие глаза единорога. Все чаще и чаще Стужа обращалась внутрь себя, она вслушивалась в магическую мелодию, означавшую Кела. Она звучала нестерпимым диссонансом в ее душе и заставляла содрогаться. По ней она судила, что он уже близко. Но где же?

И в таком случае где же они сами? Она вдруг сейчас поняла, как мало она видела в своей прежней жизни саму Эсгарию, как мало она знает об этой стране. Свои знания она черпала из сказок, рассказов и легенд. И никогда по-настоящему не путешествовала по своей стране.

— Зато мы побывали во многих других странах, правда же? — шепнула она на ухо Ашуру, пригнувшись вперед. Как будто в ответ, единорог встряхнул головой. Она поспешила выпрямиться, чтобы уклониться от удара в лицо, и шутливо шлепнула его: — Вот спасибо, мне для полного счастья только сломанного носа и не хватало к царапине. — Затем, смягчившись, похлопала его по мускулистой шее, потрепала за гриву, снова пригнулась и прижалась щекой к гладкой, блестящей шкуре. — Я ведь на самом деле тебе этого еще не

говорила, мой чудный зверь, но я тебя люблю.

Роларофец подал голос сзади:

— Ладно, сдавайся и скажи то же самое мне.

Она ответила не раздумывая:

— Ну хорошо. Тебя я тоже люблю.

Он усмехнулся:

— Это все разговоры. А ты докажи.

Она протянула руку в темноте, схватила первую попавшуюся ветку и наклонила ее вперед.

— Вот тебе и доказательство, — предупредила она.

Ветка смачно ударила его по груди, к ее большому удовлетворению.

Немного веселья — и даже самая темная ночь становится светлей, — сказала она себе. Но по-прежнему следила за лесом, вслушиваясь, напрягая все чувства.

Цикады стрекотали уже в полную силу.

Стужа ехала, выставив руки перед собой. Только так можно избежать еще одной царапины. Что-то зацепило ее за волосы, и она взвизгнула. Сразу представила себе демонов, насланных Келом, и сердце ее ёкнуло. Но тут же поняла, что их здесь нет. Глаза Ашура или ее собственные магические силы дали бы о них знать. Никто и ничто не хватал ее, кроме самого леса.

Внезапно между деревьев пролетел ветер, листья затрепетали. Дохнуло соленым запахом Календи. Стужа с восторгом вдохнула его полной грудью. Воздух напоен ароматами моря, влажной земли, сухой и пыльной листвы, древесной коры.

Стужа отбросила назад волосы, легко дотронувшись до диадемы, которую ей вернул Терлик. Теперь эта вещица для нее стала еще дороже, ведь Терлик так трогательно позаботился о ней.

Издали донесся новый звук, он вливался в симфонию ночи. Едва слышный, звук словно нарастал, потом затухал — тоскливый шелест, одинокий, скорбный звук.

— Море, — наконец произнесла Стужа. — Ты слышишь шум прибоя. Скоро мы выйдем к обрыву.

И вдруг мир словно распахнулся перед ними. Стужа как будто лишилась дара речи; закусив губу, она соскользнула со спины Ашура. Ее ноги, ослабевшие после долгой езды, чуть не подкосились, но она удержалась и широко раскрытыми глазами с изумлением взирала перед собой.

Море Календи переливалось, отражая свет бесчисленных мерцающих звезд. На небе сиял узкий серп убывающей луны. Черные воды пенились, волны танцевали белыми барашками и откатывались вдаль по сверкающей поверхности. Теньями кружили в небе ночные птицы, они ускользали от взора — можно было только догадываться, что они там.

Стужа устремила взгляд далеко-далеко, ища линию горизонта. Но увидеть, где встречаются усеянные алмазами воды и усыпанные звездами небеса, невозможно. Напротив, они соединились, и теперь кажется, что они навечно слились в единое целое.

Она подошла к самому краю обрыва. Волны обрушивались на остроконечные скалы внизу, вверх летели брызги и пена. Они не достигали края обрыва, где стояла Стужа, но она ясно представила себе их прохладное прикосновение.

Терлик подошел к ней и обнял за талию.

— Неужели все это — единый мир, — шепнул он, глядя на море и назад, в лес. — Мы стоим на границе двух волшебных краев.

— И тот и другой заставляют меня трепетать, — призналась она.

В эту минуту она забыла о Келе. Стужа подошла к Ашуру, обхватила руками его шею и прижалась к нему, не отрывая глаз от моря. Она стояла так, зачарованная, поглощенная воспоминаниями.

Вот она стоит над такими же скалами и смотрит на это же самое море и на это же самое небо. По ее приказу начинается буря, с громом и молниями. Вода неистово бурлит и пенится,

подчиняясь ее магической воле. Волны ударяют о скалы с чудовищной силой, пронзительно завывает ветер.

Она хлопает в ладоши и смеется, довольная своим волшебством, как только ребенок способен радоваться. Какая веселая игра! Хоть она и юна, но уже умеет по своей прихоти приручать море, когда оно бушует, и вызывать яростный шторм, когда на море спокойно.

Это было так давно, почти в другой жизни. *Как же мы меняемся с годами!* — печально подумала она.

— А оно как будто совсем не меняется, — вдруг сказал Терлик.

Лишь мгновение спустя она поняла, что он не прочел ее мысли. Ее друг говорит о самом море. Он стоял на краю обрыва, околдованный, как и она, печальной магией моря Календи.

— Конечно же меняется, — возразила она. — Оно разрушает скалы и рифы, меняет линию берега, понемногу выгрызая бухты и заливы. Порой оно безмятежно, а иногда его поражает буйство. Днем его воды голубые, как сапфир, ночью — черные, как сердце убийцы, такие же черные, как сейчас. — Она снова прижалась лицом к Ашуру, когда с моря задул ветер. — Все меняется, — подтвердила она. — Все.

Оба оседлали своих животных. Узкая тропинка вилась вдоль обрыва между деревьями, которые росли у самого берега. Они молча скакали, слушая, как звонко цокают копыта по каменистому пути, как то и дело шумит и стихает морская пена внизу. Пения цикад уже не было слышно.

— Посмотри туда. — Терлик остановил свою лошадь и показал прямо пред собой.

Вдалеке возникла крепость, черная и внушительная. Она возвышалась в ночи, закрывая звезды высокими квадратными башнями, стенами с зубцами и бойницами, большими строениями с плоскими крышами. Крепость замерла на самом краю высокого обрыва, не страшась того, что бушующие волны доберутся до нее и скинут вниз. Казалось, она бросает безмолвный и зловещий вызов всему остальному миру.

Стужа сделала знак рукой, чтобы Терлик продолжил движение. Нет нужды говорить ему, кого они найдут в этом мрачном месте. Он припустил кобылу и поехал впереди, не сказав ни слова. Руку он держал на рукояти меча, что говорило само за себя.

Стужа смотрела на это древнее строение, и непонятное, необъяснимое чувство охватило ее. Что-то очень важное ускользало из ее памяти, не давало ей покоя, но как она ни старалась — не могла это ухватить. Она прислушалась к той части музыки внутри нее, что означала — Кел близко. Мелодия отчетливо звучала — резкая, скрипучая, — но не она беспокоила ее.

Казалось, сама крепость обращается к ней и стены повторяют ее имя.

Она безотчетно уронила поводья на луку седла и дальше уже гарцевала, вцепившись в гриву единорога. Ей хотелось ощутить привычные на ощупь волны гривы, просто держаться за нее — так она чувствовала себя в большей безопасности.

У внешней стены крепости тропа неожиданно повернула в лес. Им не оставалось ничего другого, как тоже свернуть. Звезды снова исчезли, скрывшись за пологом из густой листвы. И хотя они теперь не видели моря Календи, но слышали, как беспрестанно шумят волны. Тропа привела их к огромным воротам. Металл на них покрылся ржавчиной, но сквозь патину времени и тусклые пятна при слабом лунном свете поблескивали фрагменты узоров из вплавленного золота. Большую часть узоров кто-то давно уже сорвал и унес — скорее всего удачливые вору. Лес буйно разросся и вплотную подобрался к воротам. Из всех щелей и отверстий в старых каменных стенах лезли плющи и выющиеся растения.

— Смотри, — указал Терлик.

На воротах, на самом верху, почти скрытый из глаз густыми ветвями, восседал огромный каменный ворон. Крылья его были расправлены, голова откинута в крике назад.

Короткий, сдавленный звук булькнул у Стужи в горле. Она соскользнула со спины единорога, нерешительно подкралась к воротам и прикоснулась ладонями к холодному, изъеденному ржавчиной металлу. Прижалась к нему лбом и в сердцах ударила по нему

кулаками.

Теперь она поняла, почему ей казалось, что крепость взывает к ней, почему этот клич вселял в нее такой ужас, проникая в самые потаенные уголки ее души.

— Здесь был мой дом! — закричала она Терлику. — Именем пропавших богов Озера Тартар! Я проклиная тебя, Кел, проклиная за то, что ты привел меня сюда!

— Это дом твоего отца? — отозвался ее спутник приглушенным голосом.

Она кивнула, выпрямляясь, отбрасывая волосы с лица. Ее душил гнев, и она глубоко дышала, стараясь совладать с собой.

— Каким-то образом Кел нашел свое родовое гнездо. Это место принадлежало отцу отца моего отца. Ворон над воротами — символ нашего рода. Согласно легенде, эта земля дарована нам самим Таким — богом темных тайн, который явился в облике птицы и обещал, что женщины нашего рода будут превосходить всех в его учении.

— То есть в волшебстве?

— Истинная ведьма — это редкость, — сообщила она ему, — но в чародействе, колдовстве и во всех темных искусствах — безусловно.

Он спустился с лошади и подошел к ней. Навалился всем весом на тяжелые ворота, но — тщетно.

— Кажется, теперь в вашей семье есть и мужчина, который тоже всех превосходит, — проворчал он.

— Нет. — В голосе ее зазвучали угрожающие нотки, она знаком велела ему отступить назад. — Слово *превосходить* здесь не подходит. Кел очень искусен. Но скоро он поймет, что такое настоящее искусство.

Вот уже двадцать с лишним лет она прожила без своих магических способностей, которые у нее отняли. Она не знает, почему они вернулись и как они вернулись. Она даже не знает когда. По меньшей мере уже несколько недель проявлялись ее волшебные силы, а она о том даже не подозревала: когда природа отражала ее настроения или страхи, а карты правильно предсказывали будущее, когда поднялись степные ветры и раздули погребальный костер в Соушейне. Или еще раньше? Какая невероятная гроза разразилась в тот день, когда она нашла тело Кимона. А ведь это случилось около года назад. Может, та гроза тоже была из-за нее?

Теперь это не важно. Главное — к ней вернулись ее способности, все остальное не имеет значения. Эти способности развиваются в ней, наполняя живой, все возрастающей силой. Она теперь умеет управлять ими, это так же легко, как поднимать руку или сгибать палец.

Мягко отодвинув Терлика, она воспользовалась только самой малой их частью. По волшебству ворота открылись внутрь. Она ожидала услышать лязг и скрежет, скрип старых петель, но не раздалось ни звука.

Это произвело на роларофца должное впечатление. Он устоял на воротах, разинув рот, и потирал плечо, которым недавно изо всех сил давил на них. Затем перевел взгляд на Стужу. В глазах его не было испуга, он думал скорее о том, что не справился, и она поняла, что ему неловко.

Она села на Ашура и подождала, когда он взберется в свое седло.

— Кел — внутри? — с расстановкой спросил он.

— Ты же знаешь, что да, — ответила она.

Она поскакала впереди сквозь открытые ворота, не забыв взглянуть на ворона, когда находилась под ним. Прежде он был символом могущественного рода, уважаемого во всей Эсгарии. Теперь же он нависает над руинами и больше всего походит на обычную крупную птицу, насытившуюся падалью.

Широкий внутренний двор, простиравшийся за стенами, окружал крепость со всех сторон. Выложенный булыжным камнем, он порос бурьяном и ежевикой. Сразу же за воротами ветвилось юное деревце, оно выросло там, где корни леса пробili брешь в бастионе. Поодаль слева Стужа различила очертания строения — это казарма, где раньше

располагалась сотня вооруженных людей. За ней должна находиться еще одна казарма, а также склад оружия и конюшни.

Двор, казалось, наполнился прежними звуками: забряцали мечи в учебных боях, закрипели колеса телег, засмеялись дети. Она вдруг ясно услышала — как будто все эти люди здесь, рядом — голоса отца и матери, голос Бурдрака, который втайне от всех и так неразумно учил ее владеть оружием мужчин.

И еще она вспомнила брата, будь проклята его никчемная душонка, его голос тоже раздался здесь — такой же противный, полный зависти и ненависти.

Впрочем, все они мертвы, а голоса их просто ветер, который вздыхает над бурьяном и шепчет над разбитым камнем. Страшные преступления свершились здесь много лет назад: убийство, братоубийство, самоубийство. Все, должно быть, разбежались тогда в ужасе и смятении — слуги и даже солдаты, — чтобы уже никогда не вернуться сюда, решив, что сама земля эта проклята.

Может, она в самом деле проклята, — уныло подумала она, — *и причина этому — я.*
— Где же Кел? — взволнованно спросил Терлик.

Она не ответила. Ее глаза были прикованы к широкой лестнице, которая вела к главному входу в замок. Она остановилась у подножия и спустилась со спины Ашура. Рука ее задержалась на плече единорога, и затем Стужа с неохотой сделала первый шаг по ступеням. Терлик тоже слез с лошади и поспешил за ней. В руке его поблескивал обнаженный меч, когда они подошли к огромным резным дверям.

Они увидели еще воронов, на этот раз вырезанных на старинном дереве. Некоторые из них как бы летели на гладкой, но обветшавшей поверхности. Другие восседали на изящных ветвях в разных позах, причем каждый из них как-то по-своему расправил крылья. Краски, которыми когда-то были тщательно прорисованы все детали, с годами облупились и облезли. Прежде чем коснуться дверей, Стужа внимательно осмотрела их — не оставил ли Кел магических знаков для защиты. И только потом, взявшись за железную ручку одной из двух створок, она толкнула дверь.

Их встретил тусклый свет факела. Они тихо вошли вовнутрь и остановились. И опять Стуже пришлось унимать дрожь. Сколько раз в детстве она поднималась по этой винтовой лестнице и играла в комнатах наверху? А сколько раз она играла здесь, в этой передней?

Теперь все это выглядело чужим, чем-то из потустороннего мира.

— Он что-то затевает, — вдруг шепнула она. — Я чувствую — воздух дрожит.

Терлик приподнял меч. Пальцы, сжимавшие рукоять, побелели.

Стужа тихо пробралась через зал и задержалась перед еще одной дверью. Дотронулась кончиками пальцев. Ощущение усилилось. Она открыла эту дверь и пошла по узкому коридору. Здесь по обе стороны находились комнаты, но она не обратила на них никакого внимания и лишь ускорила шаг.

В самом конце коридора висел гобелен. Она его откинула. Здесь начиналась узкая лестница, ведущая наверх, освещаемая единственным факелом на стене. Впрочем, свет ей был ни к чему: она могла бы подняться по этой лестнице и с закрытыми глазами, так часто она бегала по ней когда-то вверх-вниз, а что находится наверху — она прекрасно знала.

— Это просто лабиринт какой-то! — шепнул Терлик, не ожидая ответа. — Кругом одни двери! — раздраженно прошипел он, когда она остановилась перед очередной дверью.

Стужа слегка прикоснулась к ней, убеждаясь в том, что обнаружила источник таинственной вибрации. Затем прислушалась к себе, и крошечная мелодия в душе подтвердила, что она нашла Кела. Стужа кивнула своему спутнику. Тот глубоко вздохнул и кивнул в ответ.

Необычное спокойствие снизошло на нее, когда она легко открыла дверь в отцовскую библиотеку. Кел стоял к ней спиной, и она тихо сказала:

— Здравствуй, сынок.

Кел, испугано вздрогнув, обернулся и побледнел. Он стоял внутри двойного круга, нарисованного мелом на деревянном полу. Символы, изображенные между двумя кругами,

были ей незнакомы, они отвратительно потрескивали. Зловоние смерти и разложения наполняло комнату. В воздухе, с двух сторон от него, плавало нечто — бесформенное, видоизменяющееся. На маленьком столике перед ним лежали два черепа.

— Нет! — пронзительно от ужаса закричал Кел. — Ты не можешь быть здесь! Я еще не готов!

Прежде чем Стужа успела что-то сделать, ввалился Терлик, увидел двух шимиеров и застыл на месте. Затем, поняв, что Кел еще не успел закончить свое заклинание, он прошел через комнату и потер каблуком внешний круг, а также один из символов, смазывая их.

Кел снова завизжал.

Шимиеры издали оглушительный вопль, взметнулись к потолку, а затем бросились вниз, к полу. Они отчаянно врезались в стены и высокие книжные шкафы, переворачивая мебель, сбивая свечи, освещавшие комнату. Стужа подхватила одну из них, не дав огню попасть на шпалеры, и вжалась в угол.

Шимиеры выписывали круги быстрее и быстрее. Их черные субстанции начали таять и слились воедино, вращаясь все стремительнее с каждым ударом ее сердца, пока в середине комнаты не забурилась маленькая тугая воронка.

Стужа смотрела широко открытыми глазами, волосы дико развевались, одежды хлестали по телу. Она прикрывала свечу рукой, но буря раздувала огонь в голубое пляшущее пламя. Рядом на полу растянулся сбитый с ног Терлик, он изо всех сил сжимал меч и старался расстегнуть плащ, грозивший задушить его, так как воронка засасывала в себя красную ткань. Кела расплющило по противоположной стене, он безумно вращал глазами, выкрикивал проклятия, но слова его гасли в диком водовороте мощной энергии.

Книги и свитки летали по комнате, за ними два черепа, маленький столик — все, что могло летать, представляло собой смертельную опасность. Стужа прикрыла рукой голову и сжалась еще сильнее, дотянуться до Терлика она не могла.

Затем все закончилось, и, казалось, весь мир затаил дыхание. Воронка утратила свою силу и начала рассеиваться, а книги, кости, столы — все попадало вниз с громким шумом, с треском, хрустом и стуком. Когда улеглась буря, глазам предстала еле различимая влажная внешняя оболочка. Но и она быстро испарилась.

Стужа поднялась на ноги, поставила свечу — единственный источник света — на полку над своей головой и двинулась к сыну.

— Не подходи! — гневно завопил он, но в глазах его блестел страх. — Глупая женщина! Я знал, что ты уже близко, но не настолько. Ты со своим ручным псом, — он махнул рукой в сторону Терлика, когда роларофец встал на ноги, — вы все испортите!

Она шагнула к нему:

— Кел...

Его рука метнулась в карман платья и извлекла кольцо. Она не успела остановить его, и он надел кольцо на большой палец. Лицо его исказила исступленная ненависть, и он исчез.

Стужа рванулась вперед, но руки ее встретили лишь пустоту.

— Терлик, — крикнула она, — не дай ему уйти!

Тот сразу же, не задавая вопросов, пнул дверь. Она затряслась, с шумом хлопнув о косяк, но Стужа поняла: слишком поздно. Резко открыв дверь, она ринулась вниз по ступеням.

— Кольцо — это талисман, — бросила она на бегу. — Оно делает его невидимым для людских глаз. Вот как, оказывается, исчез он из моей таверны, когда за ним пришли солдаты Риотамуса. Наверное, точно так же он воспользовался этим кольцом и ускользнул от келедской армии, когда мы разгромили его войско у башни.

— Что же нам теперь делать? — спросил ее товарищ, бежавший следом.

— До сих пор мне не нужно было видеть его, чтобы привести нас сюда, — отвечала она. — Думаю, я и теперь смогу его найти.

Она поспешила назад тем же путем, которым они пришли, — через переднюю у главного входа и дальше во двор. Добежав до середины двора, она остановилась и схватила

Терлика за руку.

— Он за воротами, — осторожно произнесла она. — Я его чувствую.

Ашур оказался рядом с ней. Кобыла же, подняв голову, только взглянула на них и продолжала щипать сорняки.

Стужа двигалась опасливо. Она чувствовала присутствие сына, но не могла определить его точное местонахождение. Он где-то там, за воротами, и двигается очень медленно.

Они задержались у ворот. Огромные створы стояли раскрытыми, как будто маня. Стужа обнажила меч, прижалась к холодному железу и очень медленно прошла через ворота. Сына нигде не было видно. Она подала знак, и Терлик с Ашуром присоединились к ней.

— Туда, — шепнула она, — но я не...

На короткое мгновение Кел обнаружил себя. Усмехнувшись, он обжег ее взглядом, повернулся и отступил за широкий ствол старого дерева.

— Он там! — закричала она и побежала вдоль крепостной стены. Но Кела за деревом не оказалось. Впрочем, он опять появился, на этот раз дальше у стены. Она бросилась догонять, лавируя между деревьями, перепрыгивая через кусты, отбрасывая в стороны ветви, так и норовившие угодить в лицо. Топот копыт Ашура раздавался за спиной. Боясь потерять из виду сына, она не решалась оглянуться назад, но знала и так, что Терлик бежит следом.

Двигаясь грациозно, как олень, Кел придерживал платье обеими руками. Внезапно он остановился и повернулся к ней лицом. Даже в темноте было видно, что глаза его горят безумием. Он запрокинул голову и дико расхохотался:

— Ты узнаешь это место, матушка? Помнишь его?

Она понимала, что нельзя слушать этот вкрадчивый, призывный голос. Нужно поразить Кела без промедления. Но это ее сын, и она опустила руку.

— Довольно игр, Кел, — резко сказала она. — Ты натворил уже столько бед.

Злобная улыбка расцвела на его губах. Он продолжал, как будто не слышал ее слов:

— Это кладбище, Самидар, моя дорогая матушка. Мы хоронили здесь своих солдат, дворецких, слуг. — Он улыбнулся еще шире. — Они по тебе очень соскучились. И хотят радушно поприветствовать тебя дома.

Он раскрыл руку. На ладони его блеснули кусочки зубов и костей. Он подбросил их, и волна загадочной силы сотрясла воздух. Ашур пронзительно закричал и вздыбился, из глаз единорога с треском вырвалось пламя. Стуже показалось, будто ледяные ножи срезают кусок за куском ее плоть. В тех местах, куда упали брошенные Келом кости, разверзлась земля.

— Обними их, матушка, — смеялся Кел. — Обними своих друзей и тех, кого любила!

Из расщелин в земле, волоча ноги, стали выбираться мертвецы. Пустые глазницы полуразложившихся трупов горели дьявольским красным огнем. Мертвецы тянули к ней руки с длинными, как лезвие кинжала, когтями. Иссохшая, сгнившая плоть и истлевшие погребальные одежды отрывались от старых костей и падали на землю при каждом их шаге. Нестерпимый смрад исходил от них.

Стужа брезгливо отшатнулась. Рот наполнился мерзким вкусом, и, к стыду своему, она обнаружила, что ее стошнило. Широко открытыми глазами она изумленно взидала на то, как чудовищный кошмар становится явью. Мертвецы, шаркая, подбирались к ней, окружали ее, в земле разверзались все новые щели, из них вылезали все новые трупы, и все они жаждали до нее добраться.

Сколько же их? — в ужасе билась ее мысль. — Сколько же всего похоронено в этих гробницах?

Прямо под ней стала оседать земля. Она невольно отпрыгнула в сторону и неловко столкнулась с единорогом, поскольку Ашур тоже отпрянул. Стужа упала лицом вниз, глотая грязь. Что-то схватило ее за щиколотку, и она пронзительно вскрикнула.

Не раздумывая, она перевернулась на спину и, сверкнув мечом, отрубила отвратительную руку, тянущуюся к ней из дыры на том месте, где только что стояла она сама.

Этого хватило, чтобы Стужа пришла в себя. Она с трудом встала на ноги, сплюнула

забившуюся в рот грязь и сокрушила голову, которая лезла из той же самой дыры. Кость раскололась с глухим треском.

Ее действия стали сигналом для Ашура. Единорог бросился в самую гущу мертвецов, разя их рогом и копытами, издавая свой удивительный боевой клич.

Слева поодаль она разглядела Терлика. Роларофец стоял, прижавшись спиной к крепостной стене. Он со свистом размахивал мечом, держа его обеими руками, не подпуская к себе чудищ.

Краем глаза Стужа заметила, как к ней потянулась костлявая рука. Пальцы сжались и ухватили ее за длинные волосы, но дернуть и свалить с ног не успели — Стужа отсекла руку. После второго удара голова отлетела от чахлах плеч, и тело рухнуло на землю.

Ее сердце заколотилось.

— Руби головы! — крикнула она, моля богов о том, чтобы Терлик услышал.

Она подскочила к ближайшему мертвецу. Справа у него обнажились ребра, а кожа с полуистлевшими волосами сползла с черепа, почти закрывая глазницы. Но он все равно продолжал тянуться к ней, судорожно сжимая костлявые пальцы, непотребно клаца гнилыми зубами.

Один точный удар — и он успокоился во второй раз. *Благодарен ли он мне за это?* — размышляла Стужа. — *Или жизнь, пусть даже в таком извращенном виде, предпочтительнее, чем вечный ад?*

Она решила не тратить время попусту на подобные мысли. Живые или мертвые, эти чудища намерены убить ее. И страх внезапно пропал. Стужа ринулась на них, с безжалостной яростью кромсая трупы на куски, разбивая черепные кости, отрубая им руки, ноги, головы. Двое из них набросились на нее сзади, увлекая вниз, но она вывернулась и с неожиданной легкостью отбросила их в стороны. Ведь даже самый свежий из них — это всего-навсего кости, обтянутые кожей. В этих телах совсем нет веса, а в хилых ударах — силы. У чудовищ есть только когти, так и норовившие подобраться поближе к глазам или горлу.

Она мельком взглянула на Кела — он стоял под древним деревом, словно какой-нибудь лесной бог или дух, и наблюдал. Его издевательский смех умолк. Мертвенно-бледное лицо дышало злобой, он был явно разочарован.

Терлика не оказалось на прежнем месте, она нигде его не видела, но зато слышала крики, проклятия, ворчливое бормотание, а за ними — ужасный хруст костей и поняла, что он в строю.

Больше всего мертвецам доставалось от Ашура. Их когти были бессильны против единорога. Он лягал нападавших на него безмозглых существ, втапывал их своими огромными копытами обратно в землю. Правда, он не всегда попадал по черепам, но где бы ни сражался единорог, на земле под ним нелепо дергались бледные трупы.

Еще трое мертвецов, волоча ноги, двинулись на нее. Стужа решила, что просто обязана освободить их от подлого влияния Кела и дать им возможность наконец-то обрести покой. Подняв меч, она бросилась на них, намереваясь быстро покончить с этим.

Но слишком поздно она заметила зияющую трещину и глухо вскрикнула. Она упала, ударилась головой о край ямы и, оглушенная, очутилась на самом дне. С трудом ей удалось вдохнуть и подняться на колени.

Это же могила, — с ужасом подумала она. — *Я — в могиле!*

Шаря в рыхлой земле, Стужа нащупала свой меч. Доставая его из грязи, она случайно обернулась через плечо и замерла.

Три трупа прыгнули сверху на нее. Не раздумывая, она выставила свой клинок и проткнула одному из них глазницу. Череп оторвался от падающего тела, но и меч снова выскочил из ее рук.

Дьявольское лицо злобно, с вожделением смотрело на нее, костлявые руки сомкнулись на шее. Хватка чудища была ледяной, Стужа с содроганием пыталась высвободиться. Но в тесной яме ей никак не удавалось скинуть его с себя. Красные глазницы нестерпимо

обжигали, они вытягивали из ее тела тепло и саму жизнь.

Стужа в отчаянии подняла руки, изо всех сил стараясь разомкнуть чудовищную хватку. В это время третий труп начал рвать на ней одежду, пытаясь добраться своими когтями до ее плоти.

Она снова взметнула вверх руки, но костлявые пальцы с невероятной силой сдавливали ей шею. Казалось, убийца издевательски пялится прямо в глаза. Горло мучительно усыхало, дышать стало невозможно.

Стужа резко сунула большие пальцы в глазницы, сверкавшие красным огнем, и зацепилась за их края. Из последних сил она стала тянуть. Мышцы рук и плеч вздулись и тряслись от напряжения. Красная пелена застлала глаза, воздух наполнился ревом. В висках сильно застучало.

Рванув, она расколола череп голыми руками. Обломки посыпались на лицо. Остальная часть тела обвисла на ней, как будто непристойно предлагая себя в любовники.

Стужа отдернула ногу. Третий мертвец уже порвал ей штанину. На длиннющих когтях поблескивала темная кровь. Он скалил зубы и поднял руку, как будто любуясь своей работой. Затем сделал резкий выпад, целясь когтями в лицо.

С трудом она отшвырнула второй труп в сторону, занесла ногу и пнула третьего мертвеца со всей силы. От удара у него закачались два сломанных ребра. Она собралась было встать на ноги, как мертвяк снова повалил ее на землю.

Тогда она безудержно разъярилась. Как только пальцы впились ей в шею, она протянула руку, оторвала сломанное ребро и вывернулась. Мерзкий враг завалился на бок. Он попытался сесть ровно, и Стужа нанесла удар. Острый конец сломанного ребра, вонзившись в пустую глазницу, ударил в затылок черепа. Ребро отразило зловещий красный свет, она всем своим весом налегла на кость.

Раздался треск. Красное свечение тут же пропало. Она выпустила из руки ребро и откинулась назад, утирая пот с лица. Труп ухмылялся ей, пригвожденный к краю могилы. Он еще дергался, тянул к ней руки, но ребро крепко удерживало его.

Она нашла свой меч и вернулась. От сильного удара полетели кости и комья земли, и третий труп, лишившись головы, свалился рядом с двумя другими.

Стужа подтянулась на руках, огляделась и поняла, что дело почти все сделано. Когда она выползала из могилы, Терлик уже приканчивал двух оставшихся мертвяков. Ашур обнюхивал трупы, лежавшие на земле. Если они подергивались, единорог бил их копытами до тех пор, пока они не переставали двигаться.

Кела нигде не было видно.

Терлик приблизился к ней, все еще сжимая в руке обнаженный меч. Вне себя от ярости, он еле сдерживался. Но это еще не все. Он походил на человека, которому многое открылось, который повидал бездну и едва в нее не угодил.

— Оставь его мне, Самидар, — прорычал он сквозь стиснутые зубы. — Он мой племянник, и ты оставишь его мне!

От того, как он изменился, ей стало не по себе. Если бы глаза у него горели красным, она могла бы принять его за мертвяка. Но лицо его скрывала сгустившаяся темнота, бледные щеки ввалились. Он сердито смотрел на нее, сжимая и разжимая пустую руку.

— Оставь его мне! — повторил он, шипя почти по-змеиному.

Стужа закусила губу, не зная, что на это ответить.

— Нам надо вернуться в замок, — наконец промолвила она, уловив в душе нестройный звук, который приведет их к ее сыну. Вкладывая меч в ножны, она содрогнулась — столько уложить, а на лезвии ни капли крови. Ашур подошел к ней, и они вернулись к крепостным воротам.

Лошадь пропала. Однако искать ее было некогда.

На этот раз они, охваченные гневом, решительно шли по двору, не таясь. Оставили Ашура внизу и стремительно поднялись по лестнице. Терлик с ревом открыл дверь ногой. Вместе они ступили в зал.

— Поосторожней с моими ценными дверями, невежественный дикарь. — Голос, зловеющий в своем спокойствии, принадлежал женщине. Он разнесся по всему залу. — Уверена, подобное искусство теперь большая редкость в этом мире.

Стужа подняла голову и увидела — на вершине широкой длинной лестницы стоит женщина. Она смотрит на них сверху, прислонившись к балюстраде, руки ее вцепились в перила. У верхней ступени на стене горит факел, но лицо женщины остается в тени.

Стужа вытащила меч. Хотя к ней и вернулись ее способности ведьмы, все же с обнаженным мечом в руке спокойнее.

— Ороладиан! — Она бросила это имя, как проклятие.

Но в ответ женщина закричала на нее:

— Как смеешь ты оскорблять эти стены и нарушать традиции Эсгарии! Убери оружие мужчин прочь с моих глаз!

— Кто ты? — прокатился голос Терлика по залу. — Ты — колдунья Ороладиан? Отвечай же, разрази тебя гром!

Стужа подошла к подножию лестницы, по-прежнему с мечом в руке. Поставила ногу на первую ступень и замерла. Странное чувство охватило ее, похожее на то, что она испытала, когда впервые увидела крепость на скалах у берегов Календи.

— Кто ты? — Слова прозвучали надсадно, как пилой по дереву.

— Разве ты меня не знаешь?

Голос эхом отозвался в голове Стужи, отголоском прошлого. Он явился к ней из самых черных кошмаров, и ужас стал душить еще сильнее, чем тогда, на кладбище.

Женщина дразнила ее:

— Конечно же, ты знаешь меня, Самидар.

С легким изяществом женщина начала спускаться по лестнице, выйдя из тени на свет от факела. Стужа остолбенело уставилась на свое собственное лицо. Хотя не совсем свое. Женщина была моложе на несколько лет. И все же такое сходство открыло ей страшную правду.

— Реймут? — Стужа еле выговорила это имя после стольких лет, наполненных страданиями и горьким чувством вины. — Ты же мертва!

Женщина с ненавистью усмехнулась:

— Тебе лучше знать, Самидар. Ведь это ты убила меня.

Стужа опустила меч и выпрямилась. Она слишком долго терзала себя, виня во всем, но в конце концов примирилась. Кимон помог ей понять, что произошло тогда на самом деле, признать свою вину и не вваливать на себя чужую.

— Ты добровольно лишила себя жизни, — возразила она и наконец поверила в это сама. — Я стала причиной страшных событий, но смертоносный меч сжимала твоя рука.

Терлик коснулся ее плеча:

— О чем вы говорите? Кто она? Где Кел?

Реймут впилась глазами в роларофца, и голос ее сочился ядом:

— Чтобы добраться до Кела, северянин, вам придется пройти сквозь меня.

Ответ Терлика был столь же угрожающим:

— Как скажешь, сука, так мы и поступим. — Но затем посмотрел на Стужу: — Ты бледна. Тебе плохо?

Она покачала головой и, тяжело дыша, вложила меч в ножны.

— Что ты делаешь? — настойчиво спрашивал Терлик, хватая ее за руку. — Ороладиан она или нет?

Стужа, не сводя глаз с женщины на лестнице, кивнула.

— Тогда почему ты назвала ее Реймут?

Стужа ощутила, как пришли в движение ее магические силы. Они бились и вздымались в ней, окатывая душу, как волны Календи — скалы. Рев, наполнявший ее, звучал чистейшей музыкой.

Теперь она наконец-то поняла, почему к ней вернулись эти силы.

— Реймут — ее настоящее имя, — объяснила она своему Другу. Терлик не скрывал своего презрения.
— И ты ее знаешь?
— Знаешь ли ты меня, Самидар? — передразнила его женщина. Она снова двинулась вниз по лестнице.
Стужа осталась стоять, но махнула Терлику, чтобы он ушел. Не глядя на него, она ответила:
— Это моя мать.

Глава 18

О, сколь твой вздох далек и тих,
Как звуки капелек живых
По листьям бьющего дождя.
И знаю я,

Что никогда ты не придешь.
В закате солнца пропадешь
И в отражении луны
Утонешь ты.

Но где б я ни была, ты — здесь,
Как еле слышимая песнь.
Жаль, не придем — ни ты ко мне,
Ни я к тебе.

— Выйди, Терлик.
Он взял ее за рукав, но на этот раз она резко оттолкнула его руку:
— Выйди. Будь снаружи рядом с Ашуром и не отходи от него.
Его лицо сковала обида.
— А как же Кел?
— Убирайся! — Реймут угрожающе взмахнула, и в воздухе потоком заструилась ее колдовская сила. Но Стужа закрыла собой друга и пристально посмотрела на мать. Две женщины сцепились взглядами на короткое мгновение, и затем Реймут уступила.
— Оставь нас, северянин, — велела она подчеркнуто вежливо. — Мы с дочерью давно не беседовали о семейных делах.
— Но я тоже член семьи, — усмехнувшись, заспорил Терлик. — Кел мой племянник.
Реймут окинула его беглым взглядом и недовольно насупилась. Она опять обратилась к дочери:

— Избавься от него, или это сделаю я.

Стужа видела, что Терлик вот-вот взорвется от бешенства, но только он собрался открыть рот — она прижала руку к его губам.

— Если ты любишь меня, Терлик, — тихо произнесла она, — сделай, как я сказала, и жди меня рядом с Ашуром. — Затем обернулась и, тяжело глядя на мать, отчеканила слова: — Сегодня уже ничего не произойдет. Мы просто поговорим, и все. Это касается нас двоих — Реймут и меня.

— А Кел?

— Забудь о Келе, — раздраженно бросила Реймут, стоявшая на лестнице.

Стужа, не обращая на нее внимания, повела Терлика к дверям.

— Я найду его, не волнуйся. Он все еще здесь. Он знает — я смогу найти его, куда бы он ни сбежал.

Терлик с досадой воткнул меч в ножны и выдал жест в сторону Реймут. Жест пусть и не волшебный, но зато достаточно грубый, и, судя по тому, как вспыхнуло лицо Реймут, она хорошо поняла, что он означает. Стужа подхватила его за локоть и стала подталкивать к двери. Но на пороге, когда Терлик уже готовился выйти в ночь, она отпустила его локоть и погладила по щеке. Он взял ее за руку и, нежно сжав, поцеловал в ладонь. Затем затворил за собой дверь и исчез.

Стужа глубоко вздохнула и повернулась лицом к матери.

Реймут спускалась по лестнице. Длинные черные волосы струились по ее плечам и спине. Из-под темных ресниц сверкали изумрудные глаза. Она держалась высокомерно, рука ее легко касалась перил.

Стуже снова пришлось унимать дрожь. Она прежде никогда не задумывалась о том, как сильно они похожи. И теперь, вглядываясь в это лицо, она видела саму себя, но только десять лет назад. В волосах Реймут не видно седины, в уголках глаз — ни одной морщинки. Как ни странно, но Стужу неприятно уколола зависть.

— Сними это, — потребовала Реймут, указывая на меч, который висел на поясе ее дочери. — И никогда не надевай эту мерзость в моем доме.

Стужа выдвинулась навстречу матери, вызывая восторг встряхнув головой.

— Отправляйся-ка ты в преисподнюю, — ответила она с каменным лицом, сжимая пальцами рукоять меча. Затем выдавила улыбку. — Ах да, я совсем забыла. Ты ведь там уже побывала и надо же — вернулась, как видно. И все же, раз тебе так нравятся законы Эсгарии, ты должна знать, что все это теперь принадлежит мне после смерти родителей и единственного наследника по мужской линии — моего брата. Сомневаюсь, что эсгарианский суд признает твое воскресение. — Она отодвинула мать плечом и пошла наверх.

— И куда же ты направилась?

— Хочу осмотреть свои владения, — решительно бросила она, даже не оглянувшись.

Реймут последовала за ней, и они шли рядом по внутренним покоям замка. В залах и коридорах эхом перекачивались голоса из прошлого, с кристальной ясностью вдруг вспоминались обрывки разговоров. Вот здесь она как-то раз упала и разбила руку, когда играла со служанкой. По этому коридору она выходила гулять в свой любимый сад. А там — комната брата.

Она помедлила немного у двери в собственную комнату, затем толкнула ее, открывая. И сразу же пожалела об этом. Ее постель оставалась нетронутой с той роковой ночи, когда она убила своего брата. Одежда так и лежала примятая, она вспомнила, как бросилась тогда поперек кровати, рыдая от страха и раскаяния. Впрочем, ярко-голубое покрывало было теперь серого цвета из-за толстого слоя пыли.

У кровати в ногах стоял сундук, и, движимая непреодолимой силой, она приподняла крышку. Лишь бросив взгляд на сложенные в стопки платья и наряды, она закрыла сундук. Сколько воспоминаний! У закрытого ставнями узкого окна она увидела стол, а на нем — прелестный камешек и покрытые плесенью остатки перышка. О них она совсем не помнила. Наверное, она нашла их в лесу и принесла домой. Как давно это было!

Стужа повернулась, и что-то на полу за дверью привлекло ее внимание. Наклонилась, чтобы лучше разглядеть при слабом свете факелов из коридора. Маленькие войлочные тапочки. Она выпрямилась, взяв их в руки. Быстрым движением вытерла уголки глаз, боясь, что мать заметит ее слезы. Затем поставила тапочки на сундук, напоследок окинула комнату долгим взглядом и вышла.

— Могла бы, по крайней мере, показать, что хоть немного сожалеешь, — произнесла Реймут.

Стужа остановилась как вкопанная.

— Ты ведь сама учила меня быть сильной, матушка, — язвительно ответила она, повернувшись к ней. Впервые ей бросилось в глаза, чем они все-таки отличаются друг от друга.

Реймут была на несколько дюймов ниже. — Зачем ты вернулась? — наконец спросила Стужа сквозь зубы. — Как ты вернулась? Я же знаю — ты была мертва.

Легкая улыбка тронула тонкие губы Реймут, и женщина сложила руки на груди.

— Ты что же, сомневаешься в могуществе моих колдовских сил?

Стужа отвечала холодно:

— Я знаю о твоём мастерстве и знаю, что смерть можно победить. Я сама видела, как жрецы Кондоса боролись с богом смерти и побеждали. Но всегда они воскресали почти сразу после смерти, когда душа еще не свыклась с новым существованием, а для того, чтобы привести душу назад в тело, требуется чья-то помощь. — Стужа покачала головой и тоже сложила руки перед собой, невольно повторяя жест матери. — Нет, Реймут, и не пытайся мне лгать. Слишком много времени прошло. Это ведь дело рук Кела, не так ли?

Они снова спустились по лестнице. Сразу же за передним залом был еще один большой зал, где проводились судебные разбирательства и отец ее судил своих подданных. Стены здесь были увешаны роскошными гобеленами ручной работы, и, хотя пыль тонким слоем покрыла искусно вышитых разнообразных воронов, Стужа вспомнила, как величественно выглядел на их фоне отец, когда восседал в своем пышном наряде и осуществлял правосудие.

— Да, это работа Кела, — призналась Реймут наконец. — Как он нашел это место — я не знаю. Рассказывал что-то о твоих приключениях, как шел по твоим следам. Знаешь, он ведь одержим тобой. — Реймут неторопливо подошла к большому трону, установленному на невысоком помосте. Она провела по нему рукой, любовно погладила спинку и резные ручки.

Внезапно Стужа осознала, что мать ее тоже мучат воспоминания. В этом доме Реймут вышла замуж, под этой крышей родила детей. И муж ее день за днем сидел на этом самом троне, который она сейчас гладит. Стуже вдруг остро захотелось протянуть руку и обнять мать, попросить прощения за все, что случилось между ними.

Но она не смогла. И не будет просить. Все виноваты — и отец с матерью, и ее учитель Бурдрак, а больше всех — ее брат. Конечно, на ней тоже лежит вина. Но она не собирается взваливать все на свои плечи лишь для того, чтобы утешить мать. Слишком долго она жила с тяжелым чувством вины за все, что произошло, пока Кимон не объяснил ей, что не одна она виновата.

Ей безумно хотелось, чтобы руки матери обняли ее, но вместо этого она сама обхватила себя руками.

— Когда Кел вызывал мой дух, — продолжала Реймут, — он не знал моего имени. А я какое-то время не могла говорить — слишком велико было потрясение от неожиданного возвращения в этот мир. Но ему нужно было как-то называть меня, вот он и дал мне имя Ороладиан.

— «Та, что дорога и аду, и раю», — перевела Стужа это имя, только теперь узнав в нем смесь рианотанского и эсгарианского диалектов.

— Думаю, он с самого начала знал, кто я. — Реймут нерешительно коснулась своего лица. — Мы ведь с тобой так похожи, вывод для него напрашивался сам собой. — Она пристально посмотрела на дочь и медленно покачала головой. — Позже ко мне вернулись

речь и память. — Реймут продолжала, глядя прямо в глаза дочери: — Затем вернулись мои силы, еще более могущественные, чем когда-либо. Я же не ведьма, как ты. Мне колдовство надо творить при помощи амулетов или особых заговоров и символов. Но пребывание в аду многому научило меня. — На мгновение взгляд Реймут стал отсутствующим, и Стуже оставалось только догадываться, какие тайны открылись ее матери. — Подобно магам Кондоса, я попыталась бороться с богом смерти. Оркос — сильное божество, он вселяет страх, но я не дрогнула, сражалась всеми своими темными силами и одержала частичную победу.

Мне не удалось вернуть дух в свое тело, но зато я сумела вырваться из того круга ада, который заслужила. Я блуждала по всем девяти кругам. Я увидела такие чудеса, Самидар! И так много узнала о природе силы. — Она помолчала, а затем продолжила приглушенным голосом: — Я воспользовалась своими новыми возможностями, чтобы заглянуть в сердце и голову Кела, и тогда я увидела, что он не лгал — он в самом деле твой сын и мой внук.

Стужа шагнула на помост и встала по другую сторону трона, повернувшись лицом к матери.

— Почему ты не захотела довольствоваться этим? Зачем ты направила его рыскать по Келед-Зарему и искать Три Артефакта? Ты же ненавидела войну, матушка. Помнишь, как ревностно ты охраняла мир в Эсгарии? — Она потрясла стиснутым кулаком перед носом матери. — Знаешь ли ты, скольких людей убил мой сын ради тебя? Он заявил, что Артефакты возвращают жизнь, но ты ведь и так жива!

Реймут отодвинулась от трона и провела рукой по гобелену, поднимая облако пыли.

— Как некромант, Кел весьма искусен, — спокойно сказала она, — но действие некромантии ограничено. — Она посмотрела на дочь, и голос ее дрогнул. — Я снова ослабеваю и скоро умру. Магия Кела подарила мне только год жизни, но больше дать не в состоянии. Время на исходе.

Стужа боролась с чувствами, обуревавшими ее душу.

— И тогда ты нарушила закон Эсгарии и стала учить его своему колдовскому искусству в надежде, что он сможет найти способ и продлить тебе жизнь, — не без издевки в голосе сказала Стужа.

— Он уже обладал им, — бросила Реймут в свое оправдание. — Я лишь шлифовала его способности. В процессе нашего учения мы узнали о существовании Трех Артефактов: Лампы Нугарила, Глаза Скраал и Книги Шакари. О том, что, если использовать все три вещи одновременно, можно вернуть настоящую жизнь мертвому. Но жрецы Кондоса спрятали их. Несколько драгоценных месяцев ушло на то, чтобы выяснить — все эти вещи сокрыты в Келед-Зареме. — Слабая улыбка заиграла на губах матери. — Насколько я понимаю, ты выбрала эту страну, чтобы там поселиться, совершенно случайно. Хотя можно подумать, боги изначально замыслили это, чтобы нам с тобой встретиться.

Стужа с трудом сдерживала себя.

— Значит, ты послала Кела найти Артефакты и тебе было безразлично, каким образом он их достанет, какие разрушения он причинит, поскольку, в случае его успеха, ты продлишь себе жизнь!

— Я не посылала его! — ответила Реймут, тоже рассердившись. — Однажды ночью он исчез. В конце концов при помощи своего колдовства я нашла его и узнала, что он отправился за Артефактами. Я позвала его назад, но он отказался возвращаться домой.

— Почему же ты не отправилась вслед за ним? Разве ты не видела, что он безумен? Ведь ты могла повлиять на его поступки!

Глаза Реймут вспыхнули.

— Неужели ты так же невежественна, как и прежде? Неужели я так тебя ничему и не научила? Мои жизненные силы связаны с этим местом. Поехать в Келед-Зарем? Да я даже за стены крепости не могу выйти!

Стужа стремительно приблизилась к матери и прижала ее спиной к гобелену.

— Не называй меня дурой! Я только это от тебя и слышала, тогда как с моим братцем-

притворщиком ты лишь сюсюкала и всячески потакала ему. — Она схватила в кулак тонкую ткань платья матери и приблизила к себе ее лицо. — Это ты вдохновила Кела! Ты, так же как и он, в ответе за все преступления. Ты использовала моего сына!

Реймут взяла дочь за запястье и потянула ее к двери на противоположной стене зала. Сняла со стены факел.

— Иди за мной, — скомандовала она.

Они оказались в темном коридоре, и только факел освещал путь. Реймут шла проворным шагом, не выпуская руку дочери. В конце прохода она толкнула еще одну дверь. Помещение озарилось теплым желтым светом.

— Видишь, что натворила твоя ревность, Самидар? — накинулась Реймут на дочь.

Но именно у Реймут резко перехватило дыхание. Зажав рот рукой, она уставилась перед собой широко раскрытыми глазами.

Стужа сразу же увидела, что так ужаснуло ее мать. Она зажмурила глаза и еще сильнее возненавидела своего сына.

Факел высветил три скелета. Они были заботливо, со всеми ритуальными почестями, возложены на низкие каменные плиты. Два скелета из трех по грудь были укрыты пурпурными покрывалами, и руки у всех сложены, как подобает. Стуже не надо было спрашивать, чтобы понять, чьи останки она видела перед собой.

Но у всех трех скелетов отсутствовали черепа. Золотая корона сброшена на пол. Реймут привалилась к косяку, лицо ее исказилось от гнева.

— Шимиеры, — с горечью промолвила Стужа. — Мой отец, мой брат, мой учитель. Кел пытался использовать их всех, чтобы убить меня. Родных мне людей. — Она подняла с пола корону, не зная, что с ней делать. — Теперь ты видишь, как он безумен?

Реймут взвилась, как от удара. Она выхватила корону своего мужа и набросилась на дочь:

— Безумен, говоришь? Ты причитаешь о шимиерах, о том, что сделал Кел. А чем занимаются родные Кела — ты и этот ублюдок роларофец, который еще смеет называть Кела своим племянником? Ведь вы преследуете его, охотитесь за ним, как будто он пес какой-то!

От ярости Стужу бросило в жар, руки сжались в тугие кулаки.

— Ты не видела сожженные города и горы трупов — это все, что он оставлял после себя, когда искал для тебя Артефакты. Он зарезал собственного отца и убил своего брата!

— В самом деле? — оборвала ее Реймут. Она отвернулась, для того чтобы вложить корону в руки среднего скелета. — В таком случае он весь в мать, разве нет?

Пламя факела ярко вспыхнуло и дико заплясало, когда внезапный ветер налетел ниоткуда и пронесся по гробнице. Стужа вздрогнула, она поняла, откуда взялся этот ветер, и решительно подавила свой гнев. Она подождала, пока не стихнет музыка у нее внутри, и лишь затем решила снова заговорить:

— Келед-Зарем стал для меня домом, матушка. Там похоронен мой муж, и прах Кириги смешался с его землей. Там живут мои друзья и добрые воспоминания. — Она устремила тяжелый взгляд на стоящую рядом женщину. — Кел похвалялся, что собирается вернуться и захватить Келед-Зарем. Я не позволю ему сделать это.

Реймут тоже сбавила тон:

— А я не позволю тебе причинить ему вред.

— Он мой сын, — холодно сказала Стужа. — Не вмешивайся.

— Он мой внук, — возразила Реймут. — В нем семя нашей семьи, пусть даже оно перешло к нему через такой скудельный сосуд, как ты.

Несколько долгих мгновений раздавалось только потрескивание огня факела. Обе женщины неколебимо смотрели друг на друга. Первой нарушила молчание Стужа:

— Каким образом Три Артефакта сохраняют твои жизненные силы?

Реймут ответила сразу же, не раздумывая:

— В новолуние я встану в золотой круг и окунусь в свет от Лампы Нугарила, отраженный от ограненного Глаза Скраал. Все это время Кел будет читать Книгу Шакари,

заклинание силы спрятано между написанных слов.

Стужа пошла к двери, затем обернулась к матери.

— Я подожду, пока он закончит обряд, — спокойно произнесла она, — и ты обрешь свою жизнь, к которой так стремишься. Но запомни, Реймут, когда все закончится, я приду за своим сыном и никто не сможет мне помешать, даже все хозяева ада, вместе взятые.

Реймут наклонила голову и недоуменно приподняла бровь:

— Ты что, угрожаешь мне, доченька? Неужели ты хочешь повторить свое постыдное прошлое: сражаться и лишиться жизни единственного родного тебе человека?

Стужа была неподвижна.

— Не вставай у меня на пути, Реймут. Иначе ты не будешь настолько уверена, что выиграешь партию у Оркоса.

Она покинула мать и вернулась в зал передней. Еще раз обвела взглядом место, где так часто играла когда-то, которое еще помнит ее детский смех из далекого прошлого. Исполнившись печали, она отворила дверь и вышла.

Терлика нигде не было видно. Ашур ждал у подножия длинной лестницы. Она подошла к нему и стала рассеянно гладить единорога, ища глазами своего друга. Огорченная, она закусил губу, проклиная темноту. *Будь оно неладно, говорила же ему ждать поблизости,* — ругалась она. Взяв единорога под уздцы, она обошла весь двор, но здесь ее товарищу было спрятаться негде.

Легкая тень двигалась около ворот. Стужа выпустила из рук поводья Ашура. Меч со свистом выскользнул из ножен, и она побежала. У ворот она снова остановилась, вспомнив, как Кел, играя в кошки-мышки, заманил их на кладбище. Она стала прислушиваться к себе в поисках знакомой мелодии, что подсказала бы ей, где ее сын, но не успела сделать это, как тень снова зашевелилась.

Это был Терлик. Роларофец пристально смотрел на нее, стоя на краю леса.

— Кобыла пропала, — сказал он, подойдя к ней. — Я подумал, может, она забрела в лес.

Она с трудом сдержалась, чтобы не отругать его. Конечно, пропавшая лошадь — это неприятность, но когда она велела ему оставаться с Ашуром, у нее были на то веские основания. Рядом с единорогом Терлик был бы в относительной безопасности от Кела или Реймута. И то, что он не принял во внимание хороший совет, ее раздражало. А с другой стороны, с ним ничего не случилось, он цел и невредим. Она медленно и глубоко вздохнула, слушая, как в отдалении бьются морские волны.

— Пойдем, — устало сказала она, когда Ашур подошел к воротам.

— Куда пойдем? — Он повернулся и озабоченно посмотрел в сторону леса. — Не могу найти свою лошадь.

— Ты не найдешь ее в такой мгле, — заверила его Стужа. — Может, она сама объявится утром. А мне нужно поспать, но если эта крепость будет маячить перед глазами — я не усну. Так что пойдем обратно по тропе и отыщем местечко у обрыва.

Они шли пешком в сторону моря. Каждый звук — шорох листьев, хруст сломанной ветки — заставлял ее вздрагивать. Любая тень казалась ей еще одним трупом, явившимся по ее душу, любая ямка — еще одной могилой, готовой поглотить ее. И только когда они вышли на тропу у обрыва, она обнаружила, что все это время сжимала в руке обнаженный меч. Пусть это нелепо, но она решила — ничего страшного, если меч еще немного побудет в руке.

Когда стены отцовской крепости скрылись из виду за высокими деревьями, они остановились. Лес стоял сплошной стеной, и негде было разжечь костер, но Стужа равнодушно отнеслась к этому. Она воткнула меч в мягкую землю и уселась, прислонившись к старому стволу. Терлик сел рядом, Ашур остался спокойно стоять, как будто на страже.

Море Календи простиралось перед ними. Волны, одна за другой, накатывались на скалы внизу, наполняя ночь гулом, успокаивающим душу.

Но уснуть оказалось трудно. Вместо этого они разговаривали. Она рассказала ему о

Трех Артефактах и о том, какой силой они обладают. Объяснила, как Кел намерен использовать их, чтобы продлить жизнь ее матери. Что сейчас она еще не готова выступить против сына. По какой-то ей самой непонятной причине ей хотелось, чтобы мать получила возможность ожить.

— Я хочу позволить ему воспользоваться Артефактами, — настаивала она. — Клянусь, я не убивала мать, Терлик, но я привела в действие ту цепь событий, что заставила ее покончить с собой. Как я могу отказать ей в том, чтобы она снова жила?

— Это неестественно, — убеждал он, обхватив свои колени. — А как же те существа, что нападали на нас на кладбище? Они тоже заслужили право на вторую жизнь? Когда я увидел, как они лезут из своих могил, то подумал, что спятил. Просто окоченел. — Он прижался затылком к шероховатой коре и вздохнул. — Я и сейчас не уверен, что не потерял рассудок. Все это не может быть правдой.

Она положила руку ему на бедро.

— Это все правда, — мягко сказала она. — Не сомневайся. — Она ждала, что он ответит, но он только пристально смотрел на усыпанное звездами небо. Потом сплел свои пальцы с ее пальцами.

— Так странно, — прошептала она, опустив голову ему на плечо. — Реймут — моя мать. И говорит со мной тем же тоном, будто я все еще ребенок. А ведь сейчас она моложе меня, и мне почему-то завидно.

Он сжал ей руку. Они помолчали, затем Терлик неловко поерзал. Наконец он заговорил тихо и серьезно:

— Ты почти ничего не сказала о Келе.

Она отвернулась, ей вдруг стало холодно и неудобно. Лучше бы он перестал болтать, а просто обнял ее и не отпускал, согревая. Кости ныли, веки совсем отяжелели.

— Реймут сама была почти ребенок, когда родила меня, — услышала она свои слова, но прозвучали они глухо, сквозь сон.

Терлик неожиданно встал и подошел к краю обрыва. Стиснув за спиной кулаки, резко повернулся к ней лицом.

— Так как же Кел? — раздраженно спросил он. Затем снова уселся рядом и взял ее за плечи. — Скажи мне, Самидар, ради чего мы проделали весь этот путь?

Она оттолкнула его.

— Я не знаю! — сердито закричала она. — Не знаю. Я ничего не понимаю. Все так запуталось!

Она прижалась головой к коленям и обхватила себя, раскачиваясь взад-вперед, не решаясь посмотреть в глаза своему спутнику, не решаясь заглянуть внутрь себя — вдруг она увидит там ответы, которых ей не перенести.

— Может, Кел тоже заслуживает второй жизни, — выдавила она наконец. — Да, он безумен и опасен. И я знаю, какие преступления он совершил. — Она сглотнула комок, подступивший к горлу, и нашла в себе силы взглянуть на каменное лицо Терлика. — Но, может, если я останусь здесь, то мы вдвоем с матерью сможем помочь ему или найдем какой-то другой способ влиять на него. Моя мать тоже любит его, несмотря на то что он натворил. Он послушается ее.

Терлик не сводил с нее глаз, полных горечи и гнева. Не говоря ни слова, он повернулся к ней спиной и зашагал прочь.

Она крикнула ему вслед:

— Терлик, он же мой сын!

Ушел он недалеко. Устало прислонился к другому дереву, опустил голову ниже плеч, и Стужа услышала звук, похожий на тяжкий вздох. Так же молча он улегся на землю, плотно обернул вокруг себя плащ и пристроил голову на сгибе локтя.

Она умоляюще смотрела на его спину.

— Терлик, каждый человек заслуживает второй попытки!

Он не шевелился, просто лежал отвернувшись, — еще одна тень на земле.

Ему не понять, — повторяла она про себя, а звезды тем временем гасли на небе одна за другой. Постепенно утренний свет заливал море, придавая ему новый цвет, но Календи все так же, с глухим ревом, устремляло свои волны на скалы. Она снова бросила взгляд на широкую спину Терлика. Хотя солнце уже пробивалось сквозь листву, ей по-прежнему было зябко. — *Он не понимает, как это тяжело для матери. Да и откуда ему понять?*

Она видела, как он дышит во сне, как вздымается и опускается его грудь. Его дыхание как будто вторило ударам прибоя. Над морем стали кружить морские птицы, издавая зловещие, пронзительные крики. Она следила за ними, пока глаза едва не сомкнулись под невыносимой тяжестью век.

Что же мне делать? — тревожилась она, глядя в который раз на любимого. Красный плащ скрывал от нее его лицо. Она не хотела, чтобы ему было больно, пусть даже его молчание глубоко ранило ее.

Она откинулась спиной на дерево и закрыла глаза, даже не заметив, как сон окончательно сморил ее. Вздохнув, она сползла на землю и повернулась на бок.

Последняя мысль ее была о Терлике.

* * *

Она проснулась внезапно от дурного предчувствия. Солнце, прежде чем скрыться за край горизонта, окрасило Календи в оранжевый цвет. Она, оказывается, проспала весь день. Стужа медленно встала, недоумевая, почему Терлик не разбудил ее. Огляделась вокруг, позвала.

Его не было под деревом. Его нигде не было.

У нее неприятно засосало под ложечкой. Ашур тоже пропал, но когда она позвала его, единорог тут же появился из леса, продолжая жевать цветы. Она подошла к нему и запустила руку в эту густую гриву, погладила по мускулистой шее: в присутствии единорога ей было хотя бы чуть-чуть, но спокойнее, безопаснее. Ашур лизнул ее в ладонь и попытался потереться о плечо.

Но необъяснимый страх, словно острыми зубьями, продолжал терзать ее.

Она приблизилась к тому месту, где спал Терлик. Мшистая трава еще хранила след от его тела, но земля была холодной. Значит, он ушел уже давно. Она наклонилась, потом легла на это же место точно так же, как лежал он. Закрыла глаза и стала ждать.

Ее пронзил разнузданный, режущий звук, от которого мороз пробежал по коже. Она вскочила, потирая плечи, отчаянно ругаясь. От бешенства глаза ее застило красной пеленой.

Ошибки быть не может — здесь явно присутствуют следы колдовства Кела. Но что натворил ее сын на этот раз? И почему он выбрал только Терлика своей мишенью?

Она поспешно вскочила на Ашура, не имея времени, чтобы оседлать его. Кинула взгляд на горизонт. Солнце уже село, его последние лучи угасали.

Наступала ночь новолуния.

Она ударила единорога по бокам и помчалась по тропе вдоль обрыва, не задумываясь о вероломных поворотах и о том, что совсем близко край пропасти, отмахиваясь от веток, что целили ей в лицо. Крепость отца зловеще выростала из-за деревьев, и в сумерках, сгустившихся вокруг брустверов, таила в себе угрозу.

Стужа поняла, почему к ней вернулись ее магические способности, данные ей от рождения. Самоубийство матери, как кровавое жертвоприношение, привело в действие заклятие, которое отняло у дочери эти силы. Но когда Кел вернул Реймут к жизни, он тем самым отменил ее последнее проклятие, сам того не ведая. И получилось так, что Стужа вновь стала ведьмой. А теперь ее колдовские силы мощной песней звенели в ней, и песней этой была чистейшая, доведенная до белого каления ярость.

Она клялась Таку — богу ведьм, и Оркосу, что правит миром мертвых. Если хоть что-нибудь случилось с Терликом — все заплатят за это. Ничто не спасет Кела или Реймут. Родня они ей или нет — она вырвет их сердца!

У самых ворот крепости она осадилась Ашура и остановилась. В воздухе висел едкий запах, и это означало, что сын ее колдовал здесь. На тяжелых железных створах ворот Стужа увидела изощренную защиту против нее, — не зря же она была ведьмой. На воротах кровавым цветом высвечивались едва различимые очертания магического узора, заговоренного Келом, то и дело перемещаясь и видоизменяясь, — прикосновение к узору грозило смертью.

Жалкий дурак! Неужели он и в самом деле так самонадеян? Неужели он решил, что она подойдет к воротам и постучится?

Она подняла глаза к потемневшему небу, и рот ее приоткрылся в беззвучной песне. Откликаясь на зов, стали собираться тучи — темные, угрожающие. Рваная молния всколыхнула небо. Раскат грома сотряс деревья. Своей песней Стужа поднимала бурю, придавала ей форму и подчиняла своей воле. Ярким зубцом вспыхнула голубая молния. Стужа тряхнула кулаком — гром ей ответил.

Она вызвала ветер. Он пронесся сквозь лес, срывая листья с ветвей, кружа их в мощном потоке. Деревья гнулись под его напором, ветки трещали и падали на землю.

Ты слышишь это, Реймут? Вернув тебе твою жизнь, Кел вернул мне силы. Еще ребенком я знала — ты боишься моего волшебства. Оно давалось мне так легко. Ты была великой колдуньей, но тебе приходилось потеть, произнося все эти глупые заклинания над зельями, книгами или талисманами. Неужели ты думала, что я не понимаю, как ты завидовала мне? Вот почему ты избегала меня, но зато баловала брата. Ты настраивала его против меня, матушка. В его смерти ты виновата не меньше, чем я. — Стужа подняла обе руки, маленькие разряды молний обвились вокруг них, потрескивая. *— Ты была права, Реймут, когда боялась меня. У тебя так никогда не получалось!*

Она хлопнула руками. Оглушительный гром расколол ночь. Единственная молния фиолетово сверкнула, устремившись вниз из туч. Все старания Кела, его хитрые заговоры оказались никчемными. Ворота взорвались и раскрылись, остались дымиться только оплавленные петли.

Статуя ворона над разрушенными воротами закачалась и опрокинулась вниз. С громким треском она ударилась о землю, голова птицы укатилась на несколько шагов от туловища.

Стужа удержалась от проклятий. Поколения сменяли друг друга, а ворон — символ ее рода — все сидел над входом в крепость. Теперь он, разбитый, в качестве символа больше подходил для их семьи. Она отвернулась от него и остановила взгляд на трех силуэтах во внутреннем дворе.

Она направила Ашура мимо разрушенного тотема. Терлик даже не взглянул на нее. Вокруг него тускло мерцало колдовское облако. В одной руке он держал изумруд, Глаз Скраал. Казалось, все внимание его приковано к камню. В другой руке у него была незажженная Лампа Нугарила.

Расплавленное золото было разлито на земле в форме круга, в самом центре его стояла Реймут. Символы и знаки внутри круга были тоже из золота. Когда Стужа въехала через ворота, мать обернулась — отчаяние и гнев отразились на ее лице.

— Убирайся! — зло выкрикнула она и подняла руки, словно угрожая. — Ты не можешь нам помешать, только не сейчас!

Ее слов почти не было слышно из-за ветра, со свистом носившегося по двору. Он загасил факел в руках Кела, как раз когда тот наклонился вперед, собираясь зажечь Лампу Нугарила. Темные волосы развевались вокруг его лица. Он отшвырнул в сторону ставший ненужным факел и уставился на мать, зловеще сверкая молниями, отражавшимися в глазах. Голос его перекрыл шум бури.

— Заткнись, бабушка! — орал он на Реймут. — Прекрати махать руками, как дура. — Он отошел от круга и усмехнулся в сторону Стужи: — Я сам разберусь с этой сукой.

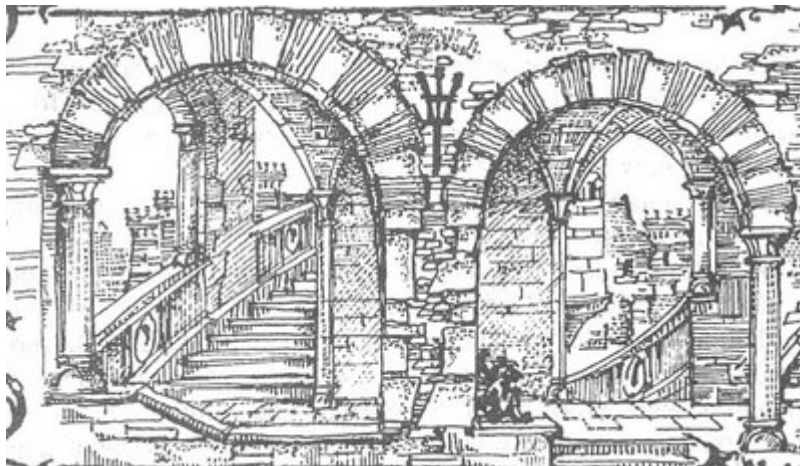
Стужа остановила Ашура и презрительно посмотрела на сына. Простое движение ее колен — и единорог пронзит его насквозь. Все закончится так быстро.

Но это было бы слишком легко.

Она указала на Терлика. Роларофец оставался безучастным ко всему, что произошло. Его беспомощный вид еще больше разозлил ее.

— Освободи его, Кел. — Голос прозвучал тихо, перекатываясь в горле, но она знала — он слышит. — Или, клянусь богами Озера Тартар, я сварю тебя заживо.

Глава 19

О боги, хочу я поспеть,
На лире себе подыграв,
Вам песни прекрасные спеть,
Почтив ваш изменчивый нрав.

И если я, боги, спою,
Понравятся ль песенки вам?
А вдруг я собьюсь,
А вдруг я запнусь,
За то получив по мозгам?

Ведь этих прекраснейших слов
Не слышал, о боги, никто.
Для вас, а не всяких ослов
Придумал я пение то.

Покуда последний куплет
Не грянет в безумной ночи,
И звездочек стройный балет
Не погаснет, как угли в печи,

И сердце мое не порвут
Те песни, что спел я для вас,
Ответьте мне, боги,
Не будьте же строги,
О боги, вы пуститесь в пляс?

Кел сжал кулаки, прижав их к бокам.

— Терлик теперь мой, Самидар, — вызывающе бросил он. — Пока ты пыталась настроить бабушку против меня, я заманил его в лес и наложил на него свой знак! — Его черты исказились, стали отталкивающими. Это не сын противостоял ей сейчас, а совершенно незнакомый ей человек. — Ты старалась отнять у меня Реймут, вместо этого я отнял у тебя

любовника.

Его рука скользнула за пазуху, под тунику. Стужа не знала, что он там прячет, и не стала выяснять. Хватит с нее его фокусов. Лишь усилием мысли она получила ветер и направила его на сына. Ветер отбросил его назад, он упал наземь, беспомощно задыхаясь и барахтаясь в грязи. Попытался встать, но ветер не давал ему сделать это, прижимая к земле.

— Ты уже много злодеяний совершил, Кел, — с горечью сказала она. — Если не освободишь — я все равно вырву его у тебя.

Раздался голос, перекрывая шум ветра.

— А как же я, доченька? — позвала Реймут. — У тебя достаточно сил, чтобы вырвать его у меня?

Прежде чем Стужа успела, что-либо предпринять, собственный ветер обернулся против нее самой, невидимой рукой смахнув ее со спины Ашура. Под неослабевающим напором она покатилась на землю, беспомощно кувыркаясь, словно игрушка.

Реймут пронзительно захохотала, и буря утратила свою направленность. Тяжело дыша, выбившись из сил, Стужа подняла голову и увидела, как Кел схватил один из камней, которыми был вымощен двор, и швырнул его в свою бабку.

— Говорил я тебе, не вмешивайся! — Кел потряс кулаком, когда Реймут увернулась от второго булыжника.

Стужа встала на ноги. Ей было почти жаль свою мать. Реймут слепа, она не придает значения безумию Кела, видит в нем лишь замену сына, которого когда-то потеряла, и связывает с внуком надежды на будущее своего рода. Даже теперь она не имеет истинного представления о помешательстве Кела. На лице ее отражается лишь обида и непонимание, почему он отказывается от помощи, и Стуже показалось, что Реймут так же безумна, как и ее внук.

Хотя какое ей теперь до этого дело. Сейчас Стужу больше всего беспокоил Терлик. Он совершенно неподвижен, безучастен, словно мертвец, которого поставили на ноги. Она вспомнила о трупах, с которыми дралась на кладбище, Кел поднял их из могил своим колдовством. Вот и Терлик теперь стал узником подобного колдовского заклятия, и будь проклята ее душа, если она уступит его Келу!

Она взмахнула рукой, и волшебные силы стали рваться наружу, чтобы действовать по ее воле. Вокруг Кела со всех сторон с земли поднялись булыжники, выстилавшие двор, и стали его избивать. Он вскрикнул от боли и неожиданности и закрыл руками лицо, защищаясь. Раздался громкий треск, слышимый сквозь бушующий ветер, и Кел пронзительно завопил. Он схватился за бока и опустился на колени.

Кровь текла у него из носа, из ран на лбу и разбитых губ. Один глаз опух и почти закрылся. Опираясь на руку, он бросил на нее взгляд, полный ненависти. Но избивание продолжалось. Один булыжник ударил его по спине, другой по щеке. Десятки камней и обломков вращались вокруг в неумолимом круговороте, медленно забивая его до смерти.

По спине Стужи пробежал холод, заставивший содрогнуться так, как никогда в жизни, внутренности выворачивало наружу. Она убивала своего сына, единственного ребенка, в котором текла кровь Кимона. Она подарила ему жизнь и вот теперь забирала ее обратно. Ее трясло, непрошенные слезы навернулись на глаза и ручьями потекли по лицу. Но она не сдавалась, и ее магическая сила продолжала свою страшную работу.

Вдруг она услышала монотонное бормотание. Оно становилось все громче и мощнее. Краем глаза Стужа увидела, что Реймут простерла руки. Кружившиеся вокруг Кела камни замедлили свое движение и стали падать на землю, и Стужа почувствовала, как колдовская сила матери острым лезвием оборвала ее собственную.

— Я не дам тебе расправиться с ним! — гневно крикнула Реймут. — Я тебе говорила! Я предупреждала тебя!

На этот раз Кел не возражал против ее помощи. Он лежал, не в силах подняться, все лицо его было в крови и грязи. Воспользовавшись тем, что его бабка отвлекла внимание Стужи, он полез за пазуху под, тунику и вытащил руку, стиснутую в кулак. Кровавый огонь

заиграл между его пальцев. Он указал кулаком на Терлика и пронзительно закричал:

— Убей ее! Убей бесчувственную шлюху! Действуй!

Слишком поздно Стужа вспомнила об амулете, с помощью которого Кел подчинил ее себе в Дакариаре. Осторожно, но быстро Терлик положил Глаз Скраали и Лампу Нугарил на землю. Затем с диким криком он выдернул меч из ножен и бросился на нее.

Минута нерешительности чуть не стоила ей жизни. В последнее мгновение она отступила в сторону, выставила ногу и повалила своего друга. Он перекатился, не выпуская оружия, и снова оказался на ногах. Плавным движением он развернулся, чтобы снова оказаться с ней лицом к лицу.

Она достала свой меч и лихорадочно огляделась вокруг, надеясь выгадать время, пытаясь придумать что-нибудь. Она заметила, как наблюдает за всем из середины круга Реймут. Неужели лицо ее матери выражало страх? Кел привстал на локте, он весь так и сиял от омерзительного ликования.

— Я же тебе сказал, матушка. — Он засмеялся, но тут же судорожно закашлялся и схватился за бока, не успев насладиться смехом. Голос его изменился от боли, но она все слышала. — Он теперь в моей власти и подчиняется моим приказам. — Кел снова захотел было засмеяться, но боль опять остановила его. На губах выступила кровь. — Для того чтобы освободить любовника, тебе придется убить меня, — наконец выдавил он. — Но для этого тебе надо убить его. Как тебе это нравится, матушка? Правда смешно?

Терлик обходил ее кругом, подбираясь поближе. Внезапно он сделал выпад, но вместо того, чтобы нанести колющий удар, его клинок взметнулся высоко, описав полукруг, и со свистом опустился вниз, целя в голову. Зазвенела сталь, посыпались голубые искры. Они сошлись еще пару раз, и Стужа отскочила назад. Терлик неуклонно следовал за ней. Широко раскрытые глаза его были пусты, но двигался он при этом с поразительной быстротой. Неожиданно острие его меча вспорол ей правый рукав, и она почувствовала, как по руке потекла теплая кровь.

Терлик совсем не давал ей времени думать. Она боялась использовать против него свои магические силы. Это ведь не Терлик нападал на нее, и ей не хотелось причинять ему вред. И в то же время нельзя больше драться, только защищаясь. Рано или поздно он серьезно ранит ее, и тогда все будет кончено. Она подставляла свой меч, отражая удары, и одновременно искала быстрый способ его остановить.

— Терлик! — закричала она прямо ему в лицо, когда он снова приблизился. Она отбила его удар, но роларофец врезался в нее и свалил с ног. Меч его воткнулся в землю ровно в том самом месте, где только что была ее голова, она едва успела откатиться в сторону и вскочить на ноги. — Это же Кел! Борись с ним! — Стужа отвела от себя почти неизбежный удар, метивший прямо в живот, и плюнула ему в глаза. Застигнутый врасплох, он отшатнулся, вытирая лицо. Она сильно пнула его в грудь в надежде сбить ему дыхание, чтобы успеть обернуться на сына, но друг ее был слишком проворен. Он схватил ее за ногу, резко дернул и повалил на спину.

Невидящие глаза Терлика никак не реагировали, когда она пронзительно звала его по имени. Гораздо красноречивее выглядел клинок, опускавшийся, чтобы отнять ее жизнь.

И в этот миг огромная черная тень с глазами, горящими ярким огнем, спасла ее. Ашур налетел на Терлика сбоку и столкнул его наземь. Меч выпал из разжавшейся руки. Роларофец не издавал ни звука, просто лежал не двигаясь.

Стуже показалось, что у нее вот-вот остановится сердце. Она возблагодарила богов, что единорог не применил свой острый рог, когда напал на него, что не вздыбился и не стал бить его своими смертоносными копытами. Но с какой силой Терлик ударился о землю! Такой удар мог оказаться смертельным для ее возлюбленного.

Терлик двинул ногой, и она чуть не засмеялась — так отлегло от сердца. Но рука его нащупывала булыжники в поисках выпавшего меча, и она поняла, что это еще не конец. Как только он встанет на ноги — все опять повторится.

Пока она не покончит с Келом.

Она вскочила на ноги и быстро пошла к сыну. Он был растерян и страшно напуган. Это даже принесло ей некоторое удовлетворение, и она, постукивая мечом плашмя по ладони, угрожающе приблизилась к нему.

— Ты никогда не любила меня! — завопил он.

Его слова на нее совсем не действовали. Перед ней всего лишь безумный, бешеный зверь, и ее долг — избавить его от страданий, прежде чем он заразит бешенством кого-нибудь еще.

— Ты любила всех, кроме меня! — Он громко хныкал. — Меня никогда! — Поднял кулак, в котором держал сверкающий ярко-красный талисман, и направил его силу на нее.

Он хотел лишить ее воли, как-то раз ему это удалось. Но тогда она не догадывалась о собственных возможностях. А сейчас ей стоило лишь мысленно повести плечом — и заклинание сына не достигло цели. Он приводил в действие магические силы талисмана, но они наталкивались на ее защиту, давая знать о себе только робкими покалываниями. Хоть сын и силен, но не настолько, чтобы поразить ее. Он напрягался изо всех сил, свечение вокруг его руки превратилось в красный огонь, но все напрасно.

Лезвие меча, острое как бритва, быстро промелькнуло в этом таинственном свете. Рука Кела шлепнулась на землю, пальцы, беспомощно державшие амулет, медленно разжались. Нечеловеческий вопль вырвался из глотки сына, он отшатнулся, скорчившись, и, не веря глазам своим, уставился на обрубок, из которого хлестала кровь.

Тотчас раздался еще один крик, заглушивший вопли Кела. Она узнала знакомый голос и вовремя обернулась на Ашура — он вздыбился и бил копытами, предупреждая ее. Глаза его неистово сверкали, подобно звездам.

Удар грома расколол небо, сотрясая все вокруг. Голубые, оранжевые молнии зигзагами вспыхивали по всему небу сквозь тучи, раздирая ткань ночи, наполняя воздух резким запахом гари.

— Отстань от него! — взревела Реймут. — Оставь моего внука!

Мать стремительно шла к ней, вид ее был ужасен. В глазах потрескивали, сверкая, молнии, длинные волосы развевались вокруг лица. Колдунья махнула кулаком, последовал еще один оглушительный удар.

Стужа мельком взглянула на Книгу Шакари, лежавшую в середине круга — там, где прежде стояла Реймут. Ветер, поднявшийся уже не по воле Стужи, перелистывал страницы книги, и она вспомнила о ритуале, которому помешала. Сегодня ночь новолуния, и в эту ночь заканчивается жизнь матери — та, что она получила без магии Артефактов.

Голос Реймут — мощный и гневный — перекрывал шум бури:

— Мне следовало убить тебя той темной ночью много лет назад. Но муки страдания по твоему отцу и брату ослепили меня тогда. Теперь ты готова лишить жизни собственного сына и обречь меня на смерть во второй раз. Ты чудовище, Самидар, настало время положить конец твоим злодеяниям!

Стужа задрожала от душевного волнения, ведь слова обвинения, которые она бросила в лицо Келу, вернулись к ней из уст матери, произнесенные с такой горечью. Но Реймут ошибалась, как ошибалась тогда, той далекой ночью.

— Не заставляй меня драться с тобой, матушка, — крикнула она, отбрасывая меч. — Ты не понимаешь. Ты никогда не понимала!

Реймут остановилась. Буря все еще бушевала по ее колдовской воле. На фоне пульсирующих молний, освещавших внутренний двор, мать выглядела впечатляюще. Она угрожающе подняла палец.

— Отойди от моего внука, — убедительно повторила она.

Стужа замешкалась, и вдруг ветер невероятной силы оттолкнул ее назад. Она оступилась, зацепилась ногой о камень и упала, больно стукнувшись головой. Это ее разозлило. Небольшим усилием она отвела от себя ветер и встала на ноги, чувствуя, как песня в ее душе разрастается в пугающую симфонию.

— Оставить его, чтобы он снова швырял в тебя камнями? — вопрошала она мать. —

Или чтобы он снова осквернил останки твоего мужа? А ты знаешь, что такое шимьер, Реймут? Это порабощенная душа, которую скрутили и превратили в нечто отвратительное, чудовищное! Вот что хотел сделать Кел с твоими любимыми мужем и сыном. В сущности, он, наверное, уже сделал это. И только боги знают, кого он подослал ко мне той ночью в лесу!

— Что бы он ни сделал — в нем все равно течет моя кровь, — упорствовала Реймут. — Он нашел меня и вернул к жизни. Он бы дал мне жизни еще, подлиннее, но ты помешала!

Вдруг камни поднялись в воздух и окружили Стужу, как это было с Келом. Они должны были побить ее, но она опередила их. Махнула рукой, и камни отвернули в сторону. Они со стуком посыпались на землю и остались там лежать.

— Ты слаба, матушка, — с издевкой бросила Стужа. — И совершенно лишена воображения. Ты повторяешь мои заклинания. Но ты всегда была слабой. Когда Кел велел тебе заткнуться, ты так и поступила. Он приказал тебе оставаться в круге, и ты подчинилась, пока не увидела, что он проигрывает. — Стужа накапливала в себе волшебную силу и исподволь начала брать в свои руки бразды правления над бушевавшим ветром. — Ты жалка, — продолжала она голосом, полным презрения. — Я любила отца, а ведь он точно так же относился к тебе. Хотя ты и была величайшей колдуньей Эсгари, но ты была его невольницей, такой же, как и все женщины Эсгари.

Обжигающая молния устремилась с небес вниз, но Стужа уловила движение матери и успела вовремя отскочить, перекатиться через плечо и снова встать на ноги. На том самом месте, где она стояла еще мгновение назад, теперь чернела небольшая ямка и догорали остатки бурьяна и диких кустов, пробивавшихся сквозь разбитую брусчатку.

— Ты лжешь! — закричала мать. — Мы с твоим отцом правили вместе и вместе охраняли северные границы от Роларофа. — Она махнула в сторону безвольной фигуры Терлика. — Какой стыд был бы для него увидеть, что ты связалась с таким ничтожеством!

Стужа сдерживала себя, прислушиваясь к буре, готовая встретить следующее нападение.

— Охраняла границы, говоришь? Но, черт побери, ты же заточила себя в тюрьму! Ты когда-нибудь задумывалась, матушка, что находится там, за этими границами? А там — целый мир, но ты по слабости своей боялась открыть его для себя. Ради своего колдовского знания ты пряталась за этими стенами, прикрывалась законами и традициями маленькой отсталой страны. — Она сплюнула в пыль. — Ты не стоишь той магии, которой обладаешь.

Взбешенная Реймут пронзительно закричала. Она подняла кулаки, затем резко опустила их в требовательном жесте.

Но молнии не откликнулись. Стужа уже владела всеми своими силами, высвобождая звучащую в ней музыку, и перехватила управление грозой.

— Да, ты слаба. Именно поэтому ты покончила с собой много лет тому назад!

Она отвернулась от матери и громко крикнула ветру. В ответ посыпался шквал молний, и часть крепости взлетела на воздух, взорвавшись со страшной силой.

— Нет! — Реймут в ужасе смотрела на разрушения. Она выкрикнула несколько слов, непонятных Стуже, и топнула ногой.

Земля стала вздыматься, подобно огромной волне, и Стужа упала, не сумев удержаться. Краем глаза она заметила Ашура. Единорог ревел, убегая от надвигавшейся волны, и исчез, завернув за старые казармы. Вздыбившаяся земля обрушилась на ветхое здание и разнесла его в щепки.

Стужа не знала, какое заклинание произнесла мать, но оно было мощным, обладало почти такой же разрушительной силой, как и ее молнии. Она отважилась посмотреть, где Кел и Терлик. Оба лежали неподвижно, не подавая признаков жизни. Может, мертвы?

— Ты называешь меня слабой? — рычала Реймут. — Я повидала ужасы девяти кругов ада. А ты смеешь говорить со мной о каком-то мире? — Она снова закричала что-то, и на этот раз Стужа узнала язык — древний эсгарианский диалект, на нем уже несколько столетий никто не говорил.

Трава и бурьян вдруг выстрелили вверх с невероятной скоростью и обхватили руки и ноги Стужи, обвились вокруг туловища, прежде чем она успела встать. Острые травинки впивались в тело, когда она пыталась вырваться, стебли стягивались вокруг горла, не давая дышать. Кровь стучала в ушах, легкие горели.

— Ты покойница, доченька, — с издевкой произнесла Реймут. — Встретимся снова лет через двадцать, если сможешь вернуться к этой жизни.

Но Стужа не собиралась сдаваться. Она рванула стебли, душившие ее, и вдохнула воздух. Одновременно по всему ее телу заплесало загадочное мерцание, оно высушивало переплетенную растительность, на глазах трава почернела, стала ломкой и рассыпалась от легкого движения плечами. Стужа, взбешенная, вскочила на ноги.

Реймут была уже наготове. Она наклонилась и начертила знак на земле, пока ее дочь не успела что-либо предпринять. Потом плюнула в самую середину своего рисунка и выкрикнула какое-то слово.

Земля под ногами Стужи превратилась в жидкую трясину. Она увязла в ней по щиколотку, затем липкий ил стал подниматься вокруг нее, образуя тяжелый разбухающий холм. Она едва успела зажать рот и нос ладонью, прежде чем грязь накроет ее с головой. Одежда стала сырой, и холод пробрал ее до костей. Слизь неумолимо просачивалась между пальцев и стремилась забить рот.

Стужа отчаянно глотнула остаток воздуха, сохранившийся еще между рук. Ил устремился в ноздри.

Тогда она открыла рот, но жижа в него не попала. Высокая, звенящая нота полилась из ее глотки, она оттолкнула от лица вязкую оболочку, создавая небольшое воздушное пространство. Однако дышать было нечем, и, пока она пела, боль обжигала грудь. Стужа расходовала воздух из легких очень медленно, изо всех сил стараясь удержать единственную ноту.

Пространство вокруг нее все увеличивалось. Постепенно вся грязь отлипла от тела, и образовался пузырь. Она с усилием надавила на оболочку, из открытых глаз пролились слезы, скопившиеся в уголках. Голос задрожал. У нее почти не осталось воздуха петь. Но она понимала, что если остановится — склизкий ил снова обрушится на нее и задушит.

Поскольку пузырь увеличился, его оболочка стала слегка прозрачной. Стужа разглядела свою мать на фоне сверкавших молний. Реймут лихорадочно произносила заклинание, зловещий свет плясал на ее лице. Она простирала руки, стремясь сломить сопротивление дочери, и всеми своими волшебными силами заставляла грязь снова осесть.

Стужа тоже простерла руки, как будто сдерживая оболочку пузыря. Высота звука песни внезапно возросла, все оставшиеся силы она вложила в пронзительную ноту.

Реймут закричала от злости и неожиданности, когда платье ее задралось и закрыло лицо. Ткань хлестала по глазам, толстые складки затыкали ей рот. Она неистово отбивалась от взбунтовавшейся ткани, а та все закручивалась вокруг нее, сжимаясь.

Реймут растерялась и утратила власть над своим заклятием. Лишившись колдовской энергии, придававшей ему форму, пузырь пролился на Стужу потоком грязи, не причиняя ни малейшего вреда. Сплевывая, она вытерла липкий ил с лица и глаз и вдохнула воздух измученными легкими.

Прочистив глаза, она увидела свою родительницу, совсем обнаженную. Обрывки одежды Реймут носило по двору порывами ветра. Мать снова принялась колдовать, но Стужа уверенно направилась к ней, неумолимо приближаясь.

— Я еще не покойница, Реймут, — ледяным голосом произнесла она, чувствуя, как музыка опять начала разрастаться в ней. — Ты многому научилась, пока была в аду, но я научилась еще большему, пока жила. Жизнь сделала меня сильной, матушка, — сильной, как сталь, даже еще сильнее.

Она взмахнула рукой, и твердая земля под ногами матери превратилась в неглубокую лужу крови. Реймут охнула и отскочила на сухие камни. Широко раскрытыми глазами она в ужасе смотрела на пятна крови, покрывшие ее нагое тело, позабыв о своем заклинании.

— Ты изгнала меня из родного дома. — Стужа бросала свои обвинения, с каждым шагом становясь все сильнее. — Ты отняла у меня магические силы и вытолкнула в мир пробивать дорогу мечом.

Неожиданно в глазах Реймут заблестел страх. Она начала новое заклинание и быстро наклонилась, чтобы начертить на земле другой знак. С криком отчаяния она отдернула руку: там, где палец ее коснулся земли, образовалась еще одна лужа крови.

— Я жила благодаря мечу, матушка! — закричала Стужа, давая волю своему гневу. — Я дралась и убивала. Я спала с мечом и заботилась о нем, холила и лелеяла его, потому что потерять его означало бы для меня смерть. Даже когда я думала, что наконец-то обрела мир, — я не решилась расстаться с ним. Я хранила его в сундуке у кровати.

Стужа потрясла поднятым кулаком. Небо ответило оглушительным ударом грома. Ветер завыл за стеной и пронесся по внутреннему двору. Полил пронизывающий дождь, смывая грязь с ее лица и одежды. А затем земля содрогнулась — две молнии, одна за другой, поразили синим огнем мощеный двор.

Впервые Реймут завизжала от страха. Она взметнула руку, защищая глаза от сверкающих вспышек и летящих осколков. Длинные волосы ее встали дыбом от невыносимого треска; шатаясь, она попятилась от дочери, из многочисленных ранок выступила кровь.

— Даже если бы твое колдовство оказалось сильнее моих магических способностей, ты бы не смогла победить меня. — Стужа притянула еще одну молнию, заставляя мать отступить еще дальше. — Это ты сделала меня такой сильной, матушка, тебе даже не представить, насколько сильной. У тебя этой силы нет. У тебя нет воли, чтобы по-настоящему сразиться со мной. Ты уже встречалась со смертью, и ты ее боишься.

Свои слова она подкрепила самым устрашающим образом. Шквал молний обрушился на дом ее предков, пробивая огромные черные дыры в стенах. Самая западная башня взорвалась, камни градом разлетелись во все стороны. Реймут снова завизжала и побежала к лестнице, но Стужа вызвала ветер — он поднял мать и отбросил ее назад. Гонимая бурей, колдунья покатилась, кувыркаясь вверх тормашками, ближе к главным воротам.

— Ты однажды встречалась со смертью, — повторила Стужа, перекрикивая все возрастающий шум. — А я встречалась с ней тысячи раз, и тысячи раз мне везло. Я уже не боюсь девяти кругов ада, вот почему я сильнее тебя!

Две молнии сшиблись друг с другом над их головами, словно мечи в бою, только вместо звона стали донесся глухой раскат грома.

— Самидар, не надо! — взмолилась Реймут. Мать ногтями впиалась в землю между выложенными камнями, пытаясь зацепиться, сопротивляясь неослабевающему урагану. — Прощу тебя, прекрати!

Сокровенная музыка, наполнившая самые потаенные уголки ее души, заставила Стужу трепетать. В ней клокотала волшебная сила. Ярость ее взбалтывала эту силу, и, опьяненная своим могуществом, она расхохоталась, глядя на беспомощное голое существо, стоявшее перед ней.

— А ведь эта ночь должна была стать твоей, — жестоко глумилась она над матерью, — ночь, когда ты могла бы получить настоящую жизнь. — Она посмотрела за крепостные ворота, куда Реймут был заказан путь. Некромантия Кела дала ей короткую жизнь и заточила ее в этом доме, и пока его магия поддерживала в ней жизненные силы, эти ворота и стены определяли границы ее мира. Она гнала свою мать к воротам. — Но вместо этого, — крикнула она, — сама Смерть опять придет за тобой!

Реймут подняла руку, моля о пощаде. Она просила, но слабый и тихий голос перекрывал ветер, толкавший ее навстречу гибели. В последней попытке спастись она сцепила бледные руки вокруг разбитой статуи ворона, когда-то возвышавшейся над воротами, но ее силы, конечно же, быстро иссякли. Кровоточащие пальцы разжались, и ее швырнуло за ворота.

В тот же миг она начала дряхлеть прямо на глазах. Кожа съежилась и обвисла. Гладкое,

прекрасное тело покрылось трещинами, глубокими морщинами и толстыми складками. Волосы поседели с поразительной быстротой. Блеск и величие сменились чахлой бледностью. Высокая, полная грудь мгновенно высохла.

Существо, бывшее прежде ее матерью, повалилось на землю. В последнем усилии приподнялась разлагающаяся голова и слезящимися глазами уставилась на нее. Рука дрожала в умоляющем жесте, и голос, продираясь сквозь налет времени, прошептал, обращаясь к ней.

Он произнес ее имя, и только, а потом замер.

Самидар.

Музыка в ее душе умолкла. Ветер затих, молнии прекратились. Дождь еще немного постучал по камням, а потом перестал. Тучи выжидающе перекатывались по небу.

Стужа задрожала от ужаса, не веря в то, что сотворила. Она ведь совсем не собиралась делать это — убивать свою мать во второй раз! Знакомое чувство вины снова нахлынуло на нее, вернулись все прежние кошмары и страхи. В отчаянии, кусая губы до крови, она проклинала себя и проклинала ту силу, что так неумоимо пульсировала в ней.

Немощные руки и ноги Реймут подернулись. Кажется, жизнь еще не покинула ее окончательно.

Рыдая, Стужа подбежала к матери, подхватила на руки хрупкое тело и внесла его назад через крепостные ворота. Остановилась и, прижав голову Реймут к груди, подождала. Из запекшихся губ не доносилось дыхания, хилая грудь оставалась неподвижной. Стужа прижалась лицом к твердой, запавшей щеке матери и стала качать ее, как ребенка.

— Матушка, — бормотала она, проливая слезы на безжизненные, пустые глаза. — Матушка!

Что-то сверкнуло впереди на земле. Стужа подняла голову и увидела круг из расплавленного золота, который Кел нанес на землю. После всех бурь и ураганов он чудесным образом остался нетронутым. Неподалеку от круга лежала Лампа Нугарила, но остальные Артефакты не попались ей на глаза.

Она взглянула на небо, выкрикивая ругательства, но вдруг снова закусила губу, задумавшись. Еще есть время. Утро пока не наступило. Правда, необходимо найти Глаз Скраал и Книгу Шакари. Но она заверила своих богов, что быстро справится с этим.

Воодушевленная новым решением, она поспешила отнести мать в круг, задержалась на мгновение, чтобы отвести назад пряди волос с застывшего лица. Большим и указательным пальцами она закрыла Реймут глаза, с невыносимой болью отмечая, какие они изумрудно-зеленые, совсем как у нее.

Книга нашлась легко. Она лежала на земле у подножия лестницы — раскрытая, корешком вверх. Несколько страниц загнулись, совсем немногие испачкались грязью. Каким-то образом, возможно благодаря своим волшебным свойствам, она совсем не пострадала от дождя.

Тем не менее, Глаза Скраал нигде не было видно. Стужа стала ползать по земле, как безумная, — она упорно искала драгоценный камень.

— Он мертв? — спросил ее слабый голос.

Она вздрогнула и обернулась. Терлик опирался на меч и разглядывал ее в изумлении. К своему стыду, она признала, что совсем позабыла о нем. Он повторил свой вопрос, и она оглянулась вокруг, чтобы посмотреть, где сын. Его неподвижное тело виднелось в темноте.

— Не знаю, — призналась она. — Думаю, что да.

Терлик направился было к Келу.

— Надо убедиться.

Она поймала его за руку:

— Нет, мне нужна твоя помощь. Если мы найдем изумруд, я смогу спасти свою мать.

Его брови взлетели.

— Спасти ее? Но какого дьявола?

Она выпустила его и отступила в гневе.

— Она уже умирала однажды из-за меня, будь ты проклят, и воспоминание об этом

преследовало меня полжизни. И я не позволю, чтобы все повторилось. — Она снова схватила его руку. — Помоги мне, Терлик. Как ты не понимаешь? Ведь это даст мне возможность искупить свою вину!

Он отнял свою руку и посмотрел через двор туда, где лежала Реймут.

— Она уже мертва, — сказал он. — Ты победила ее.

— Но на этот раз я спасу ее, — настаивала Стужа. — Я сама воспользуюсь Тремя Артефактами. У меня уже есть лампа и книга. Осталось найти камень.

Он был полон сомнений.

— А когда она очнется, что тогда? Ей наверняка захочется отомстить за Кела.

Она пожала плечами:

— Я должна это сделать. Пока мы сражались, я наговорила ей ужасных вещей, но я же знаю, что она, пусть по-своему, любила меня когда-то. — Она пристально посмотрела на мать, лежавшую в круге. Там, за воротами, она еще шевелилась, но теперь Реймут мертва, в этом нет сомнений. — Я тоже любила ее. После побега из Эсгарии мне было так одиноко, и я оплакивала ее. — Она заглянула в глаза роларофцу, умоляя понять. — Я должна спасти ее!

Терлик тяжело вздохнул:

— Что ж, давай найдем этот проклятый камень, покончим со всем этим и уберемся отсюда. Ноги моей больше не будет в Эсгарии — только тогда я умру счастливым человеком.

«Покинуть Эсгарию, — кольнула ее эта мысль, — оставить дом?» Удивительно, но, несмотря на горе и страдания, переполнявшие ее, в душе, оказывается, оставалось место для сожалений о подобной разлуке. И в тот же миг она поняла, что с Терликом поедет куда угодно — покинет Эсгарию, покинет место, где родилась, — в любое место, куда он только захочет. Еще вчера эта земля взывала к ней, завораживала, наполняя благоговейным трепетом. А сейчас больше всего на свете ей хотелось бы сбросить с себя эти давящие чары.

Она снопа начала искать Глаз Скраал.

— Если я окажусь неподалеку от него — почувствую, как он излучает энергию, — объяснила она своему другу. — Правда, сейчас темно; наверное, он закатился куда-нибудь. Ты поищи на той стороне двора.

Он вложил меч в ножны и отправился к разрушенным воротам, пригнувшись, чтобы лучше видеть землю. Она же медленно двигалась, приближаясь к телу сына, шаря глазами и прислушиваясь к своему чутью ведьмы. Земля сплошь была усыпана обломками, битым камнем и щебнем. Она боялась, что изумруд погребен под руинами.

Чуть поодаль, за разрушенными казармами, что-то пошевелилось. Она застыла на месте, медленно выпрямилась и увидела, как навстречу ей мчатся два пламенеющих пятна. В глубине души она обрадовалась при виде единорога, но ликовать не было сил, да и с матерью все было слишком плохо.

Ашур остановился рядом с телом Кела. Вдруг он зафыркал и стал бить копытом землю, вспыхивая глазами. С изумлением Стужа наблюдала, как единорог заносит свой черный рог и собирает вонзять его в тело сына.

В тот самый миг она закричала, а Кел откатился в сторону. Значит, живой! Но надолго ли? Ашур снова набросился на него, и опять Кел едва увернулся от блестевшего рога.

Стужа побежала к ним, отбросив все мысли о камне. Ашур навис над ее сыном, лицо Кела помертвело от ужаса. Он поднял обрубок правой руки, чтобы встретить следующий выпад единорога, страх сковал его перед лицом неминуемой гибели.

Она успела встать между ними. Серdito выкрикнула имя Ашура, когда он, вздыбившись, брыкался смертоносными копытами. Единорог взревел и заметался, чтобы не ранить ее. Он опустилсЯ сверху, задев передней ногой плечо, отчего у нее отнялась вся рука. От удара сбилось дыхание, она упала навзничь и приземлилась на колено сына. Его громкий крик зазвенел в ушах.

Следом раздался другой крик, еще громче, — ужасный и такой знакомый визг, он разодрал ночь пронзительным неистовством. Краем глаза она увидела, как к ней несется

Терлик, а Ашур делает несколько неровных шагов кругом. Помощи ждать не от кого, поняла она.

Жало Демона сверкнуло над ее головой — сын сжимал его в руке. Он глубоко вонзил его, и к безумной песне кинжала присоединился ее резкий крик.

Однако спустя мгновение кинжал умолк. Лезвие вошло между ребер, но Кел не попал в сердце. Стужа коротко вздохнула, преодолевая боль, сбила его руку с рукояти и откатилась от него прочь. Тяжело дыша, она с трудом поднялась на ноги, меч со свистом покинул ножны. Она занесла его для смертельного удара.

Ради этого она пришла сюда. Теперь Кел заплатит за убийство своего отца и брата. Кимон и Кириги, отомщенные, обретут покой. И сколько еще тех, чьи души успокоятся со смертью Кела? И сколько людей, мужчин и женщин, сколько королевств отныне будут в безопасности?

Но рука ее отказывалась наносить удар. Она взялась за меч обеими руками, но все равно не могла опустить лезвие. Пальцы, удерживавшие оружие, хрустели от напряжения. Мускулы дрожали. Меч навис над головой Кела, готовый для последнего удара, но она не могла заставить себя сделать это.

И дело здесь вовсе не в колдовстве Кела, в данном случае — нет. Он в страхе сжался в комок у ее ног — совершенно беспомощный, обреченный. Совсем не чья-то магия остановила ее руку. Просто она знала, что это ее сын.

Не сразу, но до Кела дошло, что она не решается. Он усмехнулся, втянул щеки и сплюнул на уцелевшую руку пропавший Глаз Скраал.

Бешенство горячей волной обожгло ее. Он все это время держал у себя камень и притворялся мертвым, выжидая, что рано или поздно излучения изумруда заставят Стужу подойти к нему близко и он достанет ее Жалом Демона. Как же он, выходит, ненавидит ее!

И как же она ненавидит его. Ненавидит и в то же время любит — два лезвия одного и того же клинка.

Терлик подбежал к Келу и остановился позади него. Его холодный взгляд на мгновение встретился с ее глазами, и он все понял — она не может. Тогда он сам замахнулся мечом молниеносным круговым движением, глядя на племянника с бесстрастной решимостью, видя перед собой лишь дьявола.

Стужа выпустила малую толику своих волшебных сил и остановила его. Меч застыл у самой шеи — Кел был на волосок от смерти.

— Отпусти меня, Самидар! — с горечью выкрикнул роларофец. — Мне надоело, что все только и делают, что управляют мною. Ты же знаешь, что он колдун. И ты знаешь, что должно свершиться!

Она неясно различала его слова. Жало Демона начал воздействовать своей дьявольской силой. Он не задел сердце, но вкусил ее крови, и это на мгновение утешило его. Но голод кинжала был ненасытным, он пожирал ее изнутри, отнимая жизнь.

Она заглянула в свою душу, выпустила из нее волшебную силу, чтобы противостоять силе кинжала. Жало Демона отступило, но вряд ли ей удастся сдерживать его долго.

Выражение страха покинуло лицо Кела. Его губы уродливо скривились в подобие улыбки, взгляд исподлобья ликовал и обвинял одновременно.

— Она не может меня убить, — заявил он, обращаясь к Терлику. — Она же моя мать. Она очень любит меня. — Он язвительно выпячивал губы, произнося каждое слово с издевкой и насмешкой. — Скажи, как сильно ты меня любишь, матушка. — Он сложил губы в поцелуй, захлопал ресницами и выставил свой кровотокающий обрубок.

Меч выпал из ее рук и, воткнувшись в землю, закачался. Стужа ничего не сказала, просто опустилась на колени. Когда она склонилась к сыну, страх вдруг снова вернулся к нему. Кел захотел отползти, но она ухватила его за тунуку и потянула. Запустила руку ему в волосы и придвинула его лицо к своему. Он слабо сопротивлялся, пытаясь ее оттолкнуть, но сил уже не хватало — слишком много крови он потерял.

— Нет, — прохрипел он и потянулся к Жалу Демона, который так и торчал у нее между

ребер. Она перехватила его руку и заставила опустить ее. — Не надо...

— Не сопротивляйся, — настойчиво шептала она. — Не упорствуй. — Она зажала его лицо между ладоней, не обращая внимания на хныканье. Эти полные ужаса глаза, какие же они зеленые — совсем как у нее и у Реймут. В самом деле, он сын своей матери.

Она вынудила его посмотреть ей в глаза. На миг он перестал дрожать, но страх так и не отпустил его.

— Я люблю тебя, Кел, — сказала она, повторяя снова и снова.

Еще раз Стужа призвала свое волшебство. Оно отозвалось дикой музыкой. Она упорядочила ее, соединяя воедино нестройные и гармоничные звуки, превращая их в ослепляющие стрелы. Выпустила всю свою сверхъестественную ярость в единственного, плоть от плоти своей, ребенка.

Вокруг них вспыхнул свет и погас, они так и остались сидеть на земле в темноте — мать и ее дитя.

— Я люблю тебя, сын, — шептала она.

Глава 20

Стужа выпустила из рук сына, тяжело осела на правый бок и удержалась на локте, охнув от боли. Из уголка рта выступила струйка темной крови. Пальцами левой руки она ощупала рукоять Жала Демона, выступавшую прямо под грудью. Она была влажной и липкой. Как и туника. Теплая жидкость стекала вниз по ребрам.

И вновь сила кинжала дала о себе знать, его приглушенные завывания зазвучали в голове. Губы ее разомкнулись, чтобы вторить ему. «Еще рано, молчи», — приказала она себе. Крепко сжала губы, не поддаваясь проклятию кинжала, заставлявшего ее кричать.

Терлик опустился рядом с ней. Он взялся за торчавшую рукоять и собрался вытащить кинжал, но она остановила его.

— Ножны, — она кивком показала на Кела. — Они у него. Принеси их сюда.

Он с подозрением посмотрел на своего племянника. Кел так и не шевелился с тех пор, как Стужа отпустила его. Он сидел, широко раскинув ноги, руки безвольно свисали вдоль тела. Он бессмысленно таращил глаза, как малый ребенок.

Отстегивая пояс с ножами с талии Кела, Терлик поморщил нос.

— Он весь обмочился, — брезгливо отвернулся от него роларофец. — Что ты с ним сделала?

Она тяжело дышала. Снова выступила кровь изо рта, и она утерла ее тыльной стороной руки.

— Я не смогла убить его, Терлик. — Она вцепилась в его рукав и попыталась подтянуться, чтобы встать, но он снова усадил ее на землю. — Своим волшебством я проникла в его разум и уничтожила его. Все, что он знал и умел, все, что составляло его сущность или могло составить в будущем, — все это исчезло. — Она вдохнула через силу и

пристально посмотрела на сына. — Он был таким милым ребенком, когда родился. И теперь до конца жизни он останется таким же ребенком.

Терлик нервно сглотнул. Сжал рукоять Жала Демона.

— Я должен извлечь его из тебя, — стиснув зубы, произнес он. Помедлил и выдернул.

Лезвие оцарапало кость, и нестерпимая, слепящая боль вынудила сделать то, чего не мог от нее добиться Жало Демона. Она откинула голову и пронзительно закричала. Терлик держал кинжал острием вверх и со страхом взирал, как черная кровь стекает по лезвию на рукоять и капает ему на руку.

— Спрячь его в ножны, — выдохнула она. — Быстрее, пока он не привел в действие свою силу.

Он поступил как она ему велела — резко сунул кинжал в серебряные ножны. Она вырвала кинжал из его рук, кое-как привстала и нацепила его на себя — Терлик не успел ее остановить. Только выругался, оторвал кусок ткани от своего рукава, сунул его ей под одежду и прижал к ране. От его прикосновения она поморщилась, но и вздохнула с облегчением.

Она победила Жало Демона. Его дьявольская сила проникла в нее, однако Стужа сумела отвернуть ее в сторону и спасти свою душу. Но тело пострадало значительно. Кровь из раны лилась сквозь жесткую ткань, которую приложил Терлик, солоноватый привкус стоял во рту. Трудно было дышать в полную грудь.

Между ног Кела, в пыли, сверкнул Глаз Скраал. Не говоря ни слова, она указала на него. Терлик подобрал камень и вложил ей в руку.

Слабым голосом она вымолвила:

— Моя мать — я должна завершить заклинание.

Она захотела встать, но друг не пустил ее, обхватив руками.

— Ты слишком серьезно ранена. — Он нежно поцеловал ее в лоб. — О тебе мы должны сейчас беспокоиться.

— Нет, — она стояла на своем, отталкивая его руки, — я тебе уже сказала, что мне нужно. Лучше помоги встать.

Он грустно посмотрел на нее и затем легко поднял ее на руки.

— Я сама могу идти, — уверила она, но он все равно отнес ее в середину круга из золота.

— Скажи, что надо делать, — попросил он, опуская ее на землю. — Я все сделаю. А ты не двигайся.

Она оперлась на руку.

— Сперва принеси Кела тоже в круг.

Он поспешил исполнить это пожелание и принести ее сына с другого конца двора. Усадил племянника с противоположной стороны рисунка. Кел уставился на свои растопыренные пальцы, по подбородку стекала слюна.

— Теперь принеси мне книгу. — Подождала, пока книга не появилась перед ней на земле. — А теперь лампу.

Он ее тоже принес, двигаясь как можно проворней.

На этот раз песня, которую она позвала из души, была еле слышна, аккорды звучали несвязно и сдержанно. Но она простерла руку, и на ладони ее голубым светом вспыхнул крошечный огонек.

— Будь рядом со мной, — велела она Терлику, — что бы ты ни увидел.

Она поднесла огонек к Лампе Нугарила.

Вырвался красный свет — неестественно яркий. Он не давал тепла. Напротив, воздух, как ни странно, стал холодным и зябким. По ту сторону круга повсюду возникали ожившие тени, они жили своей таинственной жизнью. Они плясали и скакали, стягиваясь к кругу. Они кружились и вращались — адские призраки, бесплотные, беззвучные.

Стужа знала, Нугарил — злобное божество и эти тени вызваны им. От них исходила такая мерзость, что ее передернуло. Благодарение богам добра — золото круга не пускало

порождения тьмы вовнутрь.

— Мне следовало бы привыкнуть к подобным вещам, ведь я уже столько времени с тобой, — пробормотал Терлик, опускаясь на колени рядом с ней. Но по его тону было ясно — он так и не привык к миру магии и вряд ли привыкнет когда-нибудь.

Громкий клич Ашура заставил ее резко обернуться, и она закусил губу от нестерпимой боли в боку. Выругала себя. Как она могла забыть о нем? Призраки налетали на единорога, тот мучительно ревел, и голос его раздирал душу сильнее Жала Демона.

Она встала на ноги, шатаясь и задыхаясь от усилия, позвала единорога по имени. Сомнения мучили ее. Ашур — существо реальное, из плоти и крови, но он также волшебное существо. Сможет ли он преодолеть защиту круга? Он понесся к ней, тени погнались за ним.

Непостижимые глаза единорога вспыхнули, оставляя за собой в воздухе шлейфы пламени; он перепрыгнул через золотые линии и приземлился в круге как вкопанный, из-под копыт взметнулась пыль, и обломки камней посыпались на неподвижное тело Реймут. Стужа обняла Ашура за шею, прижалась к нему. Он ткнулся носом в ее руку и лизнул ее.

Боль в боку снова обожгла ее, и во рту появился вкус крови. Она еще раз погладила единорога и опустила вниз, к Книге Шакари. По ее указанию Терлик взял в руки лампу и изумруд.

— Держи их над матерью. Свети на камень — вот так. — Она показала, как надо вращать Глаз Скраал между большим и указательным пальцами. Свет, отраженный изумрудом, преломлялся в крошечные сверкающие лучики. — Как только начнем, останавливаться уже будет нельзя. Возможно, это продлится долго.

Он помолчал, с тревогой вглядываясь в ее глаза.

— Как ты? — спросил он. Махнул рукой в сторону неподвижно лежавшего тела ее матери: — Мне не хотелось бы возвращать ее в этот мир только затем, чтобы потерять тебя.

Она кивнула, выдавила улыбку и погладила его по щеке.

— Давай завершим начатое, а после — я твоя и делай со мной что хочешь. — Она подмигнула, изо всех сил стараясь выглядеть убедительно.

Он не поверил, но придвинулся к Реймут.

В глазах Стужи потемнело, она зажмурилась. Привкус крови стал сильным, как никогда. Мгновенный, беспричинный страх закрался в душу, но она подавила его.

Заклинание с Тремя Артефактами обладало собственной магией. Для этого ритуала не требовалось участия ее волшебных сил. Поэтому она сосредоточилась на том, чтобы замедлить кровотечение, притупить боль.

Терлик поднял изумруд и лампу. Он начал вращать камень, и изумительной красоты искорки осветили сморщенное лицо Реймут.

За пределами круга плясали призрачные тени — их притягивало пламя Нугарила и останавливал золотой круг. Она смотрела на них, собираясь с духом. «Они живут, хотя и не должны, — размышляла она, — недостойные жизни, не заслужившие ее».

Взглянула на свою мать. В последний миг перед смертью Реймут произнесла ее имя.

Взяла в руки Книгу Шакари. Света Лампы Нугарила хватало, чтобы читать. Раскрыла первую страницу. Текст написан на древнем кондитском языке — этот язык сам по себе источал особую магию.

Старые страницы переворачивались с шумом и треском. Она читала вслух древние поэмы и заговоры нараспев, как, наверное, делали это жрецы Кондоса.

Артефакты таят в себе три божественные силы, правящие мирозданием: свет, тьму и нечто среднее, что является ни тем, ни другим. Мудрость Шакари ведет за собой силы света. Нугарил — уступающий по значению, но мстительный бог тьмы. Богиня Скраал являет собой нейтральную сущность, что поддерживает равновесие между добром и злом. Жизнь, гласила книга, не есть проявление чего-то одного или другого, она — триединство всех влияний.

Стужа прервалась ненадолго, чтобы взглянуть на небо. Безмятежно мерцали звезды. Краски утра еще не тронули небеса. «Сколько осталось времени, — гадала она, — сколько

осталось?»

Она продолжила читать, с каждой страницей понимая все меньше и меньше. Но это не важно. Она знала строй языка, его звучание. Сами слова обладали могуществом.

Внезапно она закашлялась. Согнулась пополам и сплюнула кровь. Боль пронзила ее, и она зажала бок, пораженная. Оказывается, даже ее волшебства недостаточно, чтобы заглушить возрастающую боль. Она заскрежетала зубами и подняла голову. Терлик готов был кинуться к ней, но заставил себя остаться на месте. Его мучила тревога, бледное лицо причудливо высвечивалось теми же блестками, что опускались на Реймут. Стужа робко улыбнулась ему через силу и стала читать.

Вдруг Терлик вскрикнул, перебивая ее. Она не остановилась, но бросила взгляд поверх края книги, распевая слова как можно громче.

Черты Реймут стали неясными, но затем обрели свой прежний вид, и лицо ее сделалось молодым. Тело налилось, руки и ноги окрепли. Длинные редкие волосенки, раскинутые по земле, превратились в пышную темную копну волос.

Когда мать приподняла грудь в первом вздохе, радость переполнила Стужу. Дочитав последнюю страницу, она закрыла Книгу Шакари. Фолиант выскользнул из ее рук и упал в грязь.

Терлик отложил в сторону лампу и изумруд. Подошел к ней и заключил в свои объятия. Его тепло согревало, прикосновение было приятным.

— Твоя мать жива, — сказал он ей на ухо. — Ты вернула ее к жизни.

Она пристроилась к его плечу, всей тяжестью своего тела оперлась на него. Она не взывала к своей волшебной силе, но боль все равно отпустила и стала стихать.

— Она жива, а значит, я, возможно, хотя бы немного искупила самый отвратительный грех своей молодости. — Стужа прикрыла глаза и задрожала, освобождаясь от тяжелой ноши.

— Почему она не шевелится? — спросил Терлик.

Стужа потерла тыльную сторону его руки и соединила свои пальцы с его пальцами.

— Огромная пропасть разделяет жизнь и смерть, — объяснила она, — преодолеть ее очень тяжело. После такого пути душе нужен отдых. Она скоро проснется. — Стужа попыталась высмотреть сына из-за плеча Терлика. — Ей придется позаботиться о Келе.

В это мгновение силы покинули ее. Она закашляла, и кровь заструилась по подбородку. Слабеющей рукой она полезла под тунику и извлекла тряпку, закрывавшую рану. Мокрую насквозь и совершенно бесполезную.

Терлик сжал ее крепче, и она поняла, что он плачет. Слезы его текли, а она вслушивалась в себя, пытаясь расслышать хотя бы малейший звук, означавший, что в ней еще жива магическая сила. Но в душе ее было пугающе тихо.

Она дотронулась до рукояти кинжала, висевшего на боку.

— И все-таки Жало Демона одержал надо мною верх, — прошептала она. Перевела взгляд за пределы круга. Воздух шевелился от неистово пляшущих теней. Они как будто насмехались над ней, кичась своей живучестью. — Загаси лампу, — попросила она Терлика. — Хочу полежать рядом с тобой, и чтобы проклятые твари на нас не глазели.

— А ты закрой глаза, и они исчезнут, — уговаривал он, прижимаясь к ней щекой. — Мне до лампы не дотянуться. А я не хочу выпускать тебя из рук. — Его слезы капали ей на лицо. Они катились не переставая — обильные, обжигающие. — Не оставляй меня, Самидар.

Она повернула голову из стороны в сторону:

— Где Ашур? Подвинь меня так, чтобы я его видела.

Он сделал, как она просила. Несмотря на все его предосторожности, малейшее движение причиняло ей муки, она не удержалась от крика и схватилась за рану. В глазах потемнело, но когда взор прояснился, она увидела перед собой единорога.

Она потянулась к нему дрожащей рукой. Ашур наклонил голову и лизнул ей пальцы, как часто делал раньше. Его огромный рог качнулся у лица, и она провела ладонью по всей блестящей поверхности. Глаза его сияли подобно звездам, их выпуклые узкие поверхности мерцали.

— Иди, мой добрый друг. — Ее слова были еле слышны. — Беги туда, где ты жил все те долгие годы, когда я не знала, что ты мне нужен. — Веки слипались, она с усилием открыла глаза. — Хотя ты всегда был мне нужен. Ты — моя мечта, мой единорог, а нам всем нужна мечта. — Ашур опустил голову еще ниже, и она погладила его по густой гриве. — Беги, — повторила она, — и каждый, у кого есть мечта, будет стремиться к тебе.

Но Ашур все продолжал ласкаться, тыча в нее носом и облизывая. Она отняла руку и вцепилась в рукав Терлика.

— Отгони его, — взмолилась она. — Заставь его бежать. Мне хочется видеть, как он бежит.

Но Терлик покачал головой:

— Тени-призраки все еще там, за кругом.

— Тогда погаси лампу, и тени умрут.

Он не захотел от нее отходить.

— Мне понадобится лампа, — медленно произнес он. — Если ты покинешь меня, Самидар, я верну тебя назад.

Сердце ее сжалось, слезы брызнули из глаз, но вовсе не боль была тому причиной. Боги, она не хочет покидать его. Какое счастье было бы состариться рядом с ним, дни и ночи проводить в его объятиях. Ей вдруг страстно захотелось увидеть принадлежавший ему дворец в Роларофе и назвать его своим домом.

Но этому не суждено сбыться.

Кончиками пальцев она легонько провела по его губам:

— Ты умеешь читать по-древнекондитски?

Выражение его лица говорило само за себя. Он обнял ее крепче прежнего и разразился рыданиями.

— Я умею.

Она почувствовала, как Терлик обернулся, но последовать его примеру у нее не осталось сил. И все же она узнала голос матери. Реймут показала ей на глаза — все такая же обнаженная и прекрасная, по-прежнему моложе своей дочери. В руке она держала Глаз Скраал.

— Ты пощадила меня, Самидар, и пощадила своего сына.

Стужа хотела покачать головой. Она подняла глаза на свою мать, желая разглядеть лицо, но черты расплывались.

— Он изменился... — Она замолчала. Слова отнимали слишком много сил. Она вздохнула и обвела взглядом круг. Кела она не увидела.

— Мы все изменились, — ответила Реймут.

Терлик заговорил, внезапно обретя надежду:

— Ты же колдунья. Можешь спасти ее?

Реймут опустила на колени и взяла дочь за руку.

— Рана слишком глубока. — Губы матери мрачно сжались. Подобрав Книгу Шакари с земли, она сдула налипшую грязь с переплета. — Но у нас есть Три Артефакта.

Лучик надежды блеснул для Стужи, но тут же погас. Скоро утро, ночь новолуния вот-вот закончится. Она сжала руку матери и прижала ее к себе.

— Произнеси мое имя снова, — попросила она. — Мое настоящее имя. — Она внимательно следила, как губы Реймут выговаривали это слово. Оно прозвучало даже слаще и мелодичней той волшебной музыки, что когда-то наполняла ее душу.

Взгляд ее обратился к небу. По-прежнему ничто не предвещало рассвета, но она знала — он скоро настанет. «Если бы только осталось время, — с грустью подумала она. — Если бы оставалось побольше времени».

Дыхание Терлика легкое, как перышко, он шепчет ей что-то на ухо. Или это не голос роларофца она слышит, а Кимона и Кириги. Слова долетают до нее из зияющей пустоты. «Не волнуйся, — хором внушают ей голоса, — не бойся».

Она долго не отпускает от себя эти голоса, находя в них утешение. Ей не страшно. Если

останется жива, то у нее есть Терлик, чтобы любить его. Если нет — Кимон и Кириги ждут ее.

Она взглянула на небо, и слабая улыбка тронула ее губы. Протянула руку к Ашуру, чтобы еще раз прикоснуться к единорогу, который был всего лишь мечтой. Ее мечтой. В навалившейся темноте только его глаза продолжали светиться.

Опять слышались голоса, но она не различала слов, и, кажется, это уже не имело значения. Жизнь ее угасала. «Настало время? — гадала она. — А может, все-таки еще есть надежда?»

Последняя песня прошелестела по пустынным закоулкам ее души, и она закрыла глаза. Вздохнула и отошла ко сну, готовая с благодарностью принять тот мир, в котором проснется.

Кто сердцем праведен и чист,
Свое желанье загадай —
Звезда упавшая чертит
Свой светлый путь из края в край.
В дуге горячей улови
Бурлящей крови звучный ток.
В душе, исполненной любви,
Таится голоса исток.
О ангел, падшая звезда,
В ночи ты дома навсегда.